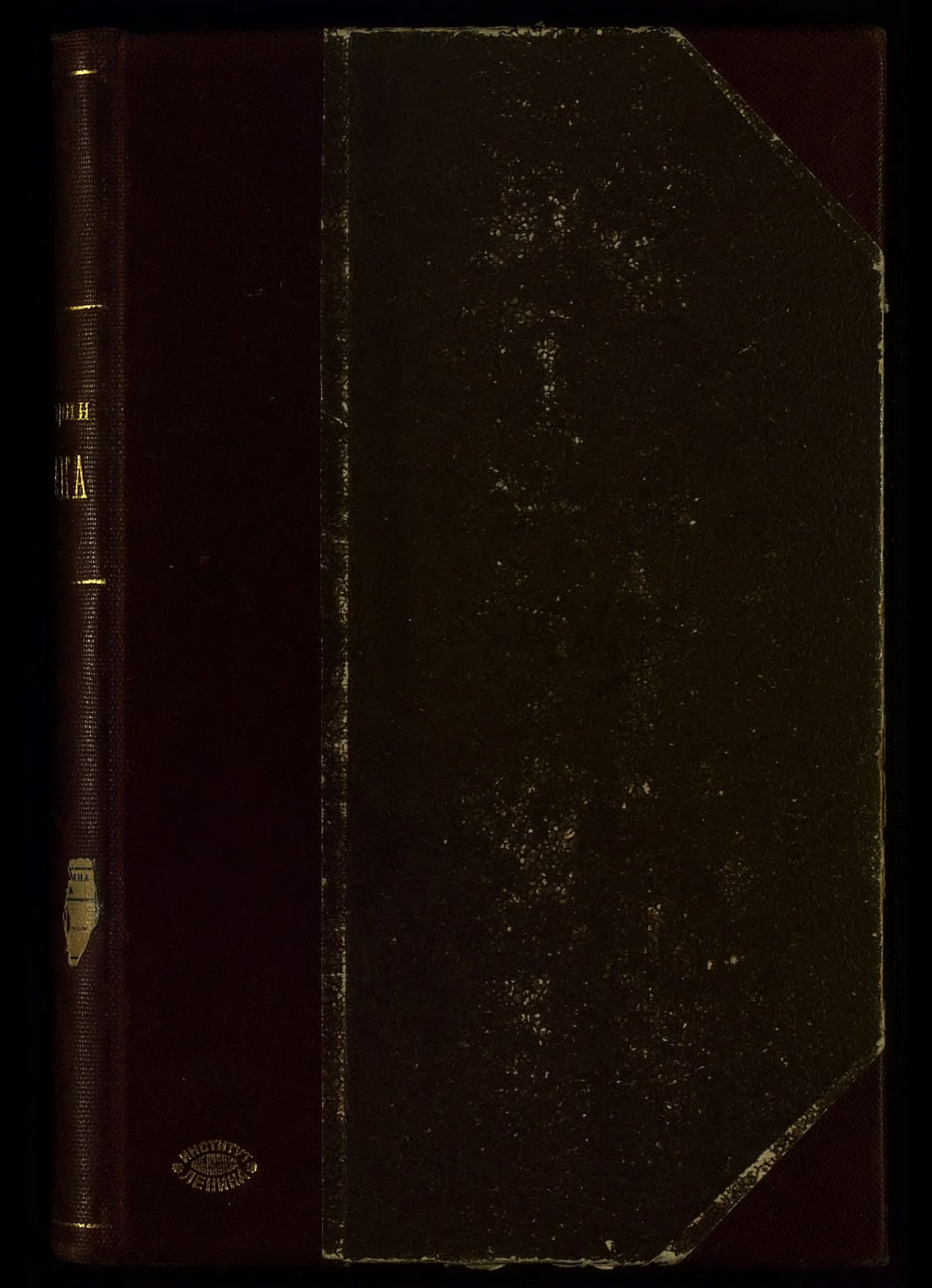
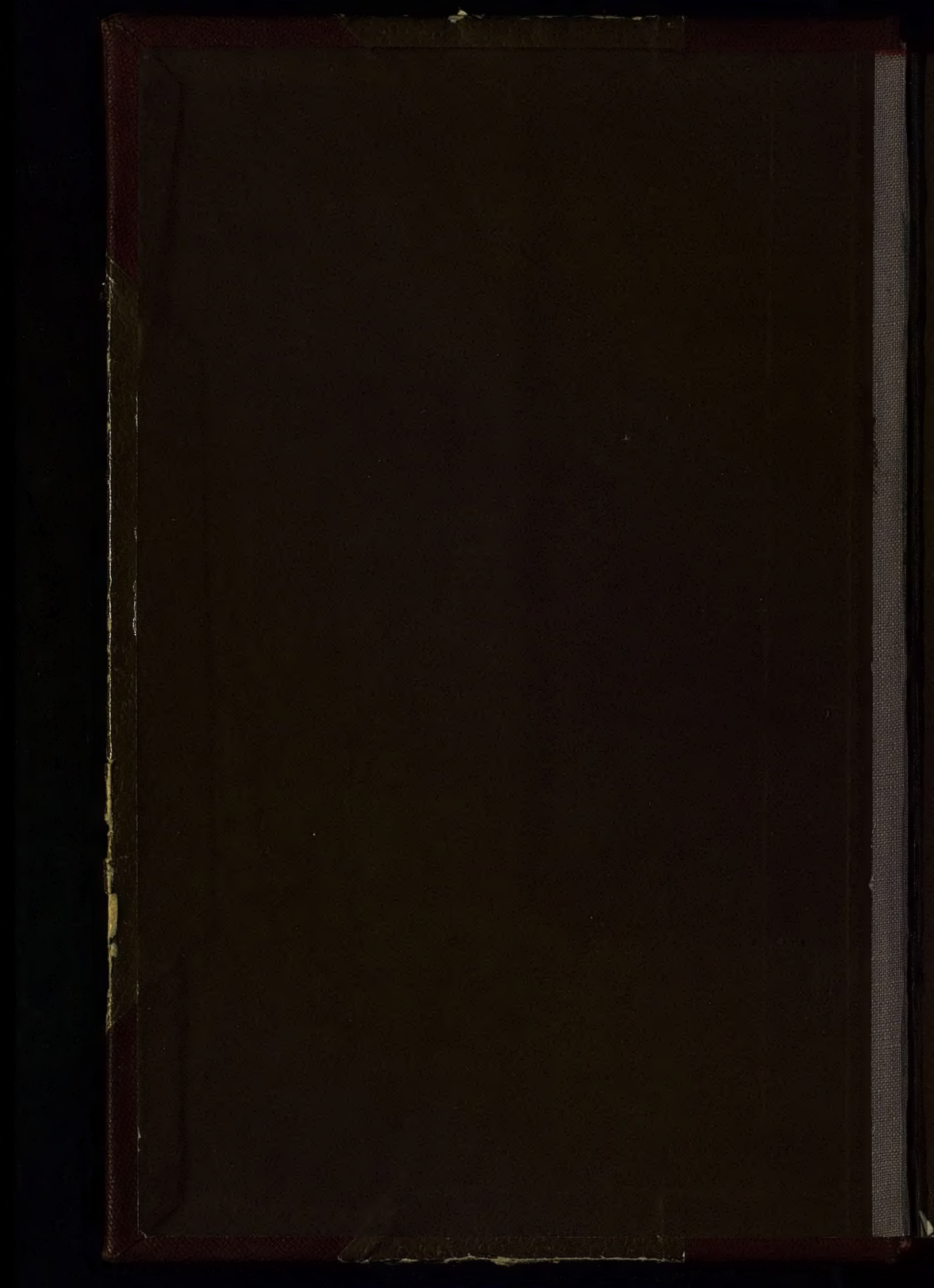

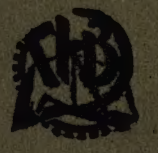
рин
ИНА

Н. БУХАРИН

АТАКА

СБОРНИК
ТЕОРЕТИЧЕСКИХ СТАТЕЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

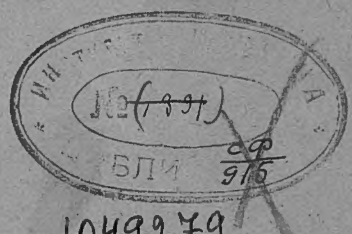
Н. БУХАРИН

АТАКА

СБОРНИК
ТЕОРЕТИЧЕСКИХ СТАТЕЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1924 г.

Гиз. № 7256. Главлит. № 22192. Москва. Напеч. 10 000 экз.

Госиздат. 1-я Образцовая тип., Москва, Пятницкая, 71.

Дорогому другу и товарищу

Марии Ильиничне

Содержание.

Предисловие.

В настоящий сборник входят некоторые мои работы, главным образом, полемического характера, которые, как мне кажется, представляют и сейчас известный теоретический интерес. Почти все они печатались в свое время в русских марксистских журналах, в первую очередь — «Просвещении»; статья *о теории распределения Туган-Барановского* была напечатана в «Neue Zeit», и только критическая работа против проф. *Оппенгеймера*, написанная для этого же журнала, появляется впервые (она затерялась в начале войны, недавно лишь нашлась и была переслана мне из Германии при любезном содействии корреспондента «Правды», тов. Гаммы). Особняком стоят мой реферат о тов. *Ленине*, критические удары которого помогали и мне преодолевать свои собственные теоретические недостатки, а также «*Проект программы Коммунистического Интернационала*».

Н. Бухарин.

Горки
Май 1924 г.

ТЕОРИЯ СУБ'ЕКТИВНОЙ ЦЕННОСТИ БЕМ-БАВЕРКА [1]).

Попытки критики этой теории в большинстве случаев так слабы, что не заслуживают серьезного опровержения.

М. Туган-Барановский.

«На чем стоит земля?» — «На китах».—«А киты?»—«На воде».— «А вода?»—«На земле».

Из анекдота.

«Текущий момент» российской действительности характеризуется, между прочим, тем, что прогрессивная буржуазия с необыкновенной поспешностью стремится создать свою, сколько-нибудь целостную идеологию. Если раньше, в 90 годах прошлого века, наши либералы, еще не напуганные до обморока рабочим движением, не прочь были рядиться в марксистский костюм, если дальнейшее развитие их идеологии выражалось лишь в робких «поправках» к теории Маркса, то годы революции и контр-революции превратили этих «критиков» в злостных противников теории пролетариата. И если их «практика» сделала скачек от благодушных социалистических симпатий к восхвалению национального лица «Великой России» и к призывам «сажать капусту», то их теория стала усиленно усваивать все плоды, принесенные буржуазной наукой Запада, особенно поскольку последняя развивалась в резком противоречии и в ярко-враждебном духе по отношению к марксизму. В области экономической науки идеологи нашей буржуазии обратили, конечно, особое внимание на теорию ценности. И при-

1) «Просвещение» 1914 г., № 3, март.

том в двояком смысле. С одной стороны, они, подобно своим западным коллегам, из кожи лезли вон, чтобы «опровергнуть» теорию ценности Маркса; с другой — они с необыкновенной поспешностью стали заимствовать «последние» и «предпоследние» слова, сказанные Старым и Новым Светом. Но, так как оба земных полушария, в лице своих буржуазных представителей, поставляют, нельзя сказать, чтобы чересчур большое количество теоретического материала, то и «новые» песни наших критиков свелись, в сущности, к перепевам одних и тех же мелодий. Волею судеб творцами этих мелодий оказались *австрийские* экономисты. Вот почему критика их главного теоретического представителя Бем-Баверка имеет особый интерес для русского читателя. Критика этого автора дает надежную точку опоры и для критики всех любителей различных «примирений» Бем-Баверка с Марксом, примирений, которые, по существу дела, являются невероятнейшей теоретической кашей. Для того, чтобы эту кашу расхлебать, нужно обратиться к открытому нашими бывшими соратниками источнику премудрости.

1. Полезность и ценность. Величина ценности.

Прежде всего, два слова о теории ценности вообще. Всякая теория ценности, как известно, об'ясняет в первую голову явление *цены* товаров: от *чего* зависит цена товаров, *что* эту цену регулирует, другими словами — каковы законы образования цен,—вот вопрос, который должна разрешить теория ценности. Легко понять, почему этот вопрос привлекал внимание «теоретиков» с самого возникновения политической экономии. Дело в том, что явление цены играет колоссальную роль в жизни современного общества. Движение цен приспособляет предложение товаров к спросу на них; низкие цены—орудие, которым капитал пробивает себе дорогу и которым он завоевывает мир; прибыль, как известная сумма денег, т.-е реализованных товарных цен, является движущей силой современного производства; а на этом, в свою очередь, основан весь процесс накопления капитала, процесс, так резко отличающий наше время от всех предшествовавших эпох, и т. д. и т. д. Словом, какую бы область экономической жизни мы ни рассматривали, всюду мы наткнемся на вопрос о цене товаров, а следовательно, и на вопрос о ценности.

Как ставился этот вопрос Марксом? Маркс имел постоянно в виду всю совокупность отдельных хозяйств, все «общественное хозяйство» в целом. Его не интересовали оценки того или иного отдельного лавочника—его интересовал общий вопрос, от какого другого общественного явления зависят цены, слагающиеся на рынке. В результате своего исследования Маркс приходит к такому выводу: рыночные цены постоянно колеблются около «производственных цен» (издержки производства плюс средняя прибыль); высота средней прибыли регулируется суммой прибавочной ценности, последняя—совокупной ценностью товаров, выраженной в «общественно-необходимом» труде. Изменяется производительность общественного труда, изменяются и цены. Ценность есть конечный регулятор цен. И именно *постольку*, поскольку имеется связь между двумя *общественными* явлениями: производительностью общественного труда и уровнем цен. Таким образом у Маркса ценность есть выражение некоторой общественной связи, есть *общественная норма* рыночных цен.

Совершенно иначе строит свою теорию Бем-Баверк, и совершенно иное содержание вкладывает он в *свое* понятие ценности. В то время, как Маркс об'ясняет одно общественное явление другим общественным явлением, Бем-Баверк старается выяснить происхождение *общественного* явления цены из *индивидуально-психологического* явления единичных оценок. Конечной «нормой», «регулятором» цен является у него «*суб'ективная ценность*», т.-е. «то значение, какое имеет известное материальное благо... для благополучия суб'екта» [1]). Чем же определяется это «значение» блага для «хозяйствующего индивидуума»?

Бем-Баверк рассуждает следующим образом. Единоличная оценка зависит от *полезности* предмета. Но не всякий полезный предмет будет иметь ценность. Для того, чтобы какое-либо «благо» имело ценность, нужно, чтобы к *полезности* присоединилась еще и *редкость*. Это различие Бем поясняет двумя примерами: в первом перед нами «человек», сидящий «у обильного источника пригодной для питья воды»; во втором—«другой человек, который путешествует по пустыне». Ясно, что стакан

---

[1]) *Бем-Баверк*, «Основы теории ценности хозяйственных благ», пер. А. Санина, стр. 7.

воды будет иметь в этих двух случаях совершенно различное «значение» для наших «человеков». В первом случае лишение стакана воды не повлечет никакого ущерба для потребителя, во втором оно нанесет значительный ущерб, и известная сумма потребностей останется без удовлетворения.

В последнем случае стакан воды *оценивается* определенным образом, он имеет суб'ективную *ценность*. Таково решение вопроса о «происхождении ценности». Как мы видим, здесь в основу анализа товарных цен кладется *полезность* благ, т.-е. как раз то, что Маркс совершенно исключил из анализа.

Рассмотрим вопрос ближе. «Наша задача, — пишет, между прочим, Бем-Баверк, — должна заключаться в том, чтобы отразить как бы в зеркале житейскую практику» [1]... Как же отражается эта «житейская практика» в теории нашего ученого?

Для этого нам нужно оставить в покое лиц, сидящих у ручья или путешествующих по пустыне, и обратиться к типам людей, которые действуют на наших глазах, т.-е. к типам промышленного и торгового капиталиста, наемного рабочего, продавца и покупателя.

Возьмем сперва промышленного капиталиста. Как оценивает эта порода людей свои товары? Здесь сразу бросается в глаза то обстоятельство, что оценка капиталиста вовсе не зависит от *полезности* товаров, производимых в его предприятии. Было бы величайшей нелепостью думать, что крупповские пушки «полезны» Круппу; что Морозовы оценивают свой ситец по его полезности; что владелец завода, выделывающий касторку, имеет пристрастие к этому прекрасному напитку и удовлетворяет им свою «потребность» в лечении. *Только* в одном смысле все эти вещи «полезны» капиталисту, только одну «потребность» они непосредственно удовлетворяют: они обеспечивают ему получение *прибыли*. Поэтому и оценка капиталистов основывается не на полезности вещей, а на их *меновой* ценности; капиталист считает всюду и везде в *деньгах* и в этом отношении абсолютно не похож на «сидящего у ручья» дикаря.

Возьмем теперь другой тип—торговца. Его точно так же мало трогает «полезность» товаров, как и промышленного капиталиста. Он постоянно имеет в виду опять-таки только одно: дешевле купить, дороже продать. Все расчеты ведутся в день-

---

[1] Ibid., стр. 34.

гах, предполагают разницу в ценах. Ни о какой «полезности» нет и речи.

В разобранных случаях в психике наших «хозяйствующих индивидуумов» *нет абсолютно никаких мотивов, связанных с полезностью.* Их нет у продавцев, их нет у покупателей, покупающих товар для того, чтобы продать с барышом.

Представим себе теперь самого обыкновенного покупателя, покупающего не для продажи, а для удовлетворения собственных потребностей. Пусть это будет рабочий или его жена, отправляющаяся на базар покупать хлеб и картошку. Для *нее* эти товары весьма полезны; полезность их стоит так высоко, что и *суб'ективная ценность* должна была бы подняться до весьма значительной величины: ведь, без средств существования не прожить даже недели. А между тем разве будет она оценивать эти средства существования по такой высокой расценке? Конечно, нет. Почему? Да просто потому, что каждая хозяйка не станет гнать своей оценки вверх, выше той, которая сложилась уже на рынке. Никто в мире, кроме явно ненормальных суб'ектов, не станет покупать дороже, чем по той цене, по которой в данный момент данный товар продается. Оценки таких покупателей опять-таки исходят от установившихся *цен.* На это нам могут возразить таким образом. Высота цен — скажут нам — зависит как раз от полезности данного продукта и его редкости. Только потому средства существования оцениваются так низко, что они выбрасываются на рынок в очень большом количестве: редкость их сравнительно очень мала. Такое возражение имело бы смысл, однако, лишь в том случае, если бы «оценивали» не суб'екты единичных хозяйств, а все *общество* выступало бы в качестве сознательного коллектива.

Но это было бы, во-первых, неверно, ибо современное общество вовсе не есть какое-то планомерно-хозяйствующее единство, которое «оценивает» по образцу отдельного человека, а, во-вторых, такая точка зрения противоречила бы и самой теории Бема. Его задача как раз в том и состоит, чтобы анализировать мотивы *отдельных лиц* и из *этих* мотивов вывести общественное явление цены. У него речь идет о *суб'ективной* ценности. Поэтому ему следует иметь в виду *не общественную* «полезность» и *не общественную «редкость»*, а то соотношение, которое устанавливается для *отдельного* хозяйствующего суб'екта. А тут неизбежно приходится считаться с тем фактом, что

индивидуальная оценка даже со стороны покупателя, покупающего товар для себя, предполагает *цену*. Другими словами, даже и здесь нет «чистой полезности», а есть, в качестве определяющей величины, опять-таки *меновая* ценность, вернее цена.

Отсюда вывод: *в основу анализа цен нельзя положить понятие полезности,* ибо в психике агентов капиталистического строя имеется совершенно иной материал, и мотивы «действующих лиц», как небо от земли, далеки от мотивов героев бем-баверковской пьесы. Вот почему «превзойденный», «устаревший» и т. д. Маркс с такой решительностью настаивал на том, чтобы удалить элемент полезности, как ничего не об'ясняющую величину.

Как нельзя щипцами для орехов рубить дрова, точно так же нельзя оперировать понятием полезности при об'яснении мотивов лиц, поставленных в условия современного капиталистического общества.

Одна нелепость влечет за собой другую. Если в самом начале анализа мотивов допущена грубая ошибка, то она должна отразиться на всем дальнейшем. Мы видели, что такое суб'ективная ценность вообще. Рассмотрим теперь, чем определяется *величина* ее.

Различные потребности,—говорит новая школа, — можно расположить по степени их возрастающей или убывающей важности для «благополучия суб'екта»; с другой стороны, напряженность потребности определенного вида зависит от степени удовлетворения этой потребности. Таким образом, например, потребность в пище, которая, *вообще говоря,* важнее потребности в украшениях, может *в каждом конкретном случае* быть по своей величине менее важной. Это будет в том случае, если потребность в пище удовлетворяется хорошо, а потребность в украшениях удовлетворяется плохо или совсем не удовлетворяется. Чтобы определить теперь суб'ективную оценку данной вещи по полезности, Бем-Баверк предлагает нам посмотреть, какая потребность останется без удовлетворения, если мы лишимся этой вещи. Так как каждый,—рассуждает Бем-Баверк,— предпочитает оставить без удовлетворения *наименьшую* из требующих удовлетворения потребностей, то основанием для определения ценности блага, которого мы себя лишаем, будет служить именно *наименее важная* потребность, которую оно,

это благо, может удовлетворить. Это и есть знаменитая «предельная полезность» австрийской школы.

Итак, «ценность вещи измеряется величиной предельной пользы этой вещи».

Здесь обнаруживается следующее любопытное явление. А именно, говоря словами Бема, «наша оценка одного и того же рода материальных благ в одно и то же время, при одних и тех же условиях, может оказаться различной единственно в зависимости от того, оцениваем ли мы единичные экземпляры или же более значительные количества этих материальных благ, взятые в целом» [1]). Другими словами, величина ценности *одного и того же* блага колеблется в зависимости от выбора единицы, которой мы измеряем. Это невероятно, но это логический вывод из теории предельной полезности. Зависимость здесь такова, что она отражается, прежде всего, уже на вопросе о самом существовании ценности. Если (пример Бема) сельскому хозяину нужно 10 гектолитров воды в день, а их у него имеется 20, т.-е. на 10 больше, чем нужно, то гектолитр совсем не имеет ценности; если же за единицу мы примем не гектолитр, а величину, большую 10 гкл., тогда единица воды будет обладать ценностью. В связи с этим стоит и другая особенность измерений à la Бем. Предположим, что у нас есть 6 однородных благ. Располагая их в один ряд, мы получим, в силу закона падающей (по мере насыщения) величины полезности, такие, скажем, числа для выражения полезности каждого экземпляра: *6a, 5a, 4a, 3a, 2a, a*. Если у нас имеются 6 единиц данной вещи, то величина ценности каждой будет определяться полезностью последней единицы, т.-е. будет равна *a;* если мы примем теперь за единицу совокупность двух прежних единиц, то предельная полезность этой двойной единицы будет не $a \times 2$, а $a + 2a$ (сумма полезностей двух последних единиц из первоначальных шести), не *2a*, а *3a*, т.-е. «оценка более значительных количеств блага *не* находится в соответствии с оценкой одного экземпляра этого же самого материального блага» [2]).

Итак, с точки зрения Бема, все определяет в данном случае величина единицы. Но что же за таинственная величина эта единица, чем она определяется? Бем-Баверк уверяет, что она

---

[1]) *Бем-Баверк*, l. c., стр. 24.

[2]) Ibid., стр. 52.

дается каждый раз условиями конкретной меновой сделки. Однако это абсолютно неверно. *В современном* обществе, где обмен есть регулярный процесс, нечто типичное, а не исключительный случай, участники меновых сделок отнюдь не ощущают на себе давления какой-то необходимой единицы для измерения; с другой стороны, ни покупатели, ни продавцы не станут ценить товаров *вне соответствия* с их количеством; это происходит потому, что они оценивают товары не по правилам суб'ективной теории Бема, а согласуясь с об'ективно-устанавливающимися ценами. Никто не считает какой бы то ни было вещи за нуль только потому, что она бесполезна *для него*, ибо всякий знает, что он всегда может получить за нее известное количество потребительных ценностей *на рынке*. Точно так же никто не оценивает «благ» по закону падающей полезности, потому что *на рынке* такие расценки были бы просто нелепы. На рынке ценность суммы всегда равняется ценности единицы, умноженной на число единиц, и *именно такая* оценка характерна для «мотивов» «хозяйствующих суб'ектов» современного способа производства. Это так ясно и так характерно для *теперешних* оценок, что сам Бем «свихивается» и сбивается со своего пути. Указывая на случаи косвенных оценок, Бем пишет (стр. 74 «Основ», примеч.): «...Раз мы имеем возможность констатировать, что одно яблоко для нас столь же дорого, как и *восемъ* слив, а одна груша для нас столь же дорога, как и *шестъ* слив, то мы имеем возможность... притти и к третьему положению: что одно яблоко для нас на одну треть дороже одной груши». Это рассуждение правильно по существу. Но оно как раз неправильно с точки зрения самого Бем-Баверка. В самом деле, почему мы приходим в данном случае к «третьему положению», что одно яблоко на одну треть «дороже» груши? Да потому, что ценность 8 *слив* больше ценности 6 *слив* на одну треть. Но это предполагает пропорциональность между ценностью суммы и количеством единиц: *только* в том случае ценность 8 слив больше ценности 6 на одну треть, если ценность 8 слив больше ценности одной сливы в 8 раз, а ценность 6 — в 6 раз.

Когда Бем последователен, его утверждения противоречат действительности; когда он верно передает действительность, он противоречит себе.

2. Учение о субституционной (заместительной) пользе.

Выше мы видели, что те схемы, которые дает Бем, непригодны для нашего грешного мира. Однако Бем-Баверк при помощи их все же старается разрешить вопросы, непосредственно связанные с *капиталистическим* хозяйством. И как раз здесь он терпит полнейшее и очевиднейшее поражение.

Бем-Баверку необходимо как-нибудь об'яснить такие простые факты, как, например, оценка средств существования *не* по предельной полезности, ибо невероятность чудовищно-громадной оценки их, по правилам Бема, бросалась бы в глаза.

Чтобы выбраться из затруднения, Бем-Баверк придумал чрезвычайно хитроумную теорию «субституционной пользы».

Сущность этой «теории» состоит в следующем. Меновое хозяйство позволяет перекладывать недочет в удовлетворении потребности одного рода на потребности другого рода. «Если, положим,—говорит Бем,—у вас украли пальто, то вы будете оценивать его не по его непосредственной полезности, а по полезности тех вещей, которые могут косвенно заменить пальто; *продав* некоторые материальные блага (Бем предполагает, что продажная цена их и покупная цена нового пальто будет равна 40 флоринам. *Н. Б.)*, я *покупаю* себе на вырученные деньги новое зимнее пальто» (58 стр., курсив наш. *Н. Б.)*. Для продажи придется пожертвовать такими благами, которые имеют наименьшее значение, ценностью этих наименее значущих благ и будет определяться суб'ективная ценность «утраченного блага»; другими словами, оценка происходит в данном случае (а таких случаев, по мнению самого Бема, *большинство)* по субституционной предельной пользе материальных благ другого рода.

Эти рассуждения стоят гораздо ближе к действительности, чем те, о которых мы говорили раньше. Но зато они имеют весьма большое отрицательное «значение» для «благополучия» всей теории Бем-Баверка и иже с ним. В самом деле, откуда например, взялись «40 флоринов»? И почему именно 40, а не 50 или 100?

Ясно, что Бем просто-напросто предполагает данными *рыночные цены.* Ничтоже сумняшеся, он дважды предполагает

данной цену: во-первых, когда говорит о *продаже* имеющихся благ; во-вторых, когда говорит о покупке «нового зимнего пальто». Таким образом Бему отнюдь не удалось «и невинность соблюсти, и капитал приобрести»: как только он начал «приобретать капитал», т.-е. приступил к об'яснению *капиталистической действительности*, он тотчас же потерял невинность, то-есть вынужден был отвратить лицо свое от полезности и признать первенствующее значение *меновой* ценности. Вся теория «субституционной пользы» представляет из себя ложный круг, в котором бессильно вертится мысль почтенного профессора. Он широковещательно заявил публике, что выведет *цену* из *суб'ективных* оценок, основанных на полезности, но на полдороге уже вынужден был начать выведение *суб'ективных полезностей* из цены. «Земля на китах, киты на воде, а вода на земле»—к этому «об'яснению» и сводится, в сущности, *главное* в теории Бема.

3. Величина ценности благ при различных способах употребления их. Суб'ективная меновая ценность.

До сих пор мы предполагали, что оцениваемое благо удовлетворяет одну лишь потребность. Рассмотрим теперь взгляд Бема на ценность «благ», удовлетворяющих *различные* потребности.

Для таких случаев Бем выводит следующий «закон»:

«Если материальные блага допускают несколько несовместимых друг с другом способов употребления и могут при каждом из них давать неодинаково высокую предельную пользу, то величина их ценности определяется наивысшей предельной пользой, какая получается при этих способах удовлетворения» (78—79).

Здесь владельцу наших «благ» предоставляется г-ном Бем-Баверком право «свободного выбора». Однако ясно, что этот выбор зависит не от чего иного, как от об'ективно данных *товарных цен*. В самом деле, возьмем, напр., деньги. Это — как раз такое благо, которое допускает возможность максимального разнообразия в способах употребления. Но здесь непосредственно выступает тот факт, что наш выбор будет стоять в за-

висимости от тех рыночных цен, которые имеются в данный момент: мы будем покупать тот или иной товар, считаясь с тем. дорог или дешев он в данное время.

И здесь, таким образом, вся теория состоит в определении суб'ективных оценок через *цены*, а цен — через суб'ективные оценки.

Наибольшего напряжения этот удивительный метод разрешения всех вопросов достигает в учении о *суб'ективной меновой ценности*. Бем вынужден, в конце концов, считаться с тем необычайно важным фактом, что суб'ективные оценки заключают в себе, так сказать, рыночный элемент.

Понятие суб'ективной *меновой* ценности (которое, кстати, как-то отодвинуто Бемом на задний план, хотя ему должно было бы принадлежать самое почетное место в «системе») применяется нашим теоретиком в тех случаях, когда «блага» предназначены к обмену и когда, следовательно, «величина суб'ективной меновой ценности определяется *предельной пользою вымениваемых на данную вещь материальных благ*» (80). А отсюда следует (здесь мы цитируем дословно, чтобы дать самому Бем-Баверку сформулировать им изобретенную нелепость), что «величина суб'ективной меновой ценности должна зависеть: ...во-первых, *от об'ективной меновой силы* (об'ективной меновой ценности) *вещи*, ибо величиной этой об'ективной меновой силы определяется количество материальных благ, которое можно получить в обмен на данную вещь, во-вторых, *от характера и размера потребностей* и от имущественного положения собственника...» (80).

Это поистине великолепно! В самом *определении* суб'ективных оценок уже заключается об'ективная ценность, которая должна быть выведена (для этого пишут на всех языках сторонники теории предельной полезности) из суб'ективных же оценок. Опять мы наблюдаем то же явление, что и раньше: как только Бем хоть чуть-чуть отойдет от своего паноптикума с голодающими путниками, жителями осажденных городов и девственных лесов, и приблизится к типам современности, так он начинает плести тонкую сеть противоречивых положений, в которой, в конце концов, запутывается сам.

4. Ценность средств производства.

Аналогичные злоключения испытывает теория предельной полезности и при анализе ценности средств производства («производительных благ»).

«Ценность единицы производственных средств, — пишет Бем, — определяется предельной пользой и ценностью продукта, имеющего наименьшую предельную пользу среди всех продуктов, на производство которых *хозяйственный расчет* позволил бы употребить эту единицу производительных средств» (103).

Что могут означать подчеркнутые нами слова, если речь идет о *капиталистическом* хозяйстве? Ясно, что «хозяйственный расчет» здесь должен означать не что иное, как учет (подлежащих об'яснению!) рыночных цен, ибо суб'ективная оценка по полезности своего собственного товара есть полнейшая бессмыслица.

Тут опять перед нами, в качестве первичного элемента, выступают *цены*. Однако вопрос имеет и другую сторону, где австрийская школа еще раз запутывается самым безнадежным образом. Из вышеприведенной формулировки мы видим, что ценность средств производства определяется, по Бему, ценностью продукта. Но так как ценность средств производства представляет собою издержки производства, то, следовательно, *издержки производства определяются ценностью продукта*. Помиримся пока с этой нелепостью, ибо и это не спасет Бема. Чем, спрашивается, определяется ценность *продукта?* Она зависит, как утверждает сам Бем, от *количества* продукта (чем меньше продукта, чем он «реже», — тем выше ценность). А о факторах, определяющих это количество, наш гелертер говорит: «Масса предназначенных для продажи товаров... определяется... в особенности *высотою издержек производства*. Чем выше издержки производства... товара..., тем относительно ниже число экземпляров этого товара» (183 — 184).

Итак, издержки производства определяются ценностью продукта, а ценность продукта, «в свою очередь», издержками производства. И эта толчея должна, по Бем-Баверку, принести «полное и окончательное раз'яснение вопроса о ценности»!

Мы далеко не исчерпали *всех* вопросов, затрагиваемых Бем-Баверком, где он может демонстрировать свое бессилие; мы коснулись лишь тех, где наиболее ясно вырисовывается связь отдельных ошибок и нелепостей с абсолютно непригодной основной точкой зрения Бема, которую мы разобрали в нашем журнале раньше (см. «Карл Маркс и соврем. полит. экон. буржуазии», — «Просвещение» № 7—8 за 1913 г.), а именно—*суб'ективной и неисторической* постановкой вопроса.

Г-н Бем-Баверк, в своей злостной (и основанной на полном непонимании) критике Маркса, заявил на весь мир, что марксово учение — «карточный дом». Как видит теперь читатель, пушка, из которой палит наш ученый артиллерист по этому «карточному дому», как две капли воды, похожа на ту знаменитую пушку, которую сделали из большой дыры, облив последнюю сталью. Это и есть теория Бем-Баверка.

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ПРИМИРЕНЧЕСТВО [1] [2].

(Теория ценности г. Туган-Барановского).

> Люди, которые претендовали еще на научное значение и хотели быть чем-либо большим, чем простыми софистами и сикофантами господствующих классов, старались согласовать политическую экономию капитала с требованиями пролетариата, которые уже нельзя было игнорировать. Отсюда бездарный синкретизм...
>
> *К. Маркс.*

Та быстрая эволюция, которую проделали бывшие «легальные марксисты» 90-х г.г., выражает собою весьма определенную тенденцию: образование либерально-буржуазной идеологии в ее противоположности не только к враждебной капитализму идеологии *народничества*, но и в противоположности к идеологии революционного пролетариата, т.-е. к *марксизму*. Эта единая тенденция, как и всякое общественное явление, была, однако,

---

[1]) Настоящая статья была написана в свое время для марксистского журнала «Просвещение». Она является разбором эклектической теории, «коалиционного начала» в теории ценности. В качестве таковой мы и прилагаем ее к нашей работе. Само собой разумеется, что некоторые места статьи, не имеющие прямого отношения к логической стороне теории Тугана, устарели. События их в значительной степени опередили. Мы оставляем, однако, все в первоначальном виде, тем более, что кое-что из предсказанного оправдалось буквально (напр., пострижение г-на С. Булгакова), а сам г. Туган успел побывать министром контр-революционного правительства. Любопытно, что упражнениями à la Туган занимается и П. П. Маслов.

[2]) Из приложения к книге *Н. Бухарина* «Политическая экономия рантье», Москва—Петроград 1923 г.

явлением сложным. Не все носители «новой» буржуазной идеологии развивались с одинаковой быстротой «от марксизма к идеализму». В бешеной скачке к «новым вехам» одни из них уже давно достигли призового столба и с гордым видом посматривают на отставших; другие уже совсем близко к цели; третьи ковыляют далеко позади. С этой точки зрения очень любопытно посмотреть на *отдельных* участников этого состязания. Вот перед вами «бывший марксист» С. Булгаков, профессор политической экономии, которому стоит лишь надеть рясу, чтобы превратиться в типичного «ученого батюшку», верующего в чертей и все «таинственное». Рядом с ним другой бывший марксист и тоже христианин, любящий поговорить (у всякого свои склонности!) об «Афродите земной» и «Афродите небесной»,—г. Н. Бердяев. Несколько в стороне—несравненный Петр Струве, тяжелая артиллерия кадетско-октябристской учености. Все эти почтенные личности порвали со своим прошлым раз навсегда; они плотно уселись на новых местах и не хотят иметь ничего общего со своими «грехами молодости»; они идут вперед без всяких компромиссных сделок,—эти рыцари российского капитализма. И вот далеко позади, но с явным намерением догнать своих коллег, мелкими шажками бежит еще один бывший марксист, а теперешний советчик фабрикантов, профессор Туган-Барановский; он позже других стал бормотать о христианстве; он не подмигивает еще нововременскому ябеднику В. Розанову; он продолжает еще кокетничать с марксизмом, за что некоторые наивные люди считают его почти «красным». Одним словом, это—«примиренец». Он не решается целиком и откровенно записаться во враги пролетариата и его теории; он предпочитает лишь «очищать» марксизм от ненаучных элементов», как он сам же выражается. И именно этим он может ввести в обман, именно в этом вреднейшая сторона его теоретической деятельности. Он не хочет просто «отвергнуть» трудовую теорию, он старается «примирить» ее с теорией Бем-Баверка, этого классического выразителя буржуазных вожделений. Читатель увидит сейчас, каковы результаты стараний Туган-Барановского в области центральной проблемы всей политической экономии — в области *теории ценности.*

1. „Формула" г. Тугана.

Г. Туган-Барановский воздает прежде всего хвалу г. Бем-Баверку. «Великая заслуга новой теории (т.-е. теории австрийских экономистов. *Н. Б.*) заключается в том, что она обещает навсегда покончить споры о ценности, дав полное (!) и исчерпывающее (!!) об'яснение *всем* явлениям процесса оценки, исходя из *одного* основного принципа» [1])—такова «оценка» новой школы г. Туганом.

И в другом месте: «Теория предельной полезности навсегда останется основанием учения о ценности,—она может быть дополнена и изменена в частностях в будущем, но основные идеи ее составляют κτῆμα ἐις ἀεί (вечное приобретение) экономической науки» [2]).

«Вечное приобретение науки»—это звучит гордо! Правда, в действительности это «приобретение» выглядит довольно жалко, но мы пока не будем возражать г. Тугану и постараемся сначала передать его «об'единительную платформу».

По учению сторонников австрийской школы, ценность вещи определяется ее предельной полезностью. Эта предельная полезность зависит, в свою очередь, от *количества* благ данного рода. Чем больше их, тем более «насыщен» спрос, тем менее настоятельна потребность, тем ниже падает предельная полезность блага. Итак, австрийская школа оканчивает свой анализ, принимая за данное определенную массу, определенное количество оцениваемых благ. Г. Туган-Барановский вполне резонно ставит дальнейший вопрос: чем же определяется это *количество* благ? По мнению Туган-Барановского, количество благ зависит от «хозяйственного плана», т.-е. от того или иного распределения человеческого труда между различными отраслями производства. А в составлении этого хозяйственного плана «решающую роль» играет *трудовая стоимость*.

Предельная полезность—полезность последних единиц каждого рода продуктов,—говорит наш автор,—изменяется в зависимости от размеров производства. Мы можем понижать или повышать предельную полезность путем расширения или сокращения произ-

[1]) *Туган-Барановский*, «Основы политической экономии». 2-е изд., Спб. 1911, стр. 40.

[2]) Ibid., стр. 55.

водства. Напротив, трудовая стоимость единицы продукта есть нечто об'ективно данное, не зависящее от нашей воли. Отсюда следует, что при составлении хозяйственного плана определяющим моментом должна быть трудовая стоимость, а определяемым— предельная полезность. Говоря математическим языком, предельная полезность должна быть функцией трудовой стоимости [1]).

Какова же зависимость между предельной полезностью благ и их трудовой стоимостью? Г. Туган рассуждает следующим образом. Пусть у нас две отрасли производства А и В. Рациональный хозяйственный план требует тогда такого распределения труда между двумя этими отраслями, чтобы польза, получаемая в трудовом процессе в последнюю единицу времени, стояла в обеих отраслях на одинаковом уровне [2]). Без этого равновесия рациональный план, т.-е. получение наибольшей суммы пользы, немыслим, ибо, если, напр., в последний час в производстве А можно получить сумму полезности, выражаемую цифрой 10, а в производстве В эта полезность будет выражаться лишь цифрой 5, то, очевидно, благо В выгоднее не производить и время следует затрачивать на производство А. А если трудовая стоимость продуктов различна, но польза, получаемая в последнюю единицу времени, одинакова, то отсюда следует: «что *полезность последних единиц свободно воспроизводимых продуктов каждого рода — их предельная полезность — должна быть обратно-пропорциональна относительному количеству этих продуктов, производимому в единицу рабочего времени, иначе говоря, должна быть прямо пропорциональна трудовой стоимости тех же продуктов*» [3]).

Такова, по Туган-Барановскому, зависимость между предельною полезностью и абсолютною трудовою стоимостью продукта. Здесь нет места никакому противоречию; наоборот, господствует полнейшая идиллия.

Обе теории,—пишет г. Туган, — по обычному мнению взаимно исключающие друг друга, находятся в действительности в полной гармонии друг с другом. Обе теории исследуют различные стороны одного и того же хозяйственного процесса оценки. Теория предельной полезности выяснила суб'ективные, трудовая теория—об'ективные факторы хозяйственной ценности [4]).

---

1) L. c., стр. 47.

2) Точнее выражаясь, она должна быть одинаковой *в пределе.*

3) L. c., стр. 47, курсив автора.

4) Ibid., стр. 49.

Таким образом нет никакой речи о противоположности двух теорий, и сторонники теории предельной полезности должны подать руку сторонникам «трудовой» теории. Так, по крайней мере, утверждает Туган-Барановский. Мы надеемся, однако, показать, что признание этих добрососедских отношений покоится на весьма наивном понимании (т.-е. на *непонимании)* обеих теорий: и теории трудовой стоимости, и теории предельной полезности. Но прежде чем перейти к «основной ошибке» г. Тугана, нам следует сделать несколько критических замечаний о теории трудовой стоимости «в свете учения» нашего миротворца. При этом обнаружатся некоторые любопытные особенности мышления Тугана, открытие которых, в свою очередь, проливает свет на примиренческую позицию г-на профессора.

2. „Логика" г. Тугана.

Из вышеизложенного для всякого разумного человека обязателен следующий вывод [1]). Так как ценности (суб'ективные ценности, определяемые предельной полезностью блага) пропорциональны трудовым стоимостям и так как эти ценности являются основой цен, то можно сказать, что основой цен является именно трудовая стоимость. В самом деле, если трудовая стоимость и предельная полезность связаны такой прочной и определенной связью, как прямая пропорциональность, то ясно, что при анализе мы можем свободно заменить одну величину другой. Эта точка зрения будет для нас прямо-таки *обязательна*, если мы, подобно Тугану, заявляем, что «*определяющим моментом должна быть трудовая стоимость*, а определяемым — предельная полезность» [2]). Ясно, что, рассуждая так, мы имеем ряд: цена — предельная полезность — трудовая стоимость. Трудовая *стоимость* связывается здесь с суб'ективной *ценностью* и, следовательно, с ценой. Это обстоятельство позволяет г. Тугану-Барановскому написать даже, что:

---

[1]) Во избежание недоразумений считаем нужным оговориться: *пока* мы оставляем без критики терминологию г. *Тугана* и вкладываем в слова «ценность» и «стоимость» то самое содержание, какое имеется у него.

[2]) Ibid., стр. 47.

с известной точки зрения... трудовая теория оценки есть экономическая теория *ценности* по преимуществу, между тем как теория предельной полезности есть обще-психологическая, а не специально-экономическая теория оценки [1]).

Итак, трудовая стоимость определяет предельную полезность, которая, в свою очередь, определяет цену; иными словами, трудовая стоимость есть *конечная основа* цены. Прекрасно. Перелистываем *шесть* страничек и натыкаемся на следующую «критику Маркса»:

Вместо теории трудовой *стоимости* Маркс дал теорию абсолютной трудовой *ценности*...

В своей известной критике III тома «Капитала» Зомбарт [2]) попытался защитить трудовую теорию ценности Маркса, истолковавши ее, как теорию трудовой стоимости. Под трудовой ценностью он понимает «степень общественной производительности труда». *Но если это так, то зачем именовать трудовую затрату «ценностью» и этим возбуждать представление, что трудовая затрата есть основа цены меновых отношений продуктов (что заведомо неверно), а не признать самостоятельное право на существование двух различных категорий — ценности и стоимости* [3]).

Г-н Туган-Барановский спрашивает, верно ли, что трудовая *ценность* должна толковаться в смысле общественной трудовой *стоимости* [4]). Совершенно верно. Но не верно *все* то, что следует у Тугана дальше. Он так увлекся критикой, что начинает «критиковать» не только Маркса, но и самого себя. Как мы видели выше, из утверждений *Тугана* следует, что трудовая стоимость есть основа цены. Теперь же оказывается, что это «заведомо неверный» взгляд. Нечего сказать, хороша «критика»! Чему же верить? Тому, что написано раньше, или тому, что написано шестью страницами позже? Во всяком случае, необыкновенная ясность мысли! Этакая, что называется, железная логика! Быть может, читатель сомневается в прочности последней из приведенных «мыслей» г. Туган-Барановского? Тогда мы приведем еще одну цитату:

---

[1]) Ibid., стр. 50. Курсив наш. *Н. Б.*

[2]) Г. Туган-Барановский имеет в виду статью *Зомбарта:* «Zur Kritik des ökonomischen Systems von Karl Marx» в Archiv'е Брауна (B. VII).

[3]) «Основы», стр. 58.

[4]) Мы говорим: «общественной». *Сейчас* это добавление для нас неважно. Но, как мы увидим ниже, оно крайне существенно.

Трудовая ценность Маркса, в сущности, есть не что иное, как трудовая стоимость. Но ошибка Маркса не терминологического свойства. Маркс не только называл общественно-необходимый труд производства ценностью товара, но и постоянно стремился свести меновые отношения товаров к труду... *Только совершенно разорвавши понятия ценности и стоимости,* мы можем построить логически правильную и согласующуюся с фактами теорию ценности и стоимости [1]).

Или вот еще одно место:

Ошибка Маркса заключалась... в том, что он понял самостоятельного значения этой категории (т.-е. категории стоимости. *Н. Б.)* и пытался связать ее с теорией цены, почему и назвал трудовую затрату ценностью, а не стоимостью [2]).

Никаких сомнений быть не может. Туган-Барановский позабыл, как *он сам* «связывал» трудовую стоимость с ценностью и ценой, и хлопочет теперь над расторжением этой преступной связи. Логика, действительно, удивительная.

А теперь один вопрос. Если категория стоимости так уж самостоятельна, что смертный грех (по Тугану «второй манеры») ставить ее в вышеозначенную связь, то где *экономическое* значение этой категории? Г-н Туган говорит, правда, что оно «огромно» (см. стр. 55), но кроме «этической болтовни», которую всерьез принимать невозможно, мы не находим ровно ничего.

Теперь мы можем перейти к «основной ошибке» Тугана. Немудрено, что при его способности спутывать и «мирить» самые противоречивые положения нам придется узреть в его «формуле» опять-таки не что иное, как сугубую путаницу.

3. Основная ошибка г. Тугана.

До сих пор мы принимали без критики формулу Туган-Барановского о пропорциональности трудовых стоимостей и

---

1) Ibid., стр. 69. Последний курсив наш. *Н. Б.*

2) Ibid., стр. 70. Кстати, отметим один пункт, не имеющий прямого отношения к делу. Г-н Т.-Б. не понимает (см. стр. 68 и 69) значения меновой ценности (Tauschwert) Маркса. Охотно поясним. В ходе анализа Марксу *необходимо иногда принимать, что товары продаются по стоимостям (ценностям).* В таком случае отношение стоимостей и будет меновая ценность. Познавательное значение этого понятия заключается в том, что оно говорит нам не об абсолютной, а об *относительной* величине.

предельных полезностей. Здесь мы постараемся вскрыть теоретическую бесполезность этой знаменитой формулы. Для этого мы должны сперва сообщить читателю взгляд Туган-Барановского на политическую экономию вообще, а следовательно, и на всяческие «формулы»,—взгляд, к которому и мы вполне присоединяемся. Мы питаем очень большое уважение к господину профессору, а потому попросим его самого изложить этот, как было замечено выше, совершенно правильный взгляд.

То, что отличает экономическую науку от других общественных наук, — установление ею системы причинных законов экономических явлений — вызывается, именно, характерными особенностями ее современного предмета изучения — свободного менового хозяйства... Есть полное основание признавать судьбу политической экономии, как своеобразной науки о причинных соотношениях хозяйственных явлений, тесно связанной с современным народным хозяйством. Вместе с ним она возникла и развилась и вместе с ним должна сойти со сцены [1]).

Здесь ясно сказано, что политическая экономия изучает *меновое* хозяйство и, в частности, хозяйство *капиталистическое*. С этой точки зрения мы и подойдем к формуле Тугана. Как мы знаем, он устанавливает пропорциональность между предельными полезностями и трудовыми стоимостями. Начнем разбор с последней части формулы, с трудовых стоимостей. По мнению г. Туган-Барановского, трудовая стоимость определяет собою хозяйственный план. Но тот «хозяйственный план», о котором говорит наш автор, есть категория *индивидуального* хозяйства и притом хозяйства *натурального*, которое производит для себя самые разнообразные «блага». В самом деле, если мы возьмем *современное* индивидуальное хозяйство, то-есть капиталистическое предприятие, то мы не найдем там, прежде всего, никакого «хозяйственного плана» в смысле Тугана, по той простой причине, что фабричное производство есть производство *специализированное*, где нечего распределять время между несколькими «отраслями»: каждое хозяйство производит только *один* продукт. Кроме того, категория трудовой стоимости вообще не интересует суб'екта капиталистического предприятия, ибо он не «трудится» сам, а «работает» при помощи нанятых рабочих рук и купленных на рынке средств производства. Таким образом, если и может

[1]) «Основы», стр. 17.

итти речь о трудовой стоимости, то последняя может мыслиться для современного способа производства (а именно его и изучает политическая экономия) исключительно как *общественная* категория, то-есть нечто такое, что приложимо лишь ко всему общественному целому, а не к отдельным хозяйствам, составляющим это общественное целое. Именно так строил свое понятие трудовой стоимости Маркс. Верна или неверна его теория, это — вопрос, который сюда не относится. Мы думаем, что она верна; г. Туган-Барановский думает, что она не верна. Но во всяком случае Маркс отчетливо понимал, что категория трудовой стоимости, как категория индивидуального хозяйства, это — нелепость, сапоги в смятку и что только тогда она получает смысл, когда говорят о ней, как о некоторой *общественной* категории. Теперь возникает вопрос о предельной полезности—втором члене формулы г. Туган-Барановского. Предельная полезность — это, по определению всех теоретиков, являющихся ее сторонниками, есть не что иное, как «значение» блага для благополучия «хозяйствующего суб'екта»; это известная *оценка*, предполагающая сознательный расчет. Понятно, что категория предельной полезности имеет смысл лишь, как категория *индивидуального* хозяйства и, наоборот, она *непосредственно* не может играть *никакой* роли (даже с точки зрения ее сторонников), если мы имеем в виду все общественное хозяйство. Последнее отнюдь не «оценивает» подобно отдельному хозяину, ибо это есть *стихийно* развивающаяся система, закономерность которой обладает особой характеристикой. Таким образом предельная полезность, если и имеет какой-нибудь смысл, то только как категория *индивидуального* хозяйства.

Как мы знаем, г. Туган-Барановский устанавливает пропорциональность между предельной полезностью и трудовой стоимостью блага. Трудовую же стоимость можно понимать двояко: как категорию общественную (такое понимание *обязательно*, если мы рассматриваем *капиталистическое* хозяйство) и как категорию индивидуальную. Совершенно понятно, что трудовую стоимость в первом смысле поставить в непосредственную связь с предельной полезностью нельзя: это две величины, которые *принципиально* не могут иметь между собой ничего общего, так как они лежат в совершенно различных плоскостях. Утверждать, что одна величина, которая вообще

может встречаться лишь в сфере *индивидуального* хозяйства, пропорциональна другой, которая может иметься лишь в сфере *общественного* хозяйства, — это воистину все равно, что прививать оспу телеграфным столбам. Таким образом *правильное* понимание теории трудовой стоимости приводит к выводу о полнейшем противоречии между нею и теорией предельной полезности. Остается «соединять» с предельной полезностью *нелепое* понятие трудовой стоимости, как категории *индивидуального* хозяйства, что и делает г. Туган. От этого его теория не становится, конечно, лучше: она терпит жесточайший крах, как только мы сопоставляем ее с капиталистической действительностью. Получается в общем та же история, что и с представителями австрийской школы. Дело идет сравнительно гладко, пока мы вращаемся в сфере интересов хозяйствующего Робинзона и намеренно или ненамеренно держимся в стороне от капиталистических отношений. Но лишь только мы приближаемся к тем отношениям, об'яснить которые и призвана политическая экономия (это признает и сам Туган), — как вся теория разлетается в прах.

Мы подходим к концу. Но нам хочется сделать еще одно небольшое замечание. Вся «теория» г-на Тугана касается хозяйств, *производящих* продукты. Это выгодно отличает его от чистых Grenznützler'ов, которые как будто забывают, что товары — не «дар небес», а продукты производства. Туган-Барановский и устанавливает свою «пропорциональность» как раз для *таких* хозяйств. Это весьма хорошо. Посмотрим еще, что говорит о них г. Туган в другой части своей книги.

> Мы должны, — советует сей ученый муж, — держаться тех реальных хозяйственных отношений, в которых строятся цены в современном капиталистическом хозяйстве. Мы не должны предполагать, как это делает, напр., Бем-Баверк, что продавец известного товара нуждается сам в своем товаре и готов сохранить его у себя для собственного потребления, если ему предложат слишком низкую цену за товар [1]).

И это правильно. И здесь шаг вперед по сравнению с теоретиками предельной полезности, так сказать, чистой воды. Только... только как же будет чувствовать себя теория самого Тугана, если его производящие хозяйства не будут

---

[1]) «Основы», стр. 212—213.

оценивать своих продуктов по полезности (т.-е. по предельной полезности)? Ведь для того, чтобы была пресловутая пропорциональность, необходимо, чтобы были те величины, между которыми данная пропорциональность устанавливается. Выше мы видели, что с трудовой стоимостью дело обстоит из рук вон плохо. А теперь *сам г. Туган*, во всем своем критическом великолепии, об'являет, что оценка по предельной полезности в условиях капитализма (или простого товарного хозяйства) для продавцов является полнейшей бессмыслицей.

Мы разобрали теорию г. Тугана, не касаясь правильности одной из ее составных частей — теории предельной полезности, взятой самой по себе. А между тем она отнюдь не защищена нашим теоретиком. Это весьма любопытный факт. В поисках новых путей российские буржуа удивительно «критически» настроены по отношению к Марксу; но к капиталистической научной идеологии Запада они относятся с почти религиозным преклонением. Это обстоятельство лишний раз показывает истинную природу тех «новых идей в экономике», проповедью которых занимаются г-да Туган-Барановские, Булгаковы, фон-Струве e tutti quanti.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ БЕЗ ЦЕННОСТИ (СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ) [1] [2].

Марксово учение о ценности всегда было камнем преткновения для буржуазной политической экономии. Бем-Баверк только высказал чувства и мысли своих коллег-профессоров, когда он согласился с тем, что экономическую систему Маркса нельзя поколебать, раз признана правильность ее основ. Поэтому буржуазная наука должна была приложить самые усиленные старания, чтобы построить свою политическую экономию на других основах (поскольку она вообще еще могла дерзнуть на систематическое построение в области этой науки). Этой цели должна была служить теория предельной полезности. Для теоретического исследования эта теория оказывается безусловно никуда не годной; не лишена она и внутренних противоречий. Но она все же была единственной теорией ценности, которую буржуазная наука могла противопоставить теории Маркса. Отсюда и то сочувствие, которое она встретила.

Но все более резко выступающая недостаточность этой теории должна была навести на мысль вообще отказаться от фундаментальной теории и сделать попытку конструировать политическую экономию без теории ценности. В действительности это не больше, как последовательное развитие теории предельной полезности, ибо она уже больше не рассматривала меновую ценность, как самостоятельную категорию, а целиком

---

[1]) «Neue Zeit», 1913/14, B. I. Статья называется по-немецки «Eine Oekonomie ohne Wert»—непередаваемая игра слов («Политич. экономия без ценности» и в то же время «Ничего не стоющая политическая экономия»).

[2]) Из сборника: «Основные проблемы политической экономии», Москва—Петроград 1922 г.

вернулась к моменту полезности, т.-е. к потребительной ценности.

Бывший марксист Туган-Барановский сделал эти выводы и потрудился над созданием политической экономии, которая не учитывает элемента ценности. В своей недавно вышедшей работе «Социальная теория распределения»[1]) он довел эту попытку, начатую им в его прежних работах, до конца.

Посмотрим, каким успехом увенчалась его попытка.

Уже Рикардо рассматривал проблему распределения как основную проблему политической экономии[2]). На эту проблему, равно и как и на проблему ценности, обратило серьезнейшее внимание множество выдающихся исследователей новейшего времени. В наше время, в период самой обостренной классовой борьбы, в период образования гигантских классовых организаций и возникновения совершенно новых явлений в лице капиталистических монополий (трестов, синдикатов и т. д.), теоретическое решение проблем распределения выдвигается на первый план самым ходом развития[3]). Поэтому попытка обобщающего освещения этих вопросов на основании нового фактического материала была бы действительно шагом вперед, если бы в исследовании новизна материала сочеталась с ясностью теоретической мысли. К сожалению, это отнюдь не имеет места у Туган-Барановского. Ему удается возвести в методологический принцип путаницу в понятиях некоторых господ, как, например, путаницу г-на Струве, которая заключается в смешении понятий потребительной ценности и меновой ценности, *продукта* и его *ценности*.

Абстрагируя от социально-исторических отношений данного хозяйственного строя, значительное большинство современных теорий распределения считает возможным решение поставленной ими проблемы; вопрос о распределении сводится обыкновенно к вопросу об обмене ценностями как к таковому.

---

1) Изд. Berlin, Julius Springer. Русское изд. «Социальная теория распределения», Спб. 1914.

2) См. «Начала политической экономии», предисловие.

3) Замечательно, что уже в русской литературе возникло течение, которое объявляет конструирование теории распределения вообще невозможным. Подобного рода мнение отстаивает г. Струве. К нему примыкает г. *Шапошников* (см. его «Теорию ценности и распределения», Москва 1912, стр. 11); тот же самый научный скептицизм мы находим у *Булгакова* («Философия хозяйства», стр. 289).

Эту постановку вопроса принимает господствующая в настоящее время в официальной науке *австрийская школа.* Но и у Маркса проблема распределения находится в тесной связи с проблемой ценности, так как он рассматривает заработную плату, как цену рабочей силы. Однако у Маркса (и в этом состоит его бессмертная заслуга) все экономические категории рассматриваются с точки зрения социальной и исторической; поэтому меновой акт между капиталистом и рабочим сам по себе предполагает наличность классовых противоречий и классовой борьбы. *Туган-Барановский* отстаивает здесь совершенно особую точку зрения. Защищая свою «собственную» теорию ценности, которая представляет не что иное, как смешение Бем-Баверка и Маркса, он конструирует и собственную теорию распределения, в которой он выступает как против Бем-Баверка, так и против Маркса: Туган-Барановский принципиально отклоняется от них как в самой постановке вопроса, так и в методе его решения. В противоположность Бем-Баверку и Марксу, он полагает, что между проблемами распределения и ценности нет никакой необходимой логической связи, что можно быть сторонником любой теории ценности, ни в малейшей мере не затрагивая какой бы то ни было теории распределения, ибо между общественными классами происходит борьба за участие в общественном *продукте.* Таким образом новизна метода Туган-Барановского состоит в том, что *вопросы распределения* рассматриваются совершенно обособленно от проблем *обмена ценностей,*—исключительно с точки зрения соотношения сил между классами капиталистического общества. Куда эта «новизна» приводит, мы еще увидим. Но прежде всего необходимо установить некоторые методологические требования, которые мы должны поставить всякой теории капиталистического распределения.

Предметом политической экономии является исследование отношений, которые возникают между людьми в их борьбе с природой; все общество рассматривается с этой точки зрения, как известный «производственный организм» (Маркс); в качестве исходной точки его развития выступают взаимоотношения между человеком и внешним миром, степень господства над последним, «общественные производительные силы»; с развитием последних изменяются взаимные отношения людей

в процессе труда, или, по терминологии Маркса, «производственные отношения».

Продукт труда распределяется, но формы этого распределения даны всегда *исторически* и мыслятся всегда в их изменении. Мы различаем, во-первых, организованное распределение, когда продукт распределяется либо самим обществом, либо общественной властью (что г. Струве обозначил бы как «истинное хозяйство») и, во-вторых, неорганизованное распределение, когда общественное хозяйство выступает как своеобразная комбинация отдельных, «единичных» хозяйств [1]); здесь распределение выступает в форме *обмена* («псевдораспределение», по Струве) [2]).

В распределении находят свое выражение определенные общественные отношения труда; в частности в обмене, т.-е. в движении товаров из одного отдельного хозяйства в другое, находит свое выражение факт всеобщего сотрудничества людей [3]). Эти формы распределения всегда соответствуют определенным производственным отношениям и, кроме того, выступают как формы их постоянного воспроизводства. Так, например, основным отношением капиталистического производства является отношение между капиталистом и рабочим, а соответствующая ему форма распределения выражается в появлении рабочей силы, как товара, на товарном рынке. Только благодаря последнему обстоятельству обмен принимает форму *капиталистического.* Если на рынке нет товара, именуемого рабочей силой то это показывает, что форма распределения соответствует лишь простому товарному производству, но отнюдь не капиталистическому. Наоборот, поскольку операция Д—Рс («деньги—рабочая сила») дана как составная часть в метаморфозах Д — Т, постольку мы имеем специфическую форму *капиталистического распределения,* которая свойственна единственно только *капиталистическому производству* [4]). Таким образом капита-

---

1) Характерные признаки такого общественного хозяйства, которое состоит из индивидуальных хозяйств, изложены очень хорошо у Родбертуса.

2) См. «К критике некоторых основных проблем и положений политической экономии»,—«Жизнь», 1900 г., III и IV.

3) Это превосходно изложено Марксом в главе о «товарном фетишизме».

4) «В отношении между капиталистом и наемным рабочим денежное отношение, отношение покупателя и продавца, становится отноше-

листическому производству соответствует в качестве исторической формы распределения капиталистический обмен, то-есть распределение посредством отношений ценностей, а не вещей, и притом обмен, где в качестве товара выступает и рабочая сила. Итак, *чтобы понять процесс распределения в его капиталистической форме, мы обязательно должны помнить два вышеупомянутых факта: 1) распределение происходит при посредстве ценностных отношений; 2) рабочая сила становится товаром.* Это и есть те требования, которые нужно ставить всякой теории капиталистического распределения.

Как же в этом отношении обстоит дело с теорией Туган-Барановского?

В результате своих исследований о заработной плате и прибыли, он приходит к следующей формулировке: высота заработной платы и прибыли определяется, во-первых, общественной производительностью труда, так как этим самым дается количество продуктов, подлежащих распределению, и, во-вторых, долей участия рабочих и капиталистов *(в продукте)*; самые эти доли, со своей стороны, определяются взаимным соотношением сил. В этом, собственно, и состоит новая теория, взятая в ее основных моментах.

Мы видим, стало быть что оба упомянутых условия *не* выполнены: здесь не принята во внимание ни ценность вообще, ни ценность рабочей силы в частности. И сразу заметно, что подобного рода формулировка не об'ясняет заработной платы и прибыли, как таковых, то-есть как специфически исторических форм. Ведь легко видеть, что производительность труда при *всех* исторических формациях оказывает одинаковое влияние на «доход», выраженный в *продуктах;* совокупная масса продуктов увеличивается вместе с ростом производительности труда и уменьшается вместе с ее падением, независимо от того, предполагаем ли мы первобытно-коммунистическое, феодальное или капиталистическое производство. Точно так же во *всяком* обществе, разделенном на классы, соотношение сил, как фактор, определяющий долю противоположных классов, действует одинаковым образом; ибо, где имеются классы, там происходит

нием имманентно присущим самому производству. Но это отношение в основе своей зиждется на общественном характере производства, а не способа обмена; последний, напротив, вытекает из первого» («Капитал», т. II, Москва 1919 г., стр. 93).

и классовая борьба за долю участия в совокупном общественном продукте и легко понять, что результаты этой борьбы определяются «соотношением общественных сил».

Современная борьба за участие в общественном продукте обладает специфическим свойством: это — борьба за экономические *ценности.* Абстрагирование от ценности было бы поэтому абстрагированием от подлинно типичной черты современной формы хозяйства.

Маркс говорит:

«Потребительная ценность при товарном производстве вообще не представляет вещи «qu'on aime pour lui même» (которую любят ради ее самой). Потребительные ценности вообще производятся здесь лишь потому и постольку, что и поскольку они являются материальным субстратом, носителями меновой ценности» («Капитал», т. I, ср. русск. пер., изд. 1909, стр. 151).

В другом месте «Капитала» Маркс дает блестящую характеристику капиталистического метода эксплоатации: «Капитал не изобрел прибавочного труда. Всюду, где часть общества имеет монополию на средства производства, рабочий, свободный или несвободный, должен присоединить к рабочему времени, необходимому для содержания себя самого, излишнее рабочее время, необходимое для того, чтобы произвести средства существования для собственника средств производства, при чем безразлично, будет ли это собственник афинский καλός κ'άγαθός, этрусский теократ, civis romanus, норманский барон, американский рабовладелец, валашский боярин, современный лэндлорд или капиталист. Впрочем, само собою понятно, что если в какой-нибудь общественно-экономической формации преобладающее значение имеет не меновая ценность, а потребительная ценность продукта, то прибавочный труд ограничивается более или менее узким кругом потребностей, но из самого характера соответственного производства не вытекает безграничной потребности в прибавочном труде» (l. c., ср. цит. русский перевод, стр. 198).

Это место «Капитала» особенно ясно показывает, что распределение ценности следует строго отличать от простого распределения продуктов. *Мы совершенно не могли бы понять такое важное явление, как накопление капитала,* если бы мы приняли в расчет только распределение продуктов как *потребительной ценности,* мы, следовательно, оказались бы совер-

шенно не в состоянии понять процесс постоянно расширяющегося воспроизводства капиталистических отношений. Развитая экономическая теория должна быть в состоянии, исходя из основного понятия ценности, понять все явления хозяйственной жизни. Маркс уже в «Нищете философии», как особую заслугу Рикардо, выдвигал то, что он «констатирует правильность своей формулы, выводя ее из *всех* хозяйственных процессов и об'ясняя таким образом все явления... Это именно и обращает его учение в научную систему» (К. Маркс, «Нищета философии», перевод В. Д. Ульриха, Спб. 1905 г.).

Мы приходим таким образом к следующему заключению: чтобы об'яснить капиталистические распределительные отношения, недостаточно, как это делает Туган-Барановский, сослаться на классовую борьбу, *необходимо показать, как эта борьба классов, делящих между собой общественный продукт, находит свое выражение в всеобщей категории товарного хозяйства — в ценности*, т.-е. как эта классовая борьба выступает в форме борьбы между покупателем и продавцом товара, именуемого «рабочей силой». Без этого об'яснения мы не имеем никакой теории *капиталистического* распределения, мы имеем лишь ряд утверждений обще-социологического характера, которые пригодились бы для самых разнообразных экономических форм. Таким образом теория Туган-Барановского оказывается в действительности в комическом положении, в положении «социальной» теории, которая не об'ясняет, однако, никаких *определенных* социальных отношений; напротив того, в ее рамки, как показано, можно вставить совершенно различные социальные структуры.

Таково общее возражение против теории Туган-Барановского,—возражение, которое, конечно, не отрицает выдвигаемого этой теорией влияния обоих факторов (общественной производительности труда и классовой борьбы), но которое в то же время достаточно ясно показывает, что новая теория оказалась совершенно не в состоянии об'яснить особенности капиталистического распределения [1].

---

[1] Рыбак рыбака видит издалека. Один из новейших немецких «критиков» марксизма, творец своей «собственной» теории либерального социализма, Фр. Оппенгеймер, в такой же мере, как и его русский «товарищ по борьбе», не способен понять, что капитализм является особой формой *товарного производства* и что для его понимания необ-

Перейдем теперь от этих общих рассуждений к более конкретной критике теории заработной платы и прибыли.

Мы уже установили, что в анализе капиталистического распределения надо прежде всего принять во внимание, что рабочая сила при капиталистическом способе производства выступает как товар. Другими словами, «доход» рабочего реализуется посредством менового акта, об'ектом которого является единственный товар, имеющийся у пролетария, лишенного средств производства,—его рабочая сила.

Поэтому «участие рабочего в продукте» выступает здесь в форме цены за этот товар. Мы видели выше, что именно это обстоятельство существенно и характерно для капитализма. Отсюда и вытекает точка зрения Маркса, который рассматривает долю рабочего в ее исторической форме, в форме цены или ценности рабочей силы. Но наш критик очень строг, и марксова теория кажется ему, само собой разумеется, недостаточной, ибо она, по его мнению, рассматривает проблему распределения, как общую проблему ценности, — и наталкивается на неразрешимые трудности... А именно, с точки зрения трудовой ценности, на которой стоит Маркс, нельзя об'яснить явления заработной платы. Почему, если труд создает ценность, рабочий получает не весь продукт, а только его часть? Для об'яснения этого необходимо выйти за пределы общей теории ценности и ввести социальные элементы, которым трудовая ценность принципиально столь же чужда, как и теория предельной полезности [1]).

Г. Туган-Барановский ставит, таким образом, следующую дилемму: либо «теория трудовой ценности», либо «социальные элементы». Но Маркс отнюдь не удовлетворяется *общей* постановкой проблемы. Поскольку он отличает рабочую силу от всех прочих товаров, постольку он говорит об «историческом и моральном», т. е. о *социальном*, элементе [2]).

ходим анализ категорий *товарного производства*. См. его книгу «Soziale Frage und Sozialismus» с подзаголовком «Eine kritishe Auseinandersetzung mit der marxistischen Theorie». Особенно интересна в этом отношении глава: «Робинзон—капиталист».

[1]) *Туган-Барановский*, «Основы политической экономии». 2-е издание, стр. 354.

[2]) «В противоположность другим товарам, определение ценности рабочей силы включает в себя моральный и исторический элементы

Таким образом теория трудовой ценности отнюдь не вступает в конфликт с «социальными элементами» в смысле классовой борьбы; напротив того, она предполагает эти последние. У Маркса меновой акт между капиталистом и рабочим уже рассматривается как проявление классовых отношений.

Всякое длительное увеличение потребностей рабочего класса и вытекающее отсюда повышение ценности рабочей силы осуществляются исключительно только путем пролетарской классовой борьбы; это повышение и сопровождающие его явления протекают следующим образом: если возросшая заработная плата (результат успешной классовой борьбы) держится сравнительно долго, то данная рабочая сила превращается в качественно иную рабочую силу; параллельно с этим происходит и другой процесс: данная заработная плата, как *цена* рабочей силы, *становится* ценностью последней; уровень, около которого происходят дальнейшие колебания заработной платы, становится выше. Возросшая ценность рабочей силы соответствует, таким образом, ее возросшей квалификации [1]); поскольку предполагаются увеличенные привычные потребности, постольку рабочая сила должна обладать более высокой ценностью; но этим самым дано и качественное изменение этой рабочей силы; процесс абсолютного улучшения положения рабочего класса, стимулируемый классовой борьбой, сопровождается непрерывным развитием способности к труду.

Кроме того, мы видим, «что борьба за повышение заработной платы является только следствием предшествовавших перемен, что она есть неизбежный плод предшествовавших изменений в массе производимых продуктов, в производительной силе труда, в ценности труда и денег, в напряженности труда рабочего, соответствующих колебаний рыночных цен, обусловленных колебаниями спроса и предложения и различными фазами промышленного круговорота...» [2]).

(«Капитал», т. I, стр. 135, русск. перевод) ...«исторический или социальный элемент, обусловливающий ценность труда...» («Заработная плата, цена и прибыль», русск. перевод в издании Львовича, стр. 59).

[1]) Этого обстоятельства не следует упускать из вида при рассмотрении вопроса о безработице. Иначе связь между трудовой теорией ценности в применении к проблеме рабочей силы и учением о классовой борьбе не найдет достаточного об'яснения.

[2]) «Заработная плата, цена и прибыль», русск. перевод, стр. 58.

Итак, мы видим, что учение Маркса не только вскрывает социальные основы капиталистического распределения (монополизацию средств производства, которая вынуждает рабочего продавать свою рабочую силу, и классовую борьбу между пролетариатом и буржуазией), но и показывает, как эта борьба находит свое выражение в форме «купли-продажи». Именно потому, что у Маркса определение ценности рабочей силы «включает в себя исторический и моральный элементы», социальная связь между доходом капиталистов и рабочих не только сохраняется, но и находит должное об'яснение на основе общих условий капиталистических производственных отношений. Маркс исследует именно *заработную плату*, т.-е. категорию капиталистического хозяйства, в то время как заработная плата в изложении Туган-Барановского, напротив того, может быть понята как «доля», приходящаяся любому эксплоатируемому классу. Отсюда следует, что для об'яснения заработной платы *общей* теории ценности недостаточно. Нужно безусловно принять во внимание все своеобразие товара «рабочая сила», которое состоит, главным образом, в том, что ценность этой рабочей силы—даже если мы отвлечемся от тех причин, которые изменяют ценность всех прочих товаров, — претерпевает изменение и что это изменение—если рассмотреть вопрос с социальной стороны—обусловлено классовой борьбой пролетариата. Но если общей теории ценности оказывается *недостаточно* для теории заработной платы, то отсюда отнюдь не следует, что последняя не нуждается в *фундаменте*, покоящемся на теории ценности. Напротив того, никакая теория заработной платы, как установлено выше, не может быть построена без выполнения этого условия. Но, быть может, теория заработной платы невозможна и в том случае, если принять, что рабочая сила является товаром и что ее продажа подчинена закону ценности, господствующему над всеми товарами. Туган-Барановский держится именно этого взгляда. «Попытку Маркса,—говорит он,—дать теорию заработной платы на основе трудовой теории ценности нужно признать совершенно неудавшейся» [1]. По мнению нашего экономиста, это обстоятельство нужно приписать тому, что «рабочая сила» совершенно не подходит под категорию товара в обычном

1) *Туган-Барановский*, «Основы политической экономии», 2-е изд., стр. 354.

смысле этого слова и что она поэтому отнюдь не подчинена тем законам, которые имеют силу по отношению ко всем товарам. Ее производство, прежде всего, по мнению Туган-Барановского, не хозяйственный процесс: «Все остальные товары представляют внешние продукты или средства хозяйственной деятельности человека, хозяйственные об'екты. Рабочая сила человека, это—сам человек, т.-е. не об'ект, а суб'ект хозяйства» [1]).

Однако тот факт, что человеческая личность в капиталистическом обществе не является «самоцелью», никак нельзя опровергнуть ламентациями. Здесь господствует «цинизм в отношениях» между капиталом и трудом; рабочая сила выступает в форме товара, как определенное средство производства, и самый процесс капиталистического производства в его движении и полном общественном масштабе точно так же является своеобразным процессом производства и воспроизводства рабочей силы, т.-е. не людей как таковых, но как наемных рабочих капитала [2]); своеобразие этого процесса производства заключается в том, что здесь не затрачивается никакого нового живого труда, а переносится прошлый труд, овеществленный в продуктах потребления рабочих. В своем стремлении дискредитировать метод, рассматривающий заработную плату как цену рабочей силы, Туган-Барановский по отношению к рабочей силе об'являет недействительным не только закон издержек производства, но и закон спроса и предложения, и это, с его точки зрения, весьма логично, так как он исходит из своей собственной посылки, что рабочая сила не есть товар. Но его теория с большим трудом может быть согласована с действительностью.

«Из этой доктрины естественно получался вывод, что рабочие союзы не могут улучшить положения рабочих классов, так как рабочие союзы бессильны увеличить национальный капитал или уменьшить предложение рабочих рук в стране» [3]).

---

[1]) *Туган-Барановский,* «Основы политической экономии», изд. 1917 г., стр. 380.

[2]) «Итак, с общественной точки зрения класс рабочих—даже вне непосредственного процесса труда—является такой же принадлежностью капитала, как и мертвый рабочий инструмент» («Капитал», т. I, стр. 535).

[3]) *Туган-Барановский,* «Основы политической экономии», изд. 1917 г., стр. 386.

Если согласиться с этим, то не может быть больше никакой речи о законе спроса и предложения. Таков вывод г. Туган-Барановского. Однако ошибка его состоит в том, что он слишком узко толкует закон спроса и предложения. Ведь истинная цель рабочих организаций в действительности состоит в том, что они в интересах рабочих стараются активно воздействовать на отношение спроса и предложения. Организация рабочих действует, как сокращение предложения рабочих рук, напротив того, дезорганизация их действует, как увеличение этого предложения.

Туган-Барановский приводит еще один аргумент в связи с изложенным выше утверждением, что рабочая сила не есть товар: «Если возрастает цена какого-либо другого средства производства,—читаем мы у него,—то капиталистический мир борется с этим путем увеличения производства соответствующего средства производства... Но если возросла заработная плата, то капиталистический мир не в силах ответить на это так, как он отвечает на возрастание цен всякого другого товара» [1]).

Этот «капиталистический мир», по мнению Туган-Барановского, оказывается совершенно бессильным: «Правда, повышение заработной платы могло бы побудить фабриканта ввести новые машины и таким образом сократить число занятых рабочих. Однако замена рабочих машинами возможна далеко не всегда, а лишь в некоторых случаях и является далеко не общим правилом» [1]). Таким образом г. Туган-Барановский (который упрекает Маркса, что он «упустил» социальный момент превосходства сил капиталистов) допускает, что капитал почти бессилен в его борьбе с рабочим классом; он полагает, что замена рабочих машинами возможна «лишь в некоторых случаях». Между тем эта «возможность» совершенно не представляется необычной для капиталиста [2]). Как раз наоборот: вытеснение рабочего машиной и возникновение промышленной резервной армии, как неоспоримый факт экономической действительности, всегда имели место и имеют место и теперь. Это—процесс, необходимо связанный с капиталистическим производством; это—не случайность и не исключение, а одна

---

1) *Туган-Барановский*, «Основы», 1 изд., стр. 547 — 548.

2) См. рецензию *Н. Шапошникова* на книгу Туган-Барановского в «Критическом Обозрении» за сентябрь 1909 г., стр. 52.

из самых характерных его черт. Недаром «проблема бедности и безработицы» беспокоит даже патентованных социалистоедов, как постоянная угроза «социальному миру».

Но г. Туган-Барановский вообще утверждает, что закон трудовой ценности, равно как и закон издержек производства, не имеет никакого значения для рабочих.

Это утверждение одевается в форму критики (физиологического и культурного) «минимума средств существования», в том числе и теории Маркса; критикуя эту последнюю, как теорию «культурного минимума» [1]), он выступает против нее со следующим возражением. Эта теория, по его мнению, является искажением «истинных причинных соотношений», потому что «английский рабочий получает высокую плату не потому, что он ест бифштекс, а потому он ест бифштекс, что он получает высокую заработную плату... Повышение уровня жизни английского рабочего было следствием повышения его заработной платы, а не наоборот, не повышение платы явилось результатом повышения его уровня жизни... Сказать, что размер заработной платы определяется необходимыми издержками производства рабочей силы, это значит ровно ничего не сказать, так как издержки эти могут быть в высшей степени различны в зависимости от уровня жизни рабочих, определяемого, в свою очередь, заработной платой. Об'яснение вращается, следовательно, в кругу» [2]).

Об'яснение Туган-Барановского, даваемое им с этой точки зрения, есть прежде всего не что иное, как «circulus viciosus» (порочный круг). Ведь мы знаем, что уровень заработной платы, по его мнению, в противоположность всем прочим товарам, устанавливается на основе совершенно иных факторов, а именно: на основе производительности общественного труда и доли рабочего класса, определяемой классовой борьбой. Но, во-первых, производительность труда сама в высшей степени зависит от высоты заработной платы, так как рост заработной

---

[1]) Здесь уместно заметить следующее: Изложив так называемый «железный закон заработной платы», г. Туган-Барановский непосредственно за этим говорит: «Что касается Маркса, то не подлежит сомнению, что он также стоял на почве учения о минимуме средств существования». Таким образом создается впечатление, что Маркс был сторонником пресловутого «закона». Однако Маркс сумел оценить теоретическую ценность этого закона.

[2]) *Туган-Барановский*, «Основы», 1 изд., стр. 362.

платы вынуждает капиталистов улучшать технику производства и вместе с тем увеличивать производительность труда; во-вторых, степень развития классовой борьбы пролетариата зависит от состояния его потребностей. (Известно, как Лассаль жаловался на «проклятое отсутствие потребностей».) Итак, мы у Туган-Барановского находим то «движение в кругу», в котором он упрекает Маркса. Но вернемся к самой теории Маркса. Туган-Барановский упускает из вида два обстоятельства. Во-первых, что Маркс рассматривает категорию ценности рабочей силы *исторически*. «Самые естественные потребности, как-то: пища, одежда, топливо, жилище и т. д., различны в зависимости от различных климатических и других особенностей природы той или другой страны. С другой стороны, размер так называемых необходимых потребностей, равно как и способы их удовлетворения, сами представляют продукт истории и зависят по большей части от культурного уровня страны, между прочим, и от того, при каких условиях, а, следовательно, с какими привычками и жизненными притязаниями сформировался класс свободных рабочих» [1]).

Мы видим, стало быть, что «жизненные притязания» и «привычки» представляются историческим «prius'ом», а уже одно это обстоятельство разрушает порочный круг.

«Отчего, — спрашивает, однако, дальше Туган-Барановский,—культурный минимум существования в Америке выше, чем в Англии? Именно в этом и заключается весь вопрос, оставляемый названной доктриной совершенно без ответа» [2]).

Однако «названная доктрина» отвечает и на это: если мы хотим определить конечные причины, то явление, подлежащее об'яснению, можно в последнем счете свести к ступени развития производительных сил. Но нас интересует здесь другая сторона, а именно, нам кажется, необходимым поставить в связь размер ценности рабочей силы с характерными свойствами последней. Ответ тогда будет совершенно ясен и для неспециалиста: рабочая сила (точнее, ценность рабочей силы) в Америке выше, чем в Англии, потому что американские и английские рабочие силы представляют собой две качественно различные величины; это—два *различных* товара, которые

---

[1]) *Карл Маркс*, «Капитал», т. I, стр. 135, русск. перевод.
[2]) *Туган-Барановский*, l. c., стр. 361.

обладают неодинаковой потребительной ценностью и которые при их воспроизводстве требуют *неодинакового* количества общественно-необходимого труда. Труд, затрачиваемый американцем, представляет собой труд более сложный, и для воспроизводства его рабочей силы требуется большее количество и большее разнообразие средств потребления, так что средства воспроизводства рабочей силы в Америке достигают более высокой ценности, чем в Англии. Здесь мы подошли ко второму обстоятельству, которое упустил Туган-Барановский, а именно — к связи между потребностями (а следовательно, ценностью рабочей силы) и ступенью развития этой рабочей силы. Каким образом получилось, что рабочая сила в Америке приобрела гораздо большую ценность, чем в Европе, это—вопрос, совершенно отличный от разбираемого,—вопрос, ответ на который кроется в конкретных исторических условиях недавно заселенной колониальной страны. Эти соображения освобождают теорию «культурного минимума» от упрека, «что она отсылает от Понтия к Пилату».

Но как же об'ясняет сам Туган-Барановский высоту заработной платы?

Как установлено выше, величина заработной платы определяется у него: 1) общественной производительностью труда и 2) долей рабочего класса в совокупном общественном *продукте*. Первое утверждение неоспоримо, но второе звучит несколько странно. Не следует забывать, что счет ведется в *продуктах*. Но если мы берем капиталистическое хозяйство в целом, на чем настаивает г. Туган-Барановский, то общественный доход выражается в сумме качественно различных продуктов. Кроме того, надо заметить, что потребление рабочих по качеству потребляемого совершенно отлично от потребления капиталистов. Схематически это можно представить следующим образом (мы для простоты оставляем в стороне «долю» средств производства).

Совокупный общественный продукт охватывает 4 куска шелка + 5 тонн ржи, из коих рабочие потребляют 4 тонны ржи, а капиталисты 4 куска шелка + 1 тонну ржи.

Теперь надо заметить, что «доля общественного дохода», которую рабочие получают, как заработную плату, представляет собой $^1/_4$ или $^1/_2$, $^2/_3$,... $\frac{x}{n}$ этого дохода, т.-е. известную

дробь от совокупного общественного дохода, как некоторой единицы. Но как же выразить 4 тонны ржи, как часть целого комплекса (4 куска шелка + 5 тонн ржи)? Совершенно очевидно, что это невозможно по той простой причине, что мы имеем здесь перед собой несоизмеримые, качественно различные вещи.

Итак, Туган-Барановский,—если остаться при прежнем примере,—при помощи своей остроумной теории может только установить, что рабочие получают 4 тонны ржи; но он никак не может сказать, какую «долю» совокупного продукта составляют эти 4 тонны ржи, так как 5 тонн ржи + 4 куска шелка невозможно разделить на 4 тонны ржи.

Только с меновыми ценностями мы можем производить подобные действия деления [1]). Именно это беспомощное смешение *ценности* и *продукта* является у г-на Туган-Барановского последним словом критической мудрости—«очисткой» от Маркса.

Таким образом его формулировка теории заработной платы не дает никакого об'яснения заработной платы как «доли» *наемного рабочего;* более того, она сводится к чистой тавтологии, к повторению вопроса другими словами. И это происходит благодаря тому новому великолепному методу, который заключается в игнорировании в политической экономии ценности.

Последовательное применение этого метода мы находим и в теории *прибыли.*

---

[1]) По той же причине следует признать несостоятельными приведенные Туган-Барановским примеры, которые должны служить доказательством пропорциональной зависимости между производительностью труда и высотой заработной платы. Ведь обе эти величины выражены у него в деньгах: мы узнаем, например, что средний годовой заработок фабричного рабочего в Америке за пятидесятилетний период (от 1850 г. до 1900 г.) возрос с 1.200 крон до 2.125 крон, в то время как «ценность» годового продукта, приходящегося на одну рабочую силу, увеличилась с 5.162,50 до 11.885 крон. Выводить отсюда заключение, что «возросла как заработная плата, так и производительность труда, при чем, однако, производительность труда возросла больше», непозволительно, если понимать под заработной платой реальную заработную плату. Ибо, во-первых, по увеличению денежной заработной платы нельзя заключать о пропорциональном или каком бы то ни было другом возрастании реальной заработной платы, а, во-вторых, на основании одной только ценности продукта ничего нельзя утверждать о производительности труда. Мы здесь опять имеем ребяческое смешение ценности и продукта.

«Прибыль составляет нечто постороннее самому процессу производства, факт социального происхождения, связанный с определенным распределением в обществе имущества» [1]).

Если в исследовании заработной платы оказалось, что *долю* рабочих нельзя рассматривать, как долю в *продукте*, то это еще легче заметить в анализе прибыли. Капиталист, этот, по выражению Маркса, «персонифицированный капитал», строит все свои расчеты на операциях с меновыми ценностями. Поскольку капиталистическое производство является производством ради производства (что сам Туган-Барановский особенно подчеркивает), постольку оно прежде всего представляет собой *производство ценностей*, и рычагом его является стремление к накоплению ценностей *капитала*. Понимание этого процесса накопления есть необходимая предпосылка для понимания структуры всего капиталистического общества. Поэтому, если абстрагирование от цены было абсурдом при исследовании *заработной платы*, то это тем более абсурд при об'яснении *прибыли*.

Но г. Туган-Барановский отнюдь не боится этого возражения и в одной статье, помещенной в «Русской Мысли» (за 1910 г.), отвечает на него следующим образом: «Возможно это (абстрагирование от цены. *Н. Б.)* и необходимо (sic!) потому, что прибыль, как характерная и нормальная категория капиталистического строя, возникает не на рынке, не в сфере обмена, а за пределами рынка, в сфере отношений производства». Это утверждение Туган-Барановского звучит, правда, в высшей степени по-марксистски, но в действительности оно безусловно неправильно. В «сфере производства» прибыль возникает лишь потенциально (по Марксу в производстве образуется прибавочная ценность, которая реализуется как *прибыль* лишь в процессе обращения, следовательно, на основе рыночных отношений).

Замечательно, что Туган-Барановский приходит тут в резкое противоречие... с самим собой. Желая ограничить явления распределения от явлений обмена, он писал: «Если мы говорим о явлениях производства и обмена, то мы предполагали самый процесс; под явлениями же распределения мы понимали конечный результат этого процесса по отношению к его участникам»... Прибыль есть факт *распределения;* следо-

[1]) *Туган-Барановский*, цит. соч., 1917 г., стр. 447.

вательно, она, по Тугап-Барановскому, должна была возникнуть как *результат* процесса производства и *обмена*. Но вот Туган-Барановский хочет доказать, что «возможно и необходимо» абстрагировать от ценности, и он таким образом моментально отказывается от своего основного взгляда на распределение, как на «результат процесса», и горячо утверждает противоположное: прибыль возникает теперь не в *конце*, а в начале этого процесса. Это жонглирование понятиями иногда весьма удобно, но оно отнюдь не свидетельствует о теоретической ценности нового «учения о прибыли». В той же самой статье, несколько дальше, Туган-Барановский учит, что «капиталистическая прибыль может появляться в формах, совершенно не связанных с товарной ценой. Возьмем, например, натуральный заем и т. д.» (стр. 108). Далее приводится подобный же пример: фермер, который уплачивает рабочим натурой. «При чем тут теория ценности!»—восклицает Туган-Барановский. Уважаемый профессор опять забывает свое (несомненно, правильное) толкование прибыли, как «характерной и нормальной категории капиталистического хозяйства»—иначе он не мог бы говорить о займе в предметах потребления... «Но мне могут сказать,—продолжает автор,—что я предполагаю во всех этих случаях натуральное хозяйство, между тем как капиталистическое хозяйство есть хозяйство меновое. Это совершенно верно. Но верно и то, что в основе менового хозяйства лежит все же не обмен, а производство» (там же). Можно было бы прибавить сюда еще одно «но». «Верно и то, что в основе *всякого* мыслимого хозяйства—даже хозяйства на Марсе—лежит производство». Но здесь речь идет не об этом, а о том факте, что присвоение просто прибавочного *продукта* совершенно не характерно для капитализма, и об'яснение Туган-Барановского, вследствие этого, не дает никакого об'яснения капиталистических отношений.

Итак, каким образом возникает прибыль, как приращение ценности? Анализируя критику Тюнена, даваемую Бем-Баверком [1]), Туган-Барановский находит, что об'яснения Тюнена вполне удовлетворительны. Его об'яснение (которое согласуется с об'яснением Тюнена) можно передать следующим образом: пусть количество пряжи до введения какой бы то

---

[1]) *Бем-Баверк.* «Капитал и прибыль».

ни было соответствующей машины равно A; далее, пусть количество, присоединившееся к нему после введения машины, будет a; тогда вся сумма пряжи равна A + a. Если мы присоединим сюда орудия труда (в данном случае нашу машину) и обозначим их через b, то мы получим для совокупного общественного продукта следующее выражение: A+a+b; по мнению Туган-Барановского, общественный продукт увеличился таким образом на a+b, т.-е. на эту сумму увеличились общественные доходы; увеличение расходов равно b; но так как a+b > b (сумма всегда больше одного из слагаемых), то отсюда следует, что и «ценность увеличения общественного продукта, вызванная введением новых средств производства, не может не превышать ценности этих средств производства» [1]).

«Очевидно, что прядильная машина плюс добавочное количество пряжи (производимое при помощи этой машины) представляет собой по своей ценности нечто бóльшее, чем самая эта машина, ибо добавочное количество пряжи, во всяком случае, имеет некоторую ценность» (там же).

Но если мы рассмотрим эти выводы поближе, то мы заметим, что ценность появляется у Туган-Барановского неожиданно, как deus ex machina, как крайнее средство. Неравенство a+b > b *лишь* тогда очевидно, когда говорят о машине и пряже, как об определенных физических телах; здесь машина плюс некоторое количество пряжи действительно больше, чем машина без пряжи; но с точки зрения ценностных отношений приведенное выше неравенство нужно еще доказать, ибо равенство физических предметов отнюдь не является равенством их ценностей (здесь рассматриваются два различных хронологических момента, где те же самые потребительные ценности произведены при различных условиях производства; во втором случае мы имеем улучшенную технику). Г. Туган-Барановский пытается опровергнуть и это возражение.

«Конечно,—говорит он в своей статье,—если бы сравнивать ценность машин и машин *плюс* пряжа за разные моменты времени и предположить при этом, что ценность машин за рассматриваемое время изменилась, то ценность машин могла бы оказаться и более высокой, чем ценность суммы машин и пряжи. Но такое предположение методологически недопустимо.

[1]) *Туган-Барановский*, «Основы», стр. 425.

В тексте исследуется нормальный случай воспроизводства общественного продукта при новых технических условиях, а отнюдь не на случай колебания товарных цен»[1]).

Этим примечанием г. Туган-Барановский совершенно отказывается от своей точки зрения, так как именно новые технические условия вызывают эти «колебания цен». Г. Струве зло замечает по этому поводу следующее: «Ни одна теория ценности, не считая явно метафизической теории трудовой ценности[2]), не может оставлять в стороне случайные колебания цен... Это словосочетание (случайные колебания цен) — вдвойне бессмысленно при предположении новых технических условий, которые увеличивают количество продукта, ибо количество продукта, по основному смыслу учения о предельной полезности, существенно для оценки»[3]). Здесь г. Струве прав.

Однако, если бы правда в *этом* случае и была на стороне Туган-Барановского, то его положение отнюдь не было бы спасено. В самом деле, еще раньше, чем он пришел к неравенству $a + b > b$, он должен был для вычисления увеличения «дохода» вычесть A из $(A + a + b)$ (первая величина представляет собой общественный продукт до введения машины, а вторая—совокупный общественный продукт после введения машины). В результате вычитания он получает в качестве разности $a + b$, что, однако, с точки зрения вычисления ценностей, само собой разумеется, неправильно, так как A в уменьшаемом $(A + a + b)$ *меньше*, чем вычитаемое A, ибо рост производительности труда (или, с точки зрения теории предельной полезности, увеличение количества продукта) в самом производстве пряжи уменьшил меновую ценность той же потребительной ценности A. Итак, если мы даже оставим неизмененной ценность машин, то г-ну Туган-Барановскому все же не удается об'яснить приращение ценности, т.-е. прибыль[4]).

---

1) «Социальная теория распределения»,—«Русская Мысль» за 1910 г., стр. 112, примечание.

2) Мы не будем здесь останавливаться на том глубокомыслии, которое выступает у самого г-на Струве в его «критике» теории трудовой ценности. Мы еще дальше увидим пример этого глубокомыслия.

3) *Струве*, «Теория распределения Туган-Барановского»,—«Русская Мысль», 1911 г., т. I.

4) Во втором издании своих «Основ» г. *Туган-Барановский* делает еще одну попытку оправдать свою точку зрения. «Это возражение,— пишет он,—основано на следующем недоразумении. Я рассматриваю

Ошибочность критики Тюнена, даваемой Бем-Баверком, Туган-Барановский об'ясняет тем, что Бем-Баверк рассматривает прибыль под углом зрения частного хозяйства; в современном раздробленном производстве с высокоразвитым разделением труда продукт, по мнению Туган-Барановского, отличен от затраченных средств производства. Наоборот, если мы возьмем все общественное хозяйство, совокупность всех средств производства и совокупный общественный продукт, то расходы и приходы выразятся качественно в одних и тех же, а количественно и в различных продуктах.

Но и это утверждение Туган-Барановского неправильно. Обыкновенно происходит так, что продукт — если мы предполагаем переход к новой технике — не остается качественно одним и тем же; это становится особенно ясно, когда мы берем сравнительно продолжительный промежуток времени. Кроме того, этот аргумент Туган-Барановского предполагает стационарное состояние общественных потребностей; подобного рода допущение, однако, лишено всякого основания и находится в прямом противоречии с действительностью: процесс роста капиталистического производства находит свое выражение, между прочим, и в быстром увеличении разнообразия потребительных ценностей [1]).

нормальный процесс общественного воспроизводства при новых технических условиях. При переходе от производства при старых технических условиях к производству в новых технических условиях происходит умножение продукта. Но затем... никакого дальнейшего умножения продуктов... я предполагать не должен. Я и беру один из последующих оборотов общественного капитала. В статье прихода имеется a+b; в статье расхода—лишь b. Из какой бы теории ценности ни исходить... мы должны признать ценность единицы продукта в данном случае неизменной». «Весьма возможно,—меланхолически добавляет г. Туган-Барановский,—что это об'яснение также не удовлетворит моих критиков. Но ничего не поделаешь. Ведь самые очевидные истины могут наталкиваться на непонимание» (стр. 425, примечание). Все сказанное выше было бы совершенно правильно, если бы г. Туган-Барановский действительно сравнивал обороты капитала после введения машин. Но тогда не было никакого излишка в «доходах». Разница a+b ведь получается после вычитания A из (A+a+b), т.-е. путем сравнения двух оборотов, из коих один имел место до, а другой после введения машин. Это, нам кажется, достаточно ясно.

[1]) Против этого можно сделать и общее возражение. Даже если бы г-ну Туган-Барановскому удалось доказать увеличение ценности для всего общественного хозяйства (что ему, однако, *не удалось*), то про-

Но последуем дальше за почтенным г. профессором.

«Поскольку,—пишет г. Туган-Барановский, — дело идет о капиталистическом производстве, прибыль представляет собой (мы охотно хотели бы знать, где прибыль существует *вне* капиталистического производства. *Н. Б.)* доход, соотносительный заработной плате. Поэтому те же об'ективные факторы, которые устанавливают высоту заработной платы, должны устанавливать и сумму прибыли, поступающей в распоряжение капиталистов» (стр. 439).

Мы уже выше выяснили абсурдность понятия «доля» рабочих и капиталистов и не будем больше к этому возвращаться. Но мы хотели бы здесь обратить внимание на следующий «необыкновенно важный» тезис, с которым выступил г. Туган-Барановский и которым он очень гордится.

«Прибыль и заработная плата, — пишет он на стр. 440 «Основ»,—могут одновременно повыситься не только по своим абсолютным размерам, как сумма продуктов, поступающих в распоряжение капиталистического (?) и рабочего класса, но и как *доли* общественного продукта» (Подчеркнуто Туган-Барановским). «Для современной политической экономии,—продолжает Туган-Барановский,—которая не пошла в этом отношении дальше Рикардо, одновременное повышение долей в общественном продукте капиталистов и рабочих... должно казаться совершенной невозможностью. Но эта кажущаяся невозможность возникает лишь вследствие того, что современная наука рассматривает весь общественный продукт, как состоящий лишь из предметов потребления» [1]).

Но в действительности, по мнению г. Туган-Барановского, имеет место следующее: общественный продукт состоит из двух частей, из коих одна распределяется между обществен-

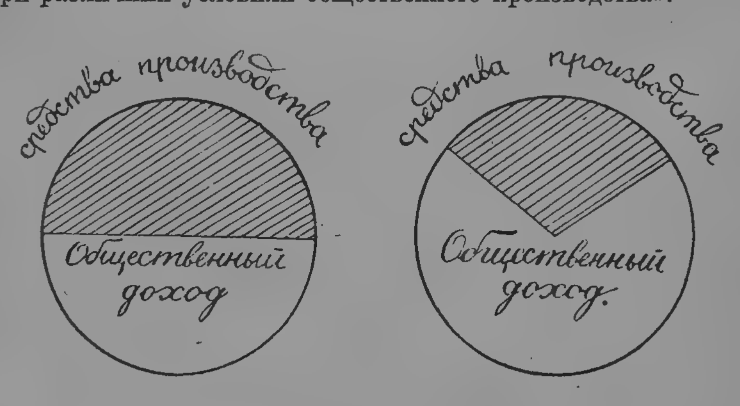

блему все же нельзя было бы считать решенной. «Не *всегда* можно смотреть на «целое»,—как совершенно правильно говорит Бем-Баверк, возражая Тюнену, — ведь надо же об'яснить и факт *индивидуальной* прибыли». Факт индивидуальной нормы прибыли (Zinsfuss) самим Туган-Барановским не оспаривается. Но у него нет никакого места между приростом общественной ценности и приростом ценности индивидуального капиталиста; вследствие этого факт индивидуальной прибыли вообще не находит об'яснения.

[1]) При чтении последних слов можно подумать, что второй том «Капитала» еще не был напечатан в 1912 году, когда вышли «Основы» *Туган-Барановского*.

ными классами, а другая затрачивается на воспроизводство средств производства и не достается ни одному общественному классу как доход.

«Если мы будем помнить,—говорит он,—что ценность всего совокупного общественного дохода никогда не достигает ценности всего общественного продукта, то нам будет понятна возможность одновременного возрастания и прибыли и заработной платы, как долей общественного продукта (стр. 441)... Общая сумма общественного продукта возрастает. Этот избыточный продукт соответственно увеличивает общую сумму общественного дохода, и, благодаря этому, все общественные доходы могут одновременно возрасти *на счет сокращения доли средств производства* (стр. 441, подчеркнуто нами. *Н. Б.).* Оставляя в стороне удивительно непостоянную терминологию Туган-Барановского (то продукт, то ценность), мы хотели бы привести то графическое представление, которым пользуется Туган-Барановский для пояснения своего только что изложенного тезиса. Пусть даны два круга, которые «должны изображать собой продукты одинаковой затраты общественного труда при различных условиях общественного производства».

Рост производительности труда вызывает сокращение общественных расходов на воспроизводство средств производства; зачерченная часть круга уменьшается, а белая часть соответствующим образом увеличивается. Отсюда, по Туган-Барановскому, вытекает возможность одновременного возрастания прибыли и заработной платы, как долей общественного продукта.

В этом состоит убедительная аргументация Туган-Барановского, но убедительная только на первый взгляд, ибо, по своему

действительному содержанию, утверждения автора покоятся на той же самой ошибке, которая лежит в основе сделанного г. Струве «открытия» основной антиномии теории трудовой ценности[1]).

Г. Туган-Барановский утверждает, что количество *труда*, затрачиваемое на производство средств производства, падает по отношению к количеству труда, затрачиваемому на производство всего общественного продукта. В этом факте, по его мнению, находит свое выражение рост производительности труда.

Чтобы выяснить этот вопрос, воспользуемся математической формулой. Так как здесь речь идет о трудовых ценностях, то мы можем применить терминологию Маркса. Обозначим постоянный капитал (средства производства) через c, переменный капитал (предметы потребления рабочих) через v и, наконец, прибавочную ценность через M. Туган-Барановский утверждает тогда, что отношение $\frac{c}{c+v+M}$ должно убывать вместе с ростом производительности труда, или иначе $\frac{c+v+M}{c}$ должно возрастать.

Однако нетрудно доказать как раз обратное, а именно, что величина $\frac{c+v+M}{c}$ *падает* с ростом производительных сил.

---

[1]) Мы передаем здесь формулировку самого Струве; анализируя закон падения нормы прибыли $\left(\frac{M}{c+v}\right)$, г. Струве устанавливает следующие «антиномии»: 1. Свободный продукт или чистый доход общества, величина которого является мерой производительности общественного труда, растет прогрессивно по отношению к совокупному общественному капиталу. 2. Падение нормы прибыли обусловливается прогрессивным возрастанием постоянного капитала, т.-е. тем фактом, который образует технико-экономическую основу возрастания производительности труда («Жизнь», февраль 1900 г.).

Назвав эту «антиномию» «абсурдом», г. Струве лишь обнаружил абсурдность своего собственного суждения. Он просто смешивает потребительную ценность с меновой. M (прибавочная ценность) падает по отношению к c+v, как меновая ценность, но как потребительная ценность она растет с необыкновенной быстротой.

Во всяком случае, когда мы говорим о потребительных ценностях, то нет уж больше никакой речи о дроби $\frac{M}{c+v}$, но рост производительных сил и падение нормы прибыли все же не находятся ни в каком противоречии друг к другу.

Разложим для этого нашу формулу на $\frac{c}{c} + \frac{v + M}{c}$. Рассматривая эту сумму поближе, мы приходим к выводу, что первое слагаемое представляет собою постоянную величину, равную единице ($\frac{c}{c} = 1$), а второе представляет собой отношение величины живого труда к величине мертвого труда. Но процесс роста производительности труда проявляется как раз в относительном уменьшении величины живого труда благодаря тому, что на производство средств производства затрачивается относительно больше, а на непосредственное производство предметов потребления относительно меньше труда, становится возможным достигнуть огромного увеличения количества последних.

Итак, дробь $\frac{v + M}{c}$ убывает, а если это так, то убывает и все выражение $\frac{c + v + M}{c}$. Старая, уже многократно разъясненная ошибка—смешение продукта с его ценностью (ошибка, которую Туган-Барановский, как мы видели, возвел в принцип), привела нашего автора к ошибочному, но с помпой возвещенному открытию.

Та же самая «принципиальная» путаница привела Туган-Барановского и к блестящему завершению его теории прибыли, к тому достойному удивления выражению «прибыли на капитал», которое позволяет ему с душевным спокойствием делить сумму разнообразнейших вещей (напр., холста, пшеницы, шелка, колбасы и т. д.) на сумму других разнородных вещей (напр., прядильных машин, каменного угля, доменных печей и т. д.). Ставя самые продукты на место их ценности в отношении друг другу, творец новой «социальной теории распределения» необходимо должен был притти к этой бессмыслице. Но как раз в этом и состоит его столь гордо провозглашенный новый метод, введение которого Туган-Барановский назвал «очисткой марксизма от ненаучных элементов».

Таково, следовательно, новое теоретическое «построение» г. Туган-Барановского. Заключающиеся в нем «старые» элементы заимствованы из системы Маркса и представляют собой нечто действительно ценное; напротив того, все, что наш остроумный критик обозначил как «очистку марксизма от его не-

научных элементов», не имеет ровно никакой ценности. Стремление отделить борьбу социальных сил в процессе распределения от форм этого распределения дает повод к такого рода схемам, которые столь бессодержательны, что в них может себе найти место какая-угодно форма распределения: абстрагирование от элемента ценности неминуемо ведет к высшей степени бессмысленному методу арифметических действий с разнородными предметами, результатом чего служит ряд совершенно наивных ошибок. Эти же операции с потребительными ценностями не только затемняют понимание особых специфических форм присущего капитализму присвоения прибавочного продукта: они делают неразрешимыми и вопросы о происхождении прибыли, о накоплении капитала и о движении капиталистического общества в целом.

В этом заключается поистине плачевный результат новой теории. Но г. Туган-Барановский выдвигает практическую ценность своей теории. Однако хотя его теория и содержит изрядный «гран этики», но она ничего не дает для практики борющегося пролетариата.

ТЕОРИЯ ЛИБЕРАЛЬНОГО СОЦИАЛИЗМА.

Franz Oppenheimer: «Die soziale Frage und der Sozialismus. Eine kritische Auseinandersetzung mit der marxistischen Theorie». Jena. Verl. von G. Fischer. 1912. Франц Оппенгеймер. «Социальный вопрос и социализм. Критическое изложение марксистской теории».

Резкая социально-экономическая дифференциация, которая так характерна для последних десятилетий, привела к необычайному заострению всех углов и в идеологической области. И нигде, быть может, полярная противоположность между буржуазией и пролетариатом не нашла себе такого яркого идеологического выражения, как в общественных науках, в особенности же в политической экономии. В то время, как пролетариат выдвигает здесь точку зрения производства, об'ективизма, историчности, буржуазия, в лице своих ученых, анализирует хозяйственную жизнь с точки зрения потребления, суб'ективизма, абстракции от исторических категорий. Таковы, впрочем, разногласия в наиболее чистом виде. Но реальная жизнь — не платоновские «идеи». В действительности существует много промежуточных социальных типов и соответствующих им идеологических построений. Однако, чем сильнее разгорается классовая борьба, тем сильнее тенденция к идеологическому межеванию, и можно a priori сказать, что успех промежуточной идеологии обратно пропорционален напряженности борьбы основных классов современного общества. Поэтому теперь таким идеологиям приходится частенько прибегать к переодеванью в чужой костюм, чтобы под чужим флагом протащить «свое достояние».

Типичным образчиком подобной теории служит теория берлинского приват-доцента Ф. Оппенгеймера, как она изложена в его новой книге: «Die soziale Frage und der Sozialismus». Эта книжка имеет своей специальной целью еще раз опро-

вергнуть марксизм с «новой», якобы тоже социалистической, точки зрения «либерального социализма».

Так как в этом последнем по времени «опровержении» марксизма затронуты очень многие вопросы, то нам придется в своей антикритике ограничиться наиболее существенными пунктами.

1. Теория ценности.

Г-н Оппенгеймер выставляет против теории ценности Маркса следующие два тезиса:

> Тезис 1. Учение Маркса о ценности покоится на несовершенной индукции фактов, дает поэтому лишь частичное об'яснение явления ценности и терпит банкротство при поверке на остальных фактах.
>
> Тезис 2. Несовершенная индукция обнаруживается именно на полном невнимании к монопольной ценности [1]).

Последнее обстоятельство («полное пренебрежение монопольной ценностью»), по мнению г. Оппенгеймера, особенно важно. Ибо всякая меновая сделка, предполагающая отношение монополии,—будь то покупка патентованной бритвы, будь то наем рабочего капиталистом,—является «причиной образования всякой прибавочной ценности в современном обществе» [2]). Таким образом «понятие монополии поистине является главным ключом, отпирающим все запертые ворота политико-экономической науки» [3]). Маркс же «не говорит... нигде о монопольных ценностях, вообще нигде не занимается исследованием содержания и результатов монополии» [4]).

Прежде всего, маленькая фактическая справка. В «Нищете философии» Маркс, полемизируя с Прудоном, подробно говорит о соотношении между монополией и свободной конкуренцией — этому вопросу посвящен весь § 3 II главы, который носит название: «La concurrence et le monopole» [5]) (Конкуренция и монополия). Здесь Маркс устанавливает, между прочим, тот факт, что отношения *современной* моно-

---

[1]) *F. Oppenheimer*, «Die soziale Frage und der Sozialismus», стр. V и VI.

[2]) Там же, стр. 10.

[3]) Там же, стр. 4.

[4]) Там же, стр. 111.

[5]) *Karl Marx*, «Misère de la philosophie», éd. Giard et Brière, Paris 1908, стр. 207

полии возникают на *основе свободной конкуренции*, которая, в свою очередь, явилась историческим следствием монополии *феодальной*[1]). Монополия на средства производства является теоретической предпосылкой всего «Капитала». Правда, Маркс нигде не говорит о «монопольных *ценностях*» («von den Monopol*werten*»), но это понятие с его точки зрения не имеет абсолютно никакого смысла; зато о монопольных *ценах* он говорит во многих местах I и III томов, а в своем более раннем сочинении: «Zur Kritik der politischen Oekonomie» (К критике политической экономии) он ясно и определенно ставит (в терминах Рикардо, которого он в данном месте критикует) проблему монопольных цен. Мы приведем это место полностью ввиду того, что оно пригодится нам еще впоследствии:

> Последнее противоречие (у Рикардо. *Н. Б.*) и, повидимому, наиболее яркое, если оно не приводится, как обыкновенно, в форме странных примеров: если меновая ценность представляет собою не что иное, как содержащееся в товаре рабочее время, то как могут товары, не заключающие в себе труда, обладать меновой ценностью... Эта проблема разрешается в учении о земельной ренте[2]).

Здесь ясно указан путь исследования монопольных цен, а именно их анализ на основе анализа цен, слагающихся при свободной конкуренции и управляющихся законом трудовой ценности.

Такова фактическая сторона дела. Перейдем теперь к логическому разбору отнюдь не нового[3]) обвинения Маркса в «неполной индукции», которое пред'является г-ном Оппенгеймером. Сущность обвинения состоит в том, что общим мерилом товарных ценностей Маркс считает труд, тогда как существуют товары, которые или совсем не являются «продуктами», или же оцениваются без всякого отношения к количеству затраченного на их производство труда. Это возражение опирается на непонимание основной точки зрения Маркса.

---

[1]) Ср. «Misère etc.», стр. 216, 217, 218. «Монополия порождает конкуренцию, конкуренция порождает монополию» (218).

[2]) *K. Marx*, «Zur Kritik der pol. Oekonomie», 2. Ausgabe, Stuttgart 1907, S. 46.

[3]) Еще в 1879 г. его предъявлял Марксу *Knies* (см. «Der Kredit», II, Berlin 1879). Со времени *Böhm-Bawerk'a* (ср. «Geschichte und Kritik der Kapitalzinstheorien») это самое обычное возражение против теории трудовой ценности.

Конечной целью марксова «Капитала» было, как известно, «раскрыть экономический закон движения современного общества» [1]). По отношению к этой конечной цели все остальные задачи являются задачами подчиненными. Таким образом теория ценности служит у Маркса ключом к раскрытию закона экономической эволюции, имеющего своей основой *рост производительности общественного труда*. Чтобы «раскрыть закон движения современного общества» [1]), необходимо, прежде всего, исследовать «свободно воспроизводимые блага», ибо в этой области лежит линия общественного развития. При дальнейшем анализе оказывается, что и другие «блага» *косвенно* зависят от затраты труда, поскольку их *цены* представляют из себя перенос *ценности* «свободно воспроизводимых» etc. благ. Теорию Маркса можно было бы опровергнуть, лишь показав несостоятельность его теории ренты. Но г. Оппенгеймер не говорит ни звука ни о теории ренты Маркса, ни о теории картельных цен, построенной Р. Гильфердингом на основании общего учения Маркса [2]).

Что касается абстракции от монопольных отношений, то отнюдь нельзя сказать, что Маркс от них *вообще* абстрагировал. Он ясно различал двоякого рода монополию: *классовую монополию* капиталистов и монополию *внутри* класса капиталистов. Первый вид монополии, частная собственность на средства производства, является самым характерным признаком современного строя, так как это есть не что иное, как правовое выражение основного производственного отношения: капитал—наемный труд. Абстрагировать от этого отношения—значило бы абстрагировать от *капитализма* при исследовании *капитализма*. Поэтому основной предпосылкой Маркса и является концентрация средств производства на одном полюсе и концентрация лишенных средств производства «свободных рабочих»—на другом. От чего Маркс абстрагирует, так это от отношений монополии *внутри* класса, от всевозможных патентов на бритвы и проч. Имел ли Маркс право сделать это? Безусловно имел. Теория состоит в исследовании типичного. Для капиталистического же общества правилом

---

1) *Карл Маркс*, «Капитал», Госиздат, 1923, т. I, XXXVII.

2) Вообще, вся его книга производит такое впечатление, что с Марксом автор ее знаком лишь в пределах *I тома* «Капитала». Ср. вышеприведенную цитату из «Zur Kritik».

является «свободная конкуренция» (в вышеуказанном смысле). Весь механизм движения цен, приспособления, предложения к спросу и т. д. обязан своим существованием ей. Отсюда следует, что, если мы хотим вывести общие законы развивающегося капиталистического хозяйства, то мы не только можем, но и должны абстрагировать от монополии внутри класса.

Таким образом Маркс отнюдь не повинен в серьезной методологической ошибке, в которой его обвиняет Оппенгеймер; как раз наоборот, он выбрал единственно целесообразный путь исследования.

До сих пор речь шла о Марксе. Теперь посмотрим на «новое слово», которое предлагает нам г-н Оппенгеймер. Его собственный тезис о ценности гласит:

> Тезис 8. Абсолютно имманентная ценность продуктов базируется не на воплощенном в них *рабочем времени*, а на воплощенной в них ценности труда [1]).

Это и есть «исправленная и дополненная» формулировка закона ценности. Г. Оппенгеймер достаточно смел, чтобы утверждать, что только неясность (!) методологической позиции Маркса заставила последнего уклониться от истинного пути: «В ином случае он должен был бы найти истинную теорию ценности труда, бывшую уже почти у него в руках, единственную, которая не нуждается ни в одной поправке, ни в каком пересмотре и абстрагировании» [2]).

Заявление довольно гордое. Но... да будет разрешено нам привести опять небольшую справку, на этот раз исторического характера. Вопрос о ценности интересовал экономистов с самого зарождения политической экономии как науки; естественно, что начальной фазе развития соответствует неясность и спутанность формулировок. Так, напр., у *Адама Смита*, на-ряду с определением ценности *рабочим временем*, имеется и другое определение ее *ценностью труда*. «Богатство народов» вышло в 1776 г.

Таким образом «новое» определение, «единственное, не нуждающееся ни в одной поправке», насчитывало к появлению книжки Оппенгеймера (1912) почтенную давность в

---

[1]) *F. Oppenheimer*, там же, стр. VI.

[2]) Там же, стр. 113.

136 лет. Со времени Смита определение ценности товаров ценностью труда встречается бесконечное число раз. Из современников Маркса эта точка зрения встречается у *Прудона*. Знал ли Маркс об этой великолепной теории? Конечно. Еще в «Критике пол. экон.» он отметил ошибку А. Смита [1]). В «Theorien über den Mehrwert» («Теориях прибавочной ценности») Маркс с полнейшей ясностью вскрывает логическую несостоятельность этого положения:

> Здесь он (т.-е. Адам Смит. *Н. Б.*) *делает меновую ценность* труда мерой ценности товаров... Здесь ценность становится масштабом и базисом для об'яснения ценности, получается таким образом cercle vicieux, порочный круг [2]).

В «Нищете философии» Маркс открывает ту же путаницу у Прудона:

> Итак, определять относительную ценность... посредством ценности труда значит вступать в противоречие с экономическими фактами. Определять относительную ценность посредством относительной ценности, которая в свою очередь нуждается в определении, это значит—вращаться в порочном кругу [3]).

На самом деле г. Оппенгеймер возвращается к «до-адамовским временам», так как Адам Смит, несмотря на свои колебания, «везде, где он развивает свои взгляды, твердо придерживается верных определений меновой ценности товаров, а именно ее определения посредством затраченного на них количества труда или рабочего времени [4]).

---

[1]) См. «Zur Kritik der politischen Oekonomie», 2-ое изд. стр. 42.

[2]) *K. Marx*, «Theorien über den Mehrwert», т. I, стр. 128.

[3]) *K. Marx*, «Misère etc.», стр. 73.

[4]) *K. Marx*, «Theorien über den Mehrwert», т. I, стр. 128. Все это не мешает г. Оппенгеймеру писать: «Этот закон (т.-е. закон ценности, определяемой ценностью труда. *Н. Б.*) впервые... открыт автором в его «Теории чистой и политической экономии». Эту «теорию ценности по ценности труда», как я ее буду называть, следует столь же строго отличать от «трудовой теории» Рикардо, как и от марксовой «теории по рабочему времени» (см. стр. 107, примечание). Разграничение, проводимое между теорией Рикардо и теорией Маркса, как трудовой теорией и теорией рабочего времени, имело бы смысл лишь в том случае, если бы Маркс рассматривал время an sich, как *субстанцию* ценности; в действительности же оно есть мерило труда и никакой самостоятельной роли не играет. В *этом* пункте нет разницы между великим буржуазным и великим пролетарским мыслителем.

Наоборот, наш «критик марксизма» возводит случайную ошибку Смита в теоретический принцип. Чтобы выйти из ложного круга, г-ну Оппенгеймеру нужно было бы свести и ценность товаров, и ценность труда к какому-нибудь третьему мерилу. Однако он ограничивается классическим формулированием *абсурда.*

Определяя «ценность труда» («Wert der Arbeitsleistung») [1], он пишет:

> Ее естественная *ценность* есть очевидно *ценность* ее продукта, т.-е. полный эквивалент последнего в потребительной ценности других товаров, в которых возмещена одинаковая совокупная ценность труда... Если *ценность* товара равна *ценности* воплощенного в нем труда, то *ценность* труда равна *ценности* товара, в котором он воплощен [2].

И это г-н Оппенгеймер называет об'яснением!

Теперь несколько слов о приложении этой общей «теории» к монопольным «благам». Г-н Оппенгеймер различает «естественные» и «монопольные» ценности. Принимая во внимание неравноценность труда (der Arbeit), мы получаем такие комбинации:

> 1) Если естественные ценности, ...произведенные равноценным трудом, обмениваются друг на друга, то при этом в этих товарах обмениваются одинаковые количества рабочего времени (107—108).
>
> 2) Если обмениваются друг на друга естественные ценности... произведенные неравноценным трудом, то при этом в этих товарах обмениваются неравные количества рабочего *времени,* но все еще равные *ценности* труда (108).
>
> 3) Если, наконец, монопольная ценность обменивается на естественную, то при этом обмениваются, даже в том случае, если обмениваемые товары одинаковой квалификации, также неравные количества времени, но равные *ценности* труда (108).

Но, говорит г. Оппенгеймер: «Здесь здравый смысл и здоровое чувство возмущаются: как могут равные количества времени равного труда иметь неравную ценность?» (109). На это наш критик отвечает таким сравнением: на верных весах

---

[1] Г-н Оппенгеймер в теории ценности говорит об «Arbeit», в теории же прибавочной ценности утверждает, что «Arbeit» есть понятие из области физики, которое не годится для политической экономии, и говорит об «Arbeitsleistung». Это—образец последовательности.

[2] *F. Oppenheimer*, там же, стр. 123. (Курсив наш. *Н. Б.*).

килограмм направо и налево есть величина одинаковая; но пусть у нас неверные весы, пусть одно плечо рычага в 10 раз длиннее другого. Тогда 1 кг на одной стороне zieht столько же, сколько 10 кг на другой. То же и с трудом:

Если весы правильны, т.-е если с обеих сторон имеются свободная конкуренция, то экономическая гиря тянет ровно столько, сколько она весит.

Если же весы неправильны, т. е. если на-лицо монополия, то монопольный товар оказывается висящим на более длинном плече рычага и поэтому тянет больше, чем он весит. Это значит: один час монополистского труда покупает в среднем многие часы другого квалифицированного труда.

В общем это, конечно, возмутительная несправедливость и т. п. (109).

Получается, таким образом, «полный порядок»: что бы ни обменивалось, всегда имеется *уравнение* обмена: x А = y В. То-есть,—заключает г. Оппенгеймер,—всегда меняются равные ценности; «законы же весов применимы без исключения!».

Разберем это великое открытие г-на Оппенгеймера. Что означает в каждой реальной меновой сделке равенство (полное и абсолютное равенство) двух товаров? Оно означает равенство их *цен*. Если x А = y В (не в абстракции, а в действительности), то это означает только одно: что *цена* x А равна *цене* y В [1]). При этом, действительно, безразлично, *что* меняется: могут меняться монопольные товары друг на друга, могут меняться монопольные товары на товары, производимые при свободной конкуренции, и т. д. и т. д. *Всегда* будет сохраняться равенство цен. Почему? Да просто потому, что возможность реальной меновой сделки *предполагает* это равенство. Сказать: x тов. А может быть обменено на y тов. В — это все равно, что сказать: цена x А = цене y В. *Об'яснять* одно через другое ни в коем случае нельзя: это было бы плоской тавтологией. Вот почему научная политическая экономия никогда не ограничивалась указанием на равенство цен при

---

[1]) Мы берем, вслед за г. Оппенгеймером, в сущности ряд производных уравнений. Т.-е., если, напр.,

$$\left.\begin{array}{l} x \text{ тов. А} \\ y \text{ тов. В} \\ z \text{ тов. С} \end{array}\right\} = 1 \text{ марке, то имеется ряд уравнений } \left\{\begin{array}{l} x \text{ тов. А} = y \text{ тов. В} \\ x \text{ тов. А} = z \text{ тов. С} \\ y \text{ тов. С} = z \text{ тов. С} \end{array}\right.$$

Это, конечно, не меняет дела.

меновой сделке, а шла дальше, от цены к ценности; задача как раз и состоит в том, чтобы об'яснить фактическое равенство цен и установить общие законы образования последних, ибо *цены* никогда почти не совпадают со своей нормой, которой они управляются, т.-е. *ценностью*.

Но,—скажет г. Оппенгеймер,—у меня и идет речь о ценности.

Правильно. Только беда в том, что у нашего критика понятие ценности (фактически устанавливающейся) ничем ровно не отличается от понятия цены. Тщетно вы стали бы искать у него выяснения соотношений между этими понятиями: они сливаются у него в одно, которое пригодно якобы для всего, а на самом деле абсолютно бесполезно в познавательном отношении.

Еще одно замечание, связанное непосредственно и с теорией ценности, и с «практикой». Г-н Оппенгеймер так определяет разницу между «марксистским» и «либеральным» социализмом:

> ... Коллективистский марксизм стремится выключить весы свободной конкуренции, ибо он считает их верными и поэтому приписывает законам весов вину экономической несправедливости, либеральный же социализм стремится исправить весы свободной конкуренции, сфальсифицированные теперь, повесив чашки весов на плечи рычага одинаковой длины, т.-е. уничтожая классовую монополию (110).

Г. Оппенгеймер, не понимающий, что из свободной конкуренции неизбежно вырастает капиталистическая монополия, преблагополучно возвращается снова к нашему старому знакомому, Прудону. Именно о последнем писал Маркс в «Нищете философии»: «...M. Proudhon donne comme «théorie révolutionnaire de l'avenir» ce que Ricardo a scientifiquement exposé comme la théorie de la société actuelle, de la société bourgeoise...» («...Г-н Прудон дает в качестве «революционной теории будущего» то, что Рикардо изложил научно как теорию современного общества, буржуазного общества») [1]. Свободная конкуренция между капиталистами исчезает перед умственным взором г. Оппенгеймера в современном обществе, а в обществе будущего пышным цветом расцветает «свободная кон-

---

[1]) «Misère etc.», p. 58.

куренция» между «свободными производителями», а вместе с нею «конституированная ценность» Прудона, исправленная г. Оппенгеймером!

Вы видите теперь, читатель, какую прекрасную теорию Маркс «имел уже почти в руках»? И неправда ли, как печально, что он не преподнес ее своим современникам?

2. Теория прибавочной ценности.

Г. Оппенгеймер очень любит «строгое разграничение понятий». В основу его критики марксовой теории прибавочной ценности положено поэтому следующее «разграничение»:

1) «Arbeit» («работа») — понятие *физическое*. Оно означает не что иное, как выполнение стольких-то килограммо-метров или киловатт в столько-то часов.

2) «Arbeitsvermögen» («трудоспособность») [1] — понятие *физиологическое*. Под рабочей силой или трудоспособностью мы понимаем сумму физических и духовных способностей, имеющихся в живой личности человека и приводимых им в движение каждый раз, когда он производит какие-либо потребительные ценности. Таково определение самого Маркса.

3) «Arbeitsleistung» («труд») — есть уже понятие *экономическое*. Ибо «труд», это — товар, доставляемый на рынок, продаваемый и покупаемый, имеющий свою потребительную ценность и свою цену (118).

Все это якобы необходимое распределение понятий по отдельным научным ящичкам страдает одним недостатком. Г. Оппенгеймер не понимает того, что принадлежность данного понятия к той или иной науке определяется не столько содержанием его вообще, сколько специальной *точкой зрения*, с которой оно рассматривается. Напр., «Arbeit» может быть понятием и физики, и политической экономии: если нас интересует превращение энергии вообще—это будет точка зрения физики; если нас, скажем, интересует связь производительности человеческого труда с ценами и проч.—это будет точка зрения политической экономии. Однако суть дела не в терминах.

Так как у г. Оппенгеймера «Arbeitsleistung» заменяет собой «старое понятие» «Arbeit», то он «исправляет» Маркса

---

[1]) Или «рабочая сила». *Н. Б.*

таким образом, что продажу «рабочей силы» заменяет продажей труда (der Arbeit). Это—исходный пункт как критики Маркса, так и собственной теории г. Оппенгеймера.

Здесь снова необходима историческая справка. При разборе теории ценности мы уже видели, что вся политическая экономия до Рикардо говорила о Wert der Arbeit. То же самое мы видим и у *Рикардо*. Рикардо вскрыл ошибку А. Смита при определении последним ценности товаров ценностью труда (Wert der Arbeit), но труд в *его* теории фигурирует как об'ект меновой сделки между капиталистом и рабочим. У него, как и у Оппенгеймера (если не считать *словесного* различия, ибо Arbeit Рикардо вполне совпадает с Arbeitsleistung г. Оппенгеймера) [1]) именно Arbeit (Arbeitsleistung), «это — товар, доставляемый на рынок, продаваемый и покупаемый, имеющий свою потребительскую ценность и свою цену».

Знал ли Маркс эту теорию? Очень хорошо знал.

В «Theorien über den Mehrwert» Маркс пишет, что

> ... Рикардо в действительности не указывает, каким образом из обмена товаров по закону ценности... получается неравный обмен между капиталом и живым трудом... Этим самым Рикардо в действительности оставляет неясным происхождение прибавочной ценности, обменивая капитал непосредственно на труд, а не на рабочую силу [2]).

Маркс первый заменил в данном случае понятие «Arbeit» понятием «Arbeitskraft». В самом деле, иначе невозможно было бы об'яснить факт прибавочной ценности. Известно, что *даже если* в какой-либо отрасли производства *спрос на труд равен предложению труда*, то и тогда имеет место явление прибавочной ценности. Т.-е., другими словами, если покупка то-

---

[1]) Нельзя же всерьез думать, что когда Рикардо говорит об Arbeit, то он говорит об Arbeit в *физическом* смысле слова. Точка зрения и для него является решающим моментом. Критикуя Ж.-Б. Сэя, он пишет: «В противоречии с мнением А. Смита, г. Сэй, в 4-ой главе первой книги своего «Traité d'économie politique» говорит о ценности, которая сообщается продуктам естественными производительными силами... которые часто заступают место человеческого труда и иногда конкурируют с ним. Однако эти естественные факторы производства... никогда ничего не прибавляют к меновой ценности предмета, о которой говорит г. Сэй» (*Ricardo*, «Grundsätze», übersetzt von Schmidt, стр. 393).

[2]) *K. Marx*, «Theorien über den Mehrwert», 3 Band, Von Rikardo zur Vulgärökonomie, S. 3. Курсив наш. *Н. Б.*

вара, продаваемого рабочим, совершается по полной его ценности (равновесие спроса и предложения), то и тогда у капиталиста остается некоторый избыток ценности. Эту проблему Маркс разрешил следующим образом. То, что продает рабочий, есть Arbeitskraft; она является товаром, она имеет ценность, определяемую количеством труда, необходимого для ее воспроизводства. Труд же никакой ценности не имеет, а служит лишь мерилом последней. Количество развиваемого рабочей силой труда больше, чем количество труда, затрачиваемого на ее воспроизводство. Эта разница и есть источник прибавочной ценности.

Вполне понятно теперь, почему г. Оппенгеймер отводит очень значительное место критике понятия «Arbeitskraft» (или «Arbeitsvermögen» — термин, который Маркс употребляет в том же смысле).

Рабочая сила, — пишет критик, — является материальным условием как человеческой работы в физическом смысле, так и «труда» в экономическом смысле, но она ни то, ни другое. Она, правда, «приводится в движение» в работе и труде, но она при этом не расходуется, так же, как, напр., не расходуется субстанция паровой машины при производимой ею работе (118. Курсив наш. *Н. Б.*).

«Рабочая сила» — не что иное, как некоторый мотор, т.-е. машина для переработки энергии. Она, правда, «производит» работу, но она не создает никакой энергии. Но потребленная в работе живая, специфическая энергия имеет свой источник и причину в другой специфической энергии, которая должна ей регулярно доставляться, чтобы поддержать ее Arbeitsleistung. Для машины необходимо доставлять каменный уголь, для поддержания рабочей силы—«с'естные припасы»... (119).

Г. Оппенгеймер «устанавливает» здесь, что Arbeitsvermögen *не потребляется* для того, чтобы подготовить почву для другого положения: что Arbeitsvermögen *не продается* и *не покупается*.

Рассмотрим подробнее это возражение. Тут прежде всего не следует забывать, что методом аналогии нужно пользоваться с величайшей осторожностью, ибо очень часто «картинность» не только не выясняет, но прямо затемняет суть дела.

В данном случае всю аналогию г. Оппенгеймера следует, если можно так выразиться, переставить: аналогом «машины» будет не «*рабочая сила*» («*Arbeitsvermögen*» resp. «Arbeitskraft»), а вся человеческая *личность*. Тогда тотчас обнаруживается ошибка г. Оппенгеймера. Действительно, после процесса

труда человеческая *личность* потребляется столь же мало, как и «субстанция» паровой машины. Но этого совершенно нельзя сказать о *рабочей силе.* После процесса труда рабочая сила или совершенно не существует, т.-е. процесс труда не может вообще найти себе место («работа до изнеможения»), или же труд начинает быть качественно ниже, т.-е. перестает соответствовать той квалификации рабочей силы, которая предполагалась данной при покупке рабочей силы на «рынке труда». В том и в другом случае рабочая сила (Arbeitsvermögen) должна быть *репродуцирована,* что является возможным потому, что ее исчезновение в процессе труда не есть еще исчезновение ее носителя, личности «свободного рабочего».

Отметив неверную аналогию г. Оппенгеймера, перейдем к дальнейшим его утверждениям:

> *Лишь в рабском хозяйстве «рабочая сила» является товаром: здесь она имеет как меновую ценность, так и потребительскую ценность. Это говорит сам Маркс столь ясно, насколько это только возможно:* «Собственник рабочей силы» (т.-е. рабочий) «продает ее постоянно лишь на определенное время; ибо если он продаст ее раз навсегда, то он этим самым продает себя самого и он превратится из свободного человека в раба, из владельца товара в товар. Он, в качестве личности, должен постоянно относиться к своей рабочей силе, как к своей собственности, и поэтому как к своему собственному товару, и это он может делать лишь постольку, поскольку он предоставляет ее в распоряжение покупателя лишь временно, на определенный срок, поскольку он отдает ее лишь на пользование, т.-е. не отказывается от своего права собственности на нее» [1]).

Здесь совершенно отчетливо видно, что г. Оппенгеймер *не понял* Маркса. Маркс ясно, насколько это только возможно, различает продажу рабочей силы и продажу всей личности, продажу человека со *всеми* его свойствами. Разница между капиталистическим и рабским хозяйством как раз и заключается в том, что в первом продается *только* рабочая сила, в последнем—*и* рабочая сила [2]). Далее. Урожай, который получает помещик с своей земли, не есть еще эта земля; продажа его не

---

[1]) *Oppenheimer,* там же, стр. 120; *Marx,* «Kapital», I, S. 130. Курсив наш. *Н. Б.*

[2]) Право собственности есть jus utendi et abutendi. Рабом можно было кормить мурен, и собственник раба не нес за это никакой ответственности. Наши же капиталисты могут лишь завидовать им, хотя и для них доступно многое «в пределах законности».

есть продажа земли. Но если бы наш помещик вздумал в один прекрасный день продать все будущие урожаи, то de facto он эту землю бы продал. Если бы рабочий продал заранее всю сумму *периодически восстанавливаемой* рабочей силы, de facto он превратился бы в раба. Но из этого не следует, что *без* этого условия он вообще не продает своей рабочей силы, как из отсутствия продажи всех будущих урожаев отнюдь не следует, что наш помещик вообще воздерживается от продажи своего хлеба. Но и помещик по отношению к хлебу (в пределах данного примера, конечно) и рабочий по отношению к рабочей силе постоянно являются *собственниками,* так как их товар есть периодически восстанавливаемая величина. Таким образом возражение Оппенгеймера, гласящее, что рабочая сила продается только в рабском хозяйстве, покоится снова на смешении *рабочей силы* и человеческой *личности.*

Наконец, последний пункт. Из своих вышеприведенных формул г. Оппенгеймер делает такой, с его точки зрения, вполне последовательный, вывод:

> Согласно этому, — говорит он, — в договоре о «рабочей силе» на юридическом языке речь идет не о покупке, но о договоре найма. Ибо при договоре о покупке в собственность контрагента переходит субстанция товара, в договоре же о найме он приобретает лишь право пользования... (120).

А раз речь идет о *найме,* а не о продаже рабочей силы (Arbeitsvermögens), то, заключает г. Оппенгеймер, *продается* «Arbeitsleistung, gemessen an der Zeit», а, следовательно, Маркс смешивает Arbeitsvermögen с Arbeitsleistung, прикрывая это смешение словом «Arbeitskraft».

Это заключение неверно уже по одному тому, что оно опирается на неверные посылки, которые мы только что разобрали. Само по себе оно покоится на той же ошибке, что и вышеразобранные положения. Действительно, речь идет о *наймс.* Но о найме чего? О найме *рабочего. Наем* же рабочего есть *продажа* рабочей силы, «субстанция» которой потребляется капиталистом и восстанавливается лишь в процессе индивидуального потребления рабочих; наоборот, «субстанция» рабочего отнюдь не переходит в собственность капиталиста,—здесь идет речь лишь о «Nützung».

Таким образом и тут виновато смешение *всей человеческой личности* с *одним из ее свойств.*

Переходим теперь к собственной теории г-на Оппенгеймера. Мы знаем уже, что, по Оппенгеймеру, продается не «Arbeitskraft», «Arbeitsleistung», «естественная ценность» («natürlicher Wert») которой определяется ценностью произведенных товаров (при чем ценность последних, в свою очередь, определяется ценностью Arbeitsleistung). Естественная ценность предполагает свободную конкуренцию.

> Обыкновенно, однако, благодаря классовым монопольным отношениям... покупатель Arbeitsleistung (трудомощности) является монополистом, и поэтому он получает за свою меновую ценность заработную плату, прибавочную ценность, и продавец должен удовольствоваться меньшей ценностью за свой товар (123). *Этим вполне разрешается поставленная задача* (124).

Эта теория прибавочной ценности, получаемой «в обмене и посредством обмена» капиталистом благодаря классово-монопольным отношениям, связана у г. Оппенгеймера с общей теорией монополии: «прибавочная ценность» получается во *всех* тех случаях, где имеется монопольное отношение вообще.

> Добавочный доход, получаемый «монополистом» из монопольной добычи, называется прибавочной ценностью... Откуда берется эта прибавочная ценность? Она не может получаться ни из какого другого источника, как из труда того, кто покупает монопольный товар (9).
>
> *Вот источник всякой прибавочной стоимости в современном обществе.* Нет прибавочной ценности, которая имела бы другое происхождение. До сих пор, впрочем, никогда и не делалось попытки об'яснить иначе происхождение прибавочной ценности, за одним исключением: Карл Маркс (10).

Отметим, прежде всего, ряд второстепенных «странностей». *Во-первых,* где разглядел наш автор прибавочную *ценность* (не прибавочный *продукт) вне* «современного (modern) общества»? *Во-вторых,* как это можно утверждать, что «прибавочная ценность», полученная от продажи «патентованной бритвы» банкиру, даже не стригущему купонов, «возникает» из труда последнего? А ведь это написано довольно ясно: прибавочная ценность «не может получаться ни из какого другого источника, как из труда того, кто покупает монопольный товар». *В-третьих:* в акте W-G между рабочим и капиталистом «монопольным товаром» может явиться *только* капитал, а монополистом—его владелец. Но ведь прибавочная ценность возни-

кает, по Оппенгеймеру, опять-таки только из труда покупщиков монопольного товара. Оказывается, что не капиталисты покупают Arbeitskraft (Arbeitsleistung, по О.), а, наоборот, *рабочие* покупают капитал у капиталистов!

Здесь мы подходим к существу вопроса. Г-н Оппенгеймер утверждает, что Маркс позабывал о классовой монополии, когда выводил законы образования прибавочной ценности. Верно ли это? *Абсолютно неверно.* Мы уже отмечали выше, что классовая монополия на средства производства у Маркса является основной предпосылкой всего исследования. Ибо *вне* этого монопольного отношения Arbeitskraft (resp. Arbeitsleistung г. Оппенгеймера) *вовсе не продается.* Г. Оппенгеймер упускает основное различие между *классовой* и всякой другой монополией. Во втором случае монопольный товар *сам* продается, в первом—он *заставляет продаваться другой товар.* Отсюда ясна, между прочим, несостоятельность оппенгеймеровского понятия «естественной ценности труда» (natürlicher Wert der Arbeitsleistung). Это понятие предполагает у него свободную конкуренцию, т.-е. отрицание классовой монополии, которое, в свою очередь, отрицает *продажу* der Arbeitsleistung, а следовательно, и ее *Warenwert.* Другими словами, понятие естественной ценности труда, сконструированное г. Оппенгеймером, противоречиво в самом себе. Положенное в основу теории прибавочной ценности, оно тем самым уничтожает эту теорию.

Можно построить понятие «естественной ценности» иначе, именно допустив равенство спроса и предложения. В области «рынка труда» такое равенство, *могущее быть реализованным лишь через классовую борьбу пролетариата* (ибо организованная стачечная и другая борьба по своему действию аналогична сокращению предложения рабочих рук), отнюдь не означает уничтожения монополии. Монополия продолжает действовать в том смысле, что она по-прежнему заставляет рабочего продавать свою рабочую силу и дает возможность капиталисту эту рабочую силу производительно потреблять на своей фабрике.

Но в таком случае совершенно невозможно об'яснить явления прибавочной ценности, оставаясь при рикардианском и дорикардианском представлении о продаже *труда*—Arbeit (или Arbeitsleistung), ибо если товар, продаваемый рабочим, продается по своей полной ценности (что возможно), то прибавочная ценность должна исчезнуть. Именно из этого тупика вывел

политическую экономию Маркс. Г-н Оппенгеймер старается загнать ее туда снова.

Еще один пункт. Прибавочная ценность, как известно, есть категория товарного хозяйства; это есть остаток *ценности*, который достается монополистам средств производства. По Оппенгеймеру, он выразился математически так: естественная ценность труда (она же ценность продукта) минус фактическая ценность труда. Как ни будем мы переворачивать эту формулу, она не может нам дать ровно ничего. Мы не знаем, что представляет из себя уменьшаемое, ибо, кроме бессмысленного определения ценности труда через ценность продукта и наоборот, г. Оппенгеймер нам ничего не дает; по той же причине мы не знаем, что представляет из себя вычитаемое. И, наконец, мы совершенно не имеем никакого представления о различии этих двух величин, кроме того положения, что одна из них больше другой. Со всем этим отлично справляется теория Маркса, которая сводит ценность всех товаров к *одному* мерилу и которая позволяет рассматривать ценность рабочей силы, как определенную величину, зависящую от потребностей рабочего класса в данный момент.

Это безнадежное положение г. Оппенгеймера заставляет его *изменять* своей теории, как только он добирается до конкретных примеров. Вот как иллюстрирует он свою теорию прибавочной ценности:

> Предположим, что в 6 граммах золота, заключающегося в 20-марковой монете, воплощено 20 часов *среднего общественного труда* и что 20 марок представляют собой недельную заработную плату рабочего *средней общественной квалификации*, который должен работать ежедневно 10 часов, т.-е. в неделю 60 часов. В этом случае капиталист за 20 часов *общественного труда* покупает 60 часов *общественного труда*. Он выигрывает прибавочную ценность в 40 часов *общественного труда* в обмене и посредством обмена точно так же, как наш обладатель патента за 5 часов общественного труда получает 20 (курсив наш. *Н. Б.*).

Этот пример находится на 124 странице «критического труда» г-на Оппенгеймера. На 112 странице он резко критикует Маркса за его понятие «общественно-необходимого труда», называя это «поправкой» («Korrektur»), которую Маркс был вынужден сделать к своей же теории. На 113 странице он строит «свою» теорию ценности по ценности труда, которая отрицает измерение ценностей часами труда и «не нуждается ни в

одной поправке». А на 124—он преспокойно измеряет ценности часами «durchschnittlicher gesellschaftlicher Arbeit»! И тут же самодовольно добавляет курсивом: «*Таким образом поставленная задача разрешена полностью*».

3. Теория возникновения капитализма; накопление капитала и „закон народонаселения“.

При разборе теории ценности г. Оппенгеймера нам уже приходилось отмечать стремление этого «критика» реабилитировать меновое хозяйство вообще и воздвигнуть царство «либерального социализма», отменив лишь «дурные стороны» капитализма.

Эти очень старые, *прудоновские* идеи г. Оппенгеймера, выдаваемые им, конечно, за последнее слово «общественной науки», заставляют его сваливать грехи капитализма с плеч менового хозяйства вообще: чтобы выполнить рискованное по теперешним временам предприятие—реабилитировать «свободную конкуренцию», г-н Оппенгеймер должен порвать связь между простым товарным хозяйством и хозяйством капиталистическим.

Если наши доказательства верны, — говорит г. Оппенгеймер, — ...то капитализм является следствием внеэкономического *нарушения* нормального хозяйственного развития, а именно создавшегося при посредстве вооруженной силы огораживания земли, в результате классово-монопольных отношений (74).

Что исходным пунктом развития капитализма была экспроприация земли у сельского населения — это было известно Марксу более чем кому бы то ни было.

В истории первоначального накопления громадное значение имели все перевороты, которые так или иначе послужили рычагом для возвышения формирующегося класса капиталистов; но особенно важную роль играли те моменты, когда значительные массы людей внезапно и насильственно отрывались от средств своего существования и выкидывались на рынок труда в виде поставленных вне закона пролетариев [1].

История этой экспроприации, которая «в анналах человечества начертана кровью и огнем», изложена Марксом в спе-

---

[1]) *К. Маркс*, «Капитал», т. I, стр. 709.

циальном § 2 главы о «так называемом первоначальном накоплении», который озаглавлен: «Expropriation des Landvolks von Grund und Boden».

Но эти моменты не мешали Марксу видеть *внутреннюю* логику развития: превращение натурального хозяйства в денежное, простого товарного в капиталистическое, при чем последнее является наиболее обобщенной формой простого товарного,—формой, с необходимостью вытекающей из дальнейшего развития производительных сил [1]). Именно эта сторона дела отличает Маркса от вульгарных «теоретиков насилия». Наоборот, г-на Оппенгеймера можно смело сопричислить к лику последних. В самом деле, общественные производственные отношения бывают, по г. Оппенгеймеру, «нормальными» и «ненормальными» (встарину говаривали «искусственными» и «естественными»). К «ненормальным» относится и капитализм. Однако нашему критику грозит большая беда: почти *все* хозяйственные структуры признать «ненормальными» и «случайными». К феодализму «теория насилия» применима еще в большей степени, чем к капитализму. Это признает и сам г. Оппенгеймер (см. стр. 62 его книги). Таким образом о двух больших, и притом наиболее изученных, периодах истории г. Оппенгеймер говорит, что они «ненормальны». Его ошибка ясна: он, заявляя себя сторонником материалистического понимания истории (не удивляйтесь, читатель: ведь он, защищая свободную конкуренцию, называет себя *социалистом!*), не потрудился даже понять, в какой взаимозависимости находятся определенные отношения хозяйства к политической и правовой надстройке. И именно поэтому его теория насилия не в состоянии об'яснить того, за об'яснение чего она берется.

Вот один из примеров историко-экономической теории г-на Оппенгеймера, иллюстрирующий его метод. Речь дет о возникновении капитализма:

> Сначала перевешивает дань земельным собственникам. Но постепенно выступает постоянно растущий слой членов верхнего класса, обладающих продуцированными средствами производства: младшие сыновья земельных собственников, перекочевавшие со своей частью наследства в города, счастливые купцы, преуспевшие

---

[1]) Ср. «Капитал», т. I, гл. 22, § 1. Превращение законов собственности товарного производства в законы капиталистического присвоения.

ростовщики, искусные ремесленники и художники, смогшие отложить сбережения, счастливые солдаты и пираты, привезшие на родину свою добычу.

Здесь есть «счастливые» (а значит, и «несчастливые») купцы, что предполагает конкуренцию, накопление торгового капитала etc.; здесь есть преуспевшие (а значит, и неудачливые) ростовщики (Wucherer), что предполагает все же известное развитие денежных отношений; здесь есть, наконец, «искусные» (а следовательно, и «неискусные») ремесленники, что опять-таки предполагает конкуренцию ремесленников между собой, и т. п. и т. п. Откуда все это взялось, каковы должны быть формы развития ремесла, торговли и пр.,—об этом у г. Оппенгеймера ни слова. Капитализм—«болезнь», «результат внеэкономического насилия»,—дальше этой крайне вульгарной и поверхностной точки зрения г. Оппенгеймер не идет. Придерживаясь вульгарной позиции, он защищает ее вульгарным же методом. На сцену появляется убитый Марксом и Энгельсом «Робинзон-капиталист» [1]).

Если мы правильно истолковали эти вещи, то все существенные явления капитализма должны проявиться уже при *самых простых отношениях*, уже в обществе, состоящем из двух человек, если только имеются на-лицо оба эти условия... *огораживание земли* и «свобода» рабочего в марксовском двояком смысле (74, 75).

Через несколько строк наш Робинзон превращается, с помощью Оппенгеймера, в заправского капиталиста.

В качестве ученика Рикардо и Мильтуса он будет давать ему (т.-е. Пятнице. *Н. Б.)*, в строгом согласии с «железным законом о заработной плате» *(остров, очевидно, перенаселен!)*, как раз прожиточный минимум. Он остается тем же рабским пропитанием, как его ни называть, кормом для человеческого рабочего животного или заработной платой рабочего; и при этом *остается все та же прибавочная ценность*, безразлично, должны ли регистрировать его теоретики как «господский доход» держащего рабов

---

[1]) Правда, г. Оппенгеймер утверждает, что над робинзонадами смеялся только *Энгельс* (ср. Оппенгеймер, там же, стр. 75, примечание), но это доказывает лишь плохое знакомство г. Оппенгеймера с Марксом. «Одинокий и живущий в полном одиночестве охотник и рыбак, с чего начинают Смит и Рикардо, относится к области лишенных фантазии ложных представлений восемнадцатого столетия. Это робинзонады... Производство уединенного, одинокого, находящегося вне общества... настолько же является небылицей, как развитие языка без живущих *вместе* и друг с другом говорящих индивидов *(Маркс)*.

владельца крупного поместья, как земельную ренту помещика, как процент капиталиста-рантье, или как прибыль промышленного предпринимателя (77) (последний курсив наш. *Н. Б.*).

Это «об'яснение» и «доказательство» стоят тех, которые мы видели при анализе теории ценности и прибавочной ценности. Основная их характеристика такова. Г-н Оппенгеймер преподносит нам *описание факта* и останавливается как раз там, где *начинается* проблема, т.-е. где нужно приступить *к об'яснению.* То же и тут. Если мы предполагаем классовую монополию данной и если мы отождествляем все различные формы прибавочного продукта (т.-е. если господский доход все равно, что процент капиталиста рантье или прибыль промышленного предпринимателя), тогда, конечно, вместе с классовой монополией дан и «капитализм»,—тогда, вообще, нечего об'яснять. Но ведь проблема как раз в том и состоит, чтобы об'яснить специфически-историческую форму прибавочного продукта, именно его форму прибавочной *ценности*. Г-н Оппенгеймер жестоко ошибается, когда думает, что при *всех* исторических формациях «остается все та же прибавочная ценность». Ценность вообще и прибавочная ценность в частности суть категории *товарного* хозяйства, производящего на рынок, только на основе *товарообмена* и мыслимо капиталистическое хозяйство,—одной классовой монополии на землю отнюдь не достаточно [1]): последняя свойственна всякому социально-дифференцированному обществу: где есть *классы*, есть и классовая монополия. Но отнюдь не всякое дифференцированное в классовом отношении общество является обществом *капиталистическим*. Это, казалось бы, азбучная истина, однако г. Оппенгеймер весьма далек от ее понимания [2]). Оттого его об'яснение в данном случае сводится к простой тавтологии.

---

[1]) Что капитализм может развиваться и развивается особенно быстро там, где абсолютная рента невысока, г. Оппенгеймер мог прочесть хотя бы у *Сисмонди*, автора, которого он неоднократно цитирует:

«Подобно тому, как Швейцария на старом континенте, точно так же и свободная Америка на новом не отделила владения землей от забот об ее обработке и от фактической ее доходности, и это является одной из причин ее быстрого преуспевания». (*S. de Sismondi*, «Nouveaux principes d'économie politique», Paris 1819, т. I, стр. 176).

[2]) Здесь он обнаруживает поразительное сходство со своим русским собратом, г. Туган-Барановским.

На этом мы закончим критику оппенгеймеровской теории происхождения капитализма и перейдем к последнему из наиболее важных пунктов: теории накопления в связи с так называемым «законом народонаселения».

Г. Оппенгеймер подготовляет свое нападение на Маркса тем, что последний об'является сторонником учения о так называемом «фонде заработной платы». По мнению г. критика, вся разница («относительно незначительная» к тому же) между буржуазной и социалистической теорией «фонда» заключается в том, что Маркс говорит о «переменном» капитале, в то время как буржуазная теория говорит об «оборотном» (стр. 45).

На самом деле основная разница совсем не в том, а в том, что для Маркса нет замкнутой, неизменной величины капитала, тогда как *весь* смысл учения о фонде и заключался в признании определенной, заранее данной величины капитала, которая распределяется между рабочими, так что всякий выигрыш одной группы рабочих есть в то же время проигрыш остальных. Любопытнее всего в данном случае то обстоятельство, что у Маркса есть не только беглые замечания о теории фонда: этой теории посвящен особый (5) § двадцать второй главы I тома «Капитала», под заглавием: «Der sogenannte Arbeitsfond». Этот замечательный отдел, посвященный критике теории фонда, так и начинается:

> Будет достаточно просто констатировать здесь, что капитал представляет не постоянную величину, а очень эластичную часть общественного богатства, постоянно изменяющегося в зависимости от того или другого распределения прибавочной стоимости на доход и добавочный капитал... и т. д. [1]).

По отношению к переменному капиталу:

> Догма (теории фонда. *Н. Б.)* эта применялась как самим Бентамом, так и Мальтусом, Джемсом Миллем, Мак-Куллохом и т. д. с апологетическими целями, а именно с целью представить в виде постоянной величины одну часть капитала, переменный капитал, т.-е. часть капитала, превращаемую в рабочую силу [2]).

Как видит читатель, это не совсем *та* «разница», о которой говорит г. Оппенгеймер.

Но Маркс, по утверждению г. Оппенгеймера, не только перенял с небольшими изменениями теорию фонда, об'ясняющую спрос на рабочие руки; он перенял также и буржуазную теорию

---

[1]) «Капитал», т. I, стр. 597.

[2]) Там же, стр. 598.

чрезмерно большого предложения рабочих рук; «но только (!!) он вывел это не из естественного закона... а из «специфического закона о населении в капиталистическую эпоху», из своего «закона о капиталистической аккумуляции» (44 — 45). И вот против этой «цитадели марксовой систематики» г. Оппенгеймер выдвигает такое поражающее возражение:

> Итак, если бы Маркс был прав (т. е. если бы была верной его теория относительно создания резервной армии в связи с повышением органического состава капитала. *Н. Б.),* то вся промышленность в совокупности по отношению к населению должна была бы занять все меньшее число рабочих, и безработные должны были бы скопиться в городах в огромных массах или должны были бы быть выброшены в деревню. Вместо этого мы видим... как раз противоположное явление... (49).

Марксов закон «создания резервной армии в связи с повышением органического состава капитала» находится в противоречии с фактом «урбанизации» населения. До сих пор марксисты видели в этом факте («Tatsache») *подтверждение* своей теории. В чем же дело? Да просто в том, что г. Оппенгеймер молчаливо предполагает рост населения более быстрый, чем рост постоянного капитала. В самом деле ведь, по Марксу, V уменьшается *относительно* C, но *абсолютно* оно возрастает.

> В центрах современной промышленности—фабриках, мануфактурах, горных заводах, рудниках и т. д.—рабочие то отталкиваются, то притягиваются в более значительном количестве, благодаря чему в конечном выводе число занятых увеличивается хотя в постоянно убывающей пропорции по сравнению с масштабом производства [1]).

Пусть X — число *занятых* рабочих, A — число рабочих вообще. Тогда строению капитала $\frac{v}{c}$ соответствует отношение $\frac{x}{A}$. Пусть, далее, органический состав капитала изменился и стал $\frac{2v}{3c}$. Caeteris paribus (интенсивность труда, длина рабочего дня и т. д.) мы будем иметь вместо X величину, равную 2 X.

Чтобы % занятых рабочих стал меньше, необходимо, чтобы A превратилось в величину, большую 3 A. Нужно, *чтобы население постоянно росло быстрее C,* — только тогда имело бы смысл возражение г-на Оппенгеймера. Но где у Маркса нашел он такую предпосылку? Это, очевидно, секрет автора.

---

[1]) «Капитал», т. I, стр. 633.

Если в городской индустрии V абсолютно *растет*, то того же нельзя сказать относительно *сел.-хоз.* капиталистического производства. На это точно так же было указано Марксом:

Когда капиталистическое производство овладевает земледелием или в той мере, в какой оно овладевает земледелием, спрос на сельское рабочее население, параллельно накоплению функционирующего здесь капитала, абсолютно уменьшается; отталкивание рабочего населения не дополняется здесь бо́льшим притяжением, как это наблюдается в неземледельческой промышленности [1]).

С ростом производительных сил на первый план выдвигается производство средств производства. Но производство сельскохозяйственных орудий, искусственного удобрения и проч. делается отраслью городской индустрии, новые отрасли производства растут в индустрии в неизмеримо большей степени, чем в сельском хозяйстве. Таким образом не может быть и речи относительно несогласия теории Маркса с фактом der Bevölkerungsverstadtlichung.

Пойдем далее. Критик утверждает, что высвобождение (Freisetzung) рабочих, как это показывает «более детальное рассмотрение» («eine genauere Betrachtung»), «mit dem Kapital überhaupt nichts zu tun hat» (105) (вообще не имеет ничего общего с капиталом); резервная армия—полагает г. Оппенгеймер—имеет совсем иное происхождение: ее поставляет сельское хозяйство в силу монополии на землю.

Уход из деревни и образование промышленной резервной армии является, таким образом, следствием не капиталистического хозяйствования, а раздела земельной собственности (105—106).

В доказательство приводится то обстоятельство, что капиталистическое сельское хозяйство не выталкивает, а притягивает рабочих, и, наоборот, некапиталистические страны (напр., Ирландия) поставляют огромное количество эмигрантов.

Прежде всего, неверно, что капиталистическое сельское хозяйство не выталкивает рабочих: факт выталкивания подтверждается данными хотя бы американской статистики. Во-вторых, пример в общем говорит не за, а против г. Оппенгеймера. Разница между странами с капиталистическим сельским хозяйством и полуфеодальным состоит в том, что в первых выталкиваемое из сельского хозяйства население направляется в го-

---

[1]) Там же, стр. 634.

рода, *пролетаризуется*, а в странах полуфеодальных оно в значительной степени просто *пауперизируется*, продолжая сидеть на земле и вздувая голодную аренду, а с другой стороны, выталкивается из страны вообще, так как капиталистическая индустрия здесь развивается крайне болезненно, и самый процесс der Verstadtlichung (урбанизации) происходит крайне медленно. В таких случаях процесс выталкивания вызывается и иными причинами, чем рост органического состава капитала; часто даже процесс выталкивания идет параллельно *регрессивному* процессу в земледелии, т.-е. при *падении* производительных сил, и не имеет действительно ничего общего с повышением органического состава капитала, которое выражает рост производительности труда. Но анализ подобных вещей не входил в задачу автора «Капитала», что последний ясно и формулировал. Мы укажем хотя бы на следующее место:

> Этот антагонистический характер капиталистического накопления в различных формах признан экономистами, хотя они сваливают в одну кучу с ними *отчасти аналогичные, но, тем не менее, существенно отличные явления предкапиталистических способов производства* [1]).

Итак, процесс выталкивания может найти себе место и на *иной* базе, чем изменение органического состава капитала; но это нисколько не противоречит тому, что он является также и необходимым следствием этого изменения. Дело *историка* анализировать и описать *все* конкретно существующие тенденции, *теоретику* же капиталистического хозяйства необходимо выяснить законы капитализма в его «чистом виде». Именно последнюю задачу преследовал Маркс в «Капитале». Поэтому вся «критика» г-на Оппенгеймера бьет в данном пункте совершенно мимо цели.

4. Либеральный социализм.

Мы подошли теперь к тем практическим выводам, которые делает г. Оппенгеймер из своей теории. Так как все зло современного хозяйственного строя происходит, по мнению г. Оппенгеймера, от монополии на землю, то основная задача экономической политики должна состоять в отмене этой именно монополии; здесь выступает вопрос о «внутренней колониза-

---

[1]) Там же, стр. 638. Курсив наш. *Н. Б.*

ции». Каковы «внутренние мотивы», приведшие нашего ученого к требованию «внутренней колонизации», — это с достаточной ясностью видно из следующего:

Мы имеем,—восклицает наш «надклассовый» идеолог,—...лишь выбор между *колонизацией и полонизацией* (80).

...Эти мелкие сельские хозяева являются... полезными гражданами, лучшей частью нашей народной силы; ни один класс далеко не предоставляет так много рекрутов, как они... (23) [1]. Внутренняя колонизация есть «самое могучее средство для поднятия народного хозяйства, всеобщего благосостояния и для примирения классов между собой» (85).

Итак, необходимо уничтожить крупную поземельную собственность, которая является, по Оппенгеймеру, причиной существования капиталистических отношений. Уничтожая ее, мы уничтожаем и капитализм:

Промышленность должна была бы и могла бы при сильно растущем спросе на рабочих и одновременно сильно падающем предложении рабочих платить гораздо более высокую заработную плату. Но это было бы концом капитализма! (90).

«Как?—спросит удивленный читатель:—ведь, конкуренция между капиталистами тогда страшно бы обострилась, техника быстро пошла бы вверх: каким образом сбережения рабочих могли бы оказать сопротивление колоссальному капиталу буржуазии?» На это г. Оппенгеймер дать удовлетворительного ответа не сможет. Но предположим на минуту, что весь этот гениальный план, путем которого драгоценное отечество спасает себя и от классовой борьбы, и от «полонизации»,—прошел (кстати сказать, в качестве аналогичной благодетельной реформы, которая приносит «Beruhigung» (успокоение), «Wohlstand, Freiheit und Recht» (довольство, свободу и право), г. Оппенгеймер приводит... аграрную реформу Столыпина! Ср. стр. 93). Ясно, что обостренная конкуренция между «производителями» приведет к небывало быстрой победе ех-капиталистов, которым «дореформенные» времена позволили «сберечь» гигантские запасы капитала. Вся история повторится снова, ибо нельзя «отменить» капитализм, не уничтожая свободной конкуренции.

---

[1]) Ср. с этим *Сисмонди:* «Наиболее сильной гарантией для установившегося строя является многочисленный класс крестьян-собственников («Nouveaux principes», т. I, стр. 173).

Нельзя удивляться поэтому остроумию Прудона (т.-е. Оппенгеймера. *Н. Б.)*, который хочет уничтожить капиталистическую собственность, противопоставляя ей... вечные законы собственности товарного производства![1]).

«План» г-на Оппенгеймера в значительной степени напоминает попытки сторонников национализации земли превратить это требование в панацею от всех зол. В одном из писем к Зорге Маркс дал им великолепную характеристику:

Общим у всех этих «социалистов» со времени Коллинса является то, что они оставляют нетронутой систему наемного труда, а следовательно, и капиталистического производства, желая уверить себя или мир, что, с превращением земельной ренты в налог государству, все беды капиталистического производства исчезнут сами собой. Таким образом теория эта в общем и целом является только прикрашенной социализмом попыткой *спасти капиталистический строй* и в действительности вновь основать его на еще *более широком базисе*, чем до сих пор.

Это лошадиное и одновременно ослиное копыто вполне ясно выглядывает также из декламации Генри Джорджа. И для него это тем более непростительно, что он должен был бы, напротив того, поставить себе такой вопрос: чем об'ясняется тот факт, что в Соединенных Штатах, где относительно, т.-е. по сравнению с цивилизованной Европой, земля была доступна и до известной степени (опять-таки относительно) и теперь еще доступна народным массам, развитие капиталистического хозяйства и соответствующее порабощение рабочего класса совершается *быстрее и в более бесстыдной форме*, чем в какой бы то ни было другой стране![2]).

Г. Оппенгеймер мог бы увидеть себя здесь, как в зеркале; несмотря на то, что он претендует на нечто «новое», это «новое» оказывается весьма и весьма старым.

Теория г-на Оппенгеймера дает нам одно: она лишний раз показывает, как ничтожны в теоретическом отношении всякие ублюдочные построения. Вопрос стоит резко: с нами или против нас! И если с нами, тогда в *теории* — целостная система Маркса, *на практике* — отнюдь не «либеральный», а *пролетарский* социализм. Так и только так ставит вопрос жизнь.

---

[1]) «Капитал», т. I, стр. 572.

[2]) «Briefe und Auszüge aus Briefen von Joh. Phil. Becker, Jos. Dietzgen, Fr. Engels, K. Marx und A. an F. A. Sorge und Andere». Stuttgart, 1906. Verl. Dietz, S. 177.

ФОКУС-ПОКУСЫ Г-НА СТРУВЕ [1]).

Петр Струве. Хозяйство и цена. Часть I. Хозяйство и общество.— Цена—ценность. Москва 1913. Изд. В. П. Рябушинского.

Фигура г. Струве весьма знакома россиянам. В своей общественной деятельности он побил рекорд хамелеонства и выказал себя как необыкновенно искусный политический эквилибрист. Но как человек, следующий мудрому завету Козьмы Пруткова «смотри в корень», он принужден был заниматься и научной эквилибристикой. Пятнадцатилетняя тренировка завершилась недавно шумным выступлением на научной сцене с благословения г. Рябушинского, известного мецената и организатора «союза науки с промышленностью». На любопытное зрелище этого выступления мы и приглашаем посмотреть наших читателей.

1. „О некоторых основных философских мотивах в развитии экономического мышления", или моментальное превращение Маркса в средневекового попа.

Революционный социалист *Маркс* писал в III томе «Капитала»: «Все это (т.-е. регулирование цен ценностью. *Н. Б.*) может быть всего легче изображено, если мы всю товарную массу сперва одной отрасли производства будем рассматривать как один товар и сумму цен многих тождественных товаров—как слагаемые, образующие одну цену; тогда то, что было сказано относительно отдельного товара, буквально приложимо к находящейся на рынке товарной массе определенной отрасли производства» и т. д. [2]).

---

1) Журнал «Просвещение» № 12 за 1913 г.

2) «Das Kapital», III, I, 161; цит. у *Струве*, стр. XXVII.

Средневековый католический схоластик *Фома Аквинат* о совсем других вещах писал следующее: «Мы должны сказать, что все люди, которые рождаются от Адама, могут быть рассматриваемы как один человек, поскольку они совпадают по своей природе, которую они получили от своего праотца, подобно тому, как, напр., все люди, которые живут в одном графстве, считаются за одно тело и все графства за одного человека» и т. д. [1]).

«В огороде бузина, а в Киеве дядька»—скажет, пожалуй, по поводу такого сопоставления удивленный читатель. Но Струве «сопоставляет» в серьез. «Наше указание на родство между схоластикой и *Марксом* не есть вовсе остроумничанье, не есть игра эффектными аналогиями,—оно есть совершенно точное установление *существенного совпадения логической формы*» (стр. XXIX).

Ибо «точно так же, как у Маркса эмпирические «цены» управляются законом ценности, так сказать (!) заимствуют (!) свое бытие (!!) от субстанции ценности, так для схоластики эмпирические действия людей определяются первородным грехом» (XXVI).

Это «точно так же» и т. д. абсолютно неверно. Цены у Маркса никакого бытия от ценности не заимствуют и *не могут* заимствовать; самое выражение Струве в приложении к Марксу просто бессмысленно; у Маркса ценность есть абстракция, об'ясняющая цены. В *исследовании* он идет от «рыночных цен» через «производственные цены» к «ценности»; в *изложении* он идет от «ценности» через «производственные цены» к «рыночным ценам». Ясно, что цена может заимствовать свое бытие у ценности так же мало, как, скажем, совершенно конкретный г. Струве во всей его индивидуальности может заимствовать свое струвистское бытие у «человека вообще». Это ясно до прозрачности. Но, ведь, фокусничество в том и заключается, чтобы ясное сделать неясным: для этого нужна только ловкость рук: два-три приема — и все готово: зритель поражен изумлен и аплодирует, что и требовалось доказать.

Однако посмотрим за кулисы, чтобы увидеть все аксессуары циркового искусства. Чтобы достигнуть цели—превратить Маркса в католического святого,— нужно показать, что у

---

1) *Струве*, стр. XXVII.

Маркса его научные абстракции получают самостоятельное бытие, точно такое же, как и конкретная реальность. Поэтому г. Струве начинает со спора между двумя старыми направлениями в логике: «номиналистами», которые считали общие понятия только за названия, символы («universalia sunt nomina») и «реалистами», которые придавали общим понятиям характер реально существующей субстанции («universalia sunt realia»). Далее г. Струве выделяет уже в *экономической* науке «родственные» (ср. стр. XI) направления: «сингуляризм» и «универсализм»; первое направление оперирует с конкретными индивид. фактами, второе—с совокупностями (класс, общество и т. д.); при этом совершенно не выясняется, является ли связь этих направлений связью психологической, или же это необходимая логическая связь [1]). Такие неопределенные «родственные» отношения позволяют через несколько страниц трактовать обе пары направлений уже как *тождественные* (стр. XVII). Тут-то и открывается прямой путь к отождествлению Маркса со св. Фомой: Фома — «номиналист», Маркс—«универсалист», но так как номинализм в логике все равно, что универсализм в социологии и полит. экономии, то отсюда вывод: Маркс и Фома едино суть: логическая форма «существенно совпадает».

Это очень ловко придумано. Но вот в чем беда: на стр. XXXII и XXXIII, уже после того, как было победоносно заявлено, что с Марксом дело плохо, сам же г. Струве сообщает нам следующее радостное известие:

«Но, необходимо еще раз подчеркнуть, это не значит, что «реалистическому» мотиву не может соответствовать и не соответствует ничего *реального* в общественной жизни, не значит, что «реалистический» мотив и его порождения следует просто отвергнуть». И дальше: «реалистически-метафизические концепции от долголетнего употребления... переплетаются... с эмпирически-правомерными применениями универсалистического мотива». Это называется «начал за здравие, а свел на упокой». Раньше универсализм, отождествленный с реализмом, толко-

---

1) Доказательство психологически - исторической преемственности не означает еще логического родства; понятие закона в научном смысле слова выработалось из понятия закона юридического; но в теперешнем своем виде, где вытравлен всякий дух анимизма, закон в научном смысле не имеет ничего общего с юридическим законом.

вался как об'ективирование общих понятий и потому отвергался; теперь оказывается, что «есть соответствие» между универсалистической теорией и действительностью, и что можно говорить о «правомерном применении универсалистического мотива».

Вот именно: если не обработать *заранее* Маркса под Фому, тогда можно увидеть в теории гениального экономиста не схоластическую болтовню, а «правомерное применение» общественной точки зрения, т.-е. познание причинных связей между различными общественными процессами. Видеть же за образными выражениями Маркса метафизические сущности значит абсолютно не понимать духа марксизма, за *словом* не видеть *понятия*[1]).

Г. Струве сам разбивает свою аргументацию. И на этом спасибо!

2. „Хозяйственный и социальный строй", или таинственное исчезновение производственных отношений.

Г. Струве—ученый серьезный. А это, прежде всего, значит, что он создает свою собственную «систематику». Маркс великолепно выяснил, что научная политическая экономия может и должна изучать людские отношения, которые складываются на известной ступени развития производительных сил и образуют «экономическую структуру общества». Но Струве недоволен: по его мнению, Маркс как раз *спутывал* различные категории общественной жизни, не видел принципиальной разницы между ними, а поэтому создавал искусственные и противоречивые конструкции.

Г. Струве предлагает различать три ряда явлений: 1. *Категории хозяйственные*, которые обнимают собой отношения хозяйства, как телеологического единства, ко внешнему миру. 2. *Категории междухозяйственные*, которые свойственны области «хозяйственного общения», характерного для «системы

[1]) Если бы кто-либо стал искать в товаре мускулов и нервов рабочих, ссылаясь на Маркса, над ним бы просто посмеялись. А вот г. Струве во многих местах книги занимается именно таким выискиванием.

хозяйств» (товарное хозяйство, где отдельные хозяйства связаны обменом). 3. *Категории социальные,* которые «выражают явления, вытекающие из взаимодействия хозяйствующих людей, занимающих различное социальное положение» (стр. 27).

Социальные категории (отношение между капиталистом и рабочим) в меновом хозяйстве скрыты под оболочкой обмена. «То обстоятельство,—говорит по этому поводу Струве,—что категории социальные в хозяйственном общении облекаются в костюм междухозяйственных категорий, создает видимость тождества между ними. Между тем, из «хозяйственного общения» и его категорий также нельзя вывести социального строя и его категорий, как и, наоборот, из социальных категорий нельзя построить хозяйственного общения и его категорий. Из теории цены хозяйственных благ нельзя вывести учения о «распределении», хотя доходы всех трех классов... несомненно реализуются в ценах. Точно также из «распределения» факторов производства между тремя классами нельзя вывести теории цены...» (27).

А бедный Маркс как раз «выводил» накопление капитала из акта купли-продажи рабочей силы. Однако оставим пока Маркса и вернемся к г. Струве[1]).

Перед нами определенная классификация. Всякая классификация должна преследовать определенную цель и этой целью определяется. А так как мы видели выше, что для экономической науки прежде всего интересно изучение производственных отношений, то мы должны посмотреть, где приютил их наш суровый критик. Посмотрим. Это безусловно не *хозяйственная* категория, ибо речь идет об отношениях между людьми; это в то же время не *междухозяйственная* категория, ибо она (т.-е. категория производственных отношений) свойственна не только «хозяйственному общению», но и *социальной* категории, «основной предпосылкой» которой «являются определенные производственные отношения» (27); наконец, по той же причине «производственные отношения» не могут быть сопричислены к *социальной* категории, так как они имеются и вне

---

[1]) Читатель, б. м., заметил, что *Струве* гораздо смелее и последовательнее другого критика, *М. Туган-Барановского,* который боится поставить вопрос ребром и сознаться, что его точка зрения приводит в сущности к «невозможности» вывести законы распределения. Об этом в другом месте.

отношений господства (пример: простое товарное производство).

Получается какая-то нелепость. Производственные отношения *исчезли.* Исчезло основное понятие экономической науки; исчезло то изучение, чему должна служить всякая теория; ибо законы статики и динамики «экономической структуры» и должны быть целью исследования!

Таким образом «острый анализ» Струве привел к действительно безнадежному положению. Его классификация явно несостоятельна.

Но это еще не все. Сколько раз поучал он Маркса, что нельзя смешивать «социальной» и «междухозяйственной» категории, ибо между ними нет ничего общего. И вдруг такой скандал: и там и тут *основой* служат производственные отношения (в простом тов. хозяйстве—это отношения самостоятельных производителей; в капиталистическом—капиталистов и рабочих), при чем и та, и другая категория суть лишь различные формы *одной и той же* категории производственных отношений.

Один пример пояснит нам «положение вещей». Возьмем ценность. Это общественное отношение. Но, говорит г. Струве: «Оно есть общественное отношение, в котором в то же время непосредственно не выражается никакого классового отношения» (32). А посему—думает автор—его нельзя припутывать к социальной категории. Но как же быть, премудрый г. Струве, с ценностью *рабочей силы?* Неужели и здесь «не выражается никакого классового отношения»? Тут опять «заковыка» для нашего эквилибриста. И неудивительно: все его «строгое разграничение понятий» с неизбежностью приводит к самым абсурдным выводам.

А теперь посмотрите, для чего понадобился нашему фокуснику этот трюк—скрыть производственные отношения: «Поскольку существует «общество», существуют «социальные отношения». Общество, как «система хозяйств», отличается от общества, как «хозяйства», только тем, что социальные отношения в первом облекаются в костюм «экономических категорий», а в последнем выступают в чистом виде» (33).

Вы понимаете, читатель? Социальные отношения незаметно *заменяют* отношения производства вообще. А в результате — «социальные отношения» (отношения господ-

ства) существуют, «поскольку существует общество». Господство превращается в вечную необходимость, в непременное условие существования общества. Этому открытию, наверное, сильно обрадуются г-да Рябушинские, и еще теснее, еще «интимнее» станет союз «промышленности с наукой».

3. „Основной дуализм общественно-экономического процесса", или превращение веры в научное предсказание, а также другие занимательные фокусы.

В едином общественно-экономическом процессе — так гласит одна из основных идей книги Струве: «есть два ряда явлений, в каждый данный момент или, вернее, в каждом изучаемом отрезке времени существенно отличающиеся один от другого. Один ряд, могущий быть рационализованным, т.-е. направленным согласно воле того или иного суб'екта, другой ряд, не могущий быть рационализованным, протекающий стихийно вне соответствия с волей какого-либо суб'екта» (стр. 60—61).

На первый взгляд — мысль довольно невинная и даже не оригинальная.

Но дело в следующем: г. Струве «утверждает» это положение, как *абсолютное*, над-историческое. «Маркс, — пишет он,—подметил эту особенность общественно-экономических отношений между людьми и указал на нее в своем учении о фетишизме товарного производства. Ошибка *Маркса* — и это имманентная ошибка социализма... — заключалась в том, что он этой черте общественно-экономического процесса, присущей ему как таковому, т.-е. его основному дуализму, приписал чисто исторический характер, признав указанную черту особенностью товарного производства. Но этот дуализм присущ всякому общественно-экономическому процессу, как бы ни было организовано общество в хозяйственном отношении, если только в этом обществе существует в той или иной мере хозяйственное общение» (66).

В этой длинной выписке наш жонглер, как на ладони.

Где это вы нашли, г-н Струве, что *Маркс* утверждал *дуализм* для товарного хозяйства? Наоборот, его он считал *типом* анархического, стихийно развивающегося организма,

не поддающегося рационализации. В пределах товарного хозяйства в целом, в *основном* не может быть рационализации — вот мысль *Маркса*, не извращенная г-ном Струве. А теперь посмотрите на самого г-на Струве. Он утверждает, что дуализм присущ всякому строю, если... *«если только в этом обществе существует в той или иной мере хозяйственное общение»*. Это ли не жонглерство! это ли не фокусники! Ведь «хозяйственное общение» — означает товарное хозяйство! Конечно, если натуральное хозяйство рода или социалистической общины *могло бы* быть товарным, тогда другое дело.

Но, ведь, это же нелепость, противоречие в самом себе! Жонглерство Струве доходит здесь прямо до грандиозных размеров. Раньше, когда ему нужно было защищать свою «систематику», он писал: «Неудивительно поэтому, что этой областью (хозяйств. общения. *Н. Б.)* прежде всего овладела наука политической экономии, возникновение которой связано с развитием конкретного воплощения «хозяйственного общения», *с развитием исторического «народного хозяйства»* (стр. 19; см. также примечание на стр. 19, курсив наш. *Н. Б.)*; на стр. 15 он приводит пример, правда, «исключительный» [1]), иезуитского *коммунизма* в Парагвае, где «дуализм» был *совершенно уничтожен*. А теперь он громко вещает, что ошибка Маркса — в его историзме!

Чтобы представить Маркса и современную социал-демократию утопистами, г-н Петр Струве называет их «верующими».

Но так как все же это немного зазорно, то тут же об'ясняется: «Вера означает (!) здесь (!!) *научное предсказание* (! Курсив автора. *Н. Б.)*. А последнее подлежит научной критике». Веру — назвать наукой, натуральное хозяйство — меновым, — это для нашего ученого просто плюнуть!

Что же дает нашему автору такую смелость? Как это ни парадоксально, источник *смелости* есть *боязнь*, боязнь решительного переворота.

«Человечество, несомненно, движется по пути все большей и большей рационализации его (т.-е. экон. процесса. *Н. Б.*).

В этом смысле можно было бы сказать, что человечество идет к социализму, если бы социализм... не означал одного

---

1) Да не забудет г. Струве, что диктатура пролетариата — тоже «исключительное условие».

метода этой рационализации, метода ее принудительно-коллективного осуществления и даже для этого метода не являлся лишь весьма грубой и слишком общей формулой» (66). Что же поделать! Мы отлично знаем, что г-дам Струве этот «метод» не понравится: если бы он «нравился» им, то прощай союз «с промышленностью». Правда, было время... но не станем беспокоить успокоившуюся душу г-на Струве: амплуа канатного плясуна буржуазии ему более подходит[1]).

4. „Некоторые основные положения о цене и ценности", или создание политической экономии из ничего.

Теперь мы вплотную подошли к «основе» основ, к теории ценности. Об'ективная ценность (и в первую голову об'ективная ценность у Маркса) есть, по г. Струве, чистейшая метафизика. «Согласно этому пониманию (т.-е. пониманию сторонников теории об'ект. ценности. *Н. Б.)*. отдельные эмпирические факты не просто либо противоречат идее или норме, — ценности, либо совпадают с ней, а управляются ею. В основе цены лежит ценность» (90). Такой взгляд есть взгляд метафизический,—так, по крайней мере, об'являет г. Струве. Г-на Струве в данном случае, несомненно, смущает слово «управляются». Тут мы заметим следующее. Прежде всего за такую *формулировку* нельзя делать ответственным исключительно закон *ценности*. Всякий закон, даже всякий *физический* закон, очень часто облекается в такую *словесно*-метафизическую оболочку: напр., «движение светил управляется законом притяжения тел» и т. д.

По *существу* же здесь нет ровно ничего метафизического, а есть установление постоянных связей между рядом явлений. То же и с ценностью. Между производительностью общественного труда и *ценами* есть определенная связь.

В простом товарном хозяйстве эта связь наиболее проста, в капиталистическом—она гораздо сложнее. В простом товарном хозяйстве достаточно понятия ценности и закона спроса

---

1) Как заметил читатель, вопрос о рационализации у Струве есть то же самое, что врастание в социализм у Бернштейна. Полемика марксистов (особенно т. Плеханова и К. Каутского) вполне исчерпала этот вопрос.

и предложения, в капиталистическом хозяйстве — требуется ряд дополнительных понятий, прежде всего требуется понятие производственных цен. Только и всего.

Метафизика, оказывается, сконструирована была самим г-ном Струве для вящшего посрамления ортодоксов.

«Но,—горячится г. Струве,—рядом с ценою, над ней или под ней не существует никакого другого реального экономического явления» (96). Хорошо. Но есть ли это доказательство того, что между этим реальным экономическим явлением и *другим* явлением (производ. труда) нет определенной связи? Поясним старым, престарым примером. Летит воздушный шар. Некоторые любознательные люди об'ясняют это «явление» рядом законов, в основе — законом тяжести. Но вот прибегает запыхавшийся г. Струве и кричит: «Караул! Метафизика! Ни рядом с этим явлением, ни над ним, ни под ним не существует никакого реального физического явления!». Помилуйте, г. Струве, бога вы не боитесь, а еще сами безрелигиозную интеллигенцию ругаете! Ведь, это же значит отказаться от об'яснений и стать на точку зрения простого ротозея (в случае с воздушным шаром) или на точку зрения бухгалтера (в экономической науке).

Но... Но Струве бесстрашен. Ему нельзя отказать в последовательности в данном вопросе. Бухгалтер, так бухгалтер!

Он так и заявляет. «Нет и не может быть понятия ценности, которое имело бы значение в политической экономии и не имело бы его в праве и бухгалтерии» (стр. 99).

Поздравляем г-на Струве с углублением «методологических основ» науки. Очень хорошо! Великолепно!..

После всей поистине геростратовской работы (с некоторой разницей в производительности труда) г-ну Струве не остается сделать ничего другого, как построить ценность по-бухгалтерски.

Но предварительно мы дадим г-ну Струве сформулировать еще раз свою позицию. Он противопоставляет два тезиса:

1. Тезис метафизический, формально идущий еще от *Аристотеля* и материально кульминирующий в учении *Маркса*, гласит так: блага обмениваются и могут обмениваться потому, что в них есть нечто общее. Эта общая субстанция и есть ценность. Обмен возможен благодаря тому, что есть в товарах такая общая субстанция, благодаря некоему равенству, которое *предшествует* обмену.

2. Тезис эмпирический гласит так: равенство между товарами, или благами создается в самом процессе обмена и только в нем. Никакой общей субстанции и никакого равенства, предсуществующего обмену, нет и быть не может. Совершенно ясно, что с этой точки зрения ценность вовсе не управляет ценами... Ценность же образуется из цен (стр. 91).

Мы уже разобрали «метафизический» характер об'ективной теории Маркса. Здесь только отметим еще одну выходку нашего фокусника. Это утверждение, что ценность *предшествует* обмену. Выражение может иметь двоякий смысл. Во-1-х, ценность предшествует («предсуществует», как поповски выражается г. Струве) *индивидуальному* акту мены, точно так же, как сложившаяся цена предшествует конкретной индивидуальной сделке, которая, в свою очередь, влечет установление новой цены,—такое положение нисколько не противоречит и 2 тезису. Во-2-х, ценность «предсуществует» обмену *вообще*,—такое утверждение *неверно*. Но его нет и у Маркса. Равенство продуктов *вне* менового хозяйства и вне обмена теоретически можно себе представить в виде равенства трудовых затрат, но это будет равенство *продуктов*, а не равенство *ценностей*. Ценность есть категория менового хозяйства и вне его, с точки зрения Маркса, не мыслима. Какое до этого делю г-ну Струве! Ведь его утверждение — лишнее оружие, которым можно кольнуть Маркса. Но оно, к сожалению, бутафорское оружие, оно не колется, г-н Струве!

«Уничтожив», Струве «строит». Ценность, по его мнению, может иметь только один смысл: это некая *статистическая средняя* («типическая ценность»). Но как строятся отдельные меновые пропорции это—quaestio facti (вопрос факта, 96).

Вот жалкий результат пятнадцатилетнего труда.

Теории распределения, как мы видели выше, построить, по Струве, нельзя. Но выходит, в конце концов, что и его обещание построить теории ценности на новом, «эмпирическом базисе» — одна *фраза*.

Его теория ценности не есть *теория* ценности, а выводы статистических средних, составление *прейскуранта;* его теории цены тоже не существует, ибо образование цен—quaestio facti. Что же остается? Остается одно пустое место и одно (тоже пустое) обещание г. Струве... Таков трагический финал комического зрелища.

ТЕОРИЯ ПРОЛЕТАРСКОЙ ДИКТАТУРЫ [1].

«В конечном счете» *всякая* теория имеет практические корни. Но если это верно по отношению к любой науке, это «верно в квадрате» по отношению к общественным наукам. Они являются направляющей всем видимой двигательной силой, и тут особенно ярко сказывается положение Маркса, что «и теория становится силой, если она овладевает массами».

Но, чтобы теория двигала массы по правильному пути, нужно, чтобы она сама была правильной теорией. А чтобы она была правильной теорией, для этого она должна удовлетворять некоторым общим «методологическим» требованиям.

Таким требованием для общественно-теоретических построений является требование *историчности*. Это значит, что всякую полосу общественного развития нужно понять в особых, ей, и *только* ей, свойственных чертах; духу настоящей общественной науки прямо претит бестолковое повторение «вечных истин», прогорклая жвачка, достойная ученых коров либерализма.

Однако этой по существу своему глубоко-*революционной диалектической* точки зрения не могут усвоить себе ни буржуазные ученые, ни пустопорожние болтуны из «живых трупов» распавшегося II Интернационала. Типичным образчиком их служит *Каутский*.

С началом империалистической эпохи, когда история поставила перед рабочим классом задачу, во-первых, *понять* новый цикл развития, а во-вторых, так или иначе на него *реагировать*, Каутский окончательно растерялся, и тот жалкий лепет, та невинная (и вместе с тем ядовитая) розовая водица, которою он кропил немецкий пролетариат, теоретически ока-

---

[1]) Сборник статей «Октябрьский переворот и диктатура пролетариата», Москва 1919 г.

зались *проституированием* марксизма, а практически вели к полному *ренегатству*. Каутский абсолютно не понял *особенностей* империалистской эпохи, ее специфического характера. В империализме он видел лишь историческую случайность, какой-то «грех» капиталистического развития, патологическое явление, которое можно было излечить заклинаниями и формулами третейских судов и разоружений,—формулами, взятыми напрокат у убогенького буржуазного пацифизма. Известно, каков был результат. Не кто иной, как Каутский, пугал рабочих «вражеским нашествием» и благословил политику шейдемановцев,—подлую политику «защиты» разбойничьего буржуазного отечества.

Теперь наступает опять *новая* историческая полоса. Кривая империалистского развития, все время шедшая вверх, начинает катастрофически падать вниз. Наступает эпоха *разложения капитализма*, за которой непосредственно следует *диктатура пролетариата*, рождающаяся в муках *гражданской войны*.

Это—период, ещё более «неудобный» для трусливых и подлых душ. Здесь все летит на-смарку, все старое, гнилое, отжившее. Здесь не может быть места ни теории, ни практике Буриданова осла. Здесь нужно выбирать и *действовать*.

И опять мы видим, что Каутский, который все время войны занимался,—правда, умеренным,—лизанием генеральского сапога и проповедывал «осторожность», теперь занимается благородной задачей обстрела большевиков и изливанием помоев на советскую республику, благо это весьма одобряется начальством. Если рассматривать его,—sit venia verbo,—«взгляды» с логической стороны, опять-таки обнаружится полное неумение *исторически* проанализировать вопрос, подойти к нему не с точки зрения общей фразы, а с точки зрения революционной диалектики.

Советская республика,—это величайшее завоевание пролетариата,—должна быть рассмотрена как форма *пролетарской диктатуры*, как особая форма *государственной власти*, неизбежно возникающая в определенный исторический период, несмотря на то, хотят или не хотят иметь ее господа Даны, Керенские, Каутские и Шейдеманы.

Но для того, чтобы понять историческую правомерность диктатуры пролетариата, необходимо, как говорят немцы, «провентилировать» сперва вопрос о государстве вообще.

1. Общая теория государства.

Если даже оставаться в плоскости чисто теоретических оценок, можно заметить, какой громадный шаг назад сделали многие «выдающиеся мыслители» за время войны как раз в *этой* области. То, что раньше, и по заслугам, обозначалось как беспардонное пустозвонство, котируется сейчас как величайшая ценность на бирже воинствующей «науки» наших дней. Взрослые люди залепетали, как двухлетние ребята. Нечленораздельные звуки, которые издаются теперь Шейдеманами и Данами всех стран,—лучшее тому доказательство. И поэтому пусть не посетует на нас читатель, если мы прежде всего постараемся напомнить кое-какие «забытые слова».

Существует бесконечное множество всяких «дефиниций» государства. Мы проходим мимо всех тех теорий, которые видят в государстве какую-либо теологическую или метафизическую сущность, «сверхразумное начало», «реальность моральной идеи» и т. д. Неинтересны для нас и многочисленные теории юристов, которые, рассматривая дело с ограниченной точки зрения формально-юридической догматики, вертятся в порочном кругу, определяя государство через право, а право—через государство. Такие теории не дают никакого положительного знания, потому что они лишены социологического фундамента, они висят в воздухе. Государство же невозможно понять иначе, как явление социальное. Необходима, следовательно, *социологическая* теория государства. Такую теорию и дает *марксизм*.

С точки зрения марксизма государство есть наиболее общая организация господствующего класса, основной функцией которой являются защита и расширение условий эксплоатации классов порабощенных. Государство есть отношение между людьми, и притом,—поскольку мы говорим о классах,—отношение господства, власти, порабощения. Правда, уже 2.500 лет до Р. Х., в знаменитом вавилонском кодексе Хаммураби, было заявлено, что «целью правителя являются обеспечение в стране права, уничтожение дурного и злого, дабы сильный не вредил слабому» [1]. В существеннейших чертах эти идиллические

[1] *L. Gumplovicz*, «Geschichte der Staatstheorien», Innsbruck 1905, S. 8.

благоглупости с серьезнейшим видом преподносятся и теперь [1]). Сия «истина» совершенно аналогична утверждению, что целью предпринимательских союзов является повышение заработной платы рабочих. В действительности, поскольку имеется сознательно регулируемая организация государственной власти, поскольку можно, следовательно, говорить вообще о постановке *целей* (что предполагает уже известную высоту общественного и государственного развития), эти цели определяются интересами господствующих классов и *только ими.* Так называемые «общеполезные функции» суть лишь conditio sine qua non, необходимые условия существования государства; точно так же и любая синдикатская организация ставит себе *целью* (мы подчеркиваем именно эту сторону дела: *цели* организации) отнюдь не производство an und für sich, а получение прибыли и сверхприбыли, хотя *без* производства не могло бы жить человеческое общество. «Общественнополезные» функции буржуазного государства суть, следовательно, *условия* максимально длительной и максимально успешной эксплоатации классов угнетенных, в первую голову пролетариата. Эволюция этих функций определяется двумя моментами: во-первых, непосредственной заинтересованностью командующих классов (без железных дорог невозможно развитие капитализма,—отсюда постройка железных дорог; чрезмерное вырождение нации лишает государство необходимого ему солдатского материала,—отсюда санитарные мероприятия etc.); во-вторых, соображениями стратегии против угнетенных классов (так называемые «уступки» под давлением снизу), — здесь предпочитается наименьшее с точки зрения верхов зло. И в том, и в другом случаях действует «принцип экономии сил» в целях создания наилучших условий для эксплоатационного процесса. Регулятивным принципом поведения для государственной власти служат интересы господствующего класса, которые лишь прячутся под псевдонимом интересов «нации», «целого», «народа» и пр. Всюду государство является организацией «наиболее могущественного, господствующего экономически класса, который благодаря ему становится и политиче-

---

[1]) См., напр., *Loening:* «Der Staat» в Handwörterbuch der Staatswissenschaften; *Wygodzyns'y,* «Staat und Wirtschaft», Handbuch der Politik etc. Или из новых книг: *Jerusalem,* «Der Krieg im Lichte der Gesellschaftslehre», S. 61.

ски господствующим, приобретая себе таким образом новое средство для обуздания и эксплоатации классов порабощенных»[1]).

Являясь наиболее общей организацией господствующего класса, государство возникает в процессе общественной дифференциации. Оно есть продукт *классового* общества. В свою очередь процесс социального расслоения есть производная экономического развития, а отнюдь не простой результат голого насилия со стороны групп победителей иноземного происхождения, как то утверждают некоторые экономисты и социологи (Гумплович, Оппенгеймер), которые в данном пункте по существу дела лишь повторяют пресловутого Дюринга. Вот как определяет «историческое государство» *Франц Оппенгеймер:*

«*По форме,*—пишет этот автор,—оно (государство) есть правовая институция, навязанная победоносной группой группе побежденной. Его *содержанием* является планомерная эксплоатация («Bewirtschaftung») подчиненной группы»[2]).

«Классы созданы при помощи политических средств и могли быть созданы только политическими средствами»[3]).

Таким образом классы являются, по Оппенгеймеру, лишь трансформированными группами победителей и побежденных, а вовсе не законным дитятей экономического развития. Их появление связано *исключительно* с «внеэкономическим фактором».

В этой теории «происхождения классов» и государства верно лишь одно,—что конкретная история есть история насилий и грабежа. Но этим вопрос отнюдь не исчерпывается, ибо в действительности ни «правовые институты», ни производственные отношения определенного типа не могут возникнуть и *удержаться,* раз в экономическом развитии данного общества

---

[1]) *Fr. Engels.* «Der Ursprung der Familie, des Privateigentums und des Staates», 3 Aufl., 1889, S. 137. «Государство есть организация владеющих классов для обороны против классов, не имеющих собственности» (ibid., 138). «La politique n'est qu'une méthode de persistance, un instrument de conservation et d'extension de la propriété» (*Achille Loria,* «Les bases économiques de la constitution sociale», 2 éd., Paris 1903, p. 362).

[2]) *F. Oppenheimer,* «Staat und Gesellschaft», Handbuch der Politik, S. 117. См. также «Der Staat» *его же.* О развитии политики и экономики у О. см. его: «Theorie der reinen und politischen Oekonomie», 2 Aufl., Berl. 1911.

[3]) «Staat und Gesellschaft», S. 115; «Der Staat», S 9.

нет для этого достаточной почвы. В частности для появления классов и упрочения их в качестве основной общественной категории этим базисом являлась хозяйственная дифференциация в связи с ростом *разделения труда и частной собственности* [1]).

Образование классов *логически* отнюдь не предполагает завоеваний, и история приводит нам примеры образования классов помимо всякого «завоевания». Таково образование государства в Северной Америке. Правда, обычно не дооценивают зародышей северо-американского феодализма и господства поземельной аристократии [2]). Однако эволюция капиталистических отношений Америки становится совершенно непонятной с точки зрения «чистой теории завоевания».

Кажущийся радикализм аналогичных теоретических конструкций имеет весьма апологетические корни, ибо здесь идет нападение не на основы товарного хозяйства,—частную собственность, а лишь на монополистическую форму этой последней, как будто эта монополистически превращенная форма не есть логическое и историческое продолжение элементарной формы простого товарного хозяйства. На самом деле государство, как и классы, «никоим образом не является силой, навязанной обществу извне... оно есть, наоборот, продукт этого общества на известной ступени развития» [3]).

Если конститутивный признак государства, его «сущность» видеть в том, что оно есть всеобщая организация господствующего класса, то необходимо признать, что государство есть категория историческая. Таков был взгляд Маркса и Энгельса. Точно так же, как капитал, по Марксу, не есть вещь, именно

---

[1]) См. *G. Schmoller* (Jahrbücher, 1890, S. 72). «Das Wesen der Arbeitsteilung und der socialen Klassenbildung», где Шмоллер критикует Гумпловича, перегибая, однако, палку в сторону «смягчения» действительной исторической картины; также *G. Schmoller*, «Die Tatsachen der Arbeitsteilung», Jahrbücher, 1889. Общие теоретические соображения у *Durkheim'a*, «De la division du travail social», Paris 1893.

[2]) См. об этом *Mayers*, «The History of great american fortunes».

[3]) *Engels*, «Der Ursprung», S. 135. Что возникновение теорий à la Оппенгеймер имеет ту социальную подкладку, о которой мы говорили выше, показывают и «система» практических требований Оппенгеймера, и его «либеральный социализм», который на самом деле означает возврат к простому товарному хозяйству, со «справедливой» куплей-продажей «по труду».

средства производства an und für sich, а общественное отношение, выраженное в вещи, «сущность» государства заключается не в его техническо-административной роли, а в *отношении господства,* которое скрывается под этой административно-технической оболочкой [1]). Но так как это отношение господства есть выражение классовой структуры общества, то вместе с исчезновением классов исчезнет и государство. Таким образом государство имеет не только свое историческое начало, но и свой исторический конец. «Даже радикальные и революционные политики,—писал *Маркс,*—вскрывая ограниченную точку зрения своих современников, ищут корень зла не в сущности (Wesen) государства, а в определенной государственной форме, на место которой они хотят поставить другую государственную форму [2]). Еще решительнее говорит Энгельс: «Все социалисты,—утверждает он,—согласны в том, что государство, а вместе с ним и политическая власть (Autorität) исчезнут в силу грядущей социальной революции,—другими словами, что общественные функции потеряют свой политический характер и превратятся в простые административные функции, блюдущие общественные интересы» [3]).

В «Анти-Дюринге» Энгельс заявляет, что государство должно «отмереть» (absterben). В «Происхождении семьи etc.» он помещает государство в музей древностей будущего общества «на-ряду с бронзовым топором и прялкой». Приведенные цитаты (а их можно было бы, конечно, увеличить) вовсе не случайны,—наоборот. Здесь выступают специфические особенности марксова метода, который рассматривает общественные явления не как вечные и неизменные категории, а как преходящие явления, возникающие и исчезающие на определенной ступени общественного развития. Это, таким обра-

---

[1]) Кстати, *г. Реннер,* один из виднейших представителей так называемого «австромарксизма», который в своих внешне блестящих статьях в «Kampf» побил, пожалуй, все рекорды фальсификации марксова учения, обосновывает лозунг «самозащиты» тем, что капитал, по Марксу, есть отношение между двумя одинаково *необходимыми* полюсами общества—рабочими и капиталистами. Реннер позабывает только тот пустяк, что Марксу никогда и в голову не приходило *увековечивать* эти отношения, да еще в их ограниченной пределами данного государства формулировке.

[2]) *Marx,* «Kritische Randglossen etc.», Nachlass, B. II, S. 50.

[3]) *Engels,* «Dell'Autorità»,—«Neue Zeit», XXXII, I, S. 32; нем. пер. с италианск. *Н. Рязанова.*

зом, не вопрос терминологии, как хотят изобразить дело некоторые критики, точно так же, как вовсе не терминологическое словопрение заключается в споре, есть ли палка дикаря—капитал или просто палка[1]). Для Маркса критерием различения, логическим fundamentum divisionis было *различие типов отношений между людьми*, а не фетишистски извращенная «поверхность явлений». Понять общественное развитие как процесс непрерывного изменения этих типов («социально-экономических структур») и было собственно задачей Маркса. Таким же путем подходил он и к вопросу о государстве, как *политическому выражению широкой социально-экономической категории: классового общества*. И точно так же, как буржуазные экономисты, точка зрения которых статична и неисторична, не могут понять специфической точки зрения Маркса на экономические категории,—так и юристы и социологи буржуазии не понимают и марксистского взгляда на государство. «Теория Маркса,—говорит, напр., Гумплович,—содержит новое и в значительной степени правильное понимание государства». Но... «ужасная ошибка социализма коренится в том, что он верит, будто государство делает себя излишним»[2]). Так говорит «радикальный» Гумплович. Другие его коллеги могут уже ex officio не понимать Маркса[3]).

---

[1]) *Adolph Wagner*, напр., пишет (Staat in national-ökonomischer Hinsicht. Handw. der Staatswissenschaften), что социалистическое «государство» имеет все признаки государства в «высочайшей степени» (in höchster Potenz), ибо классовой налет современного государства есть лишь «эксцессы» и «злоупотребления». Вся эта галиматья имеет *полную аналогию* в теоретических конструкциях современных буржуазных экономистов (*Бем-Баверк, Кларк и К°)*; капитал, по их мнению, не есть отношение господства, а просто средство производства; «злоупотребления» (ростовщичество, напр.) вовсе не существенны; в будущем обществе тоже будут и капитал, и прибыль, и т. д.

[2]) *Gumplovicz*, l. c., S. 373.

[3]) См., напр., *Jellinek*, «Allgemeine Staatslehre», 3 Aufl., Berlin 1914 S.S 89, 194, 195 etc. Любопытно признание, что «Machttheorie» внушает «безумие и ужас», ибо «sie öffnet der permanenten Revolution die Wege» («прокладывает дорогу перманентной революции», стр. 196), и что «die praktischen Konsequenzen der Machttheorie bestehen nicht in der Begründung, sondern in der Zerstörung des Staates» («практические последствия силовой теории состоят не в обосновании, а в разрушении государства» стр. 195).

Итак, *коммунистическое* общество есть *безгосударственное* общество, потому что это есть общество *бесклассовое*. Но если коммунизм отрицает государство, то что же означает завоевание государственной власти пролетариатом? Что означает диктатура рабочего класса, о которой так много говорили и говорят марксисты? На этот вопрос ответ дается ниже.

2. Диктатура пролетариата и ее необходимость.

Предварительно одно небольшое замечание. До каких пределов может доходить ренегатство бывших социалистов, видно из специальной брошюрки Каутского, выпущенной против большевиков (Karl Kautsky, «Die Diktatur des Proletariats», Wien 1918, Verl. Ignaz Brand).

В этом «элаборате» отреченской мысли мы находим, между прочим, такое поистине классическое место: «Тут (т.-е. для оправдания своей диктатуры. *Н. Б.)* вспомнили (большевики) кстати *словцо* о диктатуре пролетариата, которое Маркс *однажды* в 1875 году, употребил *в одном из писем»* [1]). Для Каутского все учение о диктатуре, в котором сам Маркс видел *основу* теории революции, превратилось в пустенькое «словцо», случайно оброненное «в одном из писем»! Немудрено, что в теории диктатуры Каутский видит «*новую*» теорию.

Эту «новую» теорию, однако, мы почти целиком имеем у Маркса.

Маркс ясно видел необходимость *временной* государственной организации рабочего класса, его диктатуры, потому что он видел неизбежность *целого исторического периода*, целой исторической полосы, которая будет иметь специфические особенности, отличающие ее и от капиталистического периода, и от периода коммунизма, как рационально построенного безгосударственного общества.

Особенности этой эпохи состоят в том, что пролетариат, разбивший государственную организацию буржуазии, вынужден считаться с ее продолжающимся в разных формах сопротивлением. И именно для того, чтобы это сопротивление пре-

---

[1]) *K. Kautsky*, «Die Diktatur des Proletariats», S. 60: «Da erinnerte man sich rechtzeitig des Wörtchens von der Diktatur des Proletariats, das Marx einmal 1875 in einem Briefe gebraucht hatte».

одолеть, необходимо иметь сильную, крепкую, всеоб'емлющую и, следовательно, *государственную* организацию рабочего класса.

Маркс ставил вопрос о диктатуре пролетариата более абстрактно, чем ставит его конкретная действительность. Как в своем анализе капиталистического производства он брал капиталистическое хозяйство в его «чистой» форме, т.-е. в форме, не осложненной никакими пережитками старых производственных отношений, никакими «национальными» особенностями и т. д., точно так же и вопрос о диктатуре рабочего класса у Маркса ставился как вопрос о диктатуре рабочего вообще, т.-е. о диктатуре, уничтожающей капитализм в его чистом виде.

Иначе и нельзя было ставить вопроса, если ставить его абстрактно-теоретически, т.-е. если давать самую широкую алгебраическую формулу диктатуры.

Теперь опыт социальной борьбы позволяет конкретизировать вопрос по самым разнообразным направлениям. И прежде всего этот опыт указывает на необходимость самой решительной, действительно *железной* диктатуры рабочих масс.

Социалистическая революция, тот *насильственный переворот*, о котором говорил еще «Коммунистический манифест», не совершается по мановению дирижерской палочки сразу во всех странах. Жизнь гораздо запутаннее и сложнее «серой теории». Капиталистическая оболочка лопается не одновременно повсюду, а начинает расползаться в тех местах, где буржуазная государственная ткань наименее крепка. И тут перед победившим пролетариатом ставится проблема отражения внешнего врага, чужеземного империализма, всем ходом развития неизбежно толкаемого на разрушение государственной организации пролетариата.

Одна из величайших заслуг товарища Ленина состоит в том, что он первый во всем марксистском лагере поставил вопрос о *революционных войнах* пролетариата [1]).

А, между тем, это—одна из самых важных проблем нашей эпохи. Ясно, что грандиозный мировой переворот будет включать и оборонительные, и наступательные войны со стороны

---

[1]) См. статьи, появившиеся во время войны в «Социал-Демократе», «Коммунисте» и «Сборнике Социал-Демократа». Их перепечатку можно найти в издании Петр. Совета: *Зиновьев и Ленин:* «Против течения».

победоносного пролетариата: оборонительные — чтобы *отбиться* от наступающих империалистов, наступательные — чтобы *добить* отступающую буржуазию, чтобы поднять на восстание угнетенные еще народы, чтобы освободить и раскрепостить колонии, чтобы закрепить завоевания пролетариата.

Современный капитализм есть *мировой* капитализм. Но этот мировой капитализм не есть организованная единица, а анархическая система борющихся всеми средствами государственно-капиталистических трестов[1]). Однако, он есть *мировая* система, все части которой связаны друг с другом. Как раз поэтому европейская война превратилась в *мировую войну*. Но, с другой стороны, относительная дробность мирового хозяйства, соединенная с *различным* положением империалистских государств, вызвала мировую войну не как единовременно наступившее явление, а как *процесс постепенного стягивания* в войну одной капиталистической страны за другой. Италия, Румыния, Америка выступили значительно позднее. Но как раз выступление Америки и превратило войну в войну, захватившую оба полушария, т.-е. в *войну мировую*.

Аналогично развивается и *мировая революция*. Это есть процесс деградации капитализма и восстания пролетариата, где одна страна следует за другой. При этом причудливо переплетаются самые различные моменты: империалистской войны, национально-сепаратистских восстаний, гражданской войны внутри стран и, наконец, классовой войны между государственно-организованной буржуазией (империалистскими государствами) и государственно-организованным пролетариатом (советскими республиками).

Однако, чем дальше развиваются события, тем резче выступает на первый план момент *классовой войны*. Знаменитый «союз народов», о котором буржуазные пацифисты прожужжали все уши, все эти «лиги наций» и прочая дребедень, которую напевают с их голоса социал-предательские банды, на самом деле суть *не что иное, как попытки создания священного союза капиталистических государств на предмет совместного удушения социалистических восстаний*[2]). Маркс пра-

[1]) Анализ структуры мирового капитализма см. в *нашей* работе: «Мировое хозяйство и империализм», изд. «Прибой», СПБ.

[2]) Это откровенно высказал в свое время мистер *Тафт*, американский империалист first class и в то же время один из основателей па-

вильно указывал, что партия революции сплачивает партию контр-революции. И это положение верно по отношению к мировой революции пролетариата: мировой революционный процесс, или, как его теперь называют с полным правом, «мировой большевизм» — сплачивает силы международного капитала.

Но подобная «*внешняя*» кон'юнктура не может не иметь громадного «*внутреннего*» значения. Если бы не было наличия империалистских сил во-вне, побежденная отечественная буржуазия, опрокинутая в открытом столкновении классов, не могла бы надеяться на буржуазную реставрацию. Процесс *деклассирования* буржуазии шел бы более или менее быстро, а вместе с тем исчезала бы и необходимость в специальной организации противобуржуазной репрессии, в государственной организации пролетариата, в его диктатуре.

Однако действительное положение дел как раз обратно. Буржуазия, уже сваленная, уже разбитая в какой-нибудь одной или каких-нибудь двух-трех странах, имеет еще громадные *резервы в лице иностранного капитала*. А отсюда вытекает, что ее сопротивление *затягивается*. Опыт русской революции блистательно подтверждает это. Саботаж, заговоры, мятежи, организация кулацких восстаний, организация банд с бывшими генералами во главе, чехо-словацкая авантюра, бесчисленные «правительства» окраин, опирающиеся на иноземные штыки и кошелек, наконец, карательные экспедиции и походы на Советскую Россию со стороны всего капиталистического мира,—это явления одного и того же порядка.

Из такого совершенно неизбежного *неотвратимого* хода исторических событий можно и должно сделать *два* вывода: во-первых, перед нами целый *период* ожесточеннейшей борьбы не на живот, а на смерть; во-вторых, для того, чтобы этот период был изжит возможно скорее, необходим режим *диктатуры вооруженного пролетариата*. Тактическое правило выводится здесь из научно-поставленного прогноза, для которого есть все данные.

Конечно, все на свете можно оспаривать. Есть жалкие софисты, жизненное назначение которых состоит в бесконечном схоластическом переливании из пустого в порожнее. Таков

цифистской лиги. Под «миром» он разумеет прежде всего *гражданский* мир, и поэтому он готов утопить в крови его нарушителей, т. е. рабочих.

как раз Каутский. Он не мог понять смысла *империализма*. Теперь он не может понять смысла следующей фазы, эпохи социалистических революций и пролетарской диктатуры. «Я ожидаю,—пишет сей «рабочий» вождь,—что социальная революция пролетариата примет совершенно особые формы, чем революция буржуазии; что пролетарская революция, в противоположность буржуазной, будет бороться «мирными» средствами экономического, законодательного и морального порядка повсюду, где укоренилась демократия» [1].

Трудно, конечно, спорить с ренегатами, которые переучились настолько, что в военных ботфортах Тафта видят демократию.

Но у нас перед глазами пример действительно демократической страны, где демократия действительно «укоренилась»: это—Финляндия. И пример этой *единственной* страны показывает, что гражданская война в более «культурных» странах должна быть еще более жестокой, беспощадной, исключающей всякую почву для «мирных» и «законодательных» (!!) методов.

Каутский пытается установить, что под диктатурой Маркс подразумевал не диктатуру, а что-то совсем другое, ибо, мол, слово «диктатура» может относиться только к отдельному лицу, а не классу. Но стоит только привести мнение *Энгельса*, который отлично видел, чем должна быть диктатура пролетариата, чтобы понять, как далеко ушел Каутский от марксизма. Энгельс писал против анархистов:

> Видали ли они когда-нибудь революцию, эти господа? Революция есть, несомненно, самая авторитарная вещь, какая только возможна. Революция есть акт, в котором часть населения навязывает свою волю другой части посредством *ружей, штыков, пушек*, т.-е. средств чрезвычайно авторитарных. *И победившая партия по необходимости бывает вынуждена удерживать свое господство посредством страха, который внушает реакционерам ее оружие.* Если бы Парижская Коммуна не опиралась на авторитет вооруженного народа против буржуазии, разве она продержалась бы дольше одного дня? Не вправе ли мы, наоборот, *порицать* Коммуну *за то, что она слишком мало пользовалась своим авторитетом?* (Здесь нужно перевести: «своей властью «autoriatà». *Н. Б.)* [2]).

---

[1]) *K. Kautsky*, «Die Diktatur des Proletariats», S. 18.

[2]) *Энгельс*, «Dell'Autoriatà», — «Neue Zeit», 1913—14, XXXII, B. I, S. 39. Русский перевод мы цитируем по великолепной книжке тов. *Ле-*

И Энгельс, и Маркс прекрасно понимали грядущее положение. Теперь, когда у нас на-лицо опытное подтверждение этого взгляда, говорить о «мирных» и «законодательных» путях просто смешно.

Начавшаяся *эпоха революции* требует соответствующей ориентировки. Если эпоха эта есть эпоха неслыханных классовых битв, вырастающих в *классовые войны,* то совершенно естественно, что политическая форма господства рабочего класса должна носить своеобразно *милитарный* характер. Здесь должна быть новая форма власти,—диктаторской власти класса, «штурмующего небо»,—как говорил Маркс о парижских коммунарах.

По Каутскому, Маркс писал не о «форме правительства» (Regierungsform), а о «фактическом состоянии» (einem Zustande), когда он писал о диктатуре. На самом деле Маркс писал о чем-то *большем,* чем «форма правительства». Он писал о новом совершенно своеобразном *типе государства.* На той же странице, где Каутский «опровергает» тезисы о диктатуре, написанные автором этих строк [1]), он приводит цитату из Маркса, который говорит о том, что Коммуна была, «наконец, открытой *политической формой»* пролетарской диктатуры, а вовсе не случайным «состоянием».

Итак, между коммунизмом и капитализмом лежит целый исторический период. На *это время* еще сохраняется государственная власть в виде пролетарской диктатуры. Пролетариат является здесь *господствующим классом,* который прежде чем распустить себя, как класс, должен раздавить всех своих врагов, перевоспитать буржуазию, переделать мир по своему образу и подобию.

3. Крах демократии и диктатура пролетариата.

Одним из самых существенных вопросов, которые играют крупнейшую практическую роль, является вопрос о соотношении между «демократией» и диктатурой рабочих.

нина: «Государство и революция». Ввиду необычайно тщательного подбора цитат из Маркса и Энгельса в этой книжке, мы считаем излишним повторять их здесь и отсылаем читателя к работе Владимира Ильича.

[1]) «Thesen über die sozialistische Revolution und die Aufgaben des Proletariats währehd seiner Diktatur in Russland». Verl. Freie Jugend, Zürich. Вышли также польский, финский и др. переводы.

Марксисты не выдумывают из головы чисто рационалистическим образом «форм правления». Они улавливают основные тенденции развития и свои цели сообразуют с этими тенденциями. Так и только так нужно подходить и к вопросу о диктатуре.

При этом нужно помнить, что политическая форма есть «надстройка» над определенной экономической структурой, что она выражает определенное соотношение *между классами* и что политическая скорлупа неизбежно разлетается в прах, если она не находит себе опоры в структуре классовых соотношений.

Выше мы дали общую оценку начавшейся эпохи. Это—эпоха все более и более нарастающих гражданских войн, переходящих в организованную классовую войну. Поэтому первый вопрос, который мы должны задать, это—вопрос о том, совместима ли *гражданская война* с демократическими формами, или нет.

Но предварительно одно маленькое замечание. Наши противники, и в их числе Каутский, толкуют о демократии, как о чем-то существующем. Но это *заведомая ложь*. Сейчас не существует демократических государств. То, что существует сейчас в Европе, Америке и Японии, есть *диктатура финансового капитала*. Именно это—исходный пункт развития.

Следовательно, вопрос должен быть поставлен так: *можно ли в эпоху гражданской войны организовать пролетарское государство в формах старой буржуазной демократии, везде и всюду уничтоженной финансовым капиталом?*

Демократия, поскольку мы подразумеваем под этим словом определенный политический строй, была до сих пор одной из форм,—самой утонченной формой,—господства буржуазии. В чем состояла основная предпосылка демократического устройства? В наличии ряда *фикций*, которые чрезвычайно ловко использовались для систематического обмана масс. Основной такой фикцией было понятие *общенародной воли*, «нации», «целого». Вся система демократических учреждений покоится на «общенародности». Нетрудно понять классовый смысл «общенародных» норм. Понятно, что в действительности есть *классы* с противоположными непримиримыми интересами; понятно, что ни о какой «общенародной» воле, которая об'единяла бы и рабочих, и капиталистов, в действительности

нет и речи. Но буржуазии нужна, ей *необходима* фикция «общенационального». Буржуазия—правящее меньшинство. Но как раз потому, что она—меньшинство, ей приходится, чтобы держать массы в повиновении, говорить от имени «всей нации», ибо она не может *открыто* говорить от имени кучки. Таким образом возникает фетиш общенародной воли, и *буржуазия* выступает как *нация*, как «страна», а *буржуазная государственная организация*—как общее всем «*отечество*».

Пролетарская революция есть, однако, разрыв гражданского мира,—это есть *гражданская война*. Гражданская же война вскрывает истинную физиономию общества, расколотого на классы. Как раз в огне гражданской войны сгорает общенациональный фетиш, а классы размещаются с оружием в руках по различным сторонам революционной баррикады. Поэтому неудивительно, что в процессе революционной борьбы пролетариата неизбежно возникает *распад* всех тех форм, всех учреждений и институтов, которые носят видимость «общенационального». Это есть опять-таки совершенно *неотвратимый*, исторически абсолютно неизбежный процесс, хотят его или не хотят отдельные люди, отдельные группы или даже некоторые промежуточные классы, ибо гражданская война имеет свою внутреннюю логику, и раз она дана, тем самым дан и процесс распада старых форм, где буржуазия господствовала под псевдонимом всего общества.

Эти соображения, выдвигавшиеся некоторыми товарищами и до октябрьской революции, получили теперь опять-таки опытное подтверждение. Какую область ни взять, всюду и везде мы видим одно и то же: общенациональные, «общедемократические» институты *немыслимы*, при данном соотношении сил они *невозможны*.

Возьмем одну из главных составных частей всякой государственной власти—*армию*. Для всякого неутописта ясно, что общенациональная армия *теперь* немыслима. Пролетариат не может пускать в свою армию буржуазию, и Советская республика организует рабоче-крестьянскую *красную армию*. Но и для буржуазии все более опасно становится пускать в свою армию принудительно набранных рабочих и крестьян; поэтому она вынуждена организовать *белую гвардию*. Там же, где пробуют организовать «общенациональный» военный аппарат, с буржуазными контр-революционерами во главе (ср., напр., «на-

родную армию» чехо-словацко-белогвардейских сил), этот аппарат неизбежно разлагается и погибает, ибо конструкция его по *теперешним* временам внутренне противоречива.

То же самое происходит по всей линии, вплоть до экономики: на фабрике становится невозможным «межклассовое» сожительство буржуа и пролетария; общие «домовые комитеты» распадаются и заменяются домовыми комитетами *бедноты;* деревенские общие советы разрушаются, и на их место ставятся комитеты *деревенской бедноты;* в муниципалитетах не могут ужиться рядом те, кто на улицах стоит друг против друга с оружием в руках, и муниципалитеты заменяются отделами рабочих классовых советов; Учредительное Собрание по той же причине существовать не может; старые парламенты взрываются вместе со всякой «общенациональной» конституцией.

Можно, конечно, сказать, что во всех этих рассуждениях есть логическая ошибка, что все это—только petitio principii, что здесь вместо доказательства правомерности действий большевиков *описываются* эти действия.

Но это не так. Наши враги, яростные сторонники «дум» и «Учредилки», только на словах стоят за общедемократические формулы. Ведь вместо Учредилки есть один только *правый,* т.-е. *классовый,* сектор, а во всех думах и пр. Сибири и «Чехо-Словакии» торжественно заявлялось, что там есть всеобщее избирательное право, но *нет места представителям антигосударственных партий,* т.-е. большевикам, а следовательно, рабочему классу.

Было бы смешно думать, что все это—случайные, «патологические» явления. На самом деле здесь происходит распад того, что могло быть связано лишь при одном условии: при таком положении вещей, когда пролетариат находится под гипнозом буржуазной идеологии, когда он не сознает себя еще, как класс, ниспровергающий буржуазию, когда он рассматривает себя, как часть не подлежащего изменению целого. Победа пролетариата, полная и окончательная, его *мировая* победа, восстановит *в конце концов* единство общества на новых началах, на началах деклассирования всего общества. Тогда осуществится полный безгосударственный коммунизм. Но до этого периода предстоит пройти через жестокую борьбу, которая не мирится ни с какими иными формами, кроме дикта-

туры: если побеждает рабочий класс, тогда будет *диктатура рабочих;* если побеждает буржуазия, это будет *диктатура буржуазии и ее генералов.*

Можно подойти к вопросу и с несколько другой точки зрения, хотя по существу здесь будет речь итти о том же. Можно выделить основные классовые силы и посмотреть, кто же будет носителем власти. Каутский, который в 1905—1906 г.г. писал о русской революции, как о революции не буржуазной, а «своеобразной», теперь, через 12 лет после того, как в России сформировался финансовый капитал, пишет о в сотни раз более зрелой октябрьской революции, как о революции буржуазной. Но если, по Каутскому, историческое развитие идет так же, как и развитие самого Каутского, то-есть *вспять*, то, следовательно, у власти должна стоять буржуазия. Но буржуазия хочет военной диктатуры генералов, чего абсолютно не хочет пролетариат. Мелкая буржуазия, интеллигенция и пр. не могут быть властью, это—азбука для марксиста. Крестьянство сейчас дифференцировано,—у нас происходит революция в деревне. Но ни один слой крестьянства не может играть самостоятельной роли. Остается один пролетариат. Власть пролетариата, однако, ставит на дыбы не только крупную буржуазию, но и «среднее сословие». Тем не менее пролетариат достаточно силен, чтобы, ведя за собой деревенскую бедноту, разбить своих врагов. При таком положении не может быть иного выхода, как *диктатура пролетариата.*

Предатели социализма больше всего боятся «беспокойства». Таков и Каутский. Он проповедывал «мирный» капитализм, когда этот капитализм убивал десятки миллионов на полях сражений. Теперь он проповедует «мирную революцию», чтобы удержать пролетариев от восстания против капитала. Он всерьез пишет «о безопасности и покое», которые нужны для революционного строительства, и потому он изо всех сил протестует против «самой страшной» *гражданской* войны. Предпосылкой его поистине чудовищной по своему ренегатству критики является жажда мещанского спокойствия. Демократия, т.-е. такая форма *господства буржуазии,* которая предохраняла бы наилучшим образом от возмущения пролетариата,—вот его *конечный* идеал.

Что это так,—ясно видно хотя бы из одного замечания: «В боях за... политические права возникает современная

демократия, зреет пролетариат; вместе с тем возникает новый фактор: *охрана меньшинства, оппозиции* в государстве. Демократия означает господство большинства. Но в не меньшей мере она означает охрану меньшинства» [1]). А потому теперь, по Каутскому, и необходима демократия.

Стоит взглянуть только на это великолепное рассуждение, чтобы увидеть, что Каутский ровно ничего не понимает в текущих событиях. Разве можно советовать русскому пролетариату охранять права «меньшинства», т.-е. права *контрреволюции,* мягко называемой добреньким Каутским «оппозицией»? Охранять права чехо-словаков, царских охранников, генералов, спекулянтов, попов, всех тех, кто идет с бомбой и револьвером против пролетариата,—это значит либо быть дураком, либо быть политическим шарлатаном. Но это нужно делать с точки зрения тупого мещанина, стремящегося примирить классы и не понимающего, что крупная буржуазия, поддержанная им, расправившись с пролетариатом, пожрет и его, своего помощника [2]).

Всякое государство есть орудие насилия. В моменты острых классовых битв это орудие должно действовать особенно интенсивно. Поэтому в эпоху гражданской войны тип государственной власти неизбежно должен быть диктаторским. Но это определение есть определение формальное. Важен *классовый характер* государственной власти. И поскольку государственная власть находится в руках пролетариата, постольку до его решающей победы во всем мире она неизбежно должна носить характер диктатуры [3]). Пролетариат не только

---

[1]) *Kautsky,* l. c, S. 15.

[2]) Жажда социального мира так сильна у Каутского, что он гражданскую войну между большевиками и правыми с.-р. «об'ясняет» не различием классов и групп, а различием «тактических методов». Все русские «социалисты», по его мнению, «хотят того же самого». Это напоминает рассуждения старых либералов, которые уверяли, что и они стремятся к «счастью человечества», но только другими путями...

[3]) Эта необходимость подавления эксплоататоров была ясна не только Марксу и Энгельсу. *Плеханов* когда-то говорил, что мы отменим всеобщее избирательное право, если этого потребует революция. Тот же Плеханов высказывался за массовый террор и против всяких свобод для низвергнутых классов при известных условиях. См. его брошюру о «Столетии Великой Революции». Ее весьма не мешало бы знать каждому товарищу.

не дает никаких «свобод» буржуазии,—он применяет против нее меры самой крутой репрессии: он закрывает ее прессу, ее союзы, силой ломает ее саботаж и т. д., и т. п., точно так же, как буржуазия в свое время делала это с агентами помещичье-царского режима. *Но зато пролетариат не на словах, а на деле дает широчайшую свободу трудящимся массам.*

Этот пункт нужно особенно подчеркнуть. Все «демократические свободы» носят *формальный, чисто декларативный* характер. Таково, например, демократическое «равенство всех перед законом». Это «равенство» прекрасно воплощается в формальном «равенстве» продавца рабочей силы рабочего, и покупателя ее—капиталиста. Это есть *лицемерное* равенство, за которым скрывается действительное порабощение. Здесь равенство прокламируется, но по сути дела *фактическое* экономическое неравенство превращает равенство формальное в пустой призрак. Немногим лучше и свобода печати, прессы и т. д. для рабочих, которая дается буржуазной демократией. Здесь прокламируют «свободу», но рабочие ее не могут реализовать: фактическая монополия на бумагу, типографии, машины и т. д. со стороны класса капиталистов превращает почти в ничто печать рабочего класса. Это напоминает приемы американской цензуры: она часто не просто запрещает рабочие газеты, а «всего-на-всего» запрещает почте их распространять, и таким образом формальная «свобода печати» сводится к полному ее удушению.

Точно то же происходит с рабочими собраниями; рабочим предоставляется «право» на собрания, но им не предоставляется *помещений* для этой цели, а уличные собрания воспрещаются под предлогом «свободы уличного движения».

Диктатура рабочего класса уничтожает формальное равенство *классов*, но тем самым она освобождает рабочий класс от материального порабощения. «Свобода договора» исчезает вместе со «свободой торговли». Но это нарушение «свободы» капиталистического класса дает *гарантию действительной свободы* для трудящихся масс.

Центр тяжести переносится именно на эти *гарантии*. Советская власть не просто прокламирует свободу рабочих собраний, а предоставляет все лучшие залы городов, все дворцы и театры для рабочих собраний, для организаций рабочего класса и т. д. Она не просто прокламирует свободу рабочей

печати, а предоставляет в распоряжение рабочих организаций всю бумагу, все печатные станки, все типографии, реквизируя и конфискуя все это у прежних капиталистических владельцев. Простой подсчет домов под рабочими и крестьянскими организациями—партийными, советскими, профессиональными, фабрично-заводскими, клубными, культурно-просветительными, литературными и т. д., которых *никогда* не было так много, покажет, *что* делает Советская власть для этой действительной свободы и действительного раскрепощения трудящихся масс.

Чрезвычайно характерно, что Каутский, критикующий наши тезисы, мошенническим образом обрывает цитату *как раз* на том месте, которое говорит об этих *гарантиях* свободы для рабочего класса. Самое существенное Каутский выбросил для того, чтобы еще раз *обмануть* пролетариат.

Нам остается рассмотреть здесь еще один вопрос, а именно—вопрос о том, почему коммунисты стояли раньше за буржуазную демократию, а теперь идут против нее.

Понять это нетрудно, если стоять на *марксистской* точке зрения. Марксистская точка зрения отрицает все и всяческие абсолюты. Она есть *историческая* точка зрения. Поэтому совершенно ясно уже a priori, что конкретные лозунги и цели движения всецело зависят от *характера эпохи*, в которой приходится действовать борющемуся пролетариату.

Прошлая эпоха была эпохой накопления сил, *подготовки* к революции. *Теперешняя* эпоха есть эпоха *самой революции*. Из этого основного различия вытекает и глубокое различие в конкретных лозунгах и целях движения.

Пролетариату нужна была раньше демократия потому, что он *не мог* еще реально помышлять о диктатуре. Ему нужна была свобода *рабочей* прессы, *рабочих* собраний, *рабочих* союзов и т. д. Ему и тогда были вредны *капиталистическая* пресса, черные *капиталистические* союзы, собрания локаутчиков. Но пролетариат не имел сил выступить с требованием роспуска буржуазных организаций,—для этого ему нужно было бы свалить буржуазию. Демократия была ценна постольку, поскольку она помогала пролетариату подняться на ступеньку выше в его сознании. Но пролетариат *вынужден* был тогда облекать свои *классовые* требования в «общедемократическую» форму,—он вынужден был требовать не свободы *рабочих* собраний, а свободы собраний вообще (следовательно,

и свободы контр-революционных собраний), свободы прессы вообще (а следовательно, и черносотенной прессы) и т. д. Но из нужды нечего делать добродетели. Теперь, когда наступила эпоха прямого штурма капиталистической крепости и подавления эксплоататоров, только убогий мещанин может довольствоваться рассуждениями о «защите меньшинства» [1]).

4. Советская власть как форма пролетарской диктатуры.

Выше мы уже отмечали, что длительный характер затягивающейся гражданской войны требует не просто единичных мероприятий против буржуазии, но и соответствующей *государственной организации.* Мы рассматривали эту организацию только как *диктатуру,* т.-е. форму власти, наиболее резко выражающую классово-репрессивный характер этой власти.

Теперь нам необходимо выяснить особенности *пролетарской* диктатуры как совершенно нового *типа государства.*

Необходимость нового типа государства отлично понималась и Марксом, и Энгельсом. Именно поэтому они и стояли не на точке зрения завоевания *буржуазного* государства (в том числе и *демократии,* гражданин Каутский!), а на точке зрения *взрыва* (Sprengung), *ломки* (Zerbrechen) государственной машины. Они с величайшим презрением относились к «государственному хламу», к «народному государству» («Volksstaat»), о котором так заботились оппортунисты [2]).

Чем же определяются особенности нового государственного типа?

Они зависят от двух причин:

Во-первых, пролетарское государство есть диктатура большинства над меньшинством страны, тогда как всякая иная диктатура была диктатурой кучки [3]); во-вторых, всякая прежняя государственная власть ставила своей целью сохранение и упрочение *процесса эксплоатации.* Наоборот, совершенно

---

1) См. выше.

2) Эта чрезвычайно существенная сторона дела блестяще изложена тов. *Ленина:* «Государство и революция».

3) Всевозможные благоглупости фактического характера, которые имеются в изобилии у Каутского, усиленно обрабатываемого меньшевистскими клеветниками, опровергать, конечно, не стоит.

ясно, что большинство не может жить за счет кучки, и пролетариат не может эксплоатировать буржуазию. Целью пролетарской диктатуры являются *ломка старых производственных отношений и организация новых отношений в сфере общественной экономики,* «диктаторское посягательство» (Маркс) на права частной собственности. Основной смысл пролетарской диктатуры как раз и состоит в том, что она есть *рычаг экономического переворота.*

Если государственная власть пролетариата есть рычаг экономической революции, то ясно, что «экономика» и «политика» должны сливаться здесь в одно целое. Такое слияние мы имеем и при диктатуре финансового капитала в его классически-законченной форме, форме государственного капитализма. Но диктатура пролетариата перевертывает все отношения старого мира,—другими словами, *политическая* диктатура рабочего класса должна неизбежно быть и его *экономической* диктатурой.

Все вышесказанное вызывает прежде всего тот признак Советской власти, что *это есть власть массовых организаций пролетариата и деревенской бедноты.* В «демократии», столь любимой Каутским, все участие рабочего и крестьянина-бедняка в государственной жизни покоилось на том, что он раз в четыре года опускал билетик в избирательную урну и уходил потом спать. Здесь опять-таки яснее ясного виден буржуазный обман масс путем систематического вколачивания в их головы разнообразных *иллюзий.* По *видимости* рабочие принимают участие в управлении государством, *фактически* они полностью *изолированы* от какого бы то ни было участия в управлении государством. Допустить такое участие буржуазия не может, но создавать фикцию она при известных условиях должна. Вот почему всякая форма правления меньшинства, будь то феодально-помещичье, торгово-капиталистическое или финансово-капиталистическое государство, неизбежно должна быть бюрократична. Она всегда, при всех и всяких условиях изолирована от масс, а массы изолированы от нее.

Совсем иное видим мы в Советской Республике. *Советы*—непосредственная классовая организация. Это—не забронированные учреждения, ибо проведено право отзыва каждого депутата: это—сами массы в лице их выборных, в лице рабочих, солдат и крестьян.

Но дело не только в одних Советах, составляющих, так сказать, верхушку всего государственного аппарата. Нет, *все* рабочие организации становятся частями аппарата власти. Нет ни одной массовой организации, которая не являлась бы в то же время органом власти. Профессиональные союзы рабочих—важнейшие органы экономической диктатуры, управляющие производством и распределением, устанавливающие условия труда, играющие крупнейшую роль в центральном учреждении экономической диктатуры — Высшем Совете Народного Хозяйства, фактически ведущие работу Комиссариата Труда; фабрично-заводские комитеты—нижние ячейки государственного регулирования; комитеты деревенской бедноты — один из важнейших органов местной власти и в то же время распределительного аппарата страны; рабочие кооперативы— точно так же ячейки этого последнего. Все они принимают участие в выработке всяческих проектов, решений, постановлений, которые потом проходят через центральный аппарат— Центральный Исполнительный Комитет или Совет Народных Комиссаров.

В одной из самых замечательных своих брошюр [1]) тов. Ленин писал, что задача пролетарской диктатуры заключается в том, чтобы приучить даже каждую кухарку к управлению государством. И это был вовсе не парадокс. Через организации пролетариев города и деревенской бедноты,—организации, которые все глубже и глубже захватывают самую толщу народных масс,—эти массы, боявшиеся когда-то и думать о своей власти, начинают *работать* как органы этой власти. Никакое государство никогда и нигде не было таким близким к массам. Советская Республика есть в сущности громадная организация самих масс.

Мы подчеркиваем здесь и *другую сторону дела*, а именно то, что это—организация не только *рабочая* по преимуществу, но и *работающая*. В «демократических республиках» высшим органом является «парламент», в переводе на русский язык—«говорильня». Власть делится на законодательную и исполнительную. Путем посылки депутатов от рабочих в парламент (раз в 4 года) создается опять-таки фикция, что рабочие принимают участие в государственной *работе*. Но на са-

---

[1]) *Н. Ленин*, «Удержат ли большевики государственную власть?»

мом деле этого не делают даже депутаты, ибо они говорят. Все же дела вершит специальная бюрократическая каста.

В Советской Республике законодательная власть соединена с исполнительной. Все ее органы, от самого верхнего до самого нижнего, суть *работающие коллегии*, связанные с массовыми организациями, опирающиеся на них и втягивающие через них всю массу в дело социалистического строительства.

Таким образом все рабочие организации становятся *правящими* организациями. Их функциональное значение изменяется. Иначе и не может быть в период пролетарской диктатуры, когда господином положения является рабочий класс, когда само государство есть *рабочая организация*.

Нужно иметь безнадежное тупоумие наших меньшевиков или Каутского, чтобы протестовать против превращения Советов в органы власти. «Теория» их состоит в сказке про белого бычка. Пусть Советы будут органами борьбы против правящей буржуазии. А дальше, когда победят? Пусть тогда они распустят себя, как органы власти, и снова начинают «борьбу», чтобы... не сметь побеждать.

Но возражения против власти Советов, против того, чтобы профессиональные союзы стали «казенными» учреждениями и т. д., имеют и другую сторону. Ни Каутский, ни меньшевики не хотят, чтобы *массовые организации* управляли государством и принимали *активное* участие в государственном строительстве. Таким образом, они стоят, что бы они ни заявляли, за комбинацию «говорильни» *плюс оторванная от масс бюрократия*. Дальше этого старого хлама их горизонт не распространяется.

Таким образом советская форма государства есть *самоуправление масс*, где любая организация трудящихся является составной частью всего аппарата. От центральных коллегий власти тянутся организационные нити к местным организациям по самым разнообразным направлениям, от них—к самим массам в их непосредственной конкретности. Эта связь, эти организационные нити никогда не обрываются. Они—«нормальное явление» советской жизни. Это—то *основное*, что отличает Советскую Республику от всех решительно форм государственного бытия.

Связь между политикой и экономикой, между «управлением над людьми» и «управлением над вещами» выражается

не только в максимально тесной кооперации между экономическими и политическими организациями масс, но и в том, что даже выборы в Советы производятся не по чисто искусственным территориальным округам, а по данным *производственным единицам:* фабрикам, заводам, рудникам, селам, на местах работы и борьбы. Таким образом достигается постоянная *живая связь* между коллегией представителей, «*рабочих* депутатов», и теми, кто их посылает, т.-е. самой массой, сплоченной общими трудовыми усилиями, сконцентрированной самой техникой крупного производства.

Самодеятельность масс—вот основной принцип всего строительства Советской власти. И достаточно посмотреть, какую роль сыграли рабочие Петербурга, Москвы и других городов в деле организации Красной армии, с величайшим энтузиазмом дав на фронт тысячи товарищей, организаторов, агитаторов, бойцов, которые переделали и поставили армию на ноги, или взглянуть на рабочих, которые выросли на несколько голов, воспитались на деловой работе в разного рода советских экономических учреждениях, чтобы понять, какой колоссальный шаг вперед сделала Россия со времени октябрьской победы [1]).

Советам принадлежит будущее,—этого не могут отрицать даже их враги. Но эти последние жестоко ошибаются, когда думают, что заграничные Советы поставят себе исключительно лакейские задачи и смогут стоять лишь на запятках господина капитала. *Советы, это—совершенная, открытая русской революцией форма пролетарской диктатуры.* И поскольку это так,—а это безусловно так,—постольку мы стоим на пороге превращения старых разбойничьих государств буржуазии в организации пролетарской диктатуры. Третий Интернационал, о котором так много говорили и писали, придет. Это будет *Интернациональная Советская Социалистическая Республика.*

---

[1]) Каутский, ничего не понимая, пишет о страшной «апатии масс» как неизбежном следствии Советской диктатуры. Но давно известно, что ignorantia non est argumentum.

К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМ ТЕОРИИ ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА [1].

(Беглые заметки).

В своей книге «Теория исторического материализма» я пытался не только повторить то, что было сказано и раньше, но, с одной стороны, дать некоторые *другие формулировки того же самого*, с другой—*уточнить и развить* положения теории исторического материализма, *продвинуть дальше* разработку его проблем. Как известно, Энгельс, незадолго до своей смерти, говорил, что в области исторического материализма сделаны еще только первые шаги. Казалось бы, что прямой задачей учеников великих учителей является разработка проблем теории. Но такова уж сила консерватизма мысли человеческой, что многие органически не в состоянии понять этой задачи [2]). Между тем постановка и решение таких проблем является *злобой дня*. Литература противников возросла в огромной степени. Контр-атака с нашей стороны необходима, и при том *на все повышающейся основе наших собственных теорети-*

---

[1]) Журнал «Вестник Социалистической академии» за 1923 г., книга третья.

[2]) *Плеханов* в предисловии к «Критике наших критиков» пишет: «Статьи гг. суб'ективистов и народников... убедили меня в том, что они, запомнив наши термины, не дали себе отчета в понятиях... Чтобы убедить в этом также и читателей, я решил изложить нашу теорию *другими словами*. Вышло то, чего я ожидал. Один из самых крупных противников наших, не разобрав в чем дело, закричал, что я отказался от «экономического материализма»... Что противники попались, об этом я, разумеется, не жалел, но вот что было печально. Меня не поняли также и некоторые *единомышленники — они, как видно, тоже запомнили одни слова...*» (1. с., стр. 6). К сожалению, порода единомышленников, запоминающих одни слова, не перевелась еще даже в *Советской* России... Но об этом — в другом месте.

ческих положений. В настоящих «беглых заметках» я попытаюсь набросать мотивировку тех «новшеств», которые имеются в моей книге, — новшеств, которые все — я это утверждаю — идут по линии «наболее ортодоксального, материалистического и революционного понимания Маркса» [1]).

1) «*Механическое*» и «*органическое*». До последнего времени в нашей среде эти понятия *противопоставлялись.* В области общественных наук мы, марксисты, протестовали против «механического об'яснения», предпочитая говорить об «органических» связях и т. д., хотя отнюдь не разделяли предрассудков так называемой «органической школы» в социологии.

С тех пор появилось два решающих фактора: во-первых, *переворот в представлениях о строении материи;* во-вторых, чрезвычайный рост *идеализма в официальной буржуазной науке.* Революция в учении о строении материи в корне изменила представление об атоме как абсолютно изолированной единице. Между тем, именно это старое представление об атоме переносилось на индивидуум (и «атом», и «индивидуум» — по-русски переводятся одним и тем же словом: «неделимое»). Робинзонады в общественных науках в точности соответствовали атомам старой механики. Между тем, в области общественных наук речь и шла как раз о *преодолении* робинзонад. Нужно было выдвинуть со всей силой и решительностью *общественную* точку зрения, что и было гениально выполнено Марксом в противовес индивидуалистическим теориям буржуазии, включая сюда и блестящих «классиков» политической экономии (Смит и Рикардо). Правильны ли были протесты против «механического» в области общественных наук? Конечно, да.

Но нельзя запоминать одни термины, не понимая сути дела. *Теперь* правильное диалектически превращается в свою собственную противоположность. Ибо современное представление о материи *опрокинуло* старые взгляды. *Изолированный* и бескачественный атом скончался. Элемент связи, взаимозависимости, нарастания новых качеств и т. д., восстановлен во всех правах. *Противопоставление* «механического» и «органического» с *этой* точки зрения стало бессмысленным.

---

1) *Н. Бухарин*, «Теория исторического материализма». Предисловие.

С другой стороны, рост идеализма в буржуазной науке и философии привел к «органическому» *мистицизму*. Понятие «жизни» стало мистическим (Бергсон, Дриш and C°). Что же следует отсюда? Отсюда следует изгнание из нашей идеологии старого противопоставления, если только мы хотим всерьез бороться за *материалистическое* мировоззрение вообще и *материалистическую* общественную науку в частности.

2) Диалектика и теория равновесия. Маркс, как известно, освободил диалектику от мистической оболочки, выставив положение, что диалектика, как мыслительная категория, есть отражение диалектики в процессе реального, *материального* становления, ибо «идеальное» есть лишь переведенное в человеческом мозгу на специфический язык материальное. Однако до сих пор — и при том в возрастающей степени — делаются попытки *оторвать* мыслительный процесс от процесса материального, — попытки превратить диалектику в исключительно мыслительную конструкцию, в некоторый метод, которому не соответствует какая бы то ни было реальность. Типичным является в этом отношении «австро-марксизм», с Максом Адлером во главе. Как нужно бороться с этим извращением марксизма, — извращением явно *антиматериалистическим?* Совершенно очевидно, что нужно вскрывать материальный корень диалектики, т.-е. *в формах движущейся материи находить то, чему «соответствует» диалектическая формула Гегеля.* Непрестанное столкновение сил, распад, рост систем, образование новых и их собственное движение, — другими словами, процесс постоянного нарушения равновесия, его восстановления на другой основе, нового нарушения и т. д. — вот что *реально* соответствует гегелевской триединой формуле. Что «нового» вносит это толкование? По существу, это то же самое. Но здесь указывается на *материальный* процесс и на движение *материальной* формы. Другими словами, здесь — диалектика *материального* становления, идеально выражаемая гегелевской триадой.

Совершенно неправильным является упрек в механичности такой формулировки. Неправильным он является потому, что *нельзя* современную механику *противопоставлять* диалектике. Если механика не диалектична, т.-е. недиалектично и все движение, то что же остается от диалектики? Наоборот. *Движение* составляет, если так можно выразиться, мате-

риальную душу диалектического метода и его об'ективную основу.

Маркс и Энгельс освобождали диалектику от ее мистической шелухи в *действии*, т.-е. материалистически *применяя* диалектический метод при исследовании различных областей природы и общества. Речь идет теперь о теоретическо-систематическом изложении этого метода и его, такого же теоретическо-систематического, обоснования. Это и дается *теорией равновесия.*

Теория равновесия имеет, кроме того, еще один немаловажный аргумент за себя: она освобождает мировоззрение от *телеологического* привкуса, неизбежно связанного с гегелевской формулировкой, которая покоится на *саморазвитии* «Духа». Вместо эволюции (развития) и *только* эволюции, она позволяет видеть также случаи *разрушения* материальных форм. Тем самым она является и *более общей и очищенной от идеалистических элементов* формулировкой законов движущихся материальных систем.

3) *Теория равновесия и производительные силы.* Основным для теории исторического материализма вопросом является вопрос о том, почему производительные силы привлекаются в качестве об'ясняющей все («в конечном счете») последней причины. Здесь в марксистских рядах (в том числе и в наших, ортодоксально-марксистских, коммунистических рядах) царит довольно сильный разнобой... Очень часто дело сводят к явно негодной «теории факторов», при чем производительные силы заменяются производственными отношениями («экономический фактор»). Часто по существу поднимают вопрос о курице и яйце с точки зрения их «генезиса». Даже решение *Плеханова* (в «Монистическом взгляде») явно неудовлетворительно. Как он ставит вопрос? Он берет контраверзу между двумя направлениями мысли: одним, которое утверждает: «мнения правят миром», и другим, которое полагает, что «условия жизни создают человека». В наших терминах можно говорить о надстройках и базисе. Влияет надстройка на базис? Да. Базис на надстройку? Тоже да. И Плеханов соглашается, что в такой постановке вопроса не решить. Где же решение? По Плеханову, оно в том, что обе эти взаимодействующие величины зависят от *третьей* величины (производительных сил). И вот это обстоятельство-то и решает всю проблему.

Однако не трудно видеть, что вопрос таким образом может быть *отодвинут*, но не решен. В самом деле, влияют надстройка и экономика обратно на производительные силы? Да. Производительные силы на экономику и надстройку? Тоже да. Вопрос «воспроизводится на новой основе» — только и всего.

Это же есть *центральный* вопрос социологии. Ибо, если не дать на него ответа в духе методологического *монизма* и пытаться найти себе убежище под крылышком «теории факторов», то тогда, как совершенно справедливо замечает буржуазный немецкий профессор E. Brandenburg, речь будет итти «лишь о количественной разнице при оценке хозяйственных и духовных влияний» [1]). А это, во-первых, будет теория, которая ровно ничего не об'ясняет; во-вторых, это будет все, что угодно, но только не марксизм.

Проф. Brandenburg делает в сторону такого марксизма изящный реверанс. А по отношению к настоящему материалистическому пониманию истории сей профессор пишет: «Оно хочет свести все движение (alle Wandlungen) совместной жизни людей к переменам в области производительных сил; но оно не может об'яснить, почему эти последние сами должны постоянно меняться, и почему это необходимо должно происходить в направлении к социализму» [2]).

Вот на этой формуле г-на профессора всего лучше можно заострить нашу *собственную* методологию при решении данной, повторяю, центральной, социологической проблемы.

Ответ на этот вопрос, — ответ, который я считаю единственно правильным, таков: производительные силы определяют общественное развитие *потому*, что они выражают собой соотношение между обществом, как определенной реальной совокупностью, и его средой... А *соотношение между средой и системой есть величина, определяющая, в конечном счете, движение любой системы.* Это есть один из общих законов диалектики движущейся формы. Это есть та рамка, внутри которой происходят молекулярные перемещения сил, завязываются и развязываются бесчисленные узлы взаимодействий

---

[1]) *E. Brandenburg*, Prof. an der Universität, Leipzig, «Die materialistische Geschichtsauffassung, ihr Wesen und ihre Wandlungen», 1920, Verl. von Quelle & Meyer in Leipzig, S. 58: «...—so handelt es sich nur noch um Gradunterschiede in der Bemessung wirtschaftlicher und geistiger Einflüsse».

[2]) Ibid., l. c., 58.

и противоречий. Пусть производительные силы испытывают изменения *под* влиянием «базиса» и «надстроек». Констатирование этих влияний не изменяет ни капли основного факта: соотношение между обществом и природой, количество материальной энергии, за счет которой общество живет и которая может как угодно трансформироваться в процессе общественной жизни, есть всякий раз определяющая величина.

Так, и только так, может быть решен основной вопрос теории исторического материализма.

4) *Производственные отношения.* Производственные отношения, по Марксу, есть *материальный* базис общества, Между тем, у целого ряда идеологических группировок в марксизме (или в «марксизме») существует непреодолимое стремление «спиритуализировать» этот материальный базис. Победное шествие *психологической* школы и психологического метода в хоромах буржуазной общественной науки не могло не «инфицировать» марксистских и полумарксистских кругов. Это явление шло нога в ногу с повышавшимся влиянием школьной идеалистической *философии* вообще. Под *материальный* базис Маркса стали подводить «идеальный», психологический базис австрийской школы (Бем-Баверк), Л. Уорда и tutti quanti. Застрельщиком и здесь выступил теоретически растленный австро-марксизм. Материальный базис стали трактовать *в пиквикском* смысле. Экономика, способ производства оказались нижним рядом *психических* взаимодействий. Твердый костяк *материального* исчез из-под общественного здания.

В русской литературе эта «психологизация» марксизма была очень последовательно проведена в сочинениях *А. А. Богданова.* По Богданову даже *техника,* это — не вещи, а *уменье* людей работать при помощи определенных орудий труда их, так сказать, психологический тренаж.

Совершенно очевидно, что такой психологизированный марксизм есть явное отклонение от подчеркиваемого con amore Марксом *материализма* в социологии.

Но как все же трактовать *материальность* производственных отношений?

Мне кажется, что точного ответа на этот вопрос в марксистской литературе не давалось, и отчасти поэтому «психологические» конструкции, которым нельзя отказать в известного

рода цельности и продуманности, оказывают влияние на марксистские умы[1]).

Как же решить эту задачу? Противник выставляет ряд дельных аргументов. Самым важным аргументом является то соображение, что понятие *отношения между людьми предполагает их психическое взаимодействие.* Таким образом трудовая связь есть связь психически трудовая. Так как не подлежит никакому сомнению, что процесс создания, а равно и поддерживания этих отношений является процессом психическим, который складывается из психических актов, об'ективирующихся в общественном масштабе, то тем самым установлен общественно-психический характер «базиса».

Я утверждаю, что против этой аргументации в нашей среде не было выставлено контр-аргументации. Поэтому мной предлагается новое, *материалистическое* решение задачи, идущее по линиям марксовых решений. Это решение таково. — Под производственными отношениями я разумею трудовую *координацию людей (рассматриваемых как «живые машины») в пространстве и времени.* Система этих отношений настолько же «*психична*», как система планет вместе со своим солнцем. *Определенность места* в каждую хронологическую точку — вот что делает систему системой. С этой точки зрения всякая психичность базиса исчезает. А то обстоятельство, что опосредствующим моментом являются психические элементы, нисколько не разрушает и не нарушает стройности нашей аргументации: опосредствующим моментом служит в процессе совокупного воспроизводства общественной жизни и любая из надстроек. Предлагаемое решение я считаю единственно верным и единственно материалистическим. Без него, кроме того, нельзя дать ответа Адлерам и К°.

5) *Надстройка и идеология. Структура надстроек.* Анализ этих общественных явлений в их статическом разрезе[2])

---

[1]) При «понятливости» некоторых критиков я должен оговориться: здесь речь идет о плоскости *логической*, которая, конечно, имеет свой социально-экономический эквивалент.

[2]) Для «понятливых» критиков, могущих поднять шум, анализ типичных черт *структуры* и есть статический «разрез». Это, конечно, не снимает обязанности анализировать данную структуру и с точки зрения ее движения, т.-е. в динамике.

был крайне недостаточным. Отсюда происходил целый ряд недоразумений, ошибок, а также теоретических тупиков и ложных «кажущихся» об'яснений. Например: исследователи натыкались на научную лабораторию, с ее орудиями труда, своеобразными трудовыми отношениями и т. д. Отсюда вывод: лабораторный (rsp., всякий научный) труд относится к производству. Развивая дальше это положение, приходили к тому, что всякий общественно-полезный труд есть производительный труд. В результате все тонуло в этом «производстве», и марксистская теория превращалась в нелепое об'яснение части целым, не более. Или не знали, куда девать в архитектурной схеме Маркса такие явления, как научная ассоциация, бюрократический аппарат, философское общество, астрономическая обсерватория.

Поэтому я предложил в своей книге прежде всего отделить понятия *идеологии и надстройки*, взяв надстройку, как понятие более широкое и общее. Идеология — системы мыслей, чувств, образов, норм и т. д. Надстройка включает в себя и многое другое. А именно, в надстройках мы должны отличать три *главных* сферы:

1. Техника данной надстройки, «орудия труда» (лабораторные инструменты в науке; дома, пушки, счеты, диаграммы etc. в госаппарате; кисти, музыкальные инструменты и т. д. в искусстве и проч.).

2. Отношения между людьми (научное общество, бюрократическая организация, людские отношения в художественной мастерской, координация людей в оркестре).

3. Системы идей, образов, норм, чувств и т. д. (идеология).

Я пытался далее провести этот анализ еще дальше, т. е. пытался наметить вехи еще большего дробления и дифференциации (на примере музыки и др.). Тем самым отпадает целый ряд трудностей, которые были раньше, и историко-материалистический метод становится точнее и острее.

6) *Зависимость надстроек от базиса.* Вышеописанная точка зрения намечает гораздо более конкретную постановку вопроса о зависимости надстроек от базиса и через него от производительных сил. Основной недостаток, если так можно выразиться, *сплошной* постановки вопроса состоял и состоит в неопределенности понятия «зависит» или «определяется». Именно на этой почве возникали «уклоны» в среде марксистской

и марксистообразной публики. Стоит вспомнить работы тов. *Шулятикова* («Оправдание капитализма в западно-европейской философии»), или *Элевтеропулоса*, а также многих других. Критические фаланги врагов не раз использовали этот разнобой. Между тем, если мы внутри каждой надстройки различаем ее элементы, то нетрудно показать, какова *конкретная* зависимость этих элементов — 1) друг от друга, 2) от элементов других надстроек, 3) этих последних от базиса, 4) непосредственно от базиса, 5) непосредственно от техники и т. д. и т. п. Всякие «уклоны», упрощение, вульгаризация, «сплошная» постановка вопроса тем самым отпадают. Зато, правда, на исследователя возлагается обязанность очень глубокого «погружения» в анализ данной надстройки, т.-е. очень кропотливого труда. Но, само собою понятно, это не есть аргумент против моих «новшеств».

7) *Надстройки как сферы отдифференцированного труда.* Я ставил своей задачей также анализировать надстройки *с точки зрения труда.* Маркс недаром говорил об «интеллектуальном производстве» и «идеологических сословиях» (ideologische Stände). Не буду говорить здесь о практическом значении этих вопросов специально для нашего времени и специально для нашей партии. Ограничусь чисто-теоретической мотивировкой такого «аспекта».

Во-первых. Такая точка зрения прекрасно освещает вопрос о соотношении *материального* производства с производствами «интеллектуальными» и наглядно демонстрирует всю нелепость «сплошной» постановки вопроса и в этой области (все «полезное» — производство); в частности, при таком решении вопроса ясно, что интеллектуальный труд постоянно как бы *вытекает* и затем *обособляется* от материального производства; казуистические хитроумные вопросы относительно категорий, лежащих на самой границе этих областей, методологически отпадают совершенно так же, как якобы «ужасные» вопросы о промежуточных социальных группировках и других текучих величинах.

Во-вторых. Такая постановка вопроса позволяет об'яснить необходимость как появления тех или иных видов надстроечного труда, так и своеобразную диспозицию различных отраслей этого труда, т.-е. относительные размеры их в данном обществе (такие вопросы, как, напр., вопросы пропорции между

материальным и нематериальным трудом; о пропорции между различными видами «духовного» труда и т. п., мне кажется, ранее не ставились вообще; между тем, это необходимо для об'яснения целого ряда существеннейших явлений; ср., напр., практическую ценность для нас вопроса о материальном производстве и административно-бюрократическом аппарате).

8) *«Способ представления» и формирующие принципы общественной жизни.* Я считал своей теоретической обязанностью поставить на первый план *забытое всеми* положение Маркса о *«способе представления»* («Vorstellungsweise»). Не подлежит никакому сомнению, что это понятие было у Маркса понятием, соотносительным со «способом производства». Другими словами, определенному способу производства соответствует, определяясь им, и адэкватный *способ представления.* Маркс не разработал вопроса о способе представления так же логически ясно и точно, как вопрос о способе производства. Но из его отдельных замечаний (напр., о том, что нужно разработать вопрос об «интеллектуальных сословиях» и т. д. и т. п.) совершенно ясно вытекает, как он смотрел на постановку этих проблем. Этим решается вопрос о едином основном «стиле» общественной жизни снизу доверху и об исторически относительном характере всяких и всех идеологий, взятых не с точки зрения отдельных их положений (которые могут быть вечны), а с точки зрения *типов связи* между ними, тех особых принципов координации, которые и составляют конститутивный признак понятия о способе представления».

9) *Физиология человека и законы общественного развития.* Бесконечные споры о соотношении между законами биологии и социологии и т. д. я пытался поставить на совершенно иную почву. А именно, физиологические особенности людских групп, а равно и соответствующие им особенности психологические, я рассматриваю, как *квалификацию определенных рабочих сил общества* (психофизиологические особенности крючника, музыканта, организатора производства, купца, шпиона, шоффера, офицера и т. д.). При таком решении проблемы не получается того нелепого *удвоения* «законов», которое встречается на каждом шагу даже в лучших марксистских работах (с одной стороны законы биологии, физиологии и т. д., с другой — законы общественного развития). На самом деле, одно есть «инобытие» другого. Одно и то же явление рассматривается с раз-

ных точек зрения. Психофизиологическая структура крючника и квалификация его рабочей силы — не *две разные* величины, а два разных способа рассматривать одну и ту же величину. Особенно ясно вскрывается это при изучении тэйлоризма, психотехники и т. д.

10) *Материализация общественных явлений.* «Новшеством» с моей стороны является и развиваемая мною теория материализации общественных явлений, своеобразный процесс аккумуляции культуры, когда общественная психология и идеология уплотняются и оседают в виде *вещей,* имеющих оригинальное общественное бытие. Эта материализированная, образно выражаясь, уплотненная до степени материального, общественная психология и идеология становится, в свою очередь, отправной точкой для всякого дальнейшего развития (книги, библиотеки, галлереи, музеи и проч. и проч.). Если материализация общественных явлений есть один из основных законов развивающегося общества, то ясно, что в соответствующих областях (т.-е. надстройках) анализ нужно начинать отсюда. Материалистическая точка зрения и здесь получает свое новое подтверждение [1]).

11) *Закономерность переходного периода и закономерность упадка.* Одним из центральных возражений против исторического материализма является указание на якобы мистическую сущность производительных сил у Маркса, которые должны, неизвестно почему и неизвестно отчего, во что бы то ни стало развиваться. Грех утаить, что последнее «требование» к производительным силам пред'являлось не раз в сочинениях марксистов. Но сам Маркс в этом нисколько не повинен, потому что он не раз указывал на случаи «гибели обоих борющихся классов», вместе с ними — всего общества, вместе со всем обществом, следовательно, — и его производительных сил. Вопрос о том, суждено ли обществу развиваться или погибнуть, не может быть решен абстрактно в ту или другую сторону. Он может быть решен только на основе конкретного анализа.

Точно так же эмпирически доказано, что переходные периоды, сопровождаемые революциями, связаны с временным,

---

1) Кстати сказать: как умно выглядят те из моих критиков, которые упрекают меня в совсем противоположных «тенденциях»!

более или менее длительным, *падением* производительных сил.

Следовательно, обычная формулировка основ теории исторического материализма, начинающаяся со слов: «рост производ. сил», слишком узка, ибо не охватывает ни эпох упадка, ни переходных революционных периодов.

Я поэтому и здесь считал своей теоретической обязанностью дать анализ закономерности этих явлений, игравших и играющих немаловажную роль. Сделать это было тем более необходимо, что без такого анализа нельзя понять и современность. Социологическая характеристика этих периодов, как периодов отступления производительных сил под влиянием надстроек *с постоянной лимитацией этого влияния предыдущим состоянием производительных сил;* другими словами, характеристика основной закономерности их, как растянутого во времени процесса обратного влияния надстроек (в случаях переходного периода до момента установления нового общественного равновесия), дана со всею определенностью и уложена в общетеоретические рамки.

С другой стороны, я старался дать и формулировку необходимых *фаз* в процессе революции, опираясь отчасти (как и в «Экономике перех. периода») на замечания тов. *Крицмана,* которому принадлежит приоритет в решении данной задачи. Таким образом телеология была изгнана из своего последнего убежища.

* * *

Я коснулся в данной статье лишь своих *главных* «новшеств». Мог бы перечислить и целый ряд других: в учении о классах, о соотношении между вождями и партией, в учении о революции и пр. К сожалению, у меня нет времени, чтобы останавливаться на всем этом. Приходится извиниться перед читателем даже за фрагментарный характер данных «беглых заметок». Задачи, стоящие перед нами, как видно и из них, очень сложны. По мере сил, я старался их решить. Всякому понимающему человеку, а тем более большевику, ясно, что общая тенденция моих «нововведений» идет по линии развития ортодоксального, революционного и материалистического понимания Маркса. Я принял бы с благодарностью всякое цен-

ное указание, ибо широкое сотрудничество здесь обязательно так же, как и во всякой другой области.

Но, быть может, читатели воскликнут:

«А почему же о всех этих проблемах, действительно серьезных и действительно основных, ни один из ваших критиков даже не упомянул, если не считать исключений за правило?»

— «Спросите у ветра в поле»... как посоветовал однажды Кнут Гамсун по совсем другому поводу...

ЕНЧМЕНИАДА [1]).

(К вопросу об идеологическом вырождении.)

И нарекут имя Ему Эммануил,
еже есть глаголемо «с нами бог».

Библия.

...А за крыльцом
Сосет рябой котенок суку.
Сей факт, с сияющим лицом,
Внощу, как ценный вклад, в науку.

Саша Черный.

Чрезвычайная запутанность наших социально-экономических отношений, одновременное сосуществование самых разнообразных хозяйственных форм и соответствующих им людских группировок, сложный переплет этих элементов, их крайняя подвижность и т. д.,—все это неизбежно выплывает и дает себя знать не только в сфере политических настроений и политических формулировок, но и в так называемых «высших областях» идеологии. В переходное время—да и не только в переходное время — нередки случаи, когда групповое самосознание начинается именно с этого конца. Таким образом обнаруживается, что под «невинными» теоретическими рассуждениями кроется весьма определенное общественно-политическое содержание, и «идейный» откол влечет за собой политически-групповое почкование. С этой точки зрения вполне понятно, что наша партия должна стоять «на посту», и здесь чутко прислушиваясь к тем идеологическим процессам, которые складываются из множества ручейков и ручеечков, постепенно формируются и могут, в конце концов, иметь важное значение в ходе общественной жизни. Не раз и не два партия предупре-

---

[1]) Перепечатано из № 6 журн. «Красная Новь» за 1923 г.

ждала уклоны в сторону от пролетарской линии благодаря тому, что блюла—пусть над этим сколько угодно смеются мещане всех сортов и рангов—свою марксистскую чистоту. Конечно, этим вовсе не сказано, что мы должны воспитывать дух принципиального консерватизма. Перед нами горы задач и проблем. В некоторых областях идеологии мы делаем только первые шаги. Но всегда и всюду мы руководствуемся и будем руководствоваться испытаннейшим методом, — методом марксизма.

Между тем, находятся «оригиналы», для которых этот партийный закон отнюдь не писан. К числу таких оригиналов, в первую очередь, принадлежит *Э. Енчмен*. Мы бы не сказали о нем ни одного слова (как к нам ни пристают, ибо «на всякое чиханье не наздравствуешься»), если бы этот автор не находил себе сторонников. Но он их, к несчастью, находит. Перспектива заменить все науки «пятнадцатью анализаторами», видимо, нравится определенным прослойкам внутри нашей партии. Вот тут-то и кроется опасность, которая видна особенно ясно, если понять социальную обусловленность этого чудовищного идеологического искривления. Задача настоящей статьи и заключается в том, чтобы вскрыть и логический и социальный смысл всей енчмениады.

Не можем не сказать нескольких слов о литературной физиономии енчменовских произведений. В литературе, претендующей на звание пролетарской, нет ни одного образца, который был бы, хотя отдаленно, похож на произведение Э. Енчмена. Столько в них торгашеской саморекламы, самовлюбленного паясничанья, бредовой мании величия, резкого антипролетарского индивидуализма. Читатель, привыкший работать среди пролетариев, должен преодолевать чувство брезгливости и отвращения, когда ему приходится читать Енчмена: до того бьет в нос поистине базарное хвастовство этого человека. Досужие люди могут сделать статистический подсчет, сколько из страниц в брошюрах Е. посвящено саморекламе. Результат получится восхитительный. Вот некоторые образцы этой саморекламы: «великий, священный (sic!) для меня текст,—моя теория новой биологии, эти, поистине, новые *скрижали грядущего*» [1]);

---

[1]) *Э. Енчмен*, «Психология перед судом возрождающегося позитивизма». Статья, отбитая на пишущей машинке, стр. 41.

«совершенно новые потрясающие дедукции» [1]); «много мощного и яркого» [2]); «автор теории новой биологии в истории человечества не знает и отдаленно похожего или отдаленно равного по мощи органического события» (речь идет о проникновении теории новой биологии «в организм» современного человечества) [3]). Автор уж, конечно, опередил «на несколько лет восставшие трудовые массы производством органического катаклизма в самом себе» и, натурально, ставит своей задачей «призывать восставшие трудовые массы к совершению целого ряда действий, необходимых для полного реального торжества этого самого потрясающего события, о каком когда-либо знало человечество» [4]), т.-е. для полного усвоения теории новой биологии. С сей целью Э. Е. навязчиво предлагает себя в руководители Ревнаучсовета республики или «Мировой Коммуны с соответствующими подчиненными органами на всем пространстве республики или земного шара» (так прямо и написано! *Н. Б.)* [4]). «Путем введения особой системы физиологических паспортов» новоявленный Мессия, на котором почил дух теории новой биологии, переворачивает мир. Ну, а «в позднейшую эпоху Рев. Науч. Совет Мировой Коммуны, созданный (??! *Н. Б.)* и руководимый (?) 15-ю анализаторами теории новой биологии, должен явиться единственным институтом коммунистического управления» [5]). Автор полагает, что открывает истину, которая «не была известна ни одному из существовавших человеческих организмов, во всяком случае ни одному из человеческих организмов, фигурировавших под именем мыслителей, философов, ученых и пр.» [6]). Конечно, эта истина, это новое евангелие гениального Мессии воспринимается «с потрясающими (обязательно потрясающими! *Н. Б.)* результатами просто грамотными рабочими. «Только восставшие пролетарии имеют уши, чтобы слышать *благую весть* (курсив мой. *Н. Б.)* о наступающей эпохе органических катаклизмов» [7]). Новый Христос не страдает скромностью: «уже сегодня

---

1) Ibid., 44.
2) Ibid., 45.
3) *Э. Енчмен.* Восемнадцать тезисов, стр. 5.
4) Ibid., стр. 7.
5) Ibid., 8.
6) Ibid., 11.
7) Ibid., 14.

на снежных вершинах идеологии (sic! *Н. Б.*) восставшего пролетариата автор видит свою теорию новой биологии, как исчерпывающего все проблемы (!!!) руководителя коммунистических, хозяйственных и идеологических отношений. Хозяйство и идеология коммунизма сливаются вместе в море единиц теории новой биологии. В этих 15-ти анализаторах не только вся идеология коммунизма, но и все элементы коммунистической практики» [1]). По поводу одного из своих тезисов автор замечает: «Эффект одного *произнесения* этой... истины оказывается всегда безмерно более сильным, чем все восстания против метафизики, которые знала история мысли» [2]). По поводу другого тезиса он вещает: «автор приступает к осуществлению безмерно, безгранично более грандиозного замысла» и т. д. [3]). Для автора «близкими» являются слова легендарного несвоевременного революционера: «огонь пришел я низвесть на землю, и как желал бы я, чтобы он скорее возгорелся... и как томлюсь я, пока это совершится...» (Еванг. от Луки—XII, 49—50), и автор теории новой биологии признается организму, как хорошо он понимает, что «теперь, в дни пролетарской революции, накануне, в начале *второй* эпохи пролетарской революции, недолго уже осталось томиться и ждать...» [4]). Мы очень благодарны за признание. Тем более, что, как оказывается, эта хилиастическая ерунда—добывание для Э. Енчмена председательского трона в божественном Ревнаучсовете—должна реализоваться «всеми революционными средствами» [5]).

Конечно, при таком дерзновении все «мыслители»—просто дураки в сравнении с Енчменом. Исключение он делает (как потом мы увидим, из лицемерия и хитрости) для одного Маркса, которого поощрительно похлопывает по плечу.

Кругом — талантливые трусы
Иль обнаглевшая бездарь,
И только ты, Валерий Брюсов,
Как некий равный государь.

Даже Энгельс простой переложитель эксплоататорского вранья. Все, написанное «разными Дебориными», будет встре-

---

[1]) Ibid., 23.
[2]) Ibid., 29. Курсив наш. *Н. Б.*
[3]) Ibid., 32.
[4]) *Э. Енчмен.* Восемнадцать тезисов, стр. 43—44.
[5]) Ibid., 43.

чаться «гомерическим хохотом» [1]), хотя, пока что, Э. Е. чрезвычайно протестует против «наглого осмеяния» (не «гомерического») *своей* «теории».

Можно было бы без конца цитировать подобные самовосхваления, ибо из них-то и состоит бо̀льшая половина строк в писаниях Енчмена. Такими приемами американского проповедника и пророка Э. Е. думает оказать воздействие на экзальтированных девиц и дам обоего пола: им всегда нужен «томящийся» и «ждущий» пророк, кокетничающий на площади своими «томлениями».

Кстати о приемах. Внимательное чтение последней брошюры Енчмена (которую он называет «первым томом») убеждает, что он не доказывает, а гипнотизирует бесконечным повторением одного и того же и обещаниями «раз'яснить впоследствии» (в следующих «томах»). Кроме того, он прибегает к такому литературному приему: он вводит в действие воображаемого читателя, пишет его с большой буквы в знак любезности и заставляет его на каждом шагу утверждать, что он, этот читатель, крайне «взволнован» истинами Э. Е., «потрясен», «убежден», «благодарен», «признателен» и т. д. В общем, как видите, у Енчмена очень *услужливый* «читатель». Еще бы! Разве можно не услужить человеку, то бишь, богочеловеку, который держит «скрижали грядущего», упраздняет все науки, глотает шпаги (pardon, «вводит в организмы» разные анализаторы), перерождает полтора миллиарда людей, пережил в себе преображение господне и сейчас страшно томится по Ревнаучсовету и «физиологическим паспортам»?.. Тем более, что история (в том числе и история рабочего движения), действительно, еще не знала *такого* «мыслителя»!

Но шутки в сторону. Спросим себя серьезно: может быть такой индивидуалистический хвастунишка идеологом пролетариата? Ясно, *что̀* нужно ответить на это. «Героическая», театральная поза есть остатки (и развитие в то же время) *эсэровского* прошлого тов. Енчмена, той мещанской требухи, которая была известна под именем «философского обоснования народничества». Что это так, нам расскажет сейчас сам Э. Енчмен, которого нужно же когда-нибудь вывести на свежую воду.

---

[1]) *Э. Енчмен.* «Теория новой биологии и марксизм». Выпуск I. Пб. 1923, стр. 79.

1. Логические корни „теории" Э. Енчмена.

Последнее по счету произведение Э. Енчмена, это—«Теория новой биологии и марксизм». В этой брошюре сказано не без гордости, что «теория новой биологии—*это прямое и неизбежное развитие подлинного, ортодоксального (!!) марксизма*» [1].

Всем известно, что после февральской революции даже околоточные вставляли себе в петличку красный бантик. Точно так же известно, что теперь идет генеральная перекраска очень и очень многих «под марксизм». Не так давно проф. Челпанов жаловался на «идеологическую диктатуру» марксизма и, будучи опытным стратегом, учитывающим реальности, предлагал «приспособляться». Если взять это «приспособление» как факт идеологического *перерождения*, хотя бы и под давлением вышеупомянутой диктатуры, то тут нет ничего плохого. Но совсем другое дело, когда под словесным флагом и при поднятии перстов с марксистскими клятвами сознательно проводится идеология, явно *враждебная* марксизму. А именно с таким случаем мы и имеем здесь дело, что весьма нетрудно демонстрировать.

Э. Енчмен не станет отрицать, что вопрос о *генезисе*, о происхождении данной теории (или «теории») имеет весьма существенное значение. «Филологические доказательства» самого Енчмена были бы совершенно немыслимы без такой предпосылки.

Ну, а теперь мы заставим говорить самого Э. Енчмена, вспомнив предварительно о том, как рассердились его почитатели на тов. Коппа, указавшего на духовное родство Э. Е. с идеалистическим проф. Введенским.

Вот что сообщает нам на сей предмет автор теории новой биологии:

> Теоретическая формулировка основных руководящих научно-критических принципов, составляющая главное содержание настоящей статьи (речь идет о ненапечатанной статье Э. Е.: «Психология перед судом возрождающегося позитивизма». *Н. Б.)*, а также весьма категорическая формулировка связанных с этими принципами главных методологических выводов: о приближении момента

[1] «Теория новой биологии», стр. 24.

полной научной ликвидации психологии в связи с начинающимся возрождением критического позитивизма (sic!), о грядущем торжестве *естественно-научного* (курсив автора. *Н. Б.*) изучении социальных явлений, в противоположность традиционно-психологическому, а также о возникновении подлежащей детальной формулировке в следующих статьях проблемы *полного научного обобщения биологических явлений с явлениями социальными* (наш курсив. *Н. Б.*) в новой эволюционной теории «исторической физиологии», — формулировка всех этих принципов и выводов находится (Слушайте! Слушайте! *Н. Б.*) **в непосредственной зависимости** (наш курсив. *Н. Б.*) от двух интеллектуально-животворящих источников: от трудов чисто-методологического характера *(Мах, Р. Авенариус, П. Пирсон, Л. Петражицкий,* **А. И. Введенский,** *Д. С. Миллъ, Ст. Джевонс, Г. Риккерт* и др.) и от научного творчества *русской физиологической школы* [1]).

Итак, *непосредственными источниками* «бесконечно гениальных» откровений блаженного Эммануила являются писания эмпириокритиков, позитивистов и неокантианцев, т.-е. на 90% чистых *идеалистов,* буржуазных до мозга костей. Правда, другим «источником» «теории» Енчмена являются работы «русской физиологической школы» (Сеченов, Павлов, Бехтерев). Но ученый, оказавший наибольшее влияние на Э. Е., проф. И. Павлов, вовсе и не ставит *тех* вопросов, которые составляют «*суть*» теории Э. Енчмена. Он сознательно ограничивается точкой зрения «натуралиста» в отличие от «философа» [2]). Он вовсе не думает отрицать психических явлений, как таковых, как *инобытия физиологических процессов.* В предисловии к сборнику своих работ он, например, пишет: «Этот (т.-е. собранный учеными физиологами) опытный и наблюдательный материал, собираемый на животных, иногда уже становится таким, что может быть серьезно использован для понимания в нас происходящих и еще для нас пока темных явлений *нашего внутреннего мира*» [3]). Сфера работ проф. Павлова—физиология. Совсем не то имеем мы у Э. Енчмена. Он ставит вопросы, которые мы до сих пор привыкли называть философскими. И вот **здесь-то, в этой** *области, источником*

---

[1]) *Э. Енчмен,* «Психология перед судом возрождающегося позитивизма», стр. 1.

[2]) См., напр., *И. Павлов,* «Экспериментальная психология и психопатология на животных» в сборнике «Двадцатилетний опыт» и т. д., стр. 24.

[3]) *И. Павлов,* l. c., стр. 10

енчменовской премудрости являются господа Введенские и К°, т.-е. ярко выраженные *буржуазные идеалисты*. Товарищ Копп был совершенно прав, когда обвинял Э. Енчмена в плагиате, в том, что автор теории новой биологии, разрушитель тысячелетнего обмана, своевременно пришедший томящийся Мессия и прочая и прочая, прилежно списывал откровения своих «скрижалей грядущего» у пошловатых идеалистических профессоров и *обманывал* «просто грамотных рабочих» насчет источников своих «священных текстов».

Правда, Э. Е. в послесловии к цитируемой статье пишет, что ссылки на авторитеты были сделаны «не без лукавства» (слова *автора!)*, что это было «временное соглашательство». Но на этот раз мы не поверим почтенному автору, у которого нет и следа теоретической «честности с собой». Ибо, если это было соглашательство, то мы спросим: соглашательство *чего с чем?* Павлова с Введенским? Но, ведь, Павлов, как доказано выше, *не ставит* вопросов, основных с точки зрения Енчмена. В этой же последней области среди источников творений Э. Енчмена нет *ни одного*, если можно так выразиться, философски добропорядочного. Эмпириокритики и эпигоны кантианства—вот камень, на котором Э. Енчмен строит здание своей новой церкви.

Когда Э. Енчмен писал статью «Психология перед судом возрождающегося позитивизма», он *прямо назвал* своих учителей, ибо тогда он еще не «дозрел» до нового Мессии. *Тогда* он не лукавил. Наоборот, он «лукавит» именно теперь, когда клевещет на свое прошлое, обвиняя себя в лукавстве. И он трижды, совсем уж непристойно, лукавит, когда считает, что вульгаризировать Введенского, Риккерта и К° — это значит продолжать традиции «ортодоксального марксизма».

За кого вы принимаете «просто грамотных рабочих», тов. Енчмен?

2. Антиматериализм в „теории“ Э. Енчмена.

Неот'емлемой частью ортодоксального марксизма является его *материалистическая основа*. Если выбросить из теоретического здания марксизма его материалистический фундамент, тогда с грохотом рушится вся постройка. Вот почему все, в том числе и очень «лукавые», «критики Маркса» направляли

острие своей мысли именно сюда. Они вели подкоп *под фундамент*, что было вполне логично с точки зрения стратегии классовой борьбы. Этот подкоп велся в философской полемике двумя разными способами: или нападение шло по линии *откровенного* антиматериализма, с защитой основных идеалистических твердынь (в первую очередь кантианства), или по линии антиматериализма *под маской*. Последнее чаще всего было тогда, когда «критики» были близки к пролетарской среде и когда неудобно было теоретически распоясываться. Этот второй вид антиматериализма обычно преподносился в форме «*преодоления*» самой постановки вопроса о материализме и идеализме; для таких теоретиков и идеализм, и материализм были в *равной* степени «метафизическими» конструкциями. На самом деле эти «критики» стояли по ту сторону баррикады, т.-е. находились в идеалистическом лагере. Но они все время прикрывались плащем нейтралитета. Такова, между прочим, была об'ективная роль эмпириокритицизма, в особенности в его махистской формулировке.

Само собою ясно, что раз Эммануил Енчмен прикрывается марксистским флагом, то ему нужно какое-нибудь прикрытие и здесь. Отсюда—та безвкуснейшая трескотня на тему о тысячелетних обманах, о «вони нечистых вздохов» буржуазных и социалистических ученых, ниспровержение всех и вся, словесное отрицание начисто всего «духовного» и постоянная божба пролетарским характером нового учения. Но чем больше «разоряется» тов. Енчмен, тем меньше ему веришь. Ибо все яснее и яснее становится, что теория Енчмена—это, мягко выражаясь, сплошное «лукавство».

Ниже мы разберем основную «мысль» теории Э. Е. Теперь констатируем лишь тот *факт*, что тов. Енчмен ведет борьбу с *материализмом*. Несмотря на все свое «лукавство», автор теории новой биологии должен выбалтывать тайны своей черной магии. Поэтому мы и на этот раз заставим говорить его самого. Автор теории новой биологии «недоволен» идеалистами. Но, — говорит он, — «*по тем же причинам* **лишены всякого теоретического значения и так называемые материалистические теории,** т.-е. метафизические (лишенные критической дифференциации понятия зависимости) теории, рассматривающие психику как причинный продукт физических, материальных явлений (например, рассматривающие представления как

выделения мозга чувства, как причинные продукты органических процессов и пр.)» [1]). *По существу,* возражения Енчмена совершенно пустяковые и основаны на полнейшем непонимании материалистической теории. Тов. Енчмен полагает, что материализм «удвояет» мир. Он воображает, что, с точки зрения материализма, существуют, с одной стороны, физиологические процессы, а с другой—их психические «выделения», данные *сверх* этих процессов. На самом же деле, материализм Маркса (да и ряда его предшественников, а равно и учеников) под психическими явлениями подразумевают не какую-то *сверхданность, а* **другую сторону** физиологических процессов с особой качественной характеристикой. Именно поэтому Г. В. Плеханов заявлял, что «Marxismus ist eine Art des Spinozismus» («марксизм есть некоторый вид спинозизма»). После плехановского заявления поднялся ужасный шум, потому что господа «критики», изучавшие материализм по идеалистическим историко-философским учебникам, и подумать не могли о возможности назвать Спинозу материалистом. Тов. Енчмен, воспитывавшийся на эс-эровских теориях, конечно, повторяет все пошлости идеалистов и позитивистов. Что же тут поделаешь? В этом, быть может, не вина его, а беда

Но все же читатель вправе требовать одного: он вправе требовать, чтобы новый пророк, говоря его собственными словами, не подавал негодной «эмульсионной» похлебки из Введенского, Риккерта и Маркса, а честно говорил, что он антиматериалист, *а потому и антимарксист.*

Ибо напрасно автор думает, что его «лукавство» в обращении с Марксом и его «временное соглашательство» с марксизмом не будет вскрыто. Оно будет ясно для всех, даже для «просто грамотных рабочих». Вульгаризатор Введенского, человек, ведущий подкоп под материализм и даже не знающий этого материализма, не может состоять в родственных отношениях с *марксизмом.* Эта святая истина не нуждается, на наш взгляд, ни в каких дальнейших комментариях.

---

[1]) *Э. Енчмен,* «Психология перед судом возрождающегося позитивизма, стр. 17; то же самое—в «18 тезисах» (стр. 22, 23, 24).

3. „Психическое“ и „физическое“.

Многим простачкам «теория» Енчмена представляется «последовательно-материалистической». В самом деле, ведь, с первого взгляда, куда же дальше итти в «развитии» материализма? Енчмен во многих местах доказывает с жаром, что психических явлений *нет*, что по поводу этих явлений не может быть ни суждений, ни даже слов; что обычные словесные значки—бессмысленный набор звуков, и т. д., и т. д. Для умов, которые не склонны «копать глубже» и для которых очень притягательна перспектива ничему не учиться, ибо в 15 анализаторах содержится вся хозяйственная и идеологическая премудрость коммунизма (так, ведь, утверждает «сам» пророк),—для таких умов теория Енчмена представляется высшим достижением материализма. Они не видят ни пошлого *вульгаризаторства* Э. Енчмена, вульгаризаторства, снабженного лошадиной дозой отвратительной демагогии, ни лицемерного *лукавства* автора, который тем больше «материалистически» озорничает, чем глубже *падает на дно идеализма*.

Тов. Э. Енчмен считает важнейшим теоретическим результатом «своих» исследований уничтожение «психического ряда» явлений. «Мы показали,—пишет он,—что все эти слова (т.-е. слова, означающие психические явления. *Н. Б.*), во-первых, все без исключения, по своему составу, обозначают пространственные явления; во-вторых, не могут наименовывать непространственных явлений, потому что об отдельных непространственных явлениях и о группах непространственных явлений невозможно существование слов; наконец, в-третьих, мы обещали показать в дальнейших главах, что господствующее тысячелетиями применение всех этих слов к обозначению непространственных явлений—эксплоататорского происхождения, осуществлено идеологической агентурой эксплоататоров из корыстных целей классовой эксплоатации» [1]).

В самом деле. Присмотримся к ходу рассуждении Енчмена, который «подводит» дело к вышеприведенным положениям, уничтожая «почем зря» психический ряд, суждения о нем и даже соответствующие словесные значки. Ход этих рассуждений крайне характерен, и его анализ совершенно необ-

---

[1]) «Теория новой биологии», стр. 49.

ходим, если мы хотим понять *действительную* суть, а не показную *маску* енчменовской теории.

«В связи с существующими и распространенными заблуждениями о точных границах психических явлений, — пишет наш автор,—следует категорически подчеркнуть то общее положение критической методологии, что чужая психика никогда не наблюдается нами, что *каждый из нас* (индивидуумов) интроспективно наблюдает только свою психику, и больше ничью... Таким образом мы приходим к чрезвычайно важному, с логической стороны, выводу, что ни для кого из людей не может быть доказанным, *что и другие люди психичны, одушевлены,* т.-е. что и другие люди переживают чувства, желания, представления, так как самое тщательное, всестороннее наблюдение за чужим организмом не сможет обнаружить в нем наличности психических явлений (ощущений, представлений, чувств, воли). Бесчисленные явления, ежеминутно наблюдаемые мною (индивидуумом) у всего огромного множества окружающих меня организмов,—в частности, у людей (мимика, волнения, движения, словесные рассуждения и пр.) — суть исключительно об'ективные, физические явления. Психические же явления, быть может, протекают (?) интроспективно у каждого из окружающих меня людей или вообще организмов, но сколько-нибудь убедиться в этом я не могу: чужие психические явления недоступны моему наблюдению. *Чужая психика трансцендентна,* т.-е. недоступна коллективному (об'ективному) опыту» [1]) (далее идет ссылка на авторитет вышеупомянутого буржуазно-идеалистического профессора А. Введенского).

В этой цепи рассуждений, отнюдь не оригинальных и в основе списанных у Введенского, мы обнаруживаем, прежде и раньше всего, определенную непоследовательность. В самом деле, откуда это автор «заключает»: «*каждый из нас* наблюдает только свою психику»? Откуда это Енчмен знает, что *каждый из нас* «наблюдает»? А если, по Енчмену, *каждый* наблюдает, то каким же путем он, этот «каждый», может наблюдать то, что, может быть, вовсе и не существует?

Посмотрите, какую чепуху преподносит нам почтенный шпагоглотатель.

---

[1]) «Психология перед судом возрожд. позивитизма», стр. 3.

С одной стороны, *категорическое* утверждение на предмет наблюдения «только своей» психики.

С другой стороны, категорическое *сомнение* в существовании об'екта этой «только своей» психики.

И все ничего! Читатель (с большой буквы) проглотит! «Чужая психика трансцендентна». Хорошо! Но если вы про нее говорите, что она «трансцендентна», то, значит, она *существует* все же? А если она существует, то как вы в ней сомневаетесь? Енчмен не пишет: «*если она есть*, то все же она мне недоступна». Он пишет: чужая психика (т.-е. нечто существующее) мне недоступна.

Потом, что значит: *чужая* психика недоступна *коллективному* опыту? Ведь это, действительно, набор слов! Коллективный опыт общества из 20-ти человек есть совместно обработанный опыт этих 20-ти человек. Что по отношению к этому *коллективу* будет «*чужой*» психикой, а что «*своей*»*?* Ведь ясно, что эти выражения пригодны **только** для индивидуального опыта. Иначе перед нами простая тарабарщина и больше ничего.

Но и это проглотит «услужливый» Читатель с большой буквы.

Далее. Э. Енчмен мечет громы и молнии против того, что некоторые теоретики устанавливают *причинную* зависимость между физическим и психическим рядами. Сам же он защищает принцип *параллелизма*.

«Параллельно *всякому*, наблюдаемому интроспективно, психическому явлению можно констатировать неизбежно-одновременно протекающий в организме об'ективный, физический процесс» [1].

«Последние (психические явления. *Н. Б.*) протекают, наблюдаются организмом (речь идет об «организме вообще», о *любом* человеческом организме, а вовсе не об организме самого Енчмена, в чем нетрудно убедиться из контекста. *Н. Б.*) одновременно параллельно пространственным изменениям в организме, не воздействуя на организм» [2].

В этих, тоже отнюдь не новых, мыслях (перед нами обычная теория «психофизического параллелизма») поражает та же

---

[1]) «Психология перед судом возрожд. позитивизма», стр. 6.

[2]) «18 тезисов», стр. 17.

наивная (или лукавая?), мягко выражаясь, «непоследовательность».

В самом деле. Здесь Э. Енчмен устанавливает известный об'ективный и общезначимый закон. Но откуда же он знает обо всем этом, *если принять его собственные посылки*, его «потрясающие дедукции» и прочие заповеди «священного текста»?

С точки зрения Енчмена, он не может знать, есть ли параллелизм между психическим и физическим рядом у любого другого человека, определяемого, как «не-Енчмен». Ибо:

1) совершенно неизвестно, по Енчмену, *существует* ли этот психический ряд;

2) если бы даже он существовал, то он был бы недоступен (трансцендентен) для Енчмена;

3) а следовательно, его нельзя было бы ни с чем сопоставить.

Так обстоит дело с «чужой» (в терминах Енчмена) психикой.

А с авторской? Здесь совсем другой переплет. Если автор не смотрится в зеркало (он *постоянно* смотрится в зеркало, но не физическое), то он наблюдает «интроспективно» свой психический ряд, но не видит ни вибраций своего мозга, ни мимики, ни прочих физических вещей. Следовательно, *непосредственно* он и про себя ничего сказать не может, если только к делу не привлекать *коллективного* опыта.

Так, с первых же шагов, Енчмен опровергает свою собственную теорию и беспомощно, как трехлетний мальчик, блуждает меж трех сосен, сохраняя, правда, при этом победоносный вид.

Откуда же весь этот вздор? Откуда такая несвязанность концов с концами?

Очень просто. Повседневная *практика*, высший критерий истины, ежеминутно убеждает нас в том, что существует не только «я», но и «мы». Лишь сублимированная до индивидуалистического помешательства философия эксплоататоров буржуазного типа могла додуматься до «Единственного», кроме которого существуют лишь бревна, да и то не наверняка. *Практически* нет ни одного солипсиста. Правда, Енчмен пишет (лукавя снова и употребляя марксистскую фразеологию), что «весь наш огромный повседневный опыт каждую минуту подтверждает нам, что мы никогда, ни в каком чужом организме...

не встречаем никаких признаков его одушевления» [1]). Но на это можно отвечать только смехом, хотя и не гомерическим: гомерического смеха эта индивидуалистическая чепуха отнюдь не заслуживает.

Пойдем дальше.

«Проклятый вопрос» относительно «физического» и «психического» может быть поставлен, *между прочим,* и так:

1) или мы начисто *отрицаем* существование психических явлений. Тогда всякое слово о них—бессмысленный набор звуков, суждения о них невозможны и т. д.; в таком случае теоретически возможно допустить, что фразеология, построенная на предпосылке существования «психического ряда», есть не что иное, как своеобразное идеологическое искривление;

2) или мы *признаём* психику у «Единственного» (суб'екта), допускаем *возможность ее наличия* у других людей, но считаем *недоказуемым* бытие этой «чужой» психики.

Всякому понятно, что могут быть и другие постановки вопроса; напр., у материалистов-марксистов есть *своя* постановка вопроса, *третья.* Всякому ясно также, что обе вышеприведенные постановки не являются марксистскими. Ясно, наконец, что между ними существует принципиальное, весьма глубокое *различие.*

Между тем, нетрудно показать, что Енчмен *колеблется* между этими двумя «решениями». Но его «колебания» тоже основаны, как он выражается, на «лукавстве». Когда ему нужно заманить в свою идеалистическую ловушку горячую молодежь, он старается взять ее «левым радикализмом», отрицая психику начисто, т.-е. выбрасывает знамя первой формулировки. Но в то же время он ловко протаскивает *второе* решение, списанное у идеалистических профессоров и составляющее *действительную основу* его теории, вернее, «теорию» Введенского и К°. Отсюда—нестерпимая путаница даже в наиболее разумном ядре того хилиастически-мессианского бреда, который носит название «теории новой биологии».

В настоящей логической связи нам нужно прежде всего установить один *решающий факт,* а именно, тот, что автор «теории новой биологии» признаёт, по меньшей мере, и притом признаёт совершенно прочно, *свою собственную психику.* Мы

---

[1]) «Теория новой биологии», стр. 7.

это видели на цитатах, приведенных выше, но для еще большей убедительности сошлемся на последнее произведение Енчмена, «первый том» теории новой биологии.

Там, между прочим, читаем:

«...*только потому* автор допускает, считает возможным, вполне вероятным..., что в читателе или вообще в людях протекают непространственные явления, *что в себе самом он наблюдает непространственные явления*» [1]), «автор *наблюдал* непространственные явления только в самом себе» [2]).

Правда, потом, путем целого ряда логических подстановок и фокус-покусов, автор как будто «доказывает», что психических *явлений* нет и *наблюдать* их нельзя, и *говорить* о них тоже запрещается новыми заповедями I тома «скрижалей». Но *факт остается фактом: исходным теоретическим пунктом «теории» Енчмена является признание психики самого Енчмена.*

Пойдем теперь дальше. Э. Енчмен признаёт, повидимому, реальность внешнего мира. Он признаёт также и существование *других человеческих организмов*. Но он, по меньшей мере, сомневается в том, что все другие люди, «не-Енчмены», «одушевлены».

Итак:

Существую я, Енчмен, наблюдающий в себе психические явления, vulgo — предмет одушевленный.

Существуют Петров, Сидоров, Иванов. Но да будет обозван метафизиком и эксплоататором всякий, кто исходит из признания одушевленности этих простых людей!

Признание Енчменом своей собственной психики и сомнение в «чужой» имеет своей предпосылкой допущение, что *все иные люди организованы принципиально иначе*, чем сам гениальный Эммануил. Из этого, конечно, вытекает претензия на руководство «Ревнаучсоветом Мировой Коммуны», управляющим всем хозяйством и всей идеологией человечества; ибо, в самом деле, раз дух божий, психика, почил только на одном человеке, то ему и книги в руки: не спроста же он-то и выдумал теорию новой биологии, пока другие занимались прозаической «мимикой»!

Но, товарищи, из этого следует и кое-что другое. Именно вот что:

---

1) «Теория новой биологии», стр. 4.
2) Ibidem, стр. 5, курсив наш. *Н. Б.*

Во-первых. Основные предпосылки Енчмена в корне противоречат и об'ективной действительности, и марксизму, отражающему эту об'ективную действительность. Маркс об'являл не раз пошлым буржуазным *вздором* представление об изолированном индивидууме. Но енчменовская точка зрения является этим вздором в десятой степени, потенцированным вздором. Мы очень рады, если наш Эммануил допускает (несмотря на свое божественное происхождение), что его папаша и его мамаша, возможно, были и «неодушевленными предметами» [1]), которые все же сумели, как никак, произвести единственный в мире одушевленный экземпляр человеческой породы. Однако эта комическая сторона в положении трагически изолированного нового Мессии только лишний раз подтверждает, что *ничего, абсолютно ничего, общего между марксизмом и енчменовскими скрижалями* **нет и быть не может.** Марксизм исходит из основной «данности», из общества «совместно живущих и совместно работающих людей». Для марксизма нет и *вопроса* о том, устроены ли люди принципиально отлично друг от друга.

Повторяем, лишь индивидуализм мещанства, буржуазии, деклассированной богемы может быть фоном для таких, якобы «новых», а на самом деле заплесневело-старых, выдумок. На книжке Енчмена должно было бы красоваться не то заглавие, которое там красуется. Нужно было бы написать: «Теория новой биологии *против* марксизма». Но разве хватит на это мужества у автора, вся теоретическая премудрость которого построена на двух китах: саморекламе и хитреньком лукавстве?

Во-вторых. Признание собственной психики разрушает всю «стройность» «радикального» варианта енчменовской теории. Ибо, если психика есть хотя у одного автора теории новой биологии (мы становимся на его точку зрения), то, следовательно, об'ективно существует **категория** *психических явлений.* А отсюда вытекают и все те вопросы о «материи» и «духе», которые храбро изничтожаются Енчменом только потому, что он от них улизывает. А когда он их ставит, то, как мы видели выше, он *опровергает свою собственную теорию* (например, установлением таких законов, как закон психофизического параллелизма).

---

[1]) Вернее, он «допускает» возможность их одушевленности. «По правилу» они считаются именно неодушевленными.

В-третьих. Но если психические явления *существуют,* то о них могут быть и суждения, они могут быть обозначены словами и пр., что и происходит, вопреки Енчмену, в действительности.

Разберем этот вопрос более подробно.

Здесь ход аргументации у Э. Енчмена таков:

a) «Слова—это цепи органических движений, рефлексов»[1]).

b) «Чужие непространственные явления (?!) вообще во всех случаях не вызывают никаких изменений, никаких движений в организме читателя»[2]).

c) «Однако для нас остается неразрешимым вопрос: может быть, те непространственные явления, которые, скажем, протекали *в самом читателе* (курсив автора), вызвали в его организме какие-нибудь движения?

Однако этот вопрос только кажется другим, отличным от только что нами разрешенного. В самом деле: если бы непространственные явления, допустим, протекающие в организмах, вызывали в этих организмах какие-нибудь пространственные изменения («движения»), — то такие изменения («движения») могли бы служить (служили бы) для окружающих людей доказательством того, что в этих организмах протекают непространственные явления... вместе с тем наш огромный повседневный опыт находится в резком противоречии (!!! *Н. Б.*) с таким допущением... Итак, непространственные явления никогда не вызывают пространственных явлений»[3]). А отсюда, следовательно, невозможно образование «словесных реакций» относительно непространственных явлений.

Присмотримся к этой аргументации ближе. Оставим в покое пункты: a) и b) и обратим наше внимание на пункт c).

Прежде всего, что значит: «для нас остается *неразрешимым* вопрос» etc.? Если для Енчмена вопрос остается действительно *неразрешимым,* тогда *неразрешимым* остается для него и вопрос о словесных обозначениях психических явлений, и вся аргументация падает. Однако из последующих рассуждений вытекает, что Э. Енчмен все же «разрешает» и этот вопрос. Следовательно, речь идет не о *«неразрешимости»,* а о *нерешенности*

---

1) «Теория новой биологии», стр. 6.

2) Ibid., стр. 7.

3) «Теория новой биологии», стр. 7.

в данной стадии рассуждений. Но тогда мы позволим себе заметить автору, оперирующему доказательствами лингвистического характера, что ему невредно было бы тверже знать русский язык.

Итак, примем лучшее для Енчмена положение, что здесь была всего-на-всего некоторая элементарная безграмотность. Спасает ли это нашего пророка?

Думаем, что нет.

Ибо на каком это основании Э. Енчмен подставляет на место вопроса о *своем* организме *другие* организмы? Ведь, по Енчмену, у них, возможно, и психики нет. Допустим, что у них, действительно, нет психики. Вопрос отпадает. Но у Енчмена-то эта психика *есть:* он сам в этом признался. Так потрудитесь ответить на *этот* вопрос: есть ли *связь между вашей психикой и вашими движениями* или *этой связи нет?*

На этот вопрос Енчмен *должен* ответить положительно. И тут он пропал.

Ибо единственным «выходом» для него была бы, примерно, такая «словесная реакция»: не непространственные явления (мои чувства, желания, представления) вызвали мои движения, а другие *пространственные* явления, протекавшие в моем мозгу и других частях организма.

Но на это мы могли бы ему возразить *в его же собственном духе:* а почем вы знаете, *что* происходит в вашем мозгу? И откуда вы это знаете, что у вас есть мозг? Вы *никогда* в этом не сможете убедиться. В самом деле, даже если бы вы искусно произвели трепанацию черепа и посмотрели в зеркало, то и то это было бы никудышное доказательство. Ибо на чем основано ваше доверие к зеркалу? На простой *аналогии:* вы видите, как подходят к нему люди и там отражаются. Поэтому делаете вывод и о себе. Но все же это—только аналогия. На самом деле вы ничего здесь строго-научно не докажете. *Ваш повседневный огромный опыт убеждает вас, что у вас нет мозга,* что вы совсем безмозглый «организм».

Эти рассуждения—совершенно в духе Енчмена.

Их *можно* употреблять против автора новой биологии. Они были бы *достаточны* для опровержения «его» выдумок.

Нас, однако, здесь интересует не только опровержение Енчмена, но и действительное решение вопроса. По сути дела: правильно или нет положение, что мои движения вызываются

другими пространственными явлениями, например, физиологическим явлениями, происходящими в моем мозгу?

Конечно, правильно. Но в том-то и дело, что мои психические явления не есть нечто *второе, сверх* и *помимо* этих процессов данное, а лишь *интроспективное выражение того же самого, интроспективное выражение моих физиологических процессов. Этого* не понимает антиматериалистический Аника-воин, и отсюда вся его путаница.

Более того. Как мы видели выше, «я» могу наблюдать процессы в своем мозгу только интроспективно; поэтому я и ставлю в связь многие свои «движения» со своею психикой. А отсюда ясно, что вполне возможна и *словесная реакция* на психические явления, и *обобществление индивидуальных «опытов» в этой области.*

Наделала синица славы,
А моря не зажгла.

4. Биология и социология в „теории“ Э. Енчмена.

Разобрав «оригинальную» (немножко имманентов, солидно—Введенского) «философскую» концепцию Э. Енчмена, мы приглашаем читателя (с маленькой буквы) последовать за нами и спуститься «со снежных вершин» рассуждений о физическом и психическом в долину вещей, несколько более конкретных.

Запомним с самого начала, что Э. Енчмен обещал нам развивать *ортодоксальный марксизм.* А теперь к делу.

Всякому понятно, что марксизм произвел переворот прежде всего в *общественных науках.* Общественные науки, т.-е. науки, изучающие *социальные* явления, стали на совершенно твердую почву. В этом—громаднейшая заслуга творцов научного коммунизма, которые, как известно, жили в XIX столетии.

Величайшее событие мировой истории—рождение божественного Эммануила—произошло позже. Сознательная его жизнь и работа над скрижалями грядущего—еще позже.

Следовательно, Э. Енчмен *имел возможность* клясться марксизмом. Но, вопрос другой, нет ли и в этих, более «низменных», областях теории лошадиной дозы теоретического «лукавства», попросту говоря, теоретической нечестности? Не означают ли и здесь все эти клятвы простого *обмана?*

В общественных науках, — пишет Э. Е., — «строятся... весьма глубокомысленные «социологические» теории, обильные туманными терминами, мало анализированными понятиями, таинственными экивоками в сторону «глуби вещей» и пр. (Гиддингс, Дюркгейм, Штаммлер, де-Роберти и т. д., **в лучшем случае, Л. И. Петражицкий). Социальные явления** (т.-е. соответствующие физиологические реакции) **еще не знают чисто-причинного** (взаимно-физического, естественно-научного) **изучения;** изучение же их собственно-фантастической... наукой, социологией, совмещает в себе главные пороки научного мышления...» и т. д. [1]).

Итак, в статье, послесловие к которой написано в 1919 году (предисловие к «18 тезисам» написано в том же году), наш ниспровергательный автор:

1) считает за «лучшее» в области общественных наук творения Петражицкого (правовые эмоции собак!),

2) считает признаком хорошего тона *даже не упоминать* о марксизме!

Если до сотворения одного из «священных текстов» пророка Эммануила социальные явления не находили причинного об'яснения, то, следовательно, *марксизм*—тоже пустяки, и он не дает такого об'яснения. Гораздо выше него стоит Л. Петражицкий.

Все это с «железной необходимостью» вытекает из вышеприведенных положений Э. Енчмена. *Свою родословную Э. Енчмен и в этой области ведет от кого угодно, но только не от Маркса.* А вся его божба марксизмом есть не что иное, как мимикрия. Это—маска, под прикрытием которой Э. Енчмен протаскивает старый буржуазный хлам.

Да не подумает читатель, что вышеприведенные цитаты случайны или что они не характерны для теоретических взглядов Э. Енчмена вообще. Наоборот, нетрудно показать, что именно здесь лежит основа воззрения Енчмена на роль «теории новой биологии» в сфере общественных наук.

По принятому нами обычаю, мы и здесь заставим говорить прежде всего автора. Пускай он сам «пожжет» своим «глаголом» «сердца людей».

Наука «социология», — пишет Э. Е., — призвана изучать, по формулировке социологов, так называемые «абстрактные законы» социальной жизни, т.-е. те законы, которые должны зафиксировать *специфические* события социальной жизни, события, должен-

---

[1]) «Психология перед судом» etc., стр. 27. Курсив наш. *Н. Б.*

ствующие безусловно отделить науку социологию от других наук; при этом такими специфическими явлениями социальной жизни одни социологи (сравнительное большинство) считают появившиеся в период социальной жизни «разумные способности» человека (О. Конт, Спенсер, Гиддингс, Уорд, Кидд и др.), создавшие этику, религию и пр., отделившие его от прежнего биологического бытия (факт «надорганического явления» и пр.); *другие же социологи склонны видеть специфичность социальной жизни не только в появлении «разумных способностей», но и в других фактах социальной жизни, например, в появлении у человека «орудий производства»* **(теория марксизма)** и пр. [1]).

Товарищи! Насторожитесь здесь! Сейчас вы увидите, насколько ортодоксален наш хамелеон.

Первое общее основное положение — базис социологической методологии, именно, априорное положение об *исключительной специфичности явлений социальной жизни* **(вне зависимости** от того, какие, именно, явления считаются специфическими — «разумные способности» или **«орудия производства»** и пр.) и полной их несводимости к понятиям других наук, как, напр., биологии, положение, что законы обобщения явлений социальной жизни должны быть «абстрактными» («социология — абстрактная наука»), не сводимыми к понятиям других наук, — это основное положение, базис социологической методологии, *находится в прямом противоречии с общим законом эволюции теоретического мышления... законом, изложенным... Пирсоном и Риккертом* [2]).

Итак:

Марксисты считают, что социальные явления специфичны.

Но это не верно.

Марксисты считают, что специфическим признаком, отделяющим общебиологические явления от социальных, является то обстоятельство, что «общественное животное», именуемое человеком, есть, кроме того, животное, «делающее орудия».

Но и это не верно.

Марксизм ошибается, ибо его положения противоречат идеалисту Пирсону и идеалисту Риккерту, двум профессорам, буржуазным идеологам чистейшей воды. Таковы выводы автора «теории новой биологии».

Вот вам и «ортодоксальный марксизм»! Вот вам и его «развитие»! Нужно сказать, что, действительно, трудно найти

---

[1]) «Психология перед судом» etc., стр. 35. Курсив, за исключением первого, наш. *Н. Б.*

[2]) Ibid., 36 — 37. Курсив, за исключ. первого, наш. *Н. Б*

другой случай такого *теоретического подхалимства,* какое мы находим у Енчмена, прикрывающего свою индивидуалистически-идеалистическую наготу лоскутами «марксистских» «словесных реакций». «Тут все есть, коли нет обмана»... Неужели, в самом деле, неясно, что тут есть прямой, наглый обман?.. [1]).

Таким образом *и здесь* между марксизмом и Пирсоном-Риккертом, то бишь, Енчменом (он, конечно, очень «самостоятельный» «мыслитель»), *нет ничего общего.*

Теперь скажем несколько слов по существу вопроса, т.-е. вне зависимости от того, марксист Енчмен или «что-нибудь совершенно иное».

Замечание первое. Совершенно непонятно, почему это автор теории новой биологии, стремящийся к максимальным обобщениям, останавливается на *биологии?* Разве биологические явления несводимы к *физико-химическим?* Почему это все дело сводится к рефлексологии? Известно, что теперь делаются попытки (см., напр., проф. *Лазарева:* «Ионная теория возбуждения») итти еще глубже. На каком же «достаточном основании» здесь устанавливается предел, его же не прейдеши? На том, что ли, основании, что наш пророк во дни юности своея учился у проф. И. Павлова? Или на том, что он, будучи раньше эс-эром, прошел через школу Лаврова-Михайловского, которые ведут свою родословную от Спенсера и «органической» *(биологической)* школы в социологии?

Логических оснований, явное дело, тут быть не может. И здесь, по своему обыкновению, автор попадает в грубейшее противоречие с самим собой. *С тем же успехом, с каким автор протестует против «фантастической» социологии, «фантастической» политической экономии, «фантастической» теории права и т. д. и т. п., можно протестовать против «фантастической» биологии, ибо возможны обобщения* **физико-химического** *порядка еще более высокие, чем обобщения рефлексологии.*

Замечание второе. Енчмен не понимает, что самые высокие обобщения (т.-е. самые абстрактные законы) отнюдь не уничтожают значения частных законов, которые есть выражение законов более общего характера в *особой специфической форме.* Было бы поистине чудовищным предположение, что, скажем,

---

[1]) Чтобы читатель не подумал, что перед нами одни лишь «грехи молодости», мы приглашаем взглянуть и на «18 тезисов», стр. 32.

закон сохранения энергии делает излишними закон трудовой ценности, или учение о базисе и надстройках, или законы денежного обращения. *Маркс* злостно издевался над такими оригиналами, вроде Енчмена, и здесь повторяющего буржуазно-идеалистические зады. Он писал, например, про известного кантианца *Ф.-А. Ланге:* «Дело в том, что г. Ланге сделал великое открытие. Всю историю можно-де подвести под единственный великий естественный закон. Этот естественный закон заключается во фразе struggle for life—борьба за существование (выражение Дарвина в этом его употреблении становится пустой фразой)... Следовательно, вместо того, чтобы анализировать эту struggle for life, как она исторически проявлялась в различных общественных формах, не остается ничего другого делать, как превращать всякую конкретную борьбу *в фразу* struggle for life»... [1]).

Точь-в-точь, как у Енчмена. Маркс *давным-давно* предупредил «великое открытие», преподносимое на скрижалях. Маркс давным-давно *опроверг* плоское и вульгарное представление, будто бы последние обобщения науки (даже настоящей науки, а не «науки» о 15 анализаторах) снимают с нас обязанность изучения частных дисциплин и тех особых, качественно разнородных, специфических форм, в которых проявляются эти самые общие законы. Обобщения *не ликвидируют* частных законов, они устанавливают лишь связь между ними, они выражают принципиальный монизм науки и единство ее метода. Но это ни в коей мере не уничтожает *всякого* разделения научного труда, т.-е. особых научных дисциплин.

Э. Енчмен явно вульгаризирует дело, в полном противоречии и с духом и с буквой марксова учения. Эта вреднейшая идеологическая демагогия, в сущности, фиксируется en toutes lettres в енчменовских «священных текстах». В самом деле, вот что пишет наш автор:

> Бесчисленное множество научных классовых суждений безостановочно ликвидируется... и на вершине научного творчества остаются как *отборная интеллектуальная пища для Демоса* (так и написано!!) немногие, несколькие (?), максимально общие и максимально точные, светящиеся наиболее ярким научным светом, научные классовые суждения (научные законы) [2]).

[1]) *Маркс,* «Письма к Кугельману», письмо от 27 июня 1870 г., «Психология перед судом» etc., стр. 40.

Это, поистине, замечательно! Геометрические теоремы? Долой их, раз есть 15 анализаторов! Решение биквадратных уравнений? К чорту эти алгебраические фолианты! Закон издержек производства? Пустяки! Все к чорту! Долой! Долой! Долой!

Демосу (слушайте!) нужны *немногие* законы. Демос обойдется и ими. Демосу (видите ли) будет подаваться «отборная интеллектуальная пища». Правда, немного, но зато уже в Ревнауче позаботятся о качестве.

Геометрию, физику, химию, механику, политэкономию, историю, социологию и прочее и прочее будет изучать не «Демос», а *другие люди*. А «Демос» пускай забавляется тем, как горят «ярким светом» пятнадцать тощих анализаторов.

Что отсюда произошло бы? Что было бы, если бы «пророка» подпустить к делу?

Всякий увидит, чтó. Ибо и без света «научных законов» ясно: с одними 15 анализаторами не будешь ни инженером, ни администратором, ни педагогом. Будешь *только* болтуном и *неучем*. Кое-кому выгодно, чтобы пролетариат был неучем, хотя бы и с вышеупомянутыми анализаторами. Но это ни в коей мере не совпадает с интересами *самого пролетариата*.

Энгельс еще в начале 90-х годов высмеял вот этаких заносчивых молодых людей, вроде Енчмена, дав им убийственную характеристику. Он писал:

> Одна из величайших услуг, оказанных нам законом против социалистов, это то что он освободил нас от навязчивости немецкого студента с социалистическим налетом. Теперь мы достаточно сильны, чтобы переварить и немецкого студиоза, который начал снова распространяться. Вы сами действительно уже кое-что сделали (Энгельс пишет Конраду Шмидту. *Н. Б.)* и должны знать, как мало молодые литераторы, приставшие к партии, дают себе труда изучать экономику, экономическую историю, историю торговли, промышленности, земледелия, общественных форм. Сколько из них знают о Маурере только одно его имя. Нахальство журналиста должно все преодолеть. Часто дело обстоит так, как-будто эти господа думают, что для рабочих (для «Демоса». *Н. Б.)* все годится [1]).

Замечательная характеристика, прямо не в бровь, а в глаз. Не за нее ли произвел наш автор в чин эксплоататорского

---

[1]) См. «Письма» Маркса - Энгельса в изд. под ред. Адоратского, стр. 275—276 (I изд.).

идеолога одного из основоположников научного коммунизма? Очень похоже на это.

А теперь мы попросим читателя спуститься с нами этажом еще ниже и взглянуть, каких поистине гениальных результатов достигает наш Енчмен, когда он применяет свой метод при анализе конкретных явлений. Тут мы увидим нечто такое, что, действительно, превосходит уже всякое воображение.

5. Исторические экскурсы Э. Енчмена.

Уже из данного выше разбора «енчменовских» построений видно, чем дело будет пахнуть при конкретном анализе. В первой, цитировавшейся нами, работе («Психология перед судом возрождающегося позитивизма») мы имеем ясные намеки на дальнейший путь. Там идет речь о «словесных реакциях», «правовых реакциях», «религиозных реакциях», «реакциях логических суждений» и т. д. Мы теперь знаем, что попытки построить общественные науки на вот этаком базисе обычно приводили лишь к наклейке но вых ярлычков, ровно ничего не об'ясняющих. Ибо нетрудно, конечно, изобрести целый каталог названий: «рефлекс цели», «рефлекс бога», «рефлекс права», «рефлекс»... и пр. На все найдется свой рефлекс. Беда только в том, что ничего, кроме игры в бирюльки, здесь мы не получим.

Проверим сие на исторических экскурсах самого Енчмена.

Вот перед нами попытка, с точки зрения теории новой биологии, об'яснить иудаизм и христианство. Посмотрим, что преподносит нам автор «нового» вероучения.

Сперва, конечно, изрядная порция рекламы:

> ... ему, автору теории новой биологии, впервые за несколько тысячелетий (уж конечно! *Н. Б.)* удалось прорваться (!) к пониманию совершенно непонятного до сего дня ***самого грандиозного*** (курсив наш. *Н. Б.),* органического (!) события последних тысячелетий, к пониманию события (!!), известного под именем библейской и христианской религий; как результаты этого прорыва бурно противоречат не только миллионам комбинаций, шантажа, лживой мистической лирики... но и всем толкованиям этого события «очень передовыми», подчас «очень революционными» и всегда «очень научными» Спенсерами и Тэйлорами или Каутским или Луначарским, рассматривавшим происхождение понятий Бога и Сатаны (большие буквы принадлежат Э. Енчмену, сохраняющему почти-

тельность к этим величествам. *Н. Б.*), *в библейской и христианской религиях* **так же, как происхождение понятий добрых и злых духов во всех других религиях...** [1]).

Уже из этого рекламного «введения» читатель, имеющий хотя бы косвенное отношение к марксизму, но *знающий дело*, усмотрит сразу, что здесь на-лицо явно вздорный подход к анализу.

В самом деле, почему это иудаизм и христианство—*самые грандиозные* явления? А буддизм, например? Или автор не знает всего его, буддизма, историко-религиозного значения? Откуда такие преувеличенные симпатии к господствующей в «цивилизованных» странах религии?

Автор об'ясняет сам, откуда сие. Он ведь утверждает, что происхождение понятий «Бога» и «Сатаны» у иудеев и христиан имело *совсем, совсем особые* корни, т.-е., другими словами, он утверждает, что *иудейская и христианская религии занимают среди всех религий мира совершенно особое, принципиально отличное, положение.*

Вот вам и «марксизм»! Любой ученый батюшка в рясе (в особенности, начитавшийся г-на Введенского) с удовольствием станет защищать такую позицию. Ведь все апологеты поповства как раз так и аргументируют, как аргументирует почтеннейший поклонник «Бога и Сатаны». Апологеты христианства как раз и претендуют на «совсем особое» место для защитников «*истинной*» религии, перед которой и в сравнении с которой остальные религии—не «истинные», «языческие», «идолопоклоннические» и т. д., и т. п.

По существу вопроса: всякий, знакомый с историей религий, может констатировать совершенно обратное тому, что проповедует Енчмен, а именно, удивительную схожесть в развитии религиозных фаз. Критический момент—переход к единобожию, который шел параллельно с об'единением разрозненных племен, имевших своих особых богов,—этот момент прекрасно освещен в литературе. То же было и у других народов, переживавших эволюцию в сторону единобожия. Подход Енчмена к вопросу *не только не имеет ничего общего с марксизмом, но и предполагает крайнюю степень невежества автора теории новой биологии.* Кроме того, он очень нехорошо пахнет: автор теории

---

[1]) «18 тезисов», стр. 36—37. Курсив наш. *Н. Б.*

новой биологии *сам* заражен иудейско-христианским религиозным дурманом.

Дальше. Мы знаем, что, марксистски рассматривая вопрос, мы обязаны «выводить» изменение религиозных форм из производственных отношений. Для этого, конечно, недостаточно знать 15 анализаторов, а нужно *изучать* производительные силы, хозяйственный строй, юридические формы, быт и культуру данного народа. Это *изучение* показало, что Ягве—главный, единый бог, грозный и мстительный—был символом централизованной власти об'единившихся под началом богатых военных предводителей еврейских племен.

А по Енчмену? Вы думаете, ему нужно изучение, копание в презренных фолиантах и пр.? Ничего подобного! Ему свойственен простой гениальный «прорыв», т.-е. попросту «мистическое озарение» (помним: дух божий почил на нем).

Этот «тэ-эн-бистский» «порыв» и «прорыв» довел автора до такого «об'яснения», что марксистский читатель с трудом может выдавить «словесные реакции» парламентского свойства. Судите сами:

> Автор, «прорвавшись (!) к проблемам библейской и христианской религий, обнаружил, что, *в отличие от всех других соседних религий,* — в библейской религии в понятии Бога (большая буква принадлежит автору. *Н. Б.)* художественно отражались отнюдь не «благоприятствующие ведению хозяйства силы природы», а (слушайте внимательно! *Н. Б.) **содержание центрального, самого мощного анализатора из 15 анализаторов*** теории новой биологии, художественно отражалось общебиологическое понятие («анализатор») *органического оптимума,* органической радостности..., а в понятии Сатаны художественно отражалось то же *общебиологическое понятие органического угнетения,* органической нерадостности...» [1]).

Все другие об'яснения шельмуются Енчменом, как шантаж. Но шантажем является, в первую очередь, «об'яснение» самого Енчмена.

Ибо, в самом деле, предположим даже, что «Бог» физиологически выражал «положительный аффекционал» Р. Авенариуса (ведь и тут Енчмен не дает ничего оригинального, а списывает без указания источника), «Сатана» же—«отрицательный аффекционал». Предположим, выражаясь просто, что

---

1) «18 тезисов», стр. 35—36.

чувства и мысли о боге сопровождались радостным под'емом, а мысли о сатане (просим извинения у тов. Енчмена за человеческий язык)—чувством угнетения. Согласимся с этим. Что же, будет это об'яснением? Малый ребенок видит, что это будет только *фразой*, которая не перестает быть в достаточной мере *глупой* от того, что тов. Енчмен снабдит ее десятком иностранных слов («стенизм», «оптимум» и пр.; ведь для «Демоса» нужна «отборная интеллектуальная пища»).

Ибо, в самом деле: «органическая радостность» или «нерадостность» могут быть у людей, общественных групп, классов, целых племен и т. д. по *разным* поводам и проявляться — что еще более важно—в *совершенно различных формах*. Почему Израиль испытывал под'ем в *религиозной* оболочке? Почему эта оболочка приняла форму *единобожия?* Почему израильский «Бог» имел *специфические черты*, сатирически так чудесно схваченные Гейне:

Unser Gott ist nicht gestorben
Als ein armes Lämmerschwänzchen
Für die Menschheit ist kein süsses
Philantröpfchen, Faselhänschen.
Unser Gott ist nicht die Liebe;
Schnäbeln ist nicht seine Sache,
Denn er ist ein Donnergott
Und er ist der Gott der Rache
. . . .
. . . .
Unser Gott ist stark. In Händen
Trägt er Sonne, Mond, Gestirne;
Throne brechen, Völker schwinden,
Wenn er runzelt seine Stirne [1]).

На все эти вопросы нельзя дать ответа с точки зрения вечного повторения *фразы* о «самом важном анализаторе». Метод Енчмена— растворение социологии в биологии—мстит здесь за себя со всей жестокостью израильского бога. Этот метод показывает себя читателям во всей красе. Нельзя же брать всерьез этот кукольно-попугайский «анализ», который состоит из повторения нескольких слов:

Па-па.
Ма-ма.
Ана-ли-за-тор и т. д.

---

[1]) Heinrich Heine, Werke, B. I, Lyrische Cedichte: «Disputation».

Основная *методологическая* ошибка—не анализ *специфической общественной формы* человеческой жизни, а общие рассуждения биологического характера — эта методологическая ошибка приводит к тем тощим, с позволения сказать, «выводам», которые могут вызывать лишь досаду, смех или возмущение.

Ну, посудите сами: разве пахнет здесь марксизмом? Разве может человек, *так* «об'ясняющий» религиозные формы, претендовать на какое-нибудь родство с великим пролетарским учением?..

Далее. Мы с изумлением узнаём, что «исход из Египта» был не что иное, как чуть ли не пролетарская революция, а скрижали Моисея—нечто вроде революционно-пролетарского кодекса и, притом, в форме *енчменовской теории новой биологии!* Вот что вещает нам пророк Эммануил о своих предшественниках моисеева периода:

> ... автор теории новой биологии напоминает организму (!), как это величественное, не научно, а художественно выраженное *биологическое учение* (учение «теории новой биологии»), внезапно восторжествовавшее сейчас же вслед за *революционной победой восстания трудящихся масс* (восстание и исшествие из Египта), вызывая массовые органические катаклизмы, руководило восставшие (-ими? *Н. Б.)* трудовые (-ыми? *Н. Б.)* массы (массами? *Н. Б.)*, заключая в себе все необходимые, тоже художественно выраженные, выводы (по-катаклизматические прорывы) о способах, о методах борьбы за радостное, за стеническое существование (Израиль—«борец за Бога», борец за **органическую Бого-реакцию,** борец за органический стенизм, т.-е. борец за органическую радостность), о способах, о методах фиксации, закрепления сочетаний рефлексов, цепей рефлексов, поддерживающих органический стенизм **(заповеди);** и как великая ценность, великая *истинность* этого *биологического учения,* пропитав тогда восставшие трудовые массы, возбудила в них пламенную ненависть к бесчисленным *фантазмам, к идолам всех народов,* порабощенных культурами своих господствующих классов,—возбудила в них *ту самую ненависть,* которой возгорится коммунистический человек, переживший органический катаклизм 15-ти анализаторов теории новой биологии, ко всем фантазмам старого мира [1]).

Уф! Не-стер-пимо! Извиняемся перед читателем за цитату, столь умную и столь «потрясающую». Но мы должны же показать «автора теории новой биологии» во всей его красе.

---

[1]) «18 тезисов», стр. 36—37. Курсивы все наши. *Н. Б.*

Итак:

Повидимому, Э. Енчмен «прорвался» к об'яснению того факта, что Израиль создавал себе *религиозное выражение* теории новой биологии. Это, видите ли, происходило потому, что тогда была «органическая Бого-реакция». «Органическая Бого-реакция»—это прямо перл!

Бросим этот пошлый quasi-научный вздор, недостойный и действительно грязно-эксплоататорский. Посмотрим на другие мысли в «анализе» Э. Енчмена.

Исход евреев был восстанием трудящихся масс, понявших теорию новой биологии. Хорошо! Но не припомнит ли наш «марксист», *однороден* был еврейский народ при своем «исходе» или нет? По-нашему—нет, ибо мы знаем о существовании классов даже в то время. Но биологически-эс-эровские взгляды Э. Е. все замазывают ярлычком: «народ».

Дальше. Заповеди Моисея были кодексом восставших трудящихся масс, проникнутых идеями теории новой биологии. Тоже хорошо! Но не вспомнит ли Э. Енчмен следующую заповедь, которую он, вероятно, учил в школе еще до того, как осознал свою божественную сущность:

«Не пожелай жены ближнего твоего, ни села его, ни *раба* его, ни *рабыни* его, ни вола его, ни осла его, ни всякого скота его, ни всего, елика суть ближнего твоего»?

Как же это так, почтеннейший пророк, насчет рабов и насчет рабынь?..

Все дело в том, что у Енчмена нет *и намека* на конкретное изучение социальных явлений. Отделываясь общебиологическими фразами, он неизбежно вынужден попадать впросак, как только речь коснется конкретных событий.

Пойдем еще дальше. Оказывается, ведь, что религиозная форма у иудеев вовсе не «фантазма», а великая истинность. У других народов боги (разные там Ваалы и прочее)—«фантазмы» и «идолы», они никакого «оптимума» не выражали, а вот у народа «избранного», у народа, который борется за «органическую Бого-реакцию», у этакого народа господин Ягве не идол, не фантазма, а очень приятная и весьма истинная вещь.

Ну, знаете ли, можно городить какой-угодно вздор, но все же знать меру. Ибо люди, *знающие* историю религий, отлично понимают, что тот же самый общественно-функциональный

смысл был и у Ваала, и у Мардука, и у Афины-Паллады, и у Аллаха. С точки зрения марксизма принципиально выделять иудаизм—*бессмыслица.*

Но эта бессмыслица нужна автору для совсем других целей. Он совершенно серьезно хочет «потрясающе» «дедуцировать» свое собственное происхождение in der Eigenschaft—как выражаются немцы—Мессии № 3. Об этом ниже. Но не правда ли, как замечательно похожа вся эта белиберда на «развитие ортодоксального марксизма»?

Никаких классовых противоречий Э. Енчмен не признает для эпохи Моисея. Более того, он думает, что «колена израилевы» со всеми их первосвященниками и прочими совершенно эквивалентны *современным пролетариям.* Так у него и написано; он повествует о событиях,

... развернувшихся под палящим солнцем Синайской пустыни немедленно, сейчас же вслед за ликвидацией экономического базиса эксплоататорских хозяйственных отношений, в обстановке полного мирового одиночества и мирового «избранничества» этих *восставших рабочих,* первых неудержимых ликвидаторов классового шантажа эксплоататоров [1]).

Эти «рабочие» (вроде Моисея, Аарона, Иисуса Навина и пр.) проделали настоящую «пролетарскую революцию», ибо ставили своею целью возврат «к идеологии до-египетского, до-эксплоататорского хозяйства» — к забытой в условиях эксплоатации идеологии коммунистических хозяйственных отношений, к скрещению анализаторов номадного коммунизма далеких *предков, патриархов»* [2]).

Тут опять поневоле удивляешься: да читал ли когда-нибудь Э. Енчмен хоть библию? Или, так как все фолианты—«гиль», то, быть может, он предпочитал здесь «изустное предание», скажем, рассказы своей бабушки? Ведь это вполне достаточно для «гениальных прорывов» Wunderkind'a?

Патриархи библии, как известно, имели большое количество рабов (Авраам, Иаков и т. д.), вели караванную торговлю и разбойничали (Авраам торговал и идолами), торговали также рабами, очень хвастались своим богатством и т. д. Вообще же, да будет известна Енчмену та азбучная истина, что

---

[1]) «18 тезисов», 40.
[2]) Ibid., 40.

«коммунизм патриархов», это—круглый квадрат. Ибо патриархат есть продукт *разложения* первобытного коммунизма—это знает теперь каждый ученик совпартшколы. Но товарищу Енчмену законы не писаны.

Реклама для Енчмена — всё. Сенсация — всё. Стоит ли *работать*, когда легче «прорваться»?

Будем слушать дальше.

Пророки израильские, представлявшие, действительно, общественные низы и игравшие революционную роль, были, по Енчмену,... *марксистами!* Мы-то до сих пор думали, что марксизм есть идеология пролетариата, категории капиталистического общества. Ничего подобного.

> Трагический опыт несвоевременного ... победоносного восстания (речь идет все о том же «исходе из Египта». *Н. Б.)* был гениально учтен, совершенно *в марксистском духе,* этими учителями массовых органических катаклизмов [1]).

Оказывается, в этом состоит «еще одна *совершенно потрясающая* подробность о совершенно *ошеломляющей мощи* научного (sic! *Н. Б.)* анализа и научного прогноза, проявленной... создателями библейских пророчеств [2]). Действительно, «выдающаяся из выходящих» «подробность»!

Причесав Моисея под восставшего пролетария, рабовладельца Авраама под коммуниста, исход евреев из Египта под пролетарскую революцию, а пророков Израиля под ученых марксистов, немудрено, конечно, об'единить все это какой-нибудь *фразой.*

Только такой «анализ» не стоит выеденного яйца. Как мы и говорили, так и случилось: не довели до добра нашего любителя «прорывов» его «оптимумы».

Переходим теперь к «анализу» христианства.

Мы знаем (не путем высасывания из пальца, а путем *изучения* целого ряда источников), что христианство возникло на *иной социальной базе,* чем «моисеев закон». Мы знаем также, что основные положения христианства, как громадного идейного течения, были—если их рассматривать с точки зрения этих идей—сложным продуктом различных потоков, при чем здесь, на-ряду с греческими и римскими источниками, боль-

---

1) «18 тезисов», стр. 41.

2) Ibid., стр. 40.

шую роль играли восточные культы (ассирийские, индусские и т. д.), т.-е. те самые «боги», которые с таким негодованием отвергались Енчменом, верным до гроба господину Ягве.

Все это—*азбучные* истины. Но совсем не так представляется дело Э. Енчмену. По его мнению, моисеева теория новой биологии была задавлена, но тлела где-то в глубине народа, «прорываясь» иногда через пророков. Затем наступил долгий период гнета, и вдруг та же теория новой биологии прорвалась с новой силой:

> И еще рассказывает организму автор теории новой биологии (стиль-то! стиль-то! прямо библейский! *Н. Б.)*, как после этой трагической по последствиям эпохи до капиталистического и, следовательно, безнадежного восстания угнетенных, как затем, в последующую эпоху, когда, под воздействием лжи, обмана, шантажа вновь возникших господствующих классов, это изумительное художественно выраженное биологическое учение подверглось полному разложению,—из низов угнетенных масс, в момент наитягчайшего угнетения, оно (sic! *Н. Б.)* прорвалось снова, но уже в гениально завершенном, в совершенно законченном, хотя опять-таки по условиям времени в художественном, а не научном виде... [1]).

Это «об'яснение» подходило бы для 14-летней ученицы балетной школы, не более. Христианство, это вовсе не *та же* «биологическая» (!) теория моисеева периода; его социальная база—*другая;* его (логические) составные элементы—тоже не те; его «заповеди»—совсем не повторение заповедей Моисея, а в некоторых, довольно существенных, частях нечто прямо *противоположное* (например, «космополитизм» раннего христианства в противоположность резко выраженной национальной ограниченности старого еврейства). Но какое дело до этого нашему пророку?

Вопрос для него решается очень просто. И там был религиозный экстаз, и здесь; и там была «органическая Бого-реакция», и здесь. Ну, и довольно. А что до того, какие отличия были у христианства, какие *специфические* черты, которые и сделали возможным колоссальный идеологический его размах, какие *специфические* черты имелись в «общественном бытии» того времени и прочее и прочее — все эти вопросы, *в первую очередь обязательные для марксиста*, «не суть важны» для «гениальных интуиций» Енчмена: ведь «для Демоса нужна отборная интеллектуальная пища».

---

[1]) «18 тезисов», 37.

Самое забавное во всей этой пошлости еще то, что тов. Э. Енчмен подводит христианский базис под коммунизм, «обосновывая» сие, натурально, *биологически.*

В период раннего христианства появилось учение о любви (Енчмену невдомек, что в других местах, в других географических пунктах земного шара, в других религиозных оболочках это учение появилось еще раньше). «Это событие,—пишет автор,—является *решающим* в проблеме отбора единиц раздражителей и цепей рефлексов *при организации коммунистического хозяйства»* [1]). Если перевести сие с языка теории новой биологии на обычный язык, получим: *основа христианства есть основа коммунизма.*

Поистине замечательный результат! Колоссальный прогресс! Замечательное достижение науки!

Буржуазные ученые чрезвычайно любят пускать пыль в глаза, *замазывая* коренные противоречия и прикрывая все ничего не значащими словами или фразами. Они берут, напр., фразу *о солидарности* и сейчас же подводят под соответствующую рубрику масонское общество, профсоюз, акционерную компанию, рабочую партию, капиталистический трест, христианскую общину и т. д. Конечно, здесь есть общие черты. Но тот, кто хочет обосновать на этаких пустяках *науку,* тот останется вечным неучем, а его «наука» не будет ни на что нужна. *Капиталистам,* впрочем, такой метод нужен с точки зрения одурачивания масс, ибо он, этот метод, чрезвычайно удобно воссоединяется с положением: «Так было, так будет».

Милостивые государи! так было, но так *не будет.* Не будет именно потому, что классы, на которые опиралось христианство, были одними, а классы, на которые опирается коммунизм, ничего существенно общего не имеют с первыми; не будет именно потому, что христианство ни в коем случае *не* является «решающим событием», т.-е. решающей предпосылкой для коммунизма, не будет потому, что вообще то общество, которое было в период раннего христианства, как определенная структурная величина, бесконечно *далеко* от общества эпохи финансового капитала и пр., и пр.

Неужели все это нужно повторять? А если все это правильно, то ясно, что *биологический метод Енчмена есть вред-*

---

1) «18 тезисов», 38. Курсив наш. *Н. Б.*

нейший пустяк. Так «об'яснять» конкретные исторические события нельзя.

Но во всем этом енчменовском вздоре есть своеобразная логика, только совсем в иной плоскости. Енчмен готовит себя на роль «своевременно пришедшего» Мессии и хочет уловить на эту удочку мещан. Автор «признается организму» в том, «какими *близкими* являются для него... все непонятные пророчества...» [1]); «автор теории новой биологии признается организму, какими *близкими* являются для него слова легендарного несвоевременного революционера...» [2]). И, наконец,

> он рассказывает организму, все для достижения той же цели, для того, чтобы, *соблазняя* (!!) его *совершенно небывалым* **ясновидением** прошлого и будущего, больше ослабить в нем силу противления конкурирующих... понятий [3]).

Цыганка гадала,
Цыганка гадала,
Цыганка гадала,
За ручку брала.

Приходите все! Совершенно небывалое ясновидение! Гадаю прорывами! Подаю отборную пищу!..

Не пора ли, однако, нам распроститься с *«ясновидящим»* Енчменом, мастером новой масонской ложи? Не довольно ли ковыряться в этой белой и черной магии, где есть все, что угодно, кроме хотя бы одного малюсенького «грана марксизма»?

Элементарная *безграмотность* с точки зрения марксизма и крайняя пошлость енчменовских «упражнений» проскальзывает у него повсеместно. Просто удивляешься, как он рискует выступать перед рабочими, еще не расставшимися, вопреки Енчмену, «с цепями разума» и не заменившими эти цепи «совершенно небывалым ясновидением».

Мы видели выше, что Э. Е. *топит* всё исторически-специфическое в гнилой воде «общебиологической» *фразы*.

Вот, например, автор теории новой биологии, вдохновленный «волнующим критическим стилем Карла Маркса» [4]), начинает тоже критиковать:

---

[1]) «18 тезисов», 42.
[2]) «18 тезисов», 43—44.
[3]) Ibid., 44—45. Курсив наш. *Н. Б.*
[4]) «Теория новой биологии», 34.

... Только величайшая органическая неспособность мыслителей *буржуазного мира* проникать хотя бы несколько глубже вульгарной поверхности явлений, могла заставить их в этом вопросе (о физ. и псих. *Н. Б.) тысячелетиями* до сих пор утверждать очевидность таких вещей, которые оказываются совершенно несуществующими [1]).

В сноске фигурирует ссылка на известное место из «Капитала», где Маркс расправляется с вульгарной экономией.

Но почтенный автор, очевидно, был так «взволнован» *стилем* Маркса, что совершенно не понял *смысла* марксовой критики. Ибо Маркс перевернулся бы в гробу, если бы узнал, что буржуазная структура производства существует целые «*тысячелетия*»!

Это все из той же биологической оперы!

Или другой пример:

Для марксиста совершенно ясно, что определенному «способу производства» соответствует и определенный «способ представления». Точно так же ясно, что «способ представления», поддерживающий определенный способ производства, культивируется и идеологически воспроизводится господствующим классом. Но было бы ужасной вульгарщиной думать, что любое, органически выросшее из данной производственной структуры, представление или любая «категория» есть сознательное «мероприятие» господствующего класса. Это было бы похуже дюринговской теории насилия.

А между тем, именно такое «представление» имеем мы у тов. Енчмена.

Полюбуйтесь:

«*Логика*» (от греческого слова «логос», которое одновременно значило «слово» и «разум»), точно же, *как «разум» и «познание»*, возникает вместе с возникновением деления общества на классы как *результат особых*, исследуемых нами в 4-й главе, *мероприятий* эксплоататоров над эксплоатируемыми [2]).

Физиологическим реакциям ««для *определенных корыстных целей*, **насильственно**, целыми тысячелетиями давались общие имена, общие клички с «непространственными явлениями»...»» [3]).

Логика, как результат корыстных *мероприятий* — это тоже перл!

---

[1]) Ibid., 34.

[2]) «Теория новой биологии», стр. 39. Курсив наш. *Н. Б.*

[3]) Ibid., 42. Курсив наш. *Н. Б.*

Разве человек, знающий *факты*, может так «об'яснять» категории общества, даже классового?

Ужасная переоценка «мероприятий» легко переходит в теорию «героев и толпы», т.-е. в эс-эровскую переоценку «роли личности в истории». С этим связан и тот «мессианизм», о котором мы неоднократно говорили.

И опять-таки, что здесь общего с тем замечательным теоретическим построением, которое носит название марксизма?

Ничего. Ровно ничего.

6. Социальные корни енчмениады.

Мы закончили теоретический разбор произведений Енчмена и должны теперь перейти к анализу социальных корней всей енчмениады.

Характернейшей чертой енчменовских «теорий» является их **глубочайший индивидуализм.**

Этот индивидуализм мы обнаруживаем у Енчмена буквально на каждом шагу: и когда речь идет об основных его философских посылках; и когда он ставит вопрос об исходном пункте социологического (биологического) анализа; и когда он разбирает конкретные вопросы истории; и когда ставится проблема вождей и массы; и тогда, когда нужно определить тактическую линию. Даже *форма* его произведений, стиль языка, обороты речи—все так и пышет прямо нестерпимым индивидуализмом.

В самом деле. *Философски*—перед нами *стыдливый солипсист*. Исходный пункт философского анализа у Енчмена,—это его, Енчмена, «я», совершенно особое, исключительное, божественное; «я», так сказать, первого сорта. С точки зрения этого замечательного «я», другие «я» устроены по-другому; они стоят по отношению к этому «пупу земли» на такой же доске, как бревно, телеграфный столб, блохи или минералы; они—материал для творческих упражнений «Единственного».

Эта черта енчменовской теории, представляющая перепевы старых-престарых мотивов буржуазной идеалистической философии, есть *выражение психологии глубокого индивидуализма*.

Та же психология выражается и в совершенно эс-эровской трактовке вопроса об исходном пункте анализа в общественных науках. И здесь перед нами фигурирует не *общество*, а «ин-

дивидуум», «организм», другими словами, тот самый Робинзон, который был в свое время на смерть поражен стрелами ядовитой марксистской критики. Так же индивидуалистически трактуется вопрос о «вождях» и «массе»—совершенно в духе «героев и толпы» блаженной памяти Н. К. Михайловского.

Если мы присоединим сюда ярко выраженный мессианизм, игру в Христа и мадонн и прочее, претензию на единоличное руководство всем миром через «Ревнаучсовет Мировой Коммуны», теорию постоянных «прорывов» и озарений вместо коллективного опыта—мы получим совершенно ясную картину *рецидива мещанского индивидуализма.*

Теория Енчмена уже по одному тому не может быть пролетарской или даже близкой пролетариату, что она *индивидуалистична.* Это свойство органически противоречит пролетарской психологии и идеологии. Индивидуализм есть вернейший признак *антипролетарского* характера разбираемого «учения». Базарная самореклама и, поистине, распутинский язык, которым уснащены «труды» нашего совершенно исключительного хвастуна, целиком идут по той же самой линии *торгашеского индивидуализма.*

Смесь вульгарного «материализма» с идеалистической сущностью является второй коренной чертой енчменовского учения. Ядро его — насквозь идеалистично. Он даже кокетничает с религией, и притом с религией, господствующей в «великих державах». Но в то же время, как мы определили выше, «материалистически озорничает». По существу, его «философия» идеалистична, поскольку она исходит из единственной психической монады, самого Енчмена; с этим психологически и логически связан и метод «прорывов», т.-е., по сути дела, интуитивных мистических озарений, и мессиански-хилиастический бред, т.-е. попытка перевести научный коммунизм в лучшем случае на язык братьев Маккавеев, масонских лож или российских хлыстов.

Наконец, третьей чертой учения Енчмена является **упростительский практицизм.** Вся теория сводится к 15 анализаторам, упраздняющим все специальные науки и решающим все проблемы об'единенной теории и практики. Упростительство, якобы практичное, на самом деле ведет к «болтологическому» характеру всего построения, к талмудической схоластике, не имеющей никакой практической ценности. Про-

стота здесь, поистине, «хуже воровства». «Практицизм» теории Енчмена, именно в силу своего упростительского характера, перестает быть практичным, т.-е. превращается в свою собственную противоположность. Недооценка культуры, науки, соответствующе квалифицированных людских кадров, об'явление всего культурного наследства простым вздором, «смелость» и «дерзновение», сильно напоминающие озорство взбесившегося мещанина, идут по этой же линии.

Каким же социально-классовым элементам соответствуют эти социально-психологические особенности, застывшие в соответствующих логических «линиях» енчменовского построения?

Прежде всего здесь, на-лицо элементы *нового торгаша*. Он, этот торгаш, индивидуалист до мозга костей. Он прошел огонь, воду и медные трубы. Он был бит бичами и скорпионами Чека, надевал иногда красную мантию, становился и на «советскую площадку», получал рекомендации, сидел во узилище, теперь всплыл на снежную вершину своей лавки. Собственными локтями протолкался он и вышел в «люди». Своим умом, энергией, пронырливостью, ловкостью, меняя костюмы, приспособляясь к обстоятельствам, энергично шел по своему пути он, Единственный, «homo novus». Не на гербах предков, не на наследствах, не на старых традициях рос он: он всходил, как на дрожжах, на революционной пене, и не раз его поднимала кверху сама революционная волна. Конечно, он «приемлет революцию». Ведь он, в некотором роде,—ее сын, хотя и побочный. Но от этого у него нисколько не меньше самоуверенности, нахальства, саморекламы. Он, Единственный, питает даже надежду оттереть законных детей от революционного наследства и, пролезая через щель советского купца, думает еще раз переодеться, прочно осев в качестве самого настоящего, самого обыкновенного, уже обросшего жирком, представителя торгового капитала. Эти надежды окрыляют его. Пройдя все испытания, он мало похож на рассудительные типы Замоскворечья: он шумит, он хвастается, он форсит, он пророчествует о самом себе: «Да приидет царствие Мое». Этого царствия ждет сейчас наш *крайний индивидуалист*, побочный сын революции, *новый торгаш.*

Этот новый торгаш, с одной стороны, вульгарный материалист; в обычных житейских делишках для него нет ничего

«святого» и «возвышенного»: он привык смотреть на вещи «трезво»; он не связан никакими традициями в прошлом, не отягощен фолиантами премудрости и грудами старых реликвий—их выбросила за борт революция. Сам он вышел не из «духовной аристократии»,—нет, он пришел сам из низов; он—чумазый, быстро пролезший наверх, он—российско-американский новый буржуй, без интеллигентских предрассудков. Он все хочет понюхать, пощупать, лизнуть. Он доверяет только своим собственным глазам; он, в известном смысле, весьма «физичен». Отсюда его *вульгарно-материалистическая поверхность*. Но в то же время он, как всякий буржуа, ходит по *рыночной* «тропинке бедствий»: спекулирует ли он мылом или валютой—неумолимые законы рынка часто хватают его за шиворот и заставляют вспоминать о боге и сатане. Бог ему нужен хороший, и такой же хороший, как оптимум рыночных цен, бог прочный, западно-европейский, но не расслабленный бог времен упадка, а именно «оптимальный» бог, у которого еще жизнь не выщипала всех перьев. Этот бог должен выражать «радостность» его, Единственного, на котором почиет Дух святый. Такой оптимальный, цивилизованный бог—не какой-нибудь дикарский—весьма по вкусу *нашему торгашу*. Его рыночное нутро—идеалистично и божественно.

Наконец, новый торгаш *грубо «практичен» и вульгарен*, он—великий упроститель. Он ведь еще не находится в такой стадии своего собственного общественного линяния, когда ему нужны «всякие науки». Его задачи более элементарны. Ему нужны сейчас весьма простые «правила поведения»; он на практике своей должен быть грубым эмпириком. «Широкие задачи» (весьма непрактичные) имеют для него стратегическое значение: подорвать марксизм, помешать образованию действительно знающих и умеющих дело делать кадров из рабочих и крестьян. *Отсюда* его борьба с марксизмом под прикрытием этого последнего.

Во избежание всяких недоразумений мы заявляем здесь, что отнюдь не подозреваем ни самого тов. Енчмена, ни его сторонников в сознательном и корыстном характере их «мероприятий», «словесных реакций», всего, как выражаются американские социологи физиологической марки (кстати сказать, зело упредившие тов. Енчмена), их «внешнего поведения». Дело идет об *об'ективной роли* «нового» учения, каковая роль от-

нюдь не всегда ясна самим носителям слепых общественных тенденций.

Каким же образом, если правильна эта характеристика, енчмениада втягивает в свою орбиту часть нашей учащейся молодежи, и даже молодежи из рабочих (есть и такие товарищи)?

Это есть *основной* вопрос, освещение которого поможет уяснить все.

Наша молодежь, из которой выйдут кадры новых, красных спецов, т.-е. квалифицированных работников во всех областях теории и практики, эта молодежь стоит на перевале, на *рубеже.*

Она—новые люди, с новыми психологическими и физиологическими чертами, *нужными для эпохи.* Но функциональная роль этой молодежи, или, вернее, ее известной части, будет зависеть от *всей судьбы нашей революции.*

Из нее могут выйти *американско-капиталистические дельцы,* полководцы, предприниматели, деляги буржуазной интеллигенции, **если** *наше развитие пойдет по линии нашего вырождения и нашего превращения в буржуазно-капиталистическую страну.*

Из нее могут выйти (и, надеемся, так именно и будет) крепко сколоченные, смелые, знающие, преданные рабочему классу *строители нового общества,* **если** *мы будем развиваться на все более и более социалистических рельсах.*

Как может переходить одна перспектива в другую, если рассматривать этот процесс с точки зрения общественно-психологической?

Очень просто. Жажда *творческой самодеятельности* может превратиться в *индивидуализм.*

Желание *развивать дальше* (вполне законное) марксистскую теорию—в *отказ* от марксизма.

Жажда нового, *энтузиазм,* может надеть на себя *религиозную* оболочку (здесь есть *тысячи* ступенек).

Желание «*все понять и все постигнуть*»—в вульгарное упростительство и т. д., и т. д.

В механике идеологической борьбы на самых высших этажах надстроек есть много общего с тем, что имеется и в области политической борьбы. Более того, одно обычно является специфическим выражением другого.

Разве не используется законное желание со стороны рабочих (заместить ненадежную интеллигенцию) врагами Совет-

ской власти, «углубляющими» вопрос и травящими всякого красного директора, всякого интеллигента, всякого руководителя партийной организации? При этом происходит «смычка» между «уклонистами влево» и самыми доподлинными противниками рабочей диктатуры.

«Истина конкретна». Стоит только перейти—иногда очень небольшую—грань, и эффект будет совершенно другой.

Так же точно и в идеологической борьбе, в исканиях, в мучительных поисках ответов на наболевшие «проклятые вопросы».

Безусловная *правда*, что мы обязательно должны в партии «двигать вперед новых людей». Но эта правда грозит перейти в *неправду*, когда она (как в одном енчменистском *политическом* произведении: «Так ли мы поняли?») преподносится в форме борьбы против «старой партийной гвардии».

Безусловная *правда*, что мы должны развивать марксизм, т.-е. вносить *новое* в наше учение.

Но эта правда превращается в свою собственную *противоположность*, когда новые (по отношению к марксизму) элементы изменяют самый *метод* нашего учения.

Безусловная *правда*, что мы должны итти ко все возрастающему об'единению различных специальных дисциплин.

Но эта правда превращается в *неправду*, если из нее делается вывод об уничтожении всех этих частных дисциплин и о замене их парой тощих общих положений.

И так далее. И так далее.

Другими словами: как в области идеологической вообще, так и в области политической борьбы в частности, *враги* марксизма имеют *зацепки* у его друзей, вытягивая их за их, часто небольшие, уклончики. Вся енчмениада, рассматриваемая с этой стороны, есть не что иное, *как попытка со стороны идеологов полународнического типа использовать уклоны в сторону махаевщины, «рабочей оппозиции» и проч. и проч.* Таких попыток будет еще много. *Их нужно стараться изжить в процессе товарищеского обсуждения.*

P. S. Pro domo sua. Тов. Енчмен очень сердился в своей «Теории новой биологии» на меня за то, что я с ним «не посоветовался» по поводу каких-то вопросов. Читатель, надеюсь, догадался, *почему* я с ним не советовался.

О МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ, НАШЕЙ СТРАНЕ, КУЛЬТУРЕ И ПРОЧЕМ[1]).

(Ответ профессору И. Павлову).

Академик *И. Павлов* — один из крупнейших русских ученых. Он имеет мировое имя. Он создал целое направление, целую школу в области физиологии. Крупнейшие его заслуги перед человечеством несомненны. В особенности они несомненны для нас, марксистов. Ибо об'ективно выходит так, что проф. Павлов, который политически, повидимому, страшно далек от рабочего класса, работает, в первую очередь, на рабочий класс. Его учение об условных рефлексах целиком льет воду на мельницу *материализма*[2]). И исходные методологические пути и результаты исследований проф. Павлова есть орудие из железного инвентаря материалистической идеологии. А материализм сейчас, в нашу эпоху, в общем и целом, есть мировоззрение *пролетариата*. Здесь не место об'яснять, почему это произошло. Мы констатируем лишь этот *факт*. В то время как буржуазия, пре-

---

[1]) Журнал «Красная Новь» за 1924 г., книги 1 и 2.

[2]) Автору этих строк, излагавшему диалектику материализма, с точки зрения *равновесия*, в особенности приятно отметить следующие положения проф. *И. Павлова:* «Что собственно есть факт приспособления? — Ничего... кроме точной связи элементов сложной системы между собой и всего их комплекса с окружающей обстановкой. Но это, ведь, совершенно то же самое, что можно видеть в любом мертвом теле. Возьмем сложное химическое тело. Это тело может существовать как таковое лишь благодаря уравновешиванию отдельных атомов и групп их между собою и всего их комплекса с окружающими условиями. Совершенно так же грандиозная сложность высших, как и низших организмов остается существовать как целое только до тех пор, пока все ее составляющее тонко и точно связано, уравновешено между собою и с окружающими условиями. Анализ уравновешения системы и составляет первейшую задачу и цель физиологического исследования». *Акад. И. Павлов,* «20-летний опыт» и т. д., стр. 14—15. См. *нашу* «Теорию ист. материализма».

исполненная скепсиса, все больше поднимает свои очи к небу и философский идеализм расплывается, подобно масляному пятну, по всей поверхности буржуазного сознания, аналогичный процесс переживает и вся буржуазная наука в целом. Мистицизм и здесь свивает свое прочное гнездо. Неовитализм, критика дарвинизма, телеология, абсолютный релятивизм, чистый логизм и всякие прочие «измы» самого скверного пошиба быстро распространяются и в среде естественников. Если у нас «ученый батюшка» отец *Флоренский* пытался доказать бытие божие при помощи математических формул и астрономических вычислений, то подобные же явления носят характер настоящей эпидемии в западно-европейской науке. Она, эта наука, чрезвычайно приблизилась теперь к позиции какого-нибудь *Мережковского*, который копается в ассирологии, чтобы вывести «большие циклы» апокалиптического календаря, предсказывать гибель мира, и вместе с г. *Бердяевым* иметь, — как выражался Ницше,—«маленькое удовольствийце на день и маленькое удовольствийце на ночь», квалифицируя большевистскую революцию, как пришествие «Зверя», а советский режим, как «сатанократию». Мистицизм или, в лучшем случае, старческий скепсис с постоянным рефреном насчет бренности всего земного,—таковы основные черты современной западно-европейской научной мысли. Вполне понятно поэтому то уважение, которое в нашей марксистской среде имеет и будет иметь всякий ученый, который мужественно выступает против мутного мистического потока. Повторяем: такой ученый, независимо от его суб'ективных намерений, работает для того же дела, для которого работаем и мы, революционные марксисты. А именно к таким ученым и принадлежит проф. Павлов.

Однако и на солнце есть пятна. И эти пятна принимают весьма и весьма почтенную величину, как только такие специалисты естественных наук, как акад. Павлов, берутся за дело, которого они — пусть простит меня автор теории условных рефлексов — просто *не знают*. А как раз это и произошло с акад. Павловым, взявшимся в своей вводной лекции за критику марксизма, нашей партии в частности и в особенности—за критику пишущего эти строки.

Проф. Павлов протестует против разрушения культурных и научных ценностей невежественными коммунистами. «Не берись за то, чего не понимаешь»,—вот основная «мораль» наше-

го критика. Мы об этом будем говорить ниже. Но все же мы уже сейчас заметим, что и *общественная* наука есть *наука*. Ее нужно *знать*. А вот этого-то знания и нет у проф. Павлова. Оттого он и впадает в такие наивности касательно общественных вопросов, каким, напр., была бы в естественных науках защита линнеевской точки зрения или какой-нибудь флогистонной теории.

1. Философия научной свободы и теория ак. Павлова.

Самое общее соображение, которое проф. Павлов выдвигает против нас, есть соображение о догматическом характере марксизма. «Догматизм марксизма или коммунистической партии... есть чистый догматизм, потому что они (коммунисты. *Н. Б.)* решили, что это—истина; они больше ничего знать не хотят (они. *Н. Б.)* постоянно бьют в одну точку» [1]).

Между тем «наука и догматизм»—совершенно несовместимая вещь. Наука и свободная критика—вот синонимы; а догматизм—это не выходит... Сколько было крепких истин? Возьмите, напр., неделимость атома. И вот прошли года, и ничего от этого не осталось. И наука вся переполнена этими примерами».

Отсюда проф. Павлов, обращаясь к слушателям, дает им и соответствующую директиву:

«И если вы,—говорит он,—к науке будете относиться как следует, если вы с ней познакомитесь основательно, тогда, несмотря на то, что вы—коммунисты, «рабфаки» и т. д., тем не менее, вы признаете, что марксизм и коммунизм, это вовсе не есть абсолютная истина, это—одна из теорий, в которой, может быть, есть часть правды, а может быть, и нет правды. И вы на всю жизнь посмотрите со свободной точки зрения, а не с такой закабаленной».

Этим призывом к свободе и заканчивается «общественная» лекция физиолога Павлова, который не хочет, как он выражается, быть «учёным сухарем».

---

[1]) Перед нами — стенограмма лекции проф. Павлова, повидимому, неисправленная. Поэтому мы позволяем себе вставлять в скобках стилистически необходимые слова, которые, само собой разумеется, ни в коей мере не нарушают смысла.

Рассмотрим это, наиболее абстрактное, почти «философское», положение академика Павлова.

Прежде всего, что̀ значит смотреть со «свободной», а не с «закабаленной» точки зрения? Мы не должны наивничать. Мы знаем, какие фокус-покусы проделывают со *словом* «свобода» в области политики. Но ведь и в научной и даже философской области имеется такая же игра. Ведь протестуют же г.г. Бердяевы, Мережковские и проч. против «*цепей* разума». Ведь всем известен тот факт, что самые разнообразные мистические школы рассматривают *законы природы* как кабалу, а рациональное познание, в противоположность интуиции, как работу каторжника, от которого несет по̀том: ведь договорились же некоторые из них (напр., Булгаков в «Философии хозяйства») до того, что весь эмпирически данный мир представляется лишь «греховной скорлупой мира», где свобода невозможна по самой, этому греховному миру имманентной, логике вещей? Что же, разделяет *этот* взгляд на «свободу» проф. Павлов?

Конечно, нет. Это противоречило бы сущности его естественно-научных воззрений. А между тем, он настолько не продумал своих положений о «свободной точке зрения», что из них прямо вытекают «иррациональные» выводы.

Ибо: что̀ значит у Павлова «свободная точка зрения»? Очевидно, *отсутствие* точки зрения. *Всякая* точка зрения есть «связывающее» начало. Раз вы имеете определенную точку зрения, вас всегда могут обвинить, что вы—ее «*раб*», что вы у нее «в плену», что вы—«закабалены» и проч. и проч.

Но самое забавное во всей этой абракадабре то, что полного отсутствия точки зрения *не может быть*. Что̀ значит, напр., «свободная точка зрения» в механике? Последняя оперирует целым рядом понятий, которые вы volens-nolens должны употреблять. В каком смысле вы их употребляете? Вот *Э. Мах* произвел критический анализ этих понятий. Прав он или неправ? Любая наука говорит о «законах». Но что же, эти законы есть об'ективная связь явлений или продукт нашего упорядочивающего разума, который на манер хозяина, по Канту, устанавливает из хаоса «правовое государство» космоса? *Любое* понятие *любой* науки можно критически взять под лупу. Как же должен поступать «настоящий» ученый по Павлову? Не думать ни о чем? Но это тоже будет «точка зрения», только самая худшая из всех возможных: это будет

точка зрения *обывателя в науке.* Это будет *худший* вид догматизма, ибо он на веру принимает все установившиеся понятия и оперирует ими с невинным видом дикаря.

Итак, *точка зрения,* и при том *определенная* точка зрения, есть вещь необходимая для всякого ученого, который не хочет ходить в идеологическом халате и стоптанных туфлях.

Спрашивается теперь, что же должен делать такой ученый, который стал на определенную точку зрения, смеет «свое суждение иметь», считает это «суждение» наиболее правильным, наилучшим из всех имеющихся решений задачи? Что должен делать в целях роста науки человек, который по безбрежному океану познания плавает не «без руля и без ветрил», а руководствуется выстраданной, проверенной, прошедшей через критическое сравнение с другими теориями, точкой зрения?

Он будет эту точку зрения защищать, бороться за нее. Ведь и наука знает своих борцов. Такие люди и двигали дело науки вперед; *они* были тем полезным общественным бродилом, которое обеспечивало рост научного познания, а вовсе не обыватели. *пугающиеся* определенной точки зрения. Последнее свойственно компиляторам, эклектикам par excellence.

И нам совершенно ясно, что в своих рассуждениях о «закабаленности» и «свободе» проф. Павлов совершенно зря *клевещет на самого себя.* В самом деле. Возьмите его сборник: «Двадцатилетний опыт об'ективного изучения высшей нервной деятельности животных». По одной этой книге можно видеть, что ее автор «с превеликим упорством» «*бьет в одну точку*». Но именно в этом-то и состоит достоинство работ проф. Павлова, что он в эту «точку» «бьет». Разве не так, наш почтенный оппонент?

С каким усердием акад. Павлов защищает эту *точку зрения* даже в лабораторных исследованиях, мы видим из заявлений самого автора теории условных рефлексов. Он, между прочим, пишет: ««Мы совершенно запрещали себе (в лаборатории был об'явлен даже штраф) употреблять такие психологические выражения, как: «собака догадалась», «захотела», «пожелала» и т. д.»» [1]).

---

[1]) Акад. *Павлов,* «Физиология и психология при изучении высшей нервной деятельности животных»,—указ. сборник, стр. 195.

Марксисты, «коммунисты» и «рабфаки», правда, еще не вводили штрафа за, скажем, употребление антропоморфических, телеологических или идеалистических выражений. Но они, несомненно, оправдали бы даже ту лабораторную «диктатуру рубля», которую ради науки устанавливали павловцы при своих экспериментах.

Как же, однако, все это вяжется с выпадами самого профессора против «закабаленной» точки зрения? Ведь малому ребенку ясно, что научная практика самогò Павлова стоит в самом резком, самом кричащем противоречии с его положениями о «свободе» и «кабале».

Чтò сказал бы акад. Павлов, если бы его критик, став в благородную позу защитника и рыцаря прекрасной дамы Свободы, разразился бы по адресу знаменитого ученого примерно следующей тирадой:

«Догматизм теории условных рефлексов или сторонников проф. Павлова... есть чистый догматизм, потому что они решили, что у них—истина; они больше ничего знать не хотят (совсем, напр., не слушают виталистов), постоянно бьют в одну точку и надоели со своими слюнными железами до смерти. Между тем наука и догматизм—совершенно несовместимая вещь... Сколько было крепких истин? Возьмите, напр., неделимость атома» и т. д., и т. д.

И что сказал бы проф. Павлов, если бы его критик обратился к нему и его ученикам уже с непосредственным увещеванием, примерно, в таком стиле:

«И если вы к науке будете относиться как следует, если вы познакомитесь с нею основательно, тогда, несмотря на то, что вы—сторонники теории условных рефлексов, «павловцы» и т. д., тем не менее признаете, что павловская теория, теория условных рефлексов, это вовсе не есть абсолютная истина, это—одна из теорий, в которой, может быть, есть частица правды, а может быть, и нет правды. И вы на всю жизнь посмотрите со свободной точки зрения, а не с такой закабаленной, и уж, конечно, никогда не будете штрафовать своих сторонников за вольные выражения, ибо ведь сказал поэт:

Над вольной мыслью богу неугодны
Насилие и гнет.

Мы не сомневаемся, что проф. Павлов с негодованием прогнал бы такого болтуна, даже если бы этот болтун имел большую бороду. Он сказал бы ему: «Не мешайте нам работать. Бросьте свою фразистую болтовню».

И он был бы совершенно прав. Очень опасным иногда бывает обывательское, некритическое употребление слов. Незабвенный Козьма Прутков писал: «Многие люди подобны колбасам: чем их начинят, то и носят в себе». Но «колбасам» подобны не только многие люди, но и многие словесные оболочки. Мы готовы бороться всеми силами за свободу общественных низов, за свободу от капитала, за свободу развития рационального начала над стихийным и проч. Но мы отнюдь не сторонники освобождения капитала от цепей пролетариата; мы не сторонники освобождения от цепей разума; мы не сторонники свободы от определенной точки зрения и т. д., и т. д.

Вот это нужно понять проф. Павлову. Ему нужно свести концы с концами в своих же собственных рассуждениях. Ему нужно сделать общественно-философские выводы из своих же материалистических предпосылок. Ему нужно разделаться с остатками *словесного фетишизма,* который еще тяготеет над ним, как только он заглядывает в область обществоведения.

Ему нужно понять то, что понял много лет тому назад даже либеральный *Тургенев.*

В «Стихотворении в прозе» есть один замечательный отрывок: «Житейское правило»:

«— Если вы желаете хорошенько насолить и даже повредить противнику, — говорил мне один старый пройдоха,— то упрекайте его в том самом недостатке или пороке, который вы за собою чувствуете. Негодуйте... и упрекайте!

Во-первых,—это заставит других думать, что у вас этого порока нет.

Во-вторых,—негодование ваше может даже быть искренним... Вы можете воспользоваться укорами собственной совести.

Если вы, например, ренегат,—упрекайте противника в том, что у него нет убеждений!

Если вы сами лакей в душе,—говорите ему с укоризной, что он—лакей... лакей цивилизации, Европы, социализма!

— Можно даже сказать: лакей безлакейства!—заметил я.

— И это можно,—подхватил пройдоха».

2. „Беспристрастие науки“, или проф. Павлов против проф. Павлова.

Проф. Павлов, критикуя мою брошюру «Пролетарская революция и культура», ссылается на свою об'ективность.

«Надо сказать, господа,—говорит он,—что я к делу отнесся чрезвычайно добросовестно... Мой обычай, когда я чем (нибудь. *Н. Б.*) интересуюсь, читать не один раз книгу, а... несколько раз... Я эту маленькую брошюрочку прочел целых три раза, прочел (с. *Н. Б.)* чрезвычайно напряженным вниманием и, как мне кажется... с возможным для меня беспристрастием. Вы понимаете, что я всю свою жизнь, стало быть, полстолетия, провел в лаборатории, в экспериментальной лаборатории. Это — что значит?—Что я каждый день проверял мое беспристрастие, мои мысли. Это—во-первых... Во-вторых, (я говорю о. *Н. Б.)* моем беспристрастии, потому что всегда действительность должна была решить—прав ли я или неправ. Действительность никак не обманешь».

Уже из этого подхода видно, как наивна постановка вопроса проф. Павловым. *Менделеев* был знаменитым химиком, но вряд ли кто-либо решится утверждать, что он был «беспристрастен» по отношению к самодержавию и не имел слабости к протекционизму в сфере экономической политики. *Ньютон* был гениальным ученым, но вряд ли он отличался беспристрастием по отношению к Апокалипсису. *Вильям Крукс* был признанным астрофизиком и выдающимся экспериментатором, но всем известна была его слабость по отношению к спиритизму. Разве эту «действительность» можно обмануть?

Да и проф. *Павлов* противоречит самому себе, когда говорит не о ком ином, как о проф. *Павлове.* Ибо вот как он, по его же собственному утверждению, познает общественную действительность:

«Моя жизнь,—говорит он,—проходит чрезвычайно просто: я знаю свою квартиру, свою лабораторию, абсолютно никого и ничего не вижу, следовательно, жизни в целом у меня нет. *По теперешним газетам понятие о жизни едва ли можно (составить. Н. Б.): они слишком пристрастны, и я их не читаю».*

И проф. Павлов поэтому читает наши *книжки,* а затем их «беспристрастно» критикует.

Посмотрим «в корень». Проф. Павлов «теперешних» газет не читает, ибо они пристрастны. Но раньше проф. Павлов газеты (не «теперешние»), конечно, читал. Следовательно, он их читал потому, что они были, в общем, беспристрастны или — скажем лучше и осторожнее — гораздо менее пристрастны, чем «теперешние». Это вытекает с неумолимой логикой из заявления проф. Павлова о методах его ознакомления с общественной жизнью.

Мы спросим теперь проф. Павлова: неужели прежние газеты, которые во время войны писали о ее целях, были беспристрастны? Неужели те Гауризанкары лжи о свободе, цивилизации, самоопределении малых наций, о кресте св. Софии и проч. и проч., которыми были наполнены «прежние газеты», представляются Павлову даже теперь, даже в свете послеверсальского «мира»—святой и беспристрастной истиной? Или это — *такая* действительность, которую *можно* обмануть?

Быть может, однако, газеты после февральской революции были беспристрастны? Тогда, когда они Ленина об'являли германским шпионом? Тогда, когда они воспевали Корнилова?

Ведь нужно же договориться проф. Павлову до конца, чтобы быть честным с самим собой, чтобы *осознать* действительность. Он «беспристрастно» не видит «пристрастия» буржуазных газет к буржуазии, но зато ему в высшей степени претит «пристрастие» «теперешних» газет к рабочему классу. *Так* стоит в действительности вопрос, а не как-нибудь иначе.

Но если у проф. Павлова есть этакое «беспристрастие» по отношению к нашим газетам, то у него должно быть примерно такое же отношение и к нашим книжкам или брошюрам. Только непоследовательностью мысли можно об'яснить себе «методологию» усилий проф. Павлова подойти к решению общественных проблем, когда он не читает газет, но читает доклады тех людей, которые этими газетами руководят. Ясно, что «ложная апперцепция» здесь заранее дана.

Характерно то, что иногда все же проф. Павлов подходит к правильной постановке вопроса, но только тогда, когда этот вопрос берется в совершенно другом логическом контексте. Он, например, пугает «коммунистов и рабфаков» ужасами гражданской войны в Европе и выдвигает при этом ссылку на конфигурацию общественных сил, ссылку, которая, сама по себе, в высшей степени правильна.

Он пишет:

«В случае гражданской войны это (военная мобилизация сторон. *Н. Б.)* пройдет через всюнацию. Если бы там оказалось больше на стороне революции материальной массы, то сколько бы оказалось ума, знаний и т. д. на другой стороне?»

Много ума и много знаний. Мы в этом согласны с акад. Павловым. Но неужели он не видит, что этим утверждением он вдребезги разбивает свои ссылки на беспристрастие людей науки? Почему же, — спросим мы акад. Павлова, — почему же ваши ученые, привыкшие к экспериментам, к проверке действительности и проч., почему они обнаруживают такое удивительное «беспристрастие», что становится *против* материальной массы? Нельзя ли здесь найти некоторую *об'ективную закономерность* такого «внешнего поведения» людей «ума, знаний и т. д.»? Почему это «Bildung und Besitz» становятся по одной стороне баррикады? Или, быть может, от господа бога так положено, что люди ума, знания и прочего обязательно должны быть настолько «беспристрастны», чтобы *обязательно* выступать против «материальной массы»? Но тогда чем же об'яснить «пристрастие» таких людей, как Тимирязев или Эйнштейн, к этой самой «массе»? Или чем тогда об'яснить тот поворот в головах интеллигенции, который происходит у нас, а отчасти и в Германии? И что же тогда остается от «беспристрастного» поведения людей науки вообще?

На все эти вопросы проф. Павлов не сможет ответить, если он будет стоять формально — на точке зрения формального же беспристрастия, а по существу — на точке зрения охраны буржуазного режима, который нуждается в формальном идеологическом прикрытии, т. е. на точке зрения, которая не может быть беспристрастна *по самой своей природе.*

После всего этого проф. Павлов, подходя к решению великой социально-экономической проблемы современности, благодушно поливает человечество розовой водицей успокоения. Прямо и непосредственно после совершенно правильного указания на то, *где* будут во время гражданской войны стоять силы «ума и знания», наш ученый с наивным (или наивничающим?) видом приходит к следующему «выводу»:

«Лично я, — заявляет профессор, — по своей профессии ученого, думаю иначе (чем коммунисты. *Н. Б.*)... Выход все-таки один, выход все-таки в науке, и на нее я полагаюсь и ду-

маю, что при помощи ее человечество разберется не только в своем состязании с природой, но и в состязании со своей собственной натурой... Так что для меня все-таки выход в развитии и в проникновении в человеческую массу научных данных. Они остановят человечество перед этим страшным видом взаимного истребления, на пролетарском или капиталистическом основании, — все равно».

Относительно знака равенства между империалистской и гражданской войной и пр. речь будет итти ниже. Здесь нам интересно вот что. Конечно, распространяться «о пользе наук и искусств» — в высшей степени наивно. Но, — спросим мы проф. Павлова, — *какие* же научные данные, из *какой* научной области, «исправят» «человечество»? Нужны ли такие данные, чтобы понять, что дырка в черепе от свинцовой пули не способствует здоровью носителя этого черепа? Что же даст в *этом* смысле, в смысле избавления от имперالистских войн, от эксплоатации, от колониального мародерства и проч. наука? Возьмем, напр., *химию*. Павлов признает, что люди науки *против* «материальной массы». Значит, они эту химию и повернут соответствующим образом. *Биологи и физиологи* помогут (и помогают) химикам: они открывают наиболее чувствительные места у организмов и дают директивы при выборе ядовитых газов. Или проф. Павлов думает, что *математика* спасет человечество? Или, быть может, *общественные* науки? Но здесь — да будет это известно проф. Павлову — существуют две *диаметрально противоположных системы:* одна из них—воинствующий марксизм, который, рассматриваемый прагматически, есть не что иное, как орудие революции; другая—буржуазные общественные науки, которые в целом являются не чем иным, как идеологической охраной частной собственности и капиталистического режима. Мы не в состоянии подробно доказывать это положение, в достаточной мере известное каждому «коммунисту и рабфаку», но, к сожалению, мало известное многим ученым профессорам. Мы ограничимся только несколькими, наудачу выбранными, примерами.

Вот перед нами лежит новое, очень «солидное» исследование известного австрийского экономиста *Ludwig'a Mises'a*: «Die Gemeinwirtschaft». Это произведение кончается на 503 странице таким выводом: «Является ли общество добром или злом (ein Gut oder ein Uebel)—об этом можно судить по-разному. Но

тот, кто предпочитает жизнь смерти, блаженство — страданию, благосостояние — нужде, тот должен приять и утверждать (bejahen) общество. А кто признаёт общество и желает его развития, тот должен также быть за *частную собственность* (Sondereigentum) на средства производства *без всяких ограничений и без всяких оговорок* (ohne alle Einschränkungen und Vorbehalte)».[1]).

Вот перед нами «углубленная» буржуазная общественная философия, представленная нашему вниманию *г. Бердяевым* в его последнем труде: «Философия неравенства» [2]).

Здесь мы читаем:

«Собственность, по природе своей, есть начало духовное, а не материальное... Начало собственности связано с бессмертием человеческого лица» (стр. 215).

«Аристократия есть порода, имеющая онтологическую основу, обладающая собственными, незаимствованными чертами. Аристократия сотворена Богом и от Бога получила свои качества» (стр. 105).

«Существование государства (разумеется, не какой-нибудь там Советской власти, а «всамделишнего», т.-е., в первую очередь, буржуазного государства. *Н. Б.*) в мире имеет положительный религиозный смысл и оправдание. Власть государства имеет божественный онтологический источник» (стр. 64).

«Творчество—аристократично» (25).

«Социальная революция и не может не напоминать грабежа и разбоя» (25).

«Безумны те из вас, которые думают достигнуть социального рая и блаженства... оставаясь в физическом теле, оставаясь подданными царства материальной природы и ее законов» (203).

«Потребительски-распределительный хозяйственный идеал социализма по существу не духовен и антирелигиозен. Это — рабий идеал. Совершенное питание с религиозной точки зрения — евхаристическое питание. В евхаристическом питании человек соединяется с космосом во Христе и через Христа. Тогда потребление и творчество совпадают, человек впитывает

---

1) *L. Mises*, «Die Gemeinwirtschaft», Jena, Gustav Fischer, 1922, S. 503.

2) *Николай Бердяев*, «Философия неравенства». Берлин, к-ство «Обелиск».

в себя космическую жизнь и из себя выделяет творческую энергию в космическую жизнь» (212).

Г-н *Н. Бердяев* — не первый встречный шарлатан, а «признанный» русский общественник и философ. Что же, прикажете *эту* «науку» считать за спасительницу мира? Эту чепуху, которую «выделяет» «в космическую жизнь» г. *Николай Бердяев?*

Вот вам один из русских *экономистов, г. Бруцкус*[1]). Он — человек более трезвый, чем г. *Н. Бердяев*. Вряд ли он склонен к наиболее совершенному «евхаристическому» питанию. Общественные столовые «Пресвятыя Троицы» и «Софии — Премудрости Божией» не особенно привлекательны для людей «позитивного» мышления. Да и «выделяет» г-н Бруцкус не столько в космическую жизнь, сколько в среду белой эмиграции, куда он был, по всем правилам современной биологии, «пересажен» Советской властью, и где он отлично «прижился». Так вот сей ученый поучает:

«...время требует более решительного отказа от догмы марксизма. Воспитанные в мечтах о социальном перевороте, рабочие массы могут немедленно приступить к разрушению суствующего общественного строя. Социалистам остается или благословить эти порывы масс и стать под знамя III Интернационала, или с полной решительностью отречься от марксистских идей Zusammenbruch'а и следующего за ним государства будущего. Они обязаны в последнем случае открыто сказать массам, что строй частной собственности и частной инициативы... нельзя разрушать, ибо на нем зиждется европейская цивилизация, ...ибо социалистический строй есть мираж, в погоне за которым можно прийти не в обетованную землю, а в долину смерти».

Г-н *Бруцкус* мудро умалчивает о том, что «строй частной собственности» неизбежно приводит к империалистским войнам, которые являются такой же интегральной частью современного капитализма, как проституция, сифилис, религия и водка. Гораздо развязнее держит себя другой обществовед, представитель русской *исторической* науки, профессор *Р. Ю. Виппер*. В своей последней работе: «Круговорот истории», проф. *Виппер* ставит все точки над «і».

---

[1]) См. *Б. Д. Бруцкус*, «Социалистическое хозяйство. Теоретические мысли по поводу русского опыта», Берлин, изд. Tritemis, предисловие.

«Война, — пишет он, — не уродливый нарост культуры, а ее органическое свойство, ее могущественный фактор».

«Война нужна для того, чтобы дать выход героическому началу в человеке, чтобы найти применение его энергии, духу изобретательности»...

Само собою разумеется, что, приглашая людей, ради усовершенствования духа изобретательности, «мало-мало резать друг друга», наш энергичный, изобретательный, героический профессор тут же заявляет, что резать людей можно лишь — выражаясь языком проф. Павлова — «на буржуазном основании», ибо «*в гражданской* войне честность и порядочность исчезают».

Все это г-н *Виппер* «придумал» только после революции. Его блестящие прежние исторические работы говорили совсем другое:

Были когда-то и мы рысаками.

Но теперь «nous avons changé tout cela».

Итог: что же, *эта* наука нас спасет?

Евхаристическое питание Бердяева?

Частная собственность Бруцкуса (разумеется, беспристрастного)?

Война Виппера?

Или тысяча этаких же «выделений», которыми полна общественная наука буржуазии, — наука, которая «зады твердит и лжет за двух» с усердием, поистине неприличным?

Разве можно так *наивничать* перед лицом потрясающих грандиозных событий современности? Разве можно не видеть, что из этого Назарета дует гнилой ветер смерти, тлена, разложения?

Беспристрастие науки в том смысле, какой придает ему акад. Павлов, есть *миф!* Мифотворчество же стоит в коренном противоречии с материалистической основой Павловского учения. И академику Павлову нужно здесь выбирать: или оставаться в сетях противоречий, или *уходить* от фактического *пристрастия* к тому строю частной собственности, который является альфой и омегой для «ликующих, праздно болтающих, обагряющих руки в крови».

Не мифотворчество нужно нашему времени, а бесстрашное и мужественное понимание действительности. Не сладенькое самоутешение и не страусовы повадки, а «физическая сила

мысли» и стальная воля, необходимые для того, чтобы победоносно пройти, хотя бы с сотнями рубцов на теле—через историческую полосу мучительного и, вместе с тем, великого времени, в которое мы живем.

3. О шансах мировой революции, или павловский тупик номер первый.

Для того, чтобы правильно ориентироваться в фактах современности, нужно, прежде всего, понять всю грандиозность исторического перелома, который переживается человечеством. Только тогда можно будет выбирать и надлежащие *масштабы* для оценки тех или иных исторических событий нашего времени. Обычная ошибка очень крупных людей (в первую голову ученых) «старого мира» состоит (если мы говорим о *логической* стороне дела; логика же опирается на психологию, в свою очередь, являющуюся функцией социального бытия) в том, что при оценке катастрофы всего старого уклада тщетно тщатся приложить масштабы, мерки, критерии, взятые из привычной, сросшейся с мозгами этих людей, практики мирного, спокойного, так называемого «нормального» капиталистического бытия. Это все равно, что Гулливеру натягивать штанишки младенца-лиллипута или измерять аршинами расстояние от земли до созвездия Ориона. Гулливеру нужны гулливеровские штаны, а для измерения межпланетных пространств употребляется, как известно, такая мера, как световой год. Но то же mutatis mutandis мы должны иметь в виду и для сферы общественных наук: нужно знать, что в нашу эпоху необходимо выбирать критерии не совсем обычного или, вернее, совсем не обычного типа.

Предпослав дальнейшему изложению это предварительное замечание, мы переходим к анализу «опровержений», которыми академик Павлов «опрокидывает» наше учение о революции.

«В этой книжке, — говорит ак. Павлов про брошюру пишущего эти строки,—прежде всего остановил мое внимание тот же пункт, который поразил меня в прошлом году в другой книге, в «Азбуке коммунизма». Это именно категорически высказываемое предположение, что пролетарская революция или коммунистическая революция может победить только как мировая революция, т.-е. в мировом масштабе».

«Вот моя мысль остановилась на этом пункте в первую голову. Но какие есть доказательства, что такая революция обобщится, что она действительно сделается мировой?.. И вот, сколько я ни роюсь в впечатлениях от жизни... я не вижу того, что бы указывало *на возможность мировой революции*».

«Лидеры нашей правящей партии верят в то, что мировая революция будет, но я хочу спросить: до каких же пор они будут верить? Ведь, *нужно положить срок*. Можно верить всю жизнь и умереть с этой верой».

«Должны быть *осязательные признаки, что это имеет шансы* быть, а где эти признаки?»

Профессор Павлов переходит далее к анализу об'ективного положения вещей со своей «беспристрастной» точки зрения. Мы приведем сперва результаты этого анализа, по возможности текстуально.

«Возьмите крупнейшие державы, — говорит наш оппонент, — которые в своих руках держат судьбы наций, как Франция, Англия, Америка: там никаких признаков нет, *тишь да гладь*... А между тем они сейчас в руках своих держат мир, *от них все зависит, они—сохранившаяся сила*.

Где идут беспорядки, где *похоже* на революционный взрыв, — это *в побежденных странах, в Германии* прежде всего, в *Польше* (тут проф. Павлов делает промашку, ибо Польша вовсе не побежденная страна. Но этот lapsus можно извинить. *Н. Б.*). Почему? Именно потому, что они—*побежденные страны*. Германия находится в страшно трудном положении, *потому что она начала войну*, воевала с целым светом, *и теперь нужно расплачиваться со всем светом*. Откуда взять такие рессурсы? По иностранной прессе не поймешь (а по русской, может, и поймешь, да Вы ее не читаете. *Н. Б.)*, не то она хочет платить, не то не может платить контрибуцию, *как полагается побежденной стране*. **Но это ничего общего с революцией не имеет...** Где те элементы, которые могут сделать революцию? Буржуазия не за революцию (еще бы! *Н. Б.*). Наиболее организованная часть (рабочих. *Н. Б.)*, социал-демократы, против этой революции. Кто же ее может сделать? Значит, ее сделает *ничтожная там компартия?*.. Какие у них рессурсы?..

Теперь то же в *Болгарии*. Но это — побежденная страна, дикая страна. Что это за шансы для мировой революции? Я их не вижу при всем своем беспристрастии».

И проф. Павлов подводит по этому пункту такой итог: наша революция «стоила нам невероятных издержек, страшнейшего разрушения; а что если это все *впустую*, если мировая революция *не случится?*.. Тут я мучаюсь, и моя мысль бросается во все стороны, ища выхода, и его не находит. *Вот это — тупик»* [1]).

Проф. Павлов читал свою лекцию несколько месяцев тому назад. Но те сдвиги, которые получились за это время, лучше всего показывают, насколько неверна оценка положения проф. Павловым. Прежде всего, остановимся на приеме, который применяется нашим оппонентом.

В Германии — *похоже* на революцию, *но* это — побежденная страна.

В Болгарии *похоже* на революцию, *но* Болгария — дикая страна.

В Польше *похоже* на революцию, но она слабая (или еще какая-либо: проф. Павлов ошибочно причисляет ее к побежденным) страна и т. д., и т. д.

Прекрасно. Пусть Болгария — дикая и побежденная, пусть даже Польша будет сопричислена к побежденным странам. Но почему же все это служит аргументом против «обобщения» русской революции? Что капитализм лопается, начиная с своих наименее крепких звеньев (а следовательно, начиная со стран, **наиболее** подорванных войной 1914 — 1918 г.г.), это — бесспорно. Мы об этом неоднократно писали, и теоретически дело совершенно понятно. Но разве это опорочивает самый *факт* революции или *факт* глубоких революционных брожений? Ведь, этак рассуждая, можно об'явить, что и русская революция, это — не революция (ибо Россия была и побежденной, и изрядно дикой страной), что никакой революции вовсе и не было и что все выдумали большевики (кто выдумал самих большевиков — в данной связи остается, очевидно, неисследованным). Еще более наивны фразы акад. Павлова относительно Германии. Эта последняя, изволите ли видеть, «находится в страшно трудном положении, *потому* что она начала войну, воевала с целым светом и теперь ей *нужно* расплачиваться со всем светом». Поистине, тут прямое *отступничество* от какого бы то ни было «об'ективного метода». Оставляем в стороне вопрос

---

[1]) Во всех цитатах подчеркивания сделаны мною. *Н. Б.*

о том, кто «начал» войну (акад. Павлов здесь еще все живет под гипнозом «Биржевки» и ее коллег). Пусть ее начала Германия. Но разве *поэтому* она теперь в «трудном положении»? А не потому, что она была *бита?* И не потому, что ее *грабят?* При чем эта *мораль* в исследовании причинных соотношений? Это все равно, что «опровергать» теорию Павлова ссылкой на то, что хозяйка мопса, попавшего в греховную павловскую лабораторию, была мало добродетельна, и *поэтому* опыты Павлова имели успех. Аргументация, достойная «вумного» батюшки в рясе: «покарал Господь-Бог Германию за грехи ее — вот и похоже дело на революцию».

Вспомним все же кое-какие факты, ту самую действительность, о которой любит говорить наш оппонент. Мы знаем твердо следующее. После войны были революции:

в России — *две,* обе победоносные,
в Германии — одна, победоносная, и ряд восстаний,
в Австрии — одна,
в Венгрии — две,
в Финляндии — две,
в Болгарии — две,
в Польше — одна, и т. д.

Мы не говорим уже о китайской революции и постоянном брожении в колониях, — в Индии, например.

Что же, все это — *факты* или большевистская блажь? А если это — факты, то как можно утверждать, что русская революция не обобщается, и что нет даже осязательных признаков этого обобщения? Мы очень сожалеем, что акад. Павлов не читал газет: может быть, поэтому он «верит», что короны Вильгельмов, Карлов и проч. продолжают еще существовать на головах этих монархов...

Но шутки в сторону. Совершенно очевидно, что мировая революция есть *факт.* Но что она находится в определенной *фазе* своего развития, когда пролетариат захватил только одну шестую суши, а не шесть шестых, это — тоже факт. Можно теперь спросить себя, куда же идет *дальнейшее* развитие мировой революции?

Или, быть может, мы имеем перед собой процесс революционного *упадка* и развития, укрепления, роста *капиталистических* отношений?

Послушаем некоторых «людей ума и знания».

«Перед нами—бессильная, бездеятельная, дезорганизованная Европа, разделенная внутренними распрями, национальной ненавистью, содрогающаяся в усилиях борьбы и муках голода, полная грабежа, насилия и обмана. Чем можно доказать, что эта картина написана в слишком мрачных красках?»

Так пишет мистер *Кейнс*[1]).

«Мы наблюдаем в Европе явление необычайной слабости со стороны великого капиталистического класса, который вышел из промышленных триумфов XIX века и несколько лет тому назад казался нашим всемогущим повелителем. Запуганность и личная робость членов этого класса стала теперь так велика, их вера в свое общественное назначение, в свою необходимость для социального порядка до такой степени ослабела, что они легко становятся жертвами устрашения»[2]).

Это говорит английский экономист, профессор, признанный правительственный эксперт.

Вот вам итальянский экс-министр, профессор и финансист *г. Нитти.*

«Революция, — пишет он, — находится в своем начале... Вся Европа проникнута революционным духом. Существует не только недовольство, но ярость и гнев рабочего класса, направленные против условий его существования. Население всей Европы начинает сомневаться в закономерности современного политического, социального и экономического порядка»[3]).

Немецкий приват-доцент *г. Шульце:*

«Почва для подобного (европейского. *Н. Б.)* умопомрачения лучше всего подготовляется всеобщим недоеданием и отчаянием. Шаман постится несколько дней, готовясь к экстатическим действиям. Если целые народы вынуждены длительно поститься, они попадают в такое же исступленное состояние» и т. д.[4]).

Французский экс-министр *г. Кайо* резко критикует современное положение вещей в Европе. И — знаете, проф. Павлов,

---

[1]) *Кейнс,* «Экономич. последствия Версальского договора», Гиз, 1922 г., стр. 140.

[2]) Ibid., стр. 133.

[3]) *Ф. Нитти,* «Европа без мира», Гиз. 1923, стр. 83.

[4]) *Э. Шульце,* «Развал мирового хозяйства», Гиз, 1923, стр. 348.

как он оценивает русскую революцию, о которой Вы думаете, не «впустую» ли она? Вот как:

«Советские люди — справедливость требует признать это — подошли к проблеме. Сознательно или нет — они попытались ослабить экономическую неустойчивость, подчиняя промышленность и ее развитие общественным интересам... Какое же решение задачи предлагает другая сторона? Status quo! Спокойное и удобное Laissez faire!» [1]).

А вот вам описание европейского положения в солиднейшем, архиспокойнейшем органе английской буржуазии, «Economist'e»:

«Наш германский корреспондент, которого... невозможно обвинить в том, что он стоит на стороне Германии (of being pro-German), сообщает:

«Текущие события доказывают без всякого сомнения, что Франция не преследует цели восстановления, а систематически уничтожает жизнь в Германии (is systematically, crushing the life out of Germany» [2]). «Правда о всем положении вещей в целом, как внутреннем, так и внешнем, такова, что Франция схватила Германию за горло и систематически уничтожает ее жизнь» [3]).

Мы нарочно приводили отзывы людей, которых никто не заподозрит в склонности к «правящей в России партии», «коммунистам», «рабфакам» и прочим металлам и жупелам буржуазного сознания.

Большинство «свидетельских показаний», приведенных выше, не захватывает самого последнего времени. А что говорят события именно *этого* времени? Они *целиком* против академика Павлова. Центральная Европа стремительно идет ко дну. В Германии кризис экономический, политический, социальный неоспорим. «Маленькая» компартия стала *решающей* силой. Прочность капиталистического режима в целом не только не увеличилась, а уменьшилась,—это ясно теперь даже слепым.

А что такое «рабочее правительство» Англии? Оно, быть может, недолговечно — мы этого не знаем. Но *факт* его есть

---

1) *Кайо*, «Куда идет Франция? Куда идет Европа?», Гиз, 1923, стр. 176.

2) «Economist», Oct. 6, p. 511.

3) Ibid., 522.

доказательство того, что даже в самой могущественной, наименее от войны пострадавшей, европейской державе, с ее шлифованным консерватизмом, прочными традициями, ручным рабочим классом, священным почтением всех слоев общества к церкви, королю, цилиндру и ростбифу, что даже в *такой* стране буржуазия не может править своими «нормальными» методами. С этой точки зрения рабочее правительство г. Мэк-Дональда есть такое же *выражение растущего общеевропейского кризиса капитализма* (его революционного кризиса), *как и гамбургское восстание немецких рабочих*.

Если бы проф. Павлов выдерживал об'ективный метод исследования, который он так удачно применяет к собакам, по отношению к исследованию человеческого общества, он, быть может, понял бы современную обстановку.

Из европейской капиталистической «системы» выдернута бывшая царская Россия. Соотношения между остальными частями «системы» весьма далеки от «взаимного уравновешивания». *Динамика* отношений теперь вырисовалась с полной отчетливостью: это — динамика европейского *распада* и динамика действительного «*восстановления*» в наших советских странах, — восстановления, которое *стало возможным исключительно благодаря переорганизации социальной структуры этих стран*. Внутри нашего Союза мы уже, так сказать, вчерне, достигли уравновешивания социально-классовых элементов на основе пролетарского господства. Не даром Ленин, вождь интернационального пролетариата, стал национальным героем нашей страны. А *внешнее* равновесие «советской системы» развивается с постоянным *плюсом* в нашу сторону. Разве это можно отрицать теперь, после признания со стороны Англии и Италии? Обратный математический знак имеется в «развитии» Западной Европы. Другими словами: среди европейского хаоса отложился твердый кристалл нашей диктатуры: именно он становится центром европейского притяжения и фактором разложения подгнивших старых форм. А проф. Павлов не видит «осязательных признаков» нашей победы!.. Не видит того, что видят уже господа Кайо и К°!

Даже если бы пролетариат Центральной Европы оказался не в состоянии прочно победить, *даже* в этом гипотетическом случае мы имели бы все же *своеобразную* полупобеду революции в Центральной Европе. Ибо тогда все же невозможным

оказалось бы восстановление *капиталистических* отношений. Европа длительно гниет. Ее избыточное население выталкивается из сферы производительного труда. Лучшие, наиболее смелые, решительные, энергичные люди из рабочего класса, технической интеллигенции и даже — horribile dictu — из ученого сословия эмигрируют к нам — в страну, которую несколько лет тому назад считали страной «варваров-большевиков», — вот картина нашего будущего в *таком* случае. А наш Союз поднялся бы во весь рост, как *пролетарская*, трудовая Америка. Так что, повторяем, *даже* в этом, *худшем* с точки зрения победоносного ритма революции, случае, мировая революция, т.-е. перестройка социально-экономических отношений, обеспечена.

Мы уже не говорим о другом. Проф. Павлов не хочет даже подумать над вопросом, когда он спрашивает себя, не «впустую» ли пошли все издержки революционного процесса. Они, наш почтенный оппонент, не пошли «впустую» с точки зрения об'ективного анализа, *даже* если бы революция *у нас* не удержалась на своей пролетарской основе. Ибо только эта революция и только руководство в ней партии большевиков обеспечили очистку России от остатков феодализма, железной метлой вымели весь царско-помещичий навоз, сняли феодальные путы с дальнейшего развития страны. Если не рассматривать исторического процесса под углом зрения целости кисточек у занавеса или гербов на фарфоровой ночной посуде, если понять, что старые отношения *об'ективно* стали невозможны, тогда не приходится плакать в подушку и спрашивать себя, не «впустую» ли «случилась» революция. Даже от'явленные идеологи реакции, начиная с Жозефа де-Мэстра и кончая Бердяевым, понимают это. Нам, коммунистам, совсем не приятно думать о перспективе нашего превращения в удобрительные туки нового могучего капиталистического цикла, ибо тогда мы *об'ективно* оказались бы самыми смелыми и решительными творцами последовательной *буржуазной* революции. Но не трудно сообразить, что и тогда революция не оказалась бы пустой и кровавой игрой, как это мерещится проф. Павлову.

Действительность, к которой апеллировать — в этом проф. Павлов прав — совершенно необходимо, превращает, однако, этот последний вопрос в «akademische Frage», в академиче-

ский (в плохом смысле этого слова) вопрос. Ибо, как мы показали выше, капитализм в Европе *гниет*, а мы укрепляемся. Это есть коренной факт, которого не опрокинешь никакими софизмами.

Проф. Павлов ставит вопрос *о сроках* коммунистической победы и думает, что его постановка вопроса очень остроумна. А на самом деле она до бесконечности *наивна*.

О каких «сроках», в сущности, идет речь? О сроках всемирной пролетарской победы? Или о сроках европейской победы? Или о сроках германской? О чем, в сущности, спрашивает нас проф. Павлов?

Если речь идет о всемирной победе, то тут мы ничего не можем сказать. Но об этаких сроках смешно и спрашивать. Победа *капитализма* была начата английской революцией в XVII столетии. Последняя *буржуазная* революция в *Европе* была в феврале 1917 года, — революция, опрокинувшая помещичий политический режим самодержавия. На очереди еще *стоят* буржуазные колониальные революции, которые получат, однако, иной смысл в силу совершенно особого исторического контекста. Разве есть сомнения в том, что перестройка *капиталистических* отношений вплоть до Азии, Африки и т. д. займет *целый исторический период*? Нужно же видеть исторические масштабы, нужно понять всю грандиозность переворота. Теперь дело пойдет *быстрее*, чем в буржуазных революциях, в силу гораздо бо̀льшей взаимозависимости *частей мирового* хозяйства, которого не было в XVII столетии. Но ясно, что сам вопрос о сроках в этом смысле *нелеп*. Хорош был бы англичанин, который похлопывал бы по плечу Кромвеля и уныло допрашивал его на предмет сроков, *когда* слетит *последняя* корона с головы *последнего* ее носителя! Александр Сергеевич Пушкин мечтал об этом «акте»:

Народ мы русский позабавим
И у позорного столба
Кишкой последнего попа
Последнего царя удавим.

Сие событие произошло позже на целое столетие, да и не совсем в такой форме. Но что можно было бы сказать нашему гипотетическому англичанину-скептику с точки зрения объективного «исторического разума»? Вряд ли этот последний выдал бы ему удовлетворительный диплом.

Может быть, можно допрашивать насчет сроков *общеевропейской* революции? И это мало остроумно по тем же причинам.

О чем же можно спрашивать? В первую очередь о *тенденциях развития.* Вот если бы проф. Павлов опровергнул наши положения, что в Центральной Европе дела *запутываются,* а у нас *распутываются,* тогда он имел бы право на свой скептицизм или свое издевательство над нашей «верой». Не «вера» у нас решает, профессор! У нас есть *уверенность,* основанная на холодном научном (об'ективном) анализе. А вот у Вас есть действительно *вера,* нелепая, консервативная, стихийная, привычная вера в прочность буржуазного порядка вещей. «Вера есть уповаемых извещение, вещей обличение невидимых». Вы продолжаете *уповать* на старый порядок. *Вы невидимую и несуществующую* прочность капиталистических отношений принимаете за реальный факт. И здесь Вы расходитесь с теми требованиями науки, которые Вы считаете правильными, когда речь идет о Вашей специальности. Еще один пример того, как *опутывает* капитализм даже лучшие головы, как сужает он горизонты даже наиболее выдающихся людей!

Но проф. Павлов пытается возражать. Он говорит о моей контр-атаке на «буржуев разных оттенков» и признаёт коечто из указанных фактов разложения. Его ответ по этому *важнейшему* пункту очень короток. Вот он:

«Это (т.-е. европейская неразбериха. *Н. Б.)* понятна, потому что война была действительно ужасная, на редкость истребительная. Затем перетасовка народов и государств произошла чрезвычайная... Конечно, *невозможно* **скоро** *привести в спокойствие так раскаченное равновесие*».

Этот ответ поистине великолепен. И в нем опять сквозит то же «беспристрастие» академика Павлова, которое является по сути дела подсознательным *пристрастием* к буржуазному режиму.

В самом деле. Да будет и нам разрешено спросить у проф. Павлова *о сроках.* В какие же *сроки* следует ожидать «приведения в спокойствие так раскаченного равновесия»? Пожалуй, «можно», — говоря словами проф. Павлова, — «верить всю жизнь и умереть с этой верой». Не правда ли? И позвольте переадресовать Вам еще один пикантный вопрос: «Должны быть осязательные признаки, что это имеет шансы быть, но где же эти признаки?».

На все эти вопросы у проф. Павлова *нет* и *не может* быть ответа. Ибо *факты* против него. Ибо у *нас* равновесие создается, а у «них» еще более «раскачивается». Умереть с верой в прочность капитализма проф. Павлов может, но мы бы от всей души не пожелали ему такой веры: слабое утешение для такого сильного ума.

У старого мира нет будущего. У него нет поэтому никакой великой об'единяющей идеи, которая бы сплачивала людей, цементировала их отношения. Параллельно с хозяйственно-политической наклонной, упадочной, линией бежит и линия идеологического распада. Шпенглеры, Кайзерлинги, теософы, восточные мудрецы, гадалки, негритянские танцоры, курильщики опиума, святые пророки, утонченные эротоманы, отвратительные скептики, Штейнеры, Андреи Белые, кликуши обоего пола, заумники всех мастей — вот герои современного капитализма.

Передо мною интереснейшее исследование немецкого профессора *Frobenius'а* — «Das unbekannte Afrika». В этой работе почтенный профессор хватается за негров и старинную культуру их, как за последний якорь спасения. «Страсть к далекому» (Sehnsucht nach Fernem), к «наивному и нетронутому», «бегство из атмосферы пота и машины» [1]—двигают его на научные подвиги. В Африке его удивляет прежде всего тупой консерватизм отношений: «Welches gewaltige Beharrungsvermögen!» [2]). «Монументальный покой»—вот идеал. Африка, видите ли, спасет мир! Раньше, до войны, кричали в воинственном азарте:

Nach Afrika! Nach Kamerun!

Теперь хватаются, несчастные и жалкие, за допотопные реликвии, чтобы приобщиться к истоку жизни. Но чудес не бывает. Трупы не оживут. Зато *рабочий класс* продолжит дело культуры и цивилизации. Он не боится ни запаха пота, ни шума машин. И твердой рукой он будет делать свое всемирно-историческое дело.

---

1) *Frobenius*, «Das unbekannte Afrika». S. 3.
2) Ibidem, 13.

4. Об'ективное значение революции и второй тупик мысли проф. Павлова.

Академик Павлов великодушен: он готов сделать нам «уступку» и признать, что, по крайней мере, *наша*-то революция есть факт (да благословят его боги г-на Бердяева!). Но—думает наш профессор—ведь, по случаю этого факта не «осанну», а, пожалуй, «караул!» кричать надо.

«Затем,—пишет он,—если бы в элементах нашей революции было бы что-нибудь такое, что могло бы пособить, это другое дело. Вот вы несчастны, а мы очень счастливы, мы поможем вам, как выйти из этого затруднительного положения. *Но этого ничего нет*».

Теперь эта «злая» (в ковычках) ирония проф. Павлова над *нами уже* превратилась в злую (без ковычек) иронию проф. Павлова над проф. *Павловым.* Ибо, когда, например, коллеги нашего оппонента на с'езде ученых постановляют оказать помощь ученым Германии, когда то же делают наши профсоюзы, то за этими, сравнительно мелкими, фактами на самом деле скрывается целый принципиальный переворот, опрокидывающий целиком павловские построения. Мы далеко еще не «счастливы», а вот жиры германским ученым посылаем, хлеб рурским рабочим посылаем, вообще налаживаем экспорт в Германию, а своей вооруженной мощью (одним фактом ее существования) удерживаем кое-кого от окончательного раздела Германии. Что же, все это не факты и не действительность, которую так любит (как «категорию») проф. Павлов? И если проф. Павлов любит действительность (критерий истины) не платонической любовью, die keine Kinder produziert (ибо платоническая любовь чрезвычайно мало подходит к стилю физиолога-экспериментатора), то не пора ли сделать кое-какие *практические* выводы?

Необходимо, прежде всего, *осмыслить* вышеприведенные факты.

Основной вывод, который нужно сделать, это — тот вывод, что *большевистская революция спасла страну от разгрома и превращения в колонию.*

Понимает ли проф. Павлов, что кроме пролетариата и его партии в России не было силы, которая могла бы вывести ее

из империалистской войны и уберечь ее от настоящего разгрома и разложения? Пробовал ли он хоть примерно подсчитать, что стоили России одни *проценты* по государственному долгу? Читал ли проф. Павлов, как хозяйничали японцы, англичане, французы и проч. на территориях, занятых в свое время белыми? И так далее и тому подобное.

Неужели теперь, даже теперь, непонятно, что один выход из войны и неплатеж долгов являются двумя фактами, которые определили *жизнь* страны, как самостоятельной величины? Неужели это нужно еще *доказывать?*

Но спасти страну и *защитить* ее мог только рабочий класс и крестьянство. Почему?

Потому, что тут нужно было пробуждение величайшей *активности масс.* Эта активность масс могла быть стимулирована, разожжена исключительно тогда, когда крестьянин получил землю, рабочий взял фабрики и власть. Другими словами, социально-экономический и политический переворот был *об'ективной предпосылкой сохранения* того комплекса, который назывался Россией. Только потому, что была пробуждена активность миллионов рабочих и крестьян, что они могли развить беззаветную, безграничную, героическую преданность революции в ее борьбе с врагом, только потому мы стали, на *новой* основе (ибо старая об'ективно изжила себя), великой державой. Неужели это так трудно понять?

Это *общенародное* значение «узко-*классовой*» большевистской революции и есть основной признак того, что старый уклад жизни изжил сам себя: невозможна стала экономическая старая увязка; невозможна стала старая увязка между классами; невозможно—об'ективно невозможно—стало прежнее соотношение в области политической надстройки; лопнуло равновесие старого типа (империалистского типа) между различными национальными элементами. «Нужна» была в данных условиях *радикальная общественная переорганизация.* Только она и обеспечила *жизнь* стране, *возможность дальнейшего развития.* Этой возможности не видели близорукие идеологи буржуазии, для которых свет клином сошелся на священном принципе трижды священной частной собственности, с ее «религиозно-онтологической основой». Но теперь эта возможность *уже* реализуется, и параллельные синхронистические таблицы германского и российского развития были бы лучшей

иллюстрацией к опровержению «опровержений» проф. Павлова. Ибо мы *еще* не «счастливы», но *становимся* «счастливее». А Германия *уже* не «счастлива» и *становится* все более несчастной. Так—и только так—можно ставить вопрос.

«Возьмите Германию,—возражает нам, однако, проф. Павлов,—она мучается, потому что побеждена, потому что должна платить непомерно много. А как бы—желал бы я знать—как ей пособит пролетарская революция? Теперь они все-таки, за исключением маленькой кучки, соединены между собой, а тогда они образовали бы стан враждующих друг с другом людей. И почему это вывело бы их из тяжелого положения, в котором они находятся? Я этого опять не представляю себе, и я опять в тупике. Конечно, кончилось бы тем, что Франция тем скорее эту Германию обработала бы, заняла бы еще бо́льшую территорию, отняла бы бо́льшие ценности, если бы они (т.-е. немцы. *Н. Б.)* устроили (! *Н. Б.*) гражданскую войну. Я совершенно не понимаю, каким образом это (т.-е. выход из затруднений. *Н. Б.)* бы вышло, и *опять становлюсь в тупик. Ответа нет*».

Аргументация проф. Павлова удивительно проста, прямо трогательна в своей святой простоте, до того трогательна, что невольно вспоминаешь старушку Иоганна Гуса: О, sancta simplicitas!

В самом деле. Проф. Павлов выставляет, по сути вещей, один *единственный* аргумент: если «они»—вместе, то «они»— сильнее. Если «они» идут друг против друга, то «они»—слабее. Но такой постановкой вопроса проф. Павлов *снимает с обсуждения самую основную* проблему. Ибо основная проблема современности и состоит в том, *кто* склеивает общество, рабочий класс или буржуазия. *Предпосылкой* является кризис теперешнего соотношения, *фактический* кризис. Ибо где это проф. Павлов видел, что «все немцы», «за исключением маленькой кучки», «соединены между собою»? Ведь, это *смеху* подобно, такое утверждение. В Германии идет восстание за восстанием, Германия *расчленяется*, борьба классов невиданная, а проф. Павлов толкует о «маленькой кучке».

Правда, когда проф. Павлов читал свою лекцию, многих фактов еще не было. Но в том-то его, Павлова, и беда, что он не видит *об'ективных тенденций* развития и распада. Не видит — или *не хочет* видеть. Раскол между классами *на-лицо*.

Можно ли восстановить *старое* равновесие **или** нужно искать *новой* общественной установки—вот в чем вопрос. Другими словами: сможет ли буржуазия скрутить пролетариат или пролетариат должен скрутить буржуазию и, переорганизовав общество, вести борьбу за его существование. *Только* так можно ставить проблему. Павловская постановка ее никуда не годится потому, что она не видит вопроса самого существенного, того, который навис над миром во всей его громадности.

Посмотрите, далее, на ход мыслей проф. Павлова по этому пункту. Ведь *все* его рассуждения, от слова до слова, с таким же правом могли бы быть «применены» и к русской революции. Представим себе период мировой войны, то время, когда царская армия начала терпеть поражение за поражением. Проф. Павлов мог бы слово в слово повторить свои аргументы. Был бы он прав? Нисколько. Потому, что он не видит больших исторических, совершенно об'ективных, детерминант, которые соответствующим образом расставляют классы и определяют *волю* этих классов (или, если хотите, их «внешнее поведение»—в данном случае это совершенно безразлично). Во время войны сначала была, действительно, «маленькая кучка» ее решительных противников. Но нужно же понять, что эта «кучка» могла стать могучей силой *только* потому, что об'ективные условия жизни ставили массы в такое положение, когда они *неизбежно* должны были восстать. *Неизбежно*—понимаете ли вы это, сторонник об'ективного метода?

То же сейчас и в Центральной Европе. А при таком положении проповедь классового мира будет поповской проповедью, которая от масс все равно будет отскакивать, как от стены горох. Она будет, в лучшем случае, той слюнявой, «гуманной» *фразой*, которую извергают «в космическую жизнь» никчемные, не способные ни на какое действие, не приставшие ни к какой крупной общественной силе, юродствующие интеллигенты, «люди-слизни, люди-трава», как их называл когда-то Герцен. Эта расслабляющая проповедь *об'ективно* ничего, кроме вреда, никогда не приносила и не принесет.

Ну, а теперь самый «ужасный» вопрос, который привел в тупик проф. Павлова: *почему* же революция поможет; (или, говоря по-кантиански: «как возможна об'ективно полезная роль революции». Что же: правда, что на этот вопрос *нет* ответа?

Vous vous trompez, monsieur! На *этот* вопрос ответ дала, прежде всего, *сама жизнь*. Наша революция уже ответила, *как* «это» происходит. Мы подробно останавливались на этом несколькими строками выше. Стоит только немного подумать, чтобы увидеть «значимость» этих строк и для Германии.

Теперешнее германское правительство есть правительство «кучки». В условиях общего кризиса оно *не может* защищать Германии и поэтому будет об'ективно способствовать ее разложению, несмотря на все свои усилия. Мобилизация масс происходит не *за* правительство, а *против* него. Между тем. спасти Германию может только такое правительство, которое опирается *на массы*, их мобилизует, их ведет.

«Франция все отнимет, все разорит». А почему у нас Франция плюс Германия+Англия+ «и так далее» *не смогли* отнять наших завоеваний? *Именно* потому, что на защиту *своей* страны (а не страны денежного мешка) встали *массы*. У Германии, правда, нет таких пространств, какие были у нас, пространств, которые давали нам возможность маневрировать и выигрывать время («я уступаю пространство, чтобы выиграть время», говорил тов. Ленин во время брестских дебатов внутри нашей партии). Но мы были *одни*, а теперь *уже* есть такая база революции, как весь наш Союз. И — скажите, пожалуйста, по-совести: если бы ряды революционных масс сомкнулись от Рейна до Владивостока, *какая* сила могла бы их победить? *Какая* сила могла бы сосать жизненные соки из Советской Германии? И неужели, действительно, непонятно. *чем, как и почему* помогла бы Германии победоносная пролетарская революция?

Этот революционный выход не только возможен, но он— в той или другой форме—*исторически необходим*.

А вот у проф. Павлова—действительно пиковое положение, воистину хуже губернаторского.

Обретши у *нас* несуществующий тупик, он пишет:

«Когда автор говорит о перспективах капиталистического мира, он обращает внимание на то, куда устремилась энергия и мысль этой капиталистической Европы. Именно на выделку чрезвычайных истребительных средств, на пушки, на аэропланы, которые летают одни и разрушают города и т. п. Право, это ужасная картина, и если бы все эти истребительные средства были пущены в ход, это угрожало бы истреблением чело-

вечеству. Конечно, перспективы ужасные, *если только человечество* (!) *не придумает* (!!!) *чего-либо* (?!) *смягчающего (!!?!)»*.

М-да. Утешили вы, профессор Павлов, человечество!..

Это уж почти совсем по Щедрину:

«Карась—рыба смирная и к идеализму склонная: не даром его монахи любят».

« — Надобно, чтоб рыбы любили друг друга!—ораторствовал он,—чтобы каждая за всех, а все за каждую—вот когда настоящая гармония осуществится!

« — Желал бы я знать, как ты с своей любовью к щуке под'едешь!—расхолаживал его ерш.

« — Я, брат, под'еду!—стоял на своем карась,—я такие слова знаю, что любая щука в одну минуту от них в карася превратится!

« — А нутка, скажи!

« — Да просто спрошу: знаешь ли, мол, щука, чтó такое добродетель, и какие обязанности она в отношении к ближним налагает?»

Увы! У проф. Павлова нет даже таких *слов*... А карася-то щука все же, как известно, проглотила.

5. Ужасы гражданских войн, или третий тупик проф. Павлова.

Предлагая «человечеству» свое «смягчающее» (не хотите ли, граждане, «смягчающего» на полтинник?), — при чем толком не поймешь, что же это, в конце концов, за штука, сия касторка для страждущего человечества,— проф. Павлов обрушивается изо всех сил на *не*-«смягчающее» средство гражданских войн. И тут—так уж, очевидно, ему на роду написано—попадает в свой очередной тупик, чему читатель, впрочем, перестал уже, наверное, удивляться: «привычка—вторая натура».

Но, позвольте,—восклицает И. Павлов,—а что же в этом будущем ужасном положении пролетарская революция могла бы сделать? Наш оппонент цитирует ссылку на Маркса, где Маркс говорит о длительной полосе гражданских войн и битв народов («15, 20, 50 лет»), и трагически вопрошает:

«Что же это за выход? Мировая война была четыре года, и то уже измучила человечество, а Маркс, оказывается, предполагает 50 лет, да еще ужасных, битв народов, да еще гражданской войны. Что это за выход?.. Я не понимаю, что это за выход—50 лет всенародной войны при этих истребительных средствах. Мне кажется, что в этих случаях (?) — конечно, к Марксу это не относится, а относится к Бухарину (merci bien! *Н. Б.)* — они (т.-е. большевики. *Н. Б.)* соблазняются до известной степени легкостью русской революции, но я думаю, что соблазняться ею разумных оснований нет. Не говоря уже о чрезвычайных издержках, Россия на десятилетия разрушена... Если бы желание нашей партии осуществилось, то резня во всех нациях произошла бы такая, которая неизмеримо превзошла бы ту, которая была у нас».

В этой тираде проф. Павлова заключается целый букет ошибок.

Во-первых. И. Павлов наивным образом смешивает об'ективный прогноз с нормой поведения. Маркс *предсказывает* эпоху мировых войн, как некую реальность; Маркс предсказывает гражданские войны, как результат общей катастрофы, которая растягивается на целый период. И Маркс говорит, что в это «железное» время рабочему классу придется вести активную борьбу, которая закалит его и «переделает его собственную природу». Верны или неверны оказались эти предсказания? На этот вопрос можно ответить так: они *уже начали* сбываться. А проф. Павлов, перед лицом этих *фактов*, становится в благородную позу и говорит: «ах, как это нехорошо, все битвы, да битвы! Никакого покою нет».

Положим. Но почему же вы все эти «битвы» (в том числе и *мировую войну*) вменяете в вину пролетариату, как *его* «выход»? Это уж совершенная нелепица, ровно ничем не оправдываемая. Маркс «предполагает». Верно. Но «предполагать» это вовсе не значит «желать». Мы и сейчас «предполагаем», что царство священной частной собственности еще и еще раз приведет к кровавой бойне. Буржуазия с ее ученым и техническим окружением *не для детской забавы* строит смертоносные орудия и машины. Она не может иначе. А наше дело, дело рабочего класса, *использовать* вызываемые войной кризисы для подрыва того проклятого строя, для которого войны, захваты и грабежи так же характерны, как власть

денег, угнетение масс, проституирование науки и т. п. Но разве из этого следует, что буржуазную кроваво-грязную политику можно вменять пролетариату? Это уж, знаете ли, логика по Мейерхольду, «логика дыбом». Иначе такие выводы обозначить нельзя.

Во-вторых. Откуда это профессор Павлов заключает, что мы «соблазняемся» легкостью русской революции? Проф. Павлов, не читающий «для ради беспристрастия» теперешних газет, «соблазняется» возможностью клепать на нас, как на мертвых. Если бы он немного больше *знал*, тогда ему бы «казалось» нечто совершенно другое. Ибо все коммунистические идеологи, во главе с товарищем Лениным, всегда говорили, что на Западе победить *труднее*, но зато *строить* будет легче. Труднее победить, потому что буржуазия гораздо крепче, умнее, сильнее, тренированнее, опытнее; потому что крестьянство в значительной степени не то, что у нас; потому что народ обезоружен и т. д. Все это *тысячи* раз твердилось всеми нами. А вот профессору Павлову, изволите ли видеть, «кажется», что мы думаем «совсем наоборот». Как замечательно такое чтение в сердцах подходит стороннику «строго-научных» методов! Конечно, если на свои выступления смотреть, как на лущение семечек (сплюнул шелуху в угол, да и ладно)—тогда другое дело. Но, ведь, проф. Павлов—серьезный, уважаемый всеми, выдающийся работник науки. Вот что значит: «газет не читаю, а судить да рядить—берусь».

В-третьих. Проф. Павлов аргументирует от издержек революции. Но уже из предыдущего ясно, что он совершенно неверно подводит балансы этих издержек. У него получается вот какая картина:

1. Буржуазия.	2. Пролетариат.
4 года мировой войны.	50 лет великих международных и гражданских войн.
Они измучили человечество.	Они совершенно доканают человечество.
В этом виновата германская буржуазия, которая начала войну.	Это предлагает от имени пролетариата Маркс, а вместе с ним и все коммунисты.

А отсюда И. Павлов делает примерно такой вывод: *так как* 50 больше 4, *то* «пролетарский» выход есть чистое безумие. Все это было бы так, если бы «калькуляция» проф. Павлова хоть

сколько-нибудь соответствовала истине. Но ее (этой «калькуляции») основное свойство в том и заключается, что она никакой действительности *не* отражает и *не* выражает. Правильная калькуляционная картина была бы:

1. Буржуазия.	2. Пролетариат.
4 года мировой войны.	Победоносная революция в России и ряд революций в других странах.
Послеверсальский хаос.	
Новые неизбежные войны.	Неизбежные восстания.
Культурная гибель Европы, а, может быть, и гораздо более широкого культурного круга.	Спасение Европы от гибели (а, может быть, и всего культурного мира).
Все это длится «15, 20, 50 лет».	Все это длится «15, 20, 50 лет».

Тяжелы будут «издержки революции»? О, да! *Очень* тяжелы. Но если их сравнить с теми ударами, которые нанесла человечеству мировая империалистская война, то, ведь, все же это «две большие разницы». Мировая война *(первая!)* стоила человечеству 10 *миллионов* убитых и 20—30 *миллионов раненых*[1]. Россия потеряла одними убитыми 2½ *миллиона*[2]. Представьте себе, пожалуйста, новый цикл мировой войны, на основе *новых* изобретений (газы, теле-бомбы, самоуправляющиеся аэропланы и прочие продукты человеческого гения). Что *по сравнению с этим* представляют из себя «издержки революции»? Нельзя быть страусом, хотя страус и хорошая птица, и хвост у него красивый. Без уничтожения власти капитала мы идем к *гибели*—вот что должно быть выжжено в каждом мыслящем мозгу. И ради спасения человечества мы *должны* итти на жертвы, которых требует революция.

Профессор Павлов, изобразив не без яркости, как буржуазия будет, вместе с учеными, бороться против «материальной массы», как гражданская война «пройдет насквозь через всю нацию», как правящие круги обнаружат «последовательность действий» в деле подавления пролетариата и т. д., кончает своим обычным припевом:

«Что же выходит? *Опять для меня тупик*, опять не могу понять, каким образом этот ужасный вопрос (о том), что будет

---

[1]) Jahrbuch für Politik Wirtschaft-Arbeiterbewegung 1922—23, S. 223.

[2]) Подсчет Döring'a. См. «Мировое хозяйство за время с 1913 по 1921 г.г.». Статист. ежегодник под ред. проф. Фалькнера.

дальше с человечеством—будет разрешен при помощи (!) этой 50-летней гражданской и международной войны».

А вот *так же*, как «при помощи» русской революции *была спасена наша страна*. Ni plus, ni moins.

Еще одно небольшое замечание. Проф. Павлов походя утверждает, что «Россия разрушена *на десятилетия*». Откуда такое пророчество? Какими соображениями, какими *цифрами*, какими *об'ективными* данными подтверждается этот пессимизм? А вот, по-нашему, СССР через пять-шесть лет *будет самым могущественным европейским государством*. Так как проф. Павлов не читает наших газет, то ему, конечно, приходится оперировать с данными, история которых «темна и непонятна». Все же в таких случаях не мешает заглядывать в кое-какие таблички. Американские сенаторы, французские ростовщики, купцы Великобритании—и то не страдают таким дальтонизмом, как проф. Павлов. Почему? Потому, что они знакомятся с нашей жизнью по источникам, несколько более подходящим, чем квартира и физиологическая лаборатория. Блокада с нас снята, профессор! И вам давно бы пора снять свою блокаду с наших газет, с «теперешней» нашей общественности. Та, старая, «беспристрастная», та, которая всегда против людской «материальной массы»,—она умерла. И ее не воскресить никакими сомнениями и никакими ламентациями.

6. Наше культурное строительство. Тупик проф. Павлова номер четвертый и последний.

В своей брошюре я говорил о том, что рабочий класс не только спасет мир, не только построит фундамент новых хозяйственных отношений, но создаст и новые формы культурной работы, осуществит, претворит в жизнь новые культурные принципы. Речь шла о понимании связи *любой* научной дисциплины и любой идеологической отрасли с *жизнью*—с одной стороны, о преодолении *анархии культурно-интеллектуального производства*—с другой.

Проф. Павлов заявляет, что эта проблема его «очень занимает». Проф. Павлов делает мне честь, признавая, что у меня здесь есть «много здравых вещей». Особенно нравится профессору Павлову положение, что рабочий класс—«неуч по сравнению с буржуазией». Приведя эти слова, проф. Павлов

сейчас же открывает пальбу и заявляет, что он снова в тупике.

«Вот его (т.-е. Бухарина. *Н. Б.)* слова. А рядом с этим мне совершенно непонятное: этот рабочий класс, который совершенно ничего не знает, каким-то образом навалит на свои плечи уничтожение анархии культурно-индивидуального производства. Но это *безвыходное противоречие.* Эту анархию можно устранить *только тому,* кто что-нибудь понимает в этой работе, а если человек ничего не знает, то как он будет эту анархию устранять? *Я опять в тупике, я опять ничего не понимаю»...*

Последнее положение, к сожалению, совершенно верно, соответствует действительности и—позвольте ответить комплиментом на комплимент—является, как признанье, вполне «здравой вещью». Постараемся об'яснить и преодолеть эту, не вполне выгодную для проф. Павлова, действительность.

Популярно об'яснять, значит—прежде всего—об'яснять примерами. Так вот мы и начнем с примеров.

Знал ли рабочий класс дело управления государством? Не знал. «Кухаркиных детей» держали подальше даже от школы. Был рабочий класс неучем по сравнению с буржуазией? Был. «Навалил» ли он на свои плечи управление государством? «Навалил». Все это признаёт и сам проф. Павлов.

Позвольте! А где же ваше «безвыходное противоречие»? Как же случилось этакое чудо, что неучи расколотили противника и крепко, точно молодые дубы, стоят на завоеванной земле? Разгадка простая, проф. Павлов: не знали—узнали; не учились—обучились и научились; не умели, а потом сумели. Только и всего. Вот некоторые очень почтенные и уважаемые буржуазные умы утверждают даже, что *у нас самое умное* правительство (см., напр., рассуждение по этому поводу графа Keyserling'а). Но оставим этот вопрос в стороне. Все же никто не станет оспаривать, что один факт нашей победы и нашего укрепления кое-что говорит и о руководстве нашего класса—не так ли?

Другой пример. Знал ли рабочий класс, как строить армию? Не знал. Офицерский корпус вербовался не из рабочих, как это хорошо известно И. Павлову («тогдашние» газеты он, ведь, читал!), а, главным образом, из благородного дворянского сословия. Генералов из рабочих тоже, как будто, было

маловато—не так ли? Что касается неучей-революционеров, то им не приходилось командовать армиями. А вот поди ж ты! «Навалил» на себя рабочий класс этакую обузу? «Навалил». И, представьте себе: армию построил, ею командовал, победоносно вел ее в бой, получил признание от противника, полное, безоговорочное (рекомендуем проф. Павлову прочитать отзывы белых генералов о Красной армии—чтение весьма поучительное). Опять-таки, что за чудо? Ведь это «безвыходное противоречие»? Конечно, противоречие,—только с точки зрения заскорузлой, статической, чисто формальной, с позволения сказать, логики, которая—выражаясь гегельянски—не знает категории «*становления*». А загадка опять просто решается: *научились*, проф. Павлов! И так научились, что к новым условиям войны оказались *более* приспособленными, чем Колчаки, Врангели, Юденичи и прочие, которые, можно сказать, «собаку съели» на военном деле.

Третий пример. Управлял ли рабочий класс промышленными и торговыми единицами, банками, кооперативами и т. д.? Нет. Был неучем. Много глупостей делал, когда за это дело взялся. А теперь уже *подучился*, стал на ноги. *Продолжает* учиться, но уже уверенно стоит на совершенно новой для него почве.

А теперь спросим себя: во всех этих областях внес рабочий класс что-либо *свое, новое?* Ясно, что внес: Красная армия—далеко не то, что белая; советская система совсем не похожа на так называемое парламентское государство; наше хозяйство весьма далеко от частного хозяйства буржуазии. И т. д., и т. п.

Теперь интересно узнать, почему же *культура* снабжена таким «табу», что здесь «неучи» ничего не смогут сделать; ничему не смогут научиться? Где попытка *(хотя* бы попытка!) доказать это? Увы, ни тени доказательства нет, если не считать за доказательство сердитые фразы и сердитые слова.

Сердится проф. Павлов ужасно свирепо.

«Люди вообразили,—пишет он про нас,—что они, несмотря на заявление о своем невежестве, могут переделать все образование нынешнее».

Страсти-мордасти! Вот ужас-то, в самом деле! И *переделаем*-таки, как нам нужно, обязательно переделаем! Так же переделаем, как переделали самих себя, как переделали государство, как переделали армию, как переделываем хозяйство;

как переделали «расейскую» «Федорушку-Варварушку» в активную, волевую, быстро растущую, жадную до жизни народную массу, которая только теперь завоевала себе возможность настоящего развития.

По *существу:* возражает ли проф. Павлов против того, что я называл в своем докладе принципами пролетарской культуры? Нет, не возражает. Признал ли он сам необходимость *увязки* между различными идеологическими областями («уничтожение анархии интеллектуального производства») и отчетливого *сознания практической* ценности научных конструкций и т. д.?

Как будто признал. Может ли *буржуазия* решить эти задачи? По-нашему, *не* может. Если бы нужны были здесь доказательства, мы могли бы привести их немало. Современная буржуазная наука, начиная от самой абстрактной и кончая самой «практической», вроде техники, тщетно бьется в поисках синтезов—и не находит таковых. То же и в области искусства. Со всех сторон жалобы, со всех сторон разговоры и причитанья о кризисе «духовной культуры», о «тупике» и проч. Разве это случайно? Выдающийся германский социолог *Георг Зиммель* пишет в одной из своих последних работ об общем духовном кризисе, который, по Зиммелю, есть результат столкновения между «жизнью» и существующими *формами* жизни. Переводя эту философскую абстракцию на язык конкретного, получаем: буржуазный строй, с его производственной анархией и дробностью, которая еще более усилилась процессом *распада* его форм, не может уже решать синтетических задач. Вот почему его культура идет книзу. Вот почему рост культуры должен иметь своей исторической предпосылкой господство рабочего класса.

Но проф. Павлову некогда заниматься такими высокими материями. Он берет исходной точкой для своей атаки нашу практику, обращаясь к нам—в нашем вольном переводе—примерно так: «Хорошо поёшь, где-то сядешь?». И оказывается, что «садимся»-то мы очень плохо, хотя и хорошо, быть может, «поем».

«Сейчас на что-нибудь даются огромные деньги, напр., на Японию, в расчете на мировую революцию, а рядом с этим наша академическая лаборатория получает три рубля золотом в месяц... Надо разумно давать, *понимать* для того, чтобы

делать, значение биологии, значение другого вопроса и т. д. *Этого ничего нет*».

И далее еще более сердито:

«И что же, *если эту самую науку будут третировать люди*, которые сами признают, что они *ничего в этой науке не знают*, что из этого выйдет? Разве это не *чрезвычайная опасность для науки?*»

Тут нужно об'ясниться начистоту.

Прежде всего, откуда это проф. Павлов узнал об «огромных деньгах» на «Японию»? Газет, ведь, он не читает. Что же, «знакомый рассказал»? Достойны ли *такие* приемы ученого об'ективиста? Хорошо ли это?

Далее. Мы, действительно, оказывали неоднократно помощь трудящимся разных стран. А они нам *не* оказывали такой помощи? Они нам не помогали бороться с интервенцией и блокадой? Не собирали крох во время ужасного голодного года? Не помогли, не заставили ряд государств признать нас, как великую державу? Нельзя же так *близоруко* подходить к вопросу. Нельзя не видеть больших вопросов, которые иногда решают *всё*.

Проф. Павлов, как и многие, впрочем, профессора, не видит этой большой, исторически необходимой, стратегии рабочего класса: это не их забота.

Когда идет борьба, то приходится часто жертвовать *всем* для целей этой непосредственной борьбы, хотя *экономически* это нерационально с точки зрения *дня*. Но если положительный исход борьбы есть необходимая предпосылка *для всего остального*, то выбора нет: нужно жертвовать всем.

С точки зрения статической и с точки зрения рассуждений «вообще»,—бессмысленно, что мы на оборону тратили больше, чем на просвещение. Но это *не* бессмысленно—с точки зрения всего нашего дела, которое опрокидывает старый status quo; это *не* бессмысленно—с точки зрения истории. Для того, чтобы это понять, нужно иметь горизонты побольше, чем горизонты «квартиры и лаборатории», нужно выйти за пределы узкой специальности, нужно не замыкаться в четырех стенах, нужно постараться понять события в их взаимной обусловленности, в их движении и в их—как это ни трудно—всемирном масштабе...

Само собой разумеется, что все сказанное не есть оправдание частных ошибок, излишнего «битья посуды», конкретных и общих случаев неумелости и неопытности. Это есть «издержки обучения», очень тяжелые, но временные. Не они решают дело. Проф. Павлов ведет атаку против *всей* системы и против *руководства* коммунистов, которые «ничего не знают в этой науке».

Что касается наших руководящих кругов, то—смеем уверить профессора Павлова—они в биологии и физиологии понимают много больше, чем проф. Павлов в области общественных наук, и проф. Павлов совершенно напрасно выступает со столь категорическими утверждениями. Но, что весь наш класс еще очень мало культурен, это мы признаем. Тем не менее и по отношению ко всему нашему классу нельзя выдвигать обвинения, будто он «третирует» науку. Для этого нужно было бы лишь почитать некоторые документы, вроде нашей партийной программы, ряда постановлений профсоюзов, органов Советской власти, разных конференций и совещаний рабочих и проч. Мы совершили и совершаем много ошибок, но линия нашей политики—совершенно правильна. Никакой опасности для науки нет: есть лишь опасность для тех якобы ученых *предрассудков*, которые поворачивают «людей ума и знания» против «материальной массы». Вот для *этих* вещей существует *громадная* опасность, и будет в высшей степени хорошо, если эта *опасность* для них превратится в их *гибель*.

А потом невредно проверять свои положения *фактами*—в этом мы совершенно согласны с проф. Павловым. Притом не *отдельными* фактами, выдранными из общего контекста, а *итогами*, по всем правилам «закона больших чисел». Что же, может проф. Павлов утверждать, что культурная и научная кривая у нас за два последних года пошла вниз? Стоит только просмотреть цифры издающихся книг, журналов, специальных публикаций и т. д., чтобы увидеть, как быстро мы *растем*.

Разве можно это отрицать? Где же опасность? Не есть ли это доказательство того, что и здесь мы *уже кое-чему научились*, что и здесь мы *уже выходим* из того «*безвыходного* противоречия», которым так пугал себя и нас профессор Павлов? А, ведь, он прямо заявлял, что наша политика «*ведет к уничтожению русской культуры*»—ни больше, ни меньше. Профессор Павлов думает, что коммунисты действуют исключительно

по принципу: «Раззудись, плечо, размахнись, рука!». Не пора ли хоть теперь бросить это, мягко выражаясь, «неверное» представление?

Профессора Павлова в высшей степени удручает факт *классового приема* в высшие учебные заведения. «Уровень образования чрезвычайно понизится, благодаря... непоследовательности (в) приобретении знаний». С другой стороны, «масса людей подготовленных... отстраняется от школы, им ставятся всякие затруднения».

Если оставить в стороне всякие «эксцессы» и обсуждать основы нашей политики (классовый прием и т. д.), то нельзя *вырывать* этой проблемы из всего контекста наших задач. Как развитие производительных сил нашей страны, так и развитие в ней интеллектуальной культуры, теоретически говоря, возможно в *двух* формах: буржуазной и пролетарской. *Если бы* рост кадрового состава (управляющего, администрирующего, идейно «командующего» и т. д.) наворачивался по линии *анти*-пролетарской (что далеко не всегда предполагает *сознательно* анти-пролетарскую идеологию), то мы неизбежно сползли бы на «смено-веховских» тормозах к «идеальной» цели либеральной буржуазии: «здоровому» капитализму—в экономике, так называемому «правовому государству»—в области политической надстройки. Но, ведь, у нас есть совершенно достаточные основания для того, чтобы *бороться* с этими тенденциями *вырождения*. Само собой разумеется, что без ответа на этот *кардинальный* вопрос (социализм или капитализм) немыслимо понять и вопросы производного характера. Нет роста производительных сил «вообще», а есть рост производительных сил в совершенно определенных *формах*, в совершенно конкретной исторической скорлупе. То же и с интеллектуальной культурой. Мы уже писали, что отнюдь не хотели бы выступить в роли навоза для нового цикла капиталистического развития, который привел бы с неизбежностью к новой и новой катастрофе. Песня «про белого бычка» в «мировом масштабе», это—слишком трагическая песня. Мы твердо ведем политику на уничтожение и преодоление капиталистического строя. И *именно* поэтому вся логика, и формальная, и диалектическая, на *нашей* стороне.

Ошибка академика Павлова состоит в том, что он *обходит* основной вопрос, вопрос о социальной сущности того или

другого общественного порядка. А обходить этот вопрос— *нельзя, недопустимо.*

Понятно, что с точки зрения «нейтральной» (на деле буржуазной) классовый прием из среды, вообще говоря, *менее* культурной и *менее* подготовленной, представляется нелепостью, и если оставаться в рамках *такого* аспекта, то коммунистов можно и в самом деле счесть за буйных помешанных.

Но в том-то и дело, что наша политика основана на совершенно определенной предпосылке. Нам нужны *такие* кадры и постоянное воспроизводство *таких* кадровых элементов, которые вели бы *пролетарскую* политику на всех пунктах трудовой шахматной доски, на которой им придется впоследствии разместиться. Гарантией такой политики является определенная *социально-классовая прививка,* т.-е. социальное происхождение. Отсюда—«классовый прием». Мы, конечно, «проигрываем» временно с точки зрения квалификации, «независимой» от социальной оценки, но зато мы имеем прочную гарантию того, что поезд пойдет по надежным рельсам и не с'едет где-нибудь под откос. Что же здесь удивительного и непонятного? Что необ'яснимого в том, что мы, начав социалистическую революцию, производим ее во всех областях, играющих существенную роль в процессе производства всей общественной жизни в его целом?

И опять-таки: разумеется, чтобы это понять, нужно понять внутреннюю логику этого процесса в целом. И, наоборот, без предварительного понимания *всего* процесса, т.-е. той основной орбиты, по которой движется наша политика в целом, совершенно невозможно понять и такого частного мероприятия (связанного с совершенно своеобразными и специфическими «расходами»), как классовый прием в наши вузы.

К числу таких «расходов» нужно отнести и упоминаемое акад. Павловым понижение уровня квалифицированных работников, выпускаемых вузами. Вообще говоря, революция в первой своей фазе безусловно сопровождалась разрушениями и в этой сфере, сфере производства квалифицированных интеллектуальных сил. Теперь и здесь мы видим быстрый прогресс. Но нам важно отметить, что революция создала все же некоторые, совершенно неслыханные, предпосылки для быстрого *расцвета* культурной жизни. *Интенсивность* культуры пала.

Но *экстенсивность* ее колоссально возросла, *несмотря* на бывшую материальную разруху. Массовая психика стала гораздо более подвижной, гораздо менее косной; горизонты необычайно раздвинулись; воля закалилась; опыт обогатился в неизмеримой степени. Брошенная в широкие массы политическая, а затем и хозяйственная литература, сеть клубов, кружков и т. д.; методы массовой пропаганды и агитации; Красная армия, пропускавшая через себя сотни тысяч и миллионы людей, и т. д. и т. п.—все это в целом произвело громадный культурный сдвиг, результаты которого сказываются хотя бы на том перевороте, который произошел в *языке* нашего крестьянства, наиболее массовой и наименее культурной силы нашего общества. Разве трудно сообразить, что эта громадная экстенсификация культуры есть величайшее культурное завоевание, плоды которого не преминут сказаться через некоторое время? Разве не понятно, что это есть фундамент небывалого культурного расцвета в будущем?

Здесь вполне уместно поставить один общий вопрос, который имеет и прямое отношение к разбираемой проблеме. Вообще говоря, такой строй и такой порядок вещей способствует в наибольшей степени общественному развитию, который, при данном уровне развития производительных сил, дает возможность культурного развития и культурного подбора максимальному числу людей. Чем шире это *селекционное поле*, тем лучше, при прочих равных условиях.

И вот здесь наша революция совершила поистине величайший переворот. Она *еще* не догнала довоенного уровня в нашем хозяйственном развитии, она *еще* не обеспечила довоенного standart of life. Но она *уже* в гигантской степени расширила селекционное поле, она *впервые* вовлекла широчайшие пролетарские и крестьянские массы в культурный оборот, давая возможность подбора не из «верхних десяти тысяч», а из «нижних» *миллионов*. Такие организации, как партия, профессиональные союзы, завкомы, клубы и проч., через которые направляется поток людей в наши высшие учебные заведения, есть не что иное, как громадная и неизвестная прежним временам школа, подбирающая людей из самой гущи жизни.

Это завоевание уже есть у нас: оно прочно, оно неоспоримо. И если на *первых порах* мы не будем иметь достаточно «полноценных» студентов, то эти недостаточно «полноценные» будут

иметь одно несомненное преимущество над старым студенчеством: они будут всеми своими корнями связаны с жизнью, с практикой, с активным участием в общественном строительстве. Этой чертой могут быть недовольны ученые—«олимпийцы», до которых не доносится гул жизни (да к тому же олимпийцы всегда бывают туги на левое ухо). Но это недовольство как раз и есть свидетельство их отсталости. Будущее принадлежит—это уже начинают понимать и в буржуазных кругах—не героям спекулятивной философии, спекуляция которых не многим лучше вульгарной и прозаической спекуляции рынка, а людям, которые связаны с практикой, у которых наука есть орудие этой практики, а не талмудическая похлебка или «летом сладкий лимонад». У рабочего же класса практика в крови. И тот синтез теории и практики, который дан был рабочим классом в *общественных* науках (т.-е. в теории обществоведения и в научной политике рабочего класса), он будет, несомненно, шаг за шагом завоевывать одну область за другой. Этот процесс *уже* начался. Разве не повернут нашей государственной властью руль в сторону гегемонии материализма и решительной борьбы против фантастических привидений религии, идеалистической метафизики и тому подобных бердяевских «выделений»?

Что же, это—положительный или отрицательный факт,—эта *гегемония* опытной науки, материалистического мировоззрения, материалистического воспитания и обучения?

Такой поворот стоит очень многого. Конечно, праздношатающиеся болтуны «демократической», с позволения сказать, «мысли» и по сему случаю не упускают толковать о диктаторской тирании и изнасиловании всяческих свобод. Но это есть не что иное, как та же самая, до крайности пошлая, фетишистская и—позвольте сказать совершенно откровенно—с исторической точки зрения *варварская,* мысль, как и мысль г-на Бердяева об «евхаристическом питании». Люди думают, что это—крайне умно. А на самом деле—перед нами, несмотря на всю рафинированность авторов, идеология, достойная каменного века, к которому сейчас не прочь апеллировать «беспристрастные» ученые буржуазии. Но как с этим совместить *научные* взгляды самого профессора Павлова? That is the question.

Заключение.

Хотя мы не отличались и не отличаемся христианской добродетелью, но все же посильно старались помочь нашему оппоненту вылезать из его многочисленных тупиков и ям. Ибо этого требует от нас не категорический императив Канта и не заповеди христианской морали, а революционная целесообразность. Рабочий класс, вопреки профессору Павлову, отнюдь не собирался и не собирается третировать en canaille *науки*. Но он самым категорическим образом отметает quasi-научное шарлатанство, которое теперь процветает на вымоченных кровью полях Европы, и в котором некоторые скорбные главою российские интеллигенты видят последнее слово божественного откровения. Рабочий класс прямо заинтересован в том, чтобы *лучшие* традиции науки,—а лучшие традиции науки связаны с опытным исследованием, с материализмом, с борьбой против всякой метафизики,—чтобы эти лучшие традиции науки сплелись и слились в один поток с усилиями победоносного пролетариата и его учащейся молодежи. И *поэтому* мы взялись за ответ профессору Павлову, этому выдающемуся представителю *честной науки*. С ним случился грех не только с точки зрения коммунизма, но и с точки зрения того самого *об'ективного метода*, который он так блестяще защищает, когда речь идет о слюнных железах, и который он так основательно позабывает, когда нужно анализировать события общественной жизни. Мы все время только и делали, что бросали профессору Павлову в ямы, куда он попадал, спасительную веревку *об'ективного метода*. «Веревка—вервие простое», но это «вервие» помогает вылезать из ям *не только* в области экспериментальной физиологии...

А вот хоть изредка выходить из квартиры и лаборатории на свежий воздух—все же очень не помешало бы. Об этом, правда, Заратустра не говорит, но медицина утверждает «с превеликим упорством» и, смеем думать, не без основания.

БУРЖУАЗНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ ПРОЛЕТАРСКАЯ [1] [2].

1. Капитализм в недрах феодального общества и социализм в недрах общества капиталистического.—2. Противоречие между буржуазией и помещиками и отношение эксплоатации между пролетариатом и буржуазией.—3. Культура буржуазии против культуры феодальной аристократии и культурный уровень пролетариата в капиталистическом обществе.—4. Класс, партия и вожди у буржуазии и пролетариата.—5. Проблема административного кадра после завоевания власти у буржуазии и у пролетариата.—6. Культурный рост и опасность перерождения.

Чтобы понять, как следует, крупное общественное явление, нужно понять его во всем *его своеобразии* — такова одна из основных заповедей марксистского учения. Между тем, когда обсуждают «с общей точки зрения» вопрос о социалистической революции пролетариата, довольствуются обычно методом поверхностных аналогий, применением вульгарнейших (якобы «теоретических») шаблонов, штампов, моделей, которые при всем своем скучном однообразии отличаются все же одним оригинальным свойством: они не годятся. Чем больше аналогий и исторических параллелей проводят господа Каутские, Леви, Мартовы и весь этот несчастный сброд трусливых «старых баб», тем яснее становится полная теоретическая (не говоря уже о практической) беспомощность социал-демократического «марксизма», этого убогого, искривленного, искалеченного и в то же время припомаженного обрубка великого пролетарского учения. Разбить шаблон и показать — хотя бы в самых общих чертах—все своеобразие пролетарской револю-

---

[1]) Настоящая статья представляет из себя первую главу подготовляемой работы «Проблема культуры в пролетарской революции».

[2]) Журнал «Под знаменем марксизма» за 1922 г., № 7—8.

ции по отношению к революции буржуазной представляется нам очередной задачей дня. Ибо социал-демократическая теория опирается прежде всего на шаблон, в достаточной степени безграмотный. От этого, впрочем, он ни на йоту не делается менее вредным,—о чем достаточно красноречиво говорит социал-демократическая практика, это величайшее предательство, которое когда-либо видела история классовой борьбы.

Пожалуй, самым *общим* теоретическим вопросом о революции является вопрос о *зрелости*, вернее, о *вызревании* новых производственных отношений, нового общественного строя, или—что то же самое—нового «способа производства» в недрах старой общественно-производственной и политической оболочки. «Созрел» или не «созрел» капитализм для социализма—на этот вопрос приходилось отвечать решительно всякой партии, группе, организации, которая, хотя бы на словах, присоединяла себя к социалистическому движению рабочего класса. Революционный марксизм, политически представленный коммунистическими партиями, видел и видит в империалистских войнах достаточный ответ на этот вопрос. Ибо именно эти войны и говорят, что на капиталистическом базисе мировое хозяйство не может дальше развиваться. Социал-демократический, куновский, каутскианско-зомбартианский «марксизм» отвечает на вопрос отрицательно, проделывая при этом такие логические пируэты, которым могут позавидовать лучшие американские фокусники. В самом деле, достаточно вспомнить хотя бы старушку Каутского. Его позиция по отношению к революции последовательно пробегала такие фазисы:

№ 1. *До войны.* Капитализм созрел. Мы вступили в эпоху кризисов. Идем к войне. Войну нужно использовать для революционного переворота. Пока не нервничать. Победа за нами. («Путь к власти», базельский манифест).

№ 2. *Во время войны.* Интернационал—мирный инструмент. Во время войны не может быть пущен в ход. Не нужно нервничать. Нужно ждать, когда будет мир. Тогда пустим его в ход. Победа будет, натурально, за нами. (Военные писания Каутского).

№ 3. *Во время мира, после войны.* Где уже думать о революции? Разве можно? При этаких-то разрушениях? Разве на этом социализм построишь? Не нужно нервничать. Нужно ждать. Победа, видит бог, будет за нами.

Эта бессильная, жалкая жвачка, которая своеобразной «триадой» будет повторяться без конца, достаточно характеризует как логику, так и величие духа великих мастеров социал-демократической лжи.

Жила была бабица
На горе под дубом.
Пошла баба париться
С своим милым другом.
Но, как баба умная,
Взяла пук мочалы.
Это песня скучная—
Начинай с начала.
Жила была бабица... и т. д.

Так как это, действительно, чрезвычайно «скучная песня», смысл которой при этом совершенно ясен, то на ней не приходится дольше останавливаться. Нас интересует здесь другой вопрос, на который обращалось гораздо меньше внимания.

Вопрос этот вот в чем. Социал-демократические теоретики для доказательства тезиса о незрелости приводят аналогию с буржуазной революцией. *Там* — говорят они — дело, действительно, было в шляпе. *Там* капитализм, действительно, созрел в недрах феодализма. *Там* революция была, действительно, об'ективно прогрессивным фактором, сбросила путы, дала простор развитию производительных сил. И *поэтому* достаточно было «снять головку», произвести кое-какую чистку, вывезти кое-какой исторический мусор, чтобы открылась эпоха быстрого поступательного развития всего общества.

Таким образом легкость революции, ее относительно малые издержки и относительно громадные издержки русской революции и революции международной служат оппортунистам для доказательства двух вещей: во-первых, для доказательства того, что капитализм вообще не созрел для социализма, во-вторых, для доказательства того, что русская революция не может претендовать ни в коей мере на звание пролетарской революции. Мы не собираемся здесь спорить с нашими противниками по всему фронту. Но мы обращаем внимание на их *вульгарный шаблон.*

В самом деле. Они слышали звон, что новые отношения растут в старой оболочке. Но понять, *как* эти отношения растут— это уже сверх их сил. Бесконечно, нудно, глупо повторять одно и то же о необходимости зрелости и т. д.—этому занятию они

могут предаваться даже не годами, а десятилетиями. А вот увидеть, в чем состоит *своеобразие* роста капитализма внутри отношений феодального общества и роста социализма внутри общества капиталистического—этого им не нужно. И там, и здесь нужна «зрелость». Дальше этой *формальной* постановки вопроса оппортунистическая мысль не простирается.

А между тем процесс вызревания новых отношений в обоих случаях настолько отличен, настолько своеобразен, что это влечет за собой громаднейшие различия и по целому ряду других направлений.

Как вызревает капитализм в лоне феодального общества? Он, главным образом, вызревает как *город*, который развивается в противоположность феодальному *поместью*. Из города он запускает миллионы своих щупальцев в деревню, разлагает натуральное хозяйство, подтачивает старые отношения и начинает творить мир по образу и подобию своему. Что здесь характерного? Что нужно отметить в этом *типе* роста новых отношений? Характерно здесь то, что новые отношения растут *целиком, во всей их совокупности*. В «лоне феодализма» растет не только материальный остов капиталистического режима, его вещественный аппарат, его техника; не только существеннейшая часть его общественных связей, *но все эти связи целиком*. Вся капиталистическая иерархия, вся лестница живых людей, от чернорабочего через унтер-офицера промышленности вплоть до высшего командного состава и собственнической олигархии, все это в готовом виде уже имеется в рамках феодального общества. Другими словами: в рамках помещичьего строя вызревает не только новая техника, но и *живой, людской общественный аппарат капитализма*.

Здесь нужно оговориться. Социал-демократические талмудисты могут переиначить эти наши положения, изобразив дело таким образом, что, по-нашему, капитализм целиком вызревает в феодальном обществе вплоть до своих высших форм и в своем предельном общественном масштабе, так что при *капитализме* ему, капитализму, уже и развиваться нечего. Такую «мысль» нам, однако, приписать не удастся. Мы утверждаем лишь одно: капиталистическая организация, живой аппарат, вызревает в пределах феодализма целиком, т.-е. *вместе со своей административной верхушкой*. До буржуазной революции удельный вес капиталистических отношений, конечно, не

очень велик, если сравнить эту эпоху с эпохой развитого капитализма или с нашим временем. Но в городах мы уже имеем *оба полюса* общественно-производственных отношений капитализма *сразу:* и буржуазию, и пролетариат.

Таков ли тип вызревания *социализма* в лоне капиталистических отношений производства?

Может ли он по существу быть таким?

Вот вопрос, который нужно поставить прежде всего. И здесь—стоит только хоть немного подумать над этим — сразу станет очевидно, что самый тип вызревания *должен быть иной* и не может быть таким, каким он был в эпоху перед буржуазными революциями.

Социалистические производственные отношения не могут вызревать в лоне капиталистического общества и капиталистического государства «целиком», т.-е. с административной верхушкой производственного аппарата. Даже в самой передовой капиталистической стране, с максимумом концентрации и централизации капитала, с громадным пролетариатом и пр. и пр. этого не может быть. Ибо у социализма нет, так сказать, другого экономического поля, где бы он мог «самостоятельно» расти. Против поместья и лэндлордов, помещиков, вырастал город с буржуазией *наверху, под* которой был пролетариат.

Буржуазия была экономически не *под* поземельной аристократией, а *на-ряду* с ней и *против* нее.

Социализм же вовсе не занимает по отношению к буржуазной промышленности такого положения, какое город занимал по отношению к феодальному поместью. Он растет тут же, в том же проклятом каменном городском мешке, *под* буржуазией и *без своей административной производственной верхушки.* Этой административной верхушки быть не может потому, что в социалистических производственных отношениях она должна быть пролетарской. А такого положения вещей заведомо не может быть в недрах капиталистического общества. *Буржуа* мог в *городе* стоять на командном производственном посту при феодализме. Он *мог* быть монополистом промышленных средств производства и *был* им. Наоборот: пролетарий, пролетариат, как класс, *не может* быть на командном производственном посту при капитализме, не может владеть промышленными средствами производства. Ибо иначе не было бы и капитализма, как это сообразит даже любой двуногий осел,

Отсюда вытекает, *что социалистические производственные отношения не могут вырасти в недрах капитализма целиком, т.-е. со своей административной верхушкой*, что социализм «вырастает» в старом обществе по-своему, по-особому, *не так*, как вырастает в феодальном обществе капиталистический способ производства.

Особо «тонкие» критики могут нам здесь возразить примерно следующее:

Ваша постановка вопроса неверна. Неверна она потому, что в буржуазных отношениях производства предполагается два полюса—пролетариат и буржуазия; это—*классовые* эксплоататорские отношения; здесь может итти речь о «верхушке» аппарата, ибо «верхушка», это—классовое выражение. Наоборот, в социалистических производственных отношениях самый вопрос о верхушке нелеп. Социалистические производственные отношения не суть отношения *эксплоатации*. Поэтому нельзя ставить и вопроса о иерархии, а, следовательно, о «верхушке».

Такая аргументация была бы, конечно, не верна. И при том по многим причинам.

Во-первых, не всякая «верхушка» есть классовая категория.

Рабочий класс не однороден по своему составу, по степени культурности, политической зрелости, технической квалификации и т. п. своих членов, своих составных частей.

Поэтому он не может править (и в политической, и — что нас здесь интересует—в хозяйственной жизни) «новгородским вечем», миллионами рук: он неизбежно правит через свой *авангард*, через свой *административный кадр*, через своих руководителей. Но этот административный кадр не есть классовая категория.

Во-вторых. Не всякое классовое отношение есть отношение эксплоатации. Между развитым социализмом и капитализмом есть господство пролетариата. *Пролетариат* есть господствующий класс, командующий и в производстве. Эта начальная фаза социализма характеризуется тем, что классовая иерархия еще существует, но она имеет совсем необычный характер: *наверху* стоит пролетариат, про который, конечно, нельзя сказать, что он живет за счет эксплоатации—ну, скажем, инженерского состава, ему соподчиненного.

В-третьих. Целостная система социалистических производственных отношений предполагает определенное отношение

собственности. В начальной фазе собственником средств производства является *пролетариат.* А это значит, что он, как класс, стоит наверху.

Итак, мы приходим к заключению, что по самому существу дела, по специфической природе рабочей революции, в недрах капитализма социализм не может расти «целиком»: он не может так расти потому, что в пределах и рамках капиталистического общества не может быть места коллективно-пролетарской классовой монополии на средства производства, он не может так расти потому, что в этих рамках немыслима командная власть пролетариата в производстве вообще и командная власть его классового административно-хозяйственного кадра—в частности.

Но что же в таком случае вырастает и созревает в пределах капитализма?

Во-первых, вещественно-материальный остов нового хозяйства, концентрированные и централизованные средства производства, технически допускающие *регулированный* процесс труда. Во-вторых, пролетариат, как система производственных отношений сотрудничества, всего полнее воплощающая *общественный* характер труда. В-третьих, *элементы* квалифицированного организаторского, административного, «командующего» труда (техническая интеллигенция в первую голову). В-четвертых, рабочие *организации,* которые *могут стать* в будущем остовом административного аппарата при пролетарской диктатуре.

Техническая интеллигенция есть, так сказать, промежуточная командующая верхушка. Но в пределах капитализма она растет, как сила *буржуазная,* антипролетарская. Она может воспитаться в новом духе—и воспитается,—но это происходит уже в период *распада* капиталистических связей. Во время переходного периода связь между рабочими и интеллигенцией (трудовая связь) лопается, и *это является одной из самых крупных причин громадных издержек революционного процесса* (см. об этом нашу работу: «Экономика переходного периода»).

Итак, нелепо «просто» сопоставлять «вызревание» капитализма и «вызревание» социализма, не видя громадной разницы в *типе этого вызревания.* Это одно.

В связи с этим обстоятельством стоит и другое капитальнейшее отличие между буржуазной революцией и революцией пролетарской.

Обычно «с маху» проводится аналогия между противоречием, которое имеется в отношении буржуазии и помещиков, и тем противоречием, которое имеется между пролетариатом и буржуазией. В буржуазной революции буржуазия свергает помещиков, в пролетарской—пролетариат свергает буржуазию, и дело в шляпе.

Между тем, по существу дела, аналогия здесь крайне рискованная. Ибо отношения здесь совершенно различны, «противоречия» *совершенно непохожи*. Более того, они *принципиально отличны* друг от друга.

В самом деле. Каково соотношение между буржуазией и феодальным помещиком? Является ли это соотношение отношением экономической эксплоатации? Является ли буржуазия эксплоатируемым классом в феодальном обществе? Смешно об этом говорить. Именно потому, что капитализм растет в феодальном обществе со своей верхушкой; именно потому, что город растет *на-ряду* с хозяйничаньем помещиков на земле; именно потому, что образуются *оба* полюса буржуазных отношений,—не может быть и речи об эксплоатируемой буржуазии. Между буржуазией и феодальными помещиками происходит раздел прибавочного труда. Феодалы, имея в руках государственную власть, могут в разной форме оттягивать часть прибавочной ценности у буржуазии. Но не буржуазия создает прибавочный продукт, не буржуазия находится на положении эксплоатируемого класса. Она политически неполноправна. Она страдает от экономической политики феодалов. Она делится с ними частью своей добычи. Но она—командир в мастерской и на фабрике, она — собственник промышленных средств производства, она—класс, выкачивающий прибавочную ценность из образующегося пролетариата.

Отношение между буржуазией и феодальными помещиками не есть отношение между эксплоатируемыми и эксплоататорами.

Совершенно иное отношение имеется между классом, который свергает капиталистическое общество, и классом, который его защищает, т.-е. между пролетариатом и буржуазией. *Это есть прежде и раньше всего отношение экономической эксплоатации.*

Скажут: это—общее место, это всякому известно. Зачем огород городить?

Предположим, что это всякому известно. Но тогда еще ярче подчеркивается бессмысленность некритических аналогий. Ибо из этой «всем известной» разницы между пролетарской и буржуазной революцией вытекает еще ряд особенностей, в сумме своей обусловливающих различный ход событий, различные издержки революции, различные проблемы, помимо тех, о которых действительно известно всем и каждому.

Прежде всего, необходимо отметить вот какое коренное отличие: *неэксплоатируемая буржуазия могла быть уже в лоне феодализма культурно выше того класса, который она затем свергла; наоборот, экономически эксплоатируемый пролетариат не может в пределах капитализма стать культурно выше, чем господствующая буржуазия, которую ему приходится свергать.*

Накопление капитала шло уже в пределах феодального общества. «Богатство» стало скопляться в руках у буржуазии еще до революционного краха «старого режима». Притом это богатство накоплялось в денежной форме, на основе всеобщего и повсеместного роста товарно-денежных отношений. За звонкий металл, как известно, можно достать все.

«Все куплю»—сказало Злато,
«Все возьму»—сказал Булат.
«Пошел вон!»—сказало Злато.
«И пойду!»—сказал Булат.

Таким образом уже в недрах феодального режима буржуазия была монополистом промышленных средств производства, командиром в производственном процессе, суб'ектом капиталистического накопления и собственником накапливаемых богатств. На *этой* основе в пределах враждебного ей строя почти беспрепятственно могла расти и буржуазная культура. Феодализм отнюдь не мог быть при таких условиях монополистом образования. Более того. *Развивать* свою культуру буржуазия могла в относительно все большей пропорции, так как все большая часть прибавочного труда переходила к ней, к буржуазии, вместе с ростом товарного хозяйства. Классовый носитель нового (по сравнению с крепостническим) строя экономических отношений, буржуазия, становясь в возрастающей степени монополистом средств производства и, следовательно, присвои-

телем прибавочной ценности, *становилась сама тем самым в возрастающей степени и монополистом образования.* Дворянская, «рыцарская» школа отступала быстро перед купеческо-промышленной. Именно этой последней был обеспечен рост, потому что деньги становились такой общественной силой, от которой зависело все. А деньги были в руках буржуазии.

При сравнении различных классовых культур и при обсуждении вопроса о культуре вообще можно различать три стороны проблемы: во-первых, вопрос о специфических, особых признаках, «*принципах*» данной культуры, о «стиле» данных идеологий, об основных ее тенденциях и методах и т. д.; во-вторых, вопрос о глубине разработки данных тенденций, методов, принципов, т.-е. об *интенсивности* данной культуры; в-третьих, вопрос о круге захватываемых этими идеологиями и навыками лиц, т.-е. вопрос о широте захвата, об *экстенсивном* поле данной культуры.

Возьмем теперь исторический перевал, грань между феодализмом и капитализмом, и посмотрим, в каких отношениях стояла буржуазная культура к культуре феодально-дворянской.

Методы и принципы. Совершенно ясно, что уже в пределах феодализма буржуазная культура была выше крепостнической по своей структуре. Статическая точка зрения заменилась динамической (эволюционной), схоластическая спекулятивная философия—принципом естественно-научного *опыта,* догматизм феодально-связанного общества—критицизмом «мыслящего индивидуума». Если искать критерия «высоты» культуры в ее практическом значении, т.-е. в том, насколько она помогает овладевать силами природы (а именно так и нужно ставить вопрос), то не подлежит никакому сомнению прогрессивность этой новой буржуазной культуры. И если теперь в буржуазном хоре идеологические запевалы стремятся превозносить средневековых мыслителей, в особенности *мистиков,* то это лишь симптом упадка буржуазии, а вовсе не обретение затерянного «высшего принципа», как это стараются изобразить скорбные главою современные упадочники.

Интенсивность культуры. Нельзя оспаривать того факта, что феодальная идеология представляла довольно законченную «круглую» систему—взять хотя бы Фому Аквинского. Но если мы вспомним, что великая «Энциклопедия» француз-

ских материалистов, Дидро и проч., была написана *до* захвата власти буржуазией, то вряд ли можно сомневаться в том, что новые идеологические принципы были разработаны не менее глубоко, чем по существу ограниченная культура относительно неподвижного феодального мира. (Не лишне в скобках заметить, предупреждая могущее быть сделанным возражение, что, если и неверно было старое представление о «Средних веках», как каком-то историческом провале, то, с другой стороны, *двигали*-то «Средние века» как раз новые, растущие *буржуазные* отношения.)

Экстенсивность культуры. Феодальная культура, поскольку мы под ней разумеем квалифицированную идеологию и навыки, имела резко выраженный *кастовый* характер. Вспомним о безграмотности королей и о монастырско-церковном характере ученых. Базис буржуазной культуры не мог не быть шире. Так называемая «демократизация знаний» началась по сути дела опять-таки *до* падения феодального режима в буржуазной революции. Таким образом и здесь буржуазия стояла выше поземельной аристократии еще до того, как был сломлен государственный становой хребет этой аристократии.

Сравним теперь с этим культурным противопоставлением культурное противопоставление пролетариата и буржуазии в *рамках капиталистического режима.*

Раньше всего следует обрисовать эти общие рамки, которые определяют неизбежно бытие пролетариата, а следовательно, и его культуру. Пролетариат в капиталистическом обществе—класс угнетенный и экономически, и политически. Он—основной резервуар эксплоатации, поставщик энергии, высасываемой в процессе капиталистического производства. Его бюджет—это средства, необходимые для его воспроизводства и функционирования как физической человеческой силы.

Его квалификация—это предельно низкая общественная квалификация исполнительского физического труда. В общем и целом, *только так* и воспроизводится эта часть общественного механизма в его капиталистической оболочке. Нужно смотреть правде в глаза. Поскольку самый ход капиталистического способа производства требует *новых* категорий квалификации рабочей силы, квалификации организаторской, командующей, идеологической и т. д., постольку выделяется но-

вая общественная группа, новый «промежуточный» класс, так называемая техническая интеллигенция, «новое среднее сословие»; и только сравнительно незначительный слой рабочей аристократии несколько приближается к этому типу. Этому нисколько не противоречит то положение, что с повышением техники повышается в целом и культурный уровень пролетариата. Ибо речь идет о *сравнительных* культурных уровнях пролетариата—с одной стороны, буржуазии и ее технической интеллигенции—с другой.

Крепостническая поговорка «всяк сверчок знай свой шесток» сохраняет всю свою силу и для буржуазного общества, которое воспроизводит не только материальные ценности, но и отношение между буржуазией и пролетариатом. И если чисто-*экономическая* сторона этого процесса заключается в капиталистическом распределении доходов, то *культурная* сторона этого дела заключается в различии *образования*. Монополии на средства производства в точности соответствует *монополия образования*, которая играет колоссальнейшую роль, роль еще недостаточно оцененную в нашем сознании.

Процесс образования есть одна из существеннейших (самая существенная, если брать специфическую сторону дела) составных частей процесса производства квалифицированных «живых машин». А в капиталистическом обществе подрастающее поколение разных классов поступает и обрабатывается в *разных* школьных лабораториях: божие—богови, кесарево—кесареви. А мытарь получает то, что полагается мытарю. Командующие классы отдают своих детей в высшую и среднюю школу, пролетариату она недоступна настолько же, насколько ему недоступна монополия на средства производства или присвоение прибавочной ценности.

Совершенно неправилен тот взгляд (довольно распространенный), что мало-по-малу уже в недрах капиталистического режима стирается разница между техником и рабочим, между технической интеллигенцией, как определенной социальной категорией, и рабочим классом. Конечно, было бы распрекрасно, если бы уже при капитализме рабочий класс сам, по крайней мере в лице своих *крупных* прослоек, превращался в техническую интеллигенцию, сливался с ней и *таким* образом культурно вызревал к функциям производственного *управления*. Если бы это было так, то тогда под скорлупой капиталисти-

ческого режима новый строй вызревал бы целиком. Тогда стоило бы лишь сбросить паразитическую, пустяковую, жалкую, бессильную, лишь формально господствующую верхушку капиталистических собственников,—и дело с концом.

Если бы, да кабы,
Да во рту росли грибы...

Но, к сожалению, совсем не то происходит в действительности.

Правда—как не совсем экономически грамотно выражает это профессор *Вейраух:* «повсюду на место человека выступает машина, а ему зато дается в руки руководство ею. Машина работает, а человек ее направляет (führt sie)» [1]).

Но *направляющая* деятельность рабочего по отношению к *машине* или ее части отнюдь не опровергает того, что у рабочего нет направляющей деятельности по отношению к *людям* и всему процессу производства в *целом*. Эти организаторские, командные функции заперты, забронированы за *другими* группами и классами: за непаразитической буржуазией (крупные организаторы трестов, хозяйственные обер-вожди вроде Стиннеса, Баллина, Сименса, Круппа в Германии) и за технической интеллигенцией. Не выходя из рамок *материального производства*, все же мы должны признать, что одна техническая интеллигенция представляет довольно большую силу даже только нумерически. Так, в Германии в 1906 г. в крупнейших предприятиях было такое соотношение между рабочими и интеллигенцией (Beamten):

Металлургия и горное дело на	30—26	рабочих	1	служащий.
Вязальные фабрики . . . . »	18—25	»	1	»
Ткацкие » . . . . . »	12—10	»	1	»
Верфи. . . . . »	16— 8	»	1	»
Машиностроит. заводы . . . »	12— 4	»	1	»
Газовые » . . . . . »	9— 4	»	1	»
Химические » . . . . . »	7— 6	»	1	» [2]).

Во всяком случае, эти «сухие цифры» довольно красноречивы. Опыт *командования*, организации, применения высших технических знаний накапливается *здесь* и оказывается недо-

---

[1]) *Robert Weyrauch*, «Die Technik, ihr Wesen und ihre Beziehungen zu deren Lebensgebieten», Deutsche Verlags-Anstalt, Stuttgart und Berlin 1922, S. 34

[2]) Ibidem, S. 43.

ступным рабочему классу [1]). Если и бывают отдельные виды рабочих, близких к техникам по своей квалификации, то это очень незначительная прослоечка (напр., сборщики в электротехнической индустрии). Зато резко выражена другая тенденция, отмеченная еще Марксом и нимало не устраненная современной капиталистической техникой. «Если ранее разносторонне обученный ремесленник выполнял все работы, необходимые для производства готового фабриката, то машина, в особенности «специальная машина», *требует далеко идущего разделения труда* (Unterteilung der Arbeit). Она создала поэтому современного квалифицированного рабочего и допустила все большее и большее применение даже необученных рабочих сил» [2]). А вот что наблюдалось за самое последнее время: «Здесь (в области более экономного распоряжения рабочей силой. *Н. Б.)* прежде всего война показала новые возможности. Ибо нужно было в возрастающей степени заменять из-за мобилизаций и продолжительности войны все более редкие квалифицированные рабочие силы необученным трудом подростков и женщин. Чтобы это стало возможным, было необходимо подразделить возможно мельче ход производства и упростить таким путем отдельные производственные процессы. Таким образом оказалось возможным, благодаря дальнейшему разделению труда при выработке *сериями* (Serienfertigung) выделывать многие вещи руками необученных рабочих... Поднялось к жизни *пятое сословие*» [3]).

«Главным условием здорового народного хозяйства является, чтобы каждый был доволен своим местом» [4]). Обучение в профессиональной школе (Werkschule) должно быть по возможности самым простым, охватывающим только элементы профессиональных знаний» [5]). «Разносторонне обученный

---

[1]) Применение «научной организации предприятий» только усиливает эту тенденцию. «Здесь открывается совершенно новая страница в профессии инженера: быть не только конструктором вещей, но в такой же степени конструктором (Gestalter) людей...» *(Willi Hellpach.* «Die geistigen Kräfte der Wirtschaft Technik und Wirschaft, 14 Jahrg, Heft 1, S. 10).

[2]) *R. Weyrauch,* l. c., S. 36.

[3]) Ibidem, 38 (последние два курсива наши. *Н. Б.).*

[4]) *Gustav Frenz,* «Kritik des Taylor-Systems», Berlin, Julius Springer, 1920 S. 104.

[5]) Ibidem, 112.

(ausgebildet) рабочий никогда не найдет себе подходящего места и поэтому будет всегда недоволен»[1]). Так гласят капиталистические нормы обучения, имеющие, несомненно, свою внутреннюю логику. *Рабочий класс постоянно воспроизводится, как культурно низшее, хотя и самое большое, общественное звено.*

Так обстоит дело в процессе материального производства. Еще меньшую долю квалификации имеет пролетариат в процессе *товарного обращения* (взять хотя бы банки) и в *идеологических отраслях труда.* Если в процессе материального производства рабочий имеет все же точки соприкосновения с инженером в процессе труда, то швейцар, подающий мел господину профессору, когда тот пишет свои формулы господам студентам, уже стоит совсем в стороне от специфической логики труда. Буржуазный государственный аппарат, школа, наука, искусство и проч. имеют в капиталистическом обществе своих «*спецов*», удельный трудовой вес которых в этих областях совершенно исключителен.

Следовательно, рабочий класс не может не быть классом, культурно глубоко придавленным всей механикой капиталистического режима, явление, которого не было по отношению к буржуазии до захвата ею государственной власти.

Тем не менее, благодаря, главным образом, двум обстоятельствам—росту рабочих организаций и интеллигентским перебежчикам (об этом речь будет подробно итти ниже) рабочему классу удается создать ростки своей идеологии, а следовательно, и своей, пролетарской, культуры. Нам нужно противопоставить теперь эту пролетарскую культуру культуре буржуазной по тем трем основным линиям, по которым мы проводили сравнение буржуазной культуры с культурой феодальной.

Методы и принципы. По своей структуре, по своим методам и принципам, пролетарская культура, несомненно, *выше* буржуазной. Пролетариат, об'единенный в производстве узами сотрудничества и общей борьбой, выдвигает принципом своей идеологии *об'единение под общим углом зрения всей суммы человеческого знания.* Он выдвигает этот принцип против *такого* разделения труда, которое совершенно раздробляет различные

---

1) Ibidem, 109.

отрасли культуры, устраняет в сознании буржуазии их связь, мешает их синтезу, которого тщетно ищет и не может найти буржуазия. Пролетариат выдвигает далее *практическую значимость* всякой «культурной ценности», уничтожая тем самым тот *фетишизм*, которым проникнуты идеологи буржуазии. Всяческие «категорические императивы» и «абсолютные идеалы» он заменяет принципом общественно-технической целесообразности. Пролетариат расширяет эволюционную точку зрения до точки зрения *революционной*, уничтожая буржуазные ограничения принципа динамики и обогащая его содержание. И само собой разумеется—пролетариат продолжает критическую и *опытную* струю идеологии революционной буржуазии, которая у буржуазии современной заменилась мистицизмом, теософией, оккультными науками и различными идеологическими Ersatz'ами, которые поставляются религией.

Интенсивность культуры. Если пролетарская культура выше по своим *принципам*, то ее интенсивность—поскольку речь идет о капиталистическом обществе—далеко, далеко уступает буржуазной культуре. Пролетариат не занимает командующих производственных должностей. Не он—организатор общества при капитализме. Свою культуру он развивает прежде и раньше всего в общественной классовой борьбе. Поэтому совершенно понятно, что эту сторону культуры он развивает раньше всего. *Отсюда* он устанавливает основы своей культуры—гениальнейшее учение Маркса лучший тому образец. Но он не может выработать кадра своих естествоиспытателей, инженеров, техников, агрономов, художников, архитекторов, геологов, организаторов производства, профессиональных квалифицированных изобретателей, математиков, поэтов, правоведов, банковых специалистов, артистов и так далее и тому подобное. Не может он в рамках капитализма внести здесь столько же своего, сколько он внес в сфере общественной теории или практической политики. Для решения *таких* задач у него нет возможностей в его *бытии;* он только в самых общих чертах намечает грядущее решение этих задач,—не более того. По сравнению с тем, что имеет буржуазия, это—настоящая крупица. Только в области общественных наук он может противопоставить себя (здесь речь идет об интенсивности культуры) буржуазии, да в области практической по-

литики создает эквивалентную, а иногда даже превосходящую по своей квалификации кадровую силу (недаром, например, граф Keyserling говорит, что Советская Россия имеет лучших в мире вождей). Но в общем и целом, пролетариат отстает колоссально.

Экстенсивность культуры. С классовой точки зрения, т.-е. с точки зрения общественно-классовых масштабов, и здесь пролетариат обречен на громадную отсталость самими условиями своего капиталистического бытия. Если приводить наиболее яркое доказательство этой мысли, достаточно упомянуть лишь, что над большим слоем пролетариата тяготеют горы, Альпы, «буржуазных предрассудков», тогда как нельзя найти ни единой горсточки буржуазии, которая бы страдала «пролетарскими предрассудками». Скажут: но в этом виновата государственная машина буржуазии, школа, церковь и т. д. Вот именно! Эти институты буржуазного режима держат в плену целые пролетарские *армии*. И если мы таких людей, как Шейдеман, Носке, Том Шоу, Гомперс и т. д., считаем предателями (что совершенно правильно практически-политически), то они, с другой стороны, представляют жалкий продукт, сделанный из *рабочего* буржуазной культурой, всей совокупностью общественных и идеологических связей буржуазного общества. Но кроме этого типа подчинения составных частей рабочего класса буржуазии (на *верхах)*, мы видим элементарнейшую «необученность» широчайших масс пролетариата: техническую, образовательную, политическую и т. д.

Summa summarum, общий итог: в *рамках капиталистического строя пролетариат создает гениальнейшие намеки грядущей культуры, замечательные возможности дальнейшего культурного развития человечества; но в этих рамках он, культурно-угнетенный класс, не может развить их настолько, чтобы подготовить себя к организации всего общества. Он успевает подготовить себя к «разрушению старого мира». «Переделывает свою природу» и вызревает он, как организатор общества, лишь в период своей диктатуры.* Отсюда добавочные издержки пролетарской революции, издержки такого типа, какого, в общем, не знала буржуазная революция.

Но здесь невольно появляется вопрос: каким же образом, несмотря на свою неизбежную культурную отсталость, пролетариат создает более прогрессивные основы культуры, чем

буржуазия? И каким образом он все же создает кадр своих политических идеологов и руководителей?

Здесь мы переходим к вопросу о классе, партиях и других организациях класса и о так называемых вождях. Этот вопрос нам необходимо рассмотреть, ставя его опять-таки *сравнительно*, т.-е. беря отношения между этими величинами так, как они складывались у буржуазии—с одной стороны, и у пролетариата—с другой. Ибо, как мы увидим впоследствии,—и здесь имеется громадная разница, разница, которая ставит перед пролетариатом проблемы, неизвестные буржуазным революциям, и подвергает пролетариат опасностям, каких не знала и не могла знать буржуазия.

Но предварительно нам нужно сделать несколько замечаний общего свойства.

Организация какого-либо класса возникает из потребностей усиления мощи данного класса; существо всякой организации состоит в том, что здесь получается сила, по своей величине большая, чем простая арифметическая сумма слагаемых. При этом классовые организации не охватывают всех членов класса, не совпадают с классом. Это происходит потому, что, конкретно-рассматриваемый, класс не представляет из себя однородной по своему составу величины.

Он неоднороден по общественно-технической квалификации своих сочленов (квалифицированный и неквалифицированный рабочий, напр.), по их культурному уровню; по чистоте классового типа, политической зрелости и т. д. Так как политическая борьба—в конечном счете борьба за власть—есть «высшая», наиболее принципиальная форма борьбы, то совершенно естественно, что политическая партия данного класса, или ее модификация (напр., якобинские клубы) является об'единением наиболее зрелых элементов класса, *через которые* класс может наиболее правильно выражать свои интересы. *Противопоставление* партии классу нелепо поэтому в высочайшей степени.

Из неоднородности членов организаций (и *партии* в том числе) вытекает об'ективная необходимость в группировках руководителей (вождей), *через* которых партия (или данная организация вообще) выражает свою волю. На этом мы пока кончим, возвратившись к очень сложным вопросам о вождях впоследствии, в другой связи.

Теперь еще одно предварительное замечание. Совершенно ясно, что организация, давая классу *добавочную* силу, создает для него *добавочную* возможность развития своей культуры и выделения своих руководителей. Рабочий же класс, несмотря на свою придавленность, другими сторонами своего бытия (централизация и концентрация на небольших пространствах, коллективный характер работы etc. при все же неизбежном росте своей интеллигентности) оказывался способным развить громадную энергию по сплочению своих рядов. Численный непрерывный рост и массовый характер этого класса, с одной стороны, коллективный характер его труда— с другой, были двумя основными факторами, делавшими возможной *организацию*, что отчасти компенсировало угнетенность и придавленность.

Все же эта последняя нашла себе выражение, кроме того, о чем мы упоминали выше, в двух специфических явлениях:

Во-первых: в *то время, как буржуазия не нуждалась в вождях из враждебного класса, пролетариат имеет своими вождями выходцев из буржуазной интеллигенции.*

Это вытекает с неизбежностью из всего предыдущего анализа. Буржуазия, которая культурно прекрасно могла развиваться в условиях феодализма, вырабатывала из своей собственной среды как кадры идеологов самого «высокого порядка» (философы, ученые и т. д.), так и своих политических руководителей. Конечно, и тут были перебежчики, но относительно процент «своих», «чистых» был очень высок. Неизмеримо труднее приходилось и приходится пролетариату. Вот почему он имел своими высшими руководителями (вождями, идеологами) выходцев из других классов, в первую очередь из интеллигенции. Это есть совершенно неоспоримый исторический факт. Наиболее обобщающая и правильная пролетарская идеология (марксизм) была выработана Марксом, Энгельсом и их учениками.

До сих пор в области теории и высших идеологических звеньев мы видим интеллигенцию. Правда, с течением времени в больших массовых организациях рабочего класса вырабатывается впоследствии целый слой, так наз. «рабочей бюрократии», т.-е. вождей-выходцев из рабочих. Но все же интеллигенция играет крупнейшую роль. Возьмем Англию и ее тред-юнионы. Над сложной системой «рабочего» кадра стоит группа фа-

бианцев, которые именно и являются поставщиками идей. Оппортунистический лидер тред-юниона из администраторов отвечает на вопрос об основных проблемах политики или другой «высокой материи»: «мы об этом не думаем; за нас думает Вэбб или профессор имярек». Германская социал-демократия и профсоюзы создали большой кадр выходцев из рабочего класса, своих профессиональных и партийных чиновников (Beamten). Но высшая инстанция—это ревизионистская клика, выросшая из редакции Sozialistische Monatshefte, насквозь интеллигентская.

Можно было бы умножить количество примеров. Мы приведем еще только один. Когда создавалась русская социал-демократия, то ее основным руководящим кадром были «профессиональные революционеры», выходцы из интеллигенции. Можно считать установленным, что в особенности велик приток интеллигентов в ряды оппортунистических рабочих организаций. Но никоим образом нельзя отрицать и руководящей роли интеллигентов, действительно ставших на точку зрения революционной классовой борьбы пролетариата. Это—первое.

Во-вторых: *в то время, как культурная разница между буржуазным лидером и средним капиталистическим буржуа относительно не особенно велика, эта разница между лидерами пролетарской партии и средним рабочим гораздо больше.*

Это вполне понятно.

Капиталистический буржуа при своем, если так можно выразиться, общественном производстве, получает высшую или, минимум, среднюю школьную обработку. Его доход обеспечивает ему базу для «культурного существования». Его роль в производстве, обращении, идеологических отраслях труда дает ему надлежащую тренировку, навыки, знания, опыт, т.-е. совершенствует его квалификацию. Уровень его жизни, быт, «духовная атмосфера», *тип функций* похож и довольно близок к лидерским функциям. Не так обстоит дело у пролетариата. Его вожди, в особенности *выходцы из интеллигенции* («академики»), часто имеют очень большую умственную тренировку и высокий культурный уровень; между тем средний член класса отстоит крайне далеко от этого уровня. С другой стороны, выходец из интеллигенции и даже «рабочий бюрократ» не имеет часто тех инстинктивных и стихийных кол-

лективистических нот, какие характерны для пролетариата, поскольку он находится «у станка». Психологическая разница здесь таким образом больше, чем в соответствующем случае у буржуазии.

Итак, мы установили, что еще до завоевания власти рабочим классом, до того, следовательно, как рабочий класс стал классом господствующим, он в значительной мере руководится кадром вождей, выходцев из другой среды.

Перейдем теперь к периоду, когда новый класс *становится у власти*, минуя этап ожесточенной открытой *борьбы*, т.-е. перейдем к моменту, когда устанавливается некоторое социальное равновесие на новой основе.

На плечи класса, захватившего власть, ложатся громаднейшие задачи. Он становится классом-организатором общества, его руководителем на данной исторической основе. Расширяются области его борьбы, крайне обогащаются его функции. Приходится уже не только руководить классом, но и заниматься организационной «положительной работой» в ее общественном масштабе, с бесконечными ее подразделениями и специальностями. Для этого требуется определенный кадр организаторов и конструкторов самого разнообразного вида.

И вот тут опять выступает громадная разница между становящейся у власти буржуазией и становящимся у власти пролетариатом,—разница, которая является продолжением и следствием явлений, разобранных выше: *буржуазия в общем и целом имеет свой кадр администраторов, управляющих государством, или же лиц, почти подготовленных к этому по своей общей культурной тренировке; пролетариат же должен долго учиться на опыте; поэтому он вынужден в большой степени пользоваться силами, на определенной стадии развития ему враждебными.*

Культурных сил для государственного пролетарского аппарата во всем его об'еме требуется немало: вспомним, какую громадную организационную задачу ставит перед собой рабочая революция! Не мудрено поэтому, что привлечение культурных сил «старой марки» совершенно неизбежно и исторически необходимо. Совершенно смешным и поистине детским является представление, что можно обойтись без технической и иной интеллигенции. Это вредная утопия, которая является

абсолютно нетерпимой в рядах пролетариата и его партии. Но, с другой стороны, нельзя отрицать, что такое положение вещей таит в себе крупнейшую опасность, неизбежную для пролетарской революции, выражаясь на философском языке, «имманентную» пролетарской революции. *Мы говорим об опасности перерождения пролетарского государства и пролетарской партии.*

О перерождении буржуазного государства и буржуазной руководящей и ставшей у власти партии (или блока партий, или клубов и т. д.) не может итти речи по той простой причине, что буржуазия более культурна, чем помещики. Наоборот, опасность перерождения для пролетарского государства и партии рабочего класса имеется именно потому, что, несмотря на принципиально высшие *формы* своей культуры, рабочий класс все же гораздо ниже по своему культурному уровню, чем буржуазия.

Часто повторяется и всем известен исторический пример, вернее исторические *примеры*, когда варварский народ-победитель, осевший на более высокие в культурном отношении племена, через некоторое время оказывался побежденным по существу: усваивал себе быт, обычаи, нормы, даже язык «побежденного» народа. Более высокая культура, ловкость, навыки, техническое превосходство, тренировка, уменье ориентироваться и т. д. бесчисленными каналами, маленькими молекулярными движениями разлагали, перерождали, деформировали, переделывали бытовую ткань, общественную связь, привычную для народа-победителя, который в таком случае исторически капитулировал.

В *похожем* на этот варварский народ положении находится и пролетариат. Мало, что его культура «принципиально» выше! Здесь вопрос решается не этой принципиальной высотой, а *количеством и качеством живых, действующих агентов, носителей той или другой культуры.* Вот что важно. Вот что существенно во всяком историческом споре, в том числе и в великом споре между трудом и капиталом.

Явное превосходство культурных сил в начале пролетарского диктаторского периода *не* на стороне пролетариата и тем более *не* на стороне специфической пролетарской культуры. Не нужно забывать, что интеллигентские силы, вынужденные работать с пролетариатом, и даже те из них, которые добро-

совестно работают, принося *необходимейшую пользу*, все же представляют из себя (подчеркиваем: на определенной фазе развития) опыт *старой* культуры. Что это значит? Это значит, что громадное их большинство в душе *не верит* в планомерное хозяйство, в общественную регулировку труда, в технико-экономическое преимущество социализма, в его экономическую рациональность. Все происходящее представляется таким элементам чем-то нездоровым, странным отклонением от нормы, что неизбежно должно быть изжито и будет изжито. У них нет социализма как *регулятивного принципа работы.* Да и в опыте у них не могло быть ничего подобного. Всякую неизбежную уступку капитализму они приветствуют. Но они с такой радостью будут приветствовать каждый легкий шажок, совершенно *лишний*, но «здорово-капиталистический». Схематически можно пояснить дело так. Предположим, что какую-нибудь техническую или экономическую задачу («задание», как у нас любят теперь выражаться) можно решить старым методом и новым методом. Про новый ясно видно теоретически, что его решить *можно.* Но нет живого опыта, нет практиков, исполнителей, «рукастых». А «рукастые» привыкли решать *не так*, а по-своему. И вопрос решается по-старому, ибо иначе ничего не поделаешь. Конечно, иная порция старых методов невредна, и при отсутствии социалистических практиков обязательна, но «количество» имеет, как известно, ехидное свойство переходить в «качество». Так обстоит дело в области непосредственно производственной. Не иначе оно обстоит в области идеологической. Здесь разница культур, борьба «нового» и «старого» должна сказаться еще более резко; идеологии, как известно, вовсе не бессильное «ничто»; это весьма важные общественные *силы*, социальная квалификация которых небезразлична на всех идеологических ступеньках; вплоть до поэзии, вплоть до абстрактной философии. При недостатке своих кадров с выработавшимся и устойчивым коммунистическим, пролетарским мировоззрением и мироощущением (ибо и область *чувства* играет громадную общественную роль) здесь даже помимо сознательного желания «не совсем нашего» кадра специалистов может быть перетерта нужная новому обществу надстройка. Понятно, что речь идет здесь не о катастрофическом изменении, единократном перевороте и т. д., а о мельчайших, часто бесконечно

малых, движениях, которые при своем интегрировании дают весьма определенную линию развития, если и не назад в прямом смысле этого слова, то во всяком случае от социализма, к *новой форме* старого классового общества.

Здесь следует упомянуть еще об одном чрезвычайно важном обстоятельстве. Культурная отсталость самой рабочей массы, в особенности при общей нищете, когда volens-nolens администраторскому и руководящему кадру вообще приходится уделять гораздо большее количество средств потребления, чем обыкновенному среднему рабочему, *возникает опасность очень значительного отрыва от масс даже той части кадрового состава, которая сама была выдвинута рабочей массой из своей собственной среды.*

Апелляция к рабочему происхождению и пролетарской добродетели сама по себе не может служить аргументом против возможности такой опасности. Ибо мы должны знать и понимать, что в эпохи такой грандиозной социальной ломки, как наша эпоха, классы вообще до известной степени деформируются, и принципиально отнюдь не исключена возможность полной деформации некоторых частей старых классов и образования из них новых классов. В таком случае «оторвавшиеся» от масс кадровые работники *могут* (но не обязательно должны, как мы увидим ниже) быть ассимилированы более культурными своими коллегами по командующим функциям и вместе с ними превратиться в *зародыш нового господствующего класса.* Само собою понятно, что шансы такого трагического исхода еще более увеличиваются, если, благодаря хозяйственной отсталости страны, неблагоприятной внешней среде, пролетарская власть делает большие уступки капитализму и не препятствует росту новых капиталистических общественно-производственных узлов и соответствующих им людских группировок (как это имеет место, напр., в России при системе совершенно неизбежной для нее «новой экономической политики»). При этом довольно безразлично практически, конституируется ли новый класс в своей девственной чистоте именно, как *основной* класс общества, или он сам будет привеском «нэповской» олигархии, новой буржуазии, которая вырастет, так сказать, сбоку. Различия эти будут касаться нашего потомства, коему мы, пока что, и предоставим решать соответствующие задачки. Наша же задача состоит в том,

чтобы *не допустить вообще такого «эволюционного» возврата к эксплоататорским отношениям.*

Нарисованная выше опасность есть опасность всякой пролетарской революции. Она реально обнаружилась в *русской* революции по той простой причине, что ни одна революция не заходила так далеко, как большевистская революция российского пролетариата. Этого было вполне и за-глаза достаточно для того, чтобы прохвосты от социал-демократии, называются ли они Мартовыми, Каутскими, Леви или еще как-нибудь, писали книги, брошюры и статьи с доказательствами, что Советская власть в России неизбежно превратится во власть буржуазную. Конечно, этим господам сейчас же приходят в голову всякие мысли во всех тех случаях, когда есть риск и борьба. Они пророчили полный крах, когда пролетариат только что брал власть. Они предрекали гибель большевикам в борьбе с Антантой и подло держали нос по ветру в случаях опасности. Они совсем похоронили диктатуру русского пролетариата, когда черные крылья голода распростерлись над страной. Так что же удивительного в том, что эти храбрецы пророчат гибель иного рода теперь, когда пролетариат подходит к новым, не «ударным» в непосредственно боевом, военном, смысле слова, но тем не менее крайне сложным и трудным задачам?

Эпоха перехода от капитализма к социализму, эпоха диктатуры пролетариата есть борьба. Но если до установления некоторого нового общественного равновесия это есть форма более или менее *открытой* борьбы, то в последующую фазу эта борьба между капитализмом и социализмом приобретает вид маленьких, но великих в своем целом, стычек на фронте *культуры,* технической ловкости и умелости, организационного опыта и навыков, идеологической борьбы во всех отраслях общественной надстройки. А так как все эти процессы затвердевают в определенной квалификации *людях,* от числа и качества которых зависит дальнейший ход развития, то эта культурная борьба есть, прежде и раньше всего, борьба за *административный и идеологический классовый кадр.* Тот класс имеет, выражаясь «высоким штилем», историческое право господствовать в обществе и руководить им, который может выделить из себя достаточное количество администраторов, организаторов и идеологов, ведущих общество по определенному

классовому пути. Таким образом на известной стадии революции *борьба* за *кадр* приобретает первостепенное значение не только с точки зрения строительства «вообще», но и с точки зрения всех дальнейших социально-классовых перспектив.

В дальнейшем изложении будет показано, как пролетариат может решить эту задачу и как он должен будет преодолеть те опасности, о которых шла речь выше.

ЛЕНИН КАК МАРКСИСТ [1]).

В довольно широких кругах нашей партии, да и за ее пределами обычно считается бесспорным, что Владимир Ильич представлял из себя несравненного и гениальнейшего практика рабочего движения; что же касается его теоретических построений, то оценка здесь обычно делается гораздо более низкая. Мне кажется, что теперь уже пора произвести в этом пункте некоторую небольшую, а может быть, и даже очень большую, ревизию. Мне кажется, что эта недостаточная оценка тов. Ленина, как теоретика, обусловливается известной психологической аберрацией, которая создается у нас всех. То теоретическое, что сделал тов. Ленин, у него не сконденсировано, не спрессовано, не преподнесено в нескольких закругленных томах. Теоретические положения, формулировки, обобщения, которые давал тов. Ленин, делались в значительной мере, на $^{9}/_{10}$, от случая к случаю. Они разбросаны по всем многочисленным томам его сочинений и, как это нетрудно понять—именно потому, что они разбросаны, именно потому, что они не преподнесены нашей читательской публике в сжатом, закругленном, уточненном виде,—именно поэтому очень многие считают, что тов. Ленин, как теоретик, в значительной мере уступал Ленину-практику. Но эта мысль, я думаю, будет разбита в течение ближайшего будущего, а в течение более отдаленного будущего тов. Ленин встанет перед нами во весь свой рост не только как гениальнейший практик рабочего движения, но и как гениальнейший его теоретик. Я приведу один маленький примерчик, если это мне будет разрешено, из своей собственной работы, из своей собственной «теоретической практики», если можно так выразиться. Мне

---

1) Настоящая статья представляет собой доклад автора на торжественном заседании Коммунистической Академии от 17 февр. 1924 г.

случилось в одной из своих статей довольно подробно разработать вопрос о том, какое большое принципиальное отличие существует между вызреванием социалистического строя внутри капиталистической системы и вызреванием капиталистического строя внутри феодального общества. Потом соответствующие положения, которые я опубликовал в журнале «Под знаменем марксизма», стали встречаться—в целом ряде работ юридического, общеполитического и всякого иного порядка—с бо́льшей или меньшей степенью теоретической заостренности. Но после того, как я эту статью написал и совершенно искренно считал, что здесь, в этой маленькой теоретической области, в определенном разрезе, сказано некоторое новое слово, которое раньше не говорилось,—я увидал, что все это заключается буквально в четырех строках одной из речей Владимира Ильича, произнесенных им на VII с'езде нашей партийной организации, во время прений по Брестскому миру. Я думаю, что те из нас, которые занимаются и будут еще заниматься теоретической работой и которые будут теперь под несколько другим углом зрения прочитывать сочинения Владимира Ильича, — они, несомненно, откроют в этих сочинениях целый ряд вещей, мимо которых мы ранее проходили, которые оставались для нас незаметными, и теоретической обширности которых мы не понимали. Ленин еще ждет, как теоретик, своего систематизатора, и в будущем, когда эта работа будет проделана, и когда все то новое, что дал тов. Ленин в бесконечном количестве разбросанного и рассеянного по его сочинениям, примет систематизированную форму, — Ленин станет перед нами во весь свой гигантский рост и как гениальный теоретик рабочего коммунистического движения. Задача моего доклада и заключается в том, чтобы наметить некоторые вехи, которые могли бы служить толчком для дальнейшей работы по изучению Владимира Ильича, как теоретика-марксиста.

1. Марксизм эпохи Маркса-Энгельса.

Марксизм, как всякая доктрина, как всякое теоретическое построение, — и в чисто теоретической, и в теоретико-прикладной области,—представляет из себя некоторую живую величину, которая развивается и изменяется. Он может изменяться

таким образом, что количественная сторона этих изменений переходит в качественную, он может, как и всякая доктрина, *вырождаться* при определенных общественных условиях, но он не находится в одном и том же состоянии, и мне кажется, что теперь, в тот период, в который мы живем, всем уже стало совершенно ясно, что марксизм пережил три большие ступени в своем историческом развитии. Эти три ступени исторического развития марксистской идеологии, или марксизма, соответствуют трем большим отрезкам в истории рабочего движения, которые, в свою очередь, связаны с тремя крупными эпохами в развитии человеческого общества вообще, европейского общества в первую голову. Первая фаза марксистского развития — это есть марксизм, как он был исторически сформулирован самими основоположниками научного коммунизма — Марксом и Энгельсом. Это есть марксизм марксовский — в собственном смысле этого слова. Социальная подкладка для этого марксизма была отнюдь не органическая и отнюдь не мирная эпоха в европейском развитии. Это была эпоха, когда Европа переживала целый ряд потрясений, — эпоха, которая нашла свое наиболее яркое выражение в революции 1848 года.

Главный материал для теоретических обобщений, то, что с социальной стороны дало заряд революционным формулировкам, именно и коренились в условиях и катастрофическом характере европейского развития; и эпоха, в которую возник марксизм, дала совершенно своеобразную физиономию этому великому пролетарскому учению, наложив печать и на логическую конструкцию новорожденного марксизма. Мы совершенно ясно можем проследить те основные линии, которые, как я выразился здесь, дали революционный заряд марксизму Маркса и Энгельса: в первую очередь, соединение громаднейшей силы абстракции теоретических обобщений с революционной практикой. Мы знаем, что на наиболее высокой ступени теоретической абстракции, в своих тезисах о Фейербахе, Маркс выставил положение, являющееся философской платформой: «философы до сих пор об'ясняли мир, а речь идет о том, чтобы этот мир изменить». Само собой понятно, что эта практическая, актуальная струя в марксизме Маркса и Энгельса имела свою социальную подкладку. Затем вся теория Маркса отличалась резко выраженным ниспровергательным характером, — она была глубоко революционна по самому существу своему, начи-

ная от верхних этажей идеологического построения и кончая практически - политическими своими выводами. И в области чисто теоретической, и в области прикладной теории, все содержание *этого* марксизма было глубоко революционным. Ведь, недаром на вопрос о том, что составляет душу марксистского учения, Маркс отвечал, вопреки очень многим,—когда я говорю очень многим, я подразумеваю даже и тех, которые сейчас считаются марксистами, — Маркс отвечал вопреки очень многим, что его учение состоит не в учении о классовой борьбе, потому что это было известно и до него, а его учение состоит в том, что общественное развитие неизбежно приводит к *диктатуре пролетариата*. Можно сказать, что та формулировка, которая обычно дается марксизму,—именно, что марксизм это есть алгебра революции,—эта формулировка была для марксизма эпохи Маркса и Энгельса совершенно правильна. Это была чудесная машина, которая служила великолепнейшим орудием для ниспровержения капиталистического режима во всех своих, повторяю, теоретических звеньях и во всех звеньях своих практически-политических выводов.

2. „Марксизм" эпигонов.

Вот это была первая фаза в развитии марксизма, его первое, если можно так выразиться, историческое лицо. Но мы отлично знаем, что дальше начинается другая эпоха и другой марксизм Этот другой марксизм можно было бы назвать марксизмом эпигонов или марксизмом II Интернационала. Само собой разумеется, что переход от этой линии марксизма, от линии марксизма Маркса к марксизму эпигонов, не произошел катастрофически. Это был эволюционный процесс, и эта эволюция идеологии рабочего движения имела своей основой, имела своей базой ту эволюцию, которую переживал, в первую очередь, европейский, а за ним и весь мировой капитализм. В первую очередь, повторяю, европейский. После революций 1848 года наступила относительная устойчивость капиталистического режима, и начался цикл органического развития капитализма, который свои наиболее яркие противоречия отодвинул на свою колониальную периферию. В основных узлах растущей крупной промышленности мы имели процесс органического роста производительных сил с относительным процветанием рабочего

класса. На этой социально-экономической почве мы имели и соответствующую политическую надстройку—консолидированные национальные государства-«отечества». Буржуазия совершенно прочно сидела в седле. Началась империалистическая политика, которая особенно резко стала проявляться, примерно, с 80-х годов прошлого столетия; на базе повышения жизненного уровня рабочего класса, выделения и быстрого прогресса *рабочей аристократии, наметился прогресс медленного врастания рабочих организаций,* внутренне, идеологически перерождающихся, в *систему общего капиталистического механизма,* который находил свое главное выражение, свое наиболее рациональное выражение, в политической головке капитала, т.-е. в государственной власти господствующей буржуазии. Вот этот процесс и послужил фоном, почвой для перерождения господствующей идеологии рабочего движения. Идеология, как известно, отстает от практики. Поэтому есть известная несла-женность между развитием марксизма в идеологической области и развитием марксизма в области чисто практической. Марксизм стал перерождаться в двух своих основных формах. Наиболее яркую формулировку тенденции перерождения дало *ревизионистское течение внутри германской социал-демократии.* Поскольку речь идет о точных теоретических формулировках, мы в других странах не имеем более классического образца, несмотря даже на более решительное перерождение. В силу целого ряда исторических условий, в анализ которых я здесь входить не могу, оппортунистическая практика не получила нигде более ясных и точных формулировок, чем те, которые она получила в «стране философов и поэтов». В Германии ревизионистское течение совершенно ясно уже сигнализировано, и не только сигнализировано, но очень полно выразило отход от того марксизма, который был свойственен Марксу и Энгельсу и всей предыдущей эпохе. Гораздо менее ясен был отход от марксизма другой группировки, которая называлась радикальной, или ортодоксально-марксистской, с Каутским во главе. Мне уже приходилось по этому поводу высказываться в другом месте, и я лично считаю неправильным взгляд, что падение германской социал-демократии и Каутского начинается и датируется с 1914 года. Мне кажется (теперь мы *можем* это утверждать), что уже давным-давно, хотя и не с такой поспешностью, как у ревизионистов, у этой группировки в среде германской социал-демо-

кратии, которая долгое время задавала тон всему Интернационалу, мы совершенно ясно можем видеть отход от настоящего ортодоксального, от действительно революционного марксизма, как он был сформулирован Марксом и Энгельсом в предыдущую фазу развития рабочей идеологии.

В начале этого периода имелась известная неслаженность между теорией и практикой. Наиболее далеко идущие идеологи ревизионистского пошиба вырабатывали практику германских соц.-дем., разработав *соответствующую* теорию. Другая часть с.-д. упиралась еще в своих *теоретических* формулировках, не будучи в силах, да и не очень пытаясь, *практически* преодолеть эти вредоносные тенденции. Такую позицию занимала группа Каутского. Но в конце этого периода, когда история поставила ребром целый ряд самых принципиальных и существенных вопросов,—я говорю о начале всемирной войны,—«сразу» оказалось, что и практически и теоретически между этими крыльями нет никакой существенной разницы. По сути дела, эти два крыла—ревизионизм и каутскианство—выражали одну и ту же тенденцию *вырождения марксизма,* тенденцию приспособления, в худом смысле этого слова, к тем новым социальным условиям, которые нарождались в Европе и которые были свойственны этому циклу европейского развития; они выражали одну и ту же теоретическую струю, которая шла прочь от марксизма в его настоящей и действительно революционной формулировке. С общей точки зрения можно характеризовать эту разницу таким образом, что ревизионистский «марксизм» в его чистом виде, — это стало наиболее ясным в последние годы, — что этот ревизионистский «марксизм» или марксизм в кавычках, в его последовательной форме приобрел резко выраженный фаталистический характер по отношению к государственной власти, капиталистическому режиму и проч., тогда как у Каутского и его группы мы имеем такой марксизм, который можно было бы назвать демократически-пацифистским. Эта грань условна, она стала за последние годы все более и более стираться, эти течения стали итти по одному и тому же руслу, которое все более решительно шло в сторону марксизма. Суть этого процесса заключается в вышелушивании революционной сущности марксизма, в замене революционной теории марксизма, революционной диалектики, революционного учения относительно краха капитализма, ре-

волюционного учения относительно развития капитализма, революционного учения о диктатуре и т. д.,—замене всего этого обычным буржуазным *демократически-эволюционным* учением. Можно было бы показать подробно, как этот уклон очень ярко проявился в целом ряде теоретических вопросов. Такой анализ, отчасти, я давал в речи, посвященной программе Коммунистического Интернационала на одном из интернациональных конгрессов. Этот ревизионистский уклон встречается, между прочим, и у Плеханова, и у Каутского, в одном из центральных пунктов марксистской теоретической систематики: в теории государственной власти. Наличие такого ревизионизма в *теории государства* делает совершенно ясным, почему и каутскианское крыло заняло буржуазно-пацифистскую позицию во время мировой империалистической войны. Настоящая маркова формулировка в области теории государственной власти всем нам известна. Это учение можно выразить, примерно, таким образом. Во время социалистической революции происходит разрушение государственного аппарата буржуазии и начинается создание новой диктатуры—«анти-демократического» и в то же время *пролетарски*-демократического государства,—совершенно своеобразной и специфической формы государственной власти, которая потом начинает отмирать. У Каутского вы в этом пункте не найдете ничего подобного; и у Каутского, как у всех с.-д. марксистов в кавычках, у всех у них этот пункт освещается таким образом, что государственная власть есть нечто такое, что переходит из рук одного класса в руки другого так же, как машина, которая была в руках одного класса, а потом переходит в руки другого класса, *без того*, чтобы этот новый класс разобрал все ее винтики и потом снова их складывал *по-новому*. Из этой же формулировки, в своем роде логичной и последовательной, вытекает оборонческая позиция во время войны. Аргументацию, идущую по этой линии, можно было слышать десятки раз на социал-патриотических собраниях в начале войны, и эта чрезвычайно примитивная аргументация имела, как основа оборончества, немалый успех. Само собою разумеется, что если данное буржуазное государство будет завтра в моих руках, то нечего его разрушать, а, наоборот, его надо защищать, потому что завтра оно будет моим. Задача была поставлена совершенно по-иному, чем у Маркса. Если государства нельзя разрушать, потому что оно будет завтра в моих

руках, то нельзя дезорганизовать армию, потому что это есть составная часть государственного аппарата, нельзя нарушать никакой государственной дисциплины и проч. Все здесь слажено, и само собой понятно, что, когда государства были поставлены под удары во взаимной борьбе, то и каутскианизм, и ревизионизм, в полной солидарности со своими теоретическими предпосылками, сделали соответствующий практический вывод.

Повторяю, что неправильно считать, будто бы здесь мы имеем какое-то моментальное, катастрофическое грехопадение. Оно было теоретически вполне обосновано. Мы только не замечали этого внутреннего перерождения и в так называемом «ортодоксальном» крыле, которое с действительной ортодоксальностью имело мало общего. То же самое можно было бы сказать насчет теории крушения капиталистического общества, насчет теории обнищания, насчет колониального и национального вопросов, насчет учения о демократии и диктатуре, насчет тактических учений, вроде учения о массовой борьбе, и т. д. С этой точки зрения я бы рекомендовал всем товарищам прочесть известную классическую брошюру Каутского «Социальная революция», которую мы читали, но теперь прочтем совершенно иными глазами, потому что сейчас в ней не трудно открыть целый Монблан всевозможных извращений марксизма и оппортунистических формулировок, которые совершенно нам ясны. Если эти марксистские «эпигоны» учитывали некоторые новые изменения в области капиталистического строя, в области соотношения между экономикой и политикой, если они под свою теоретическую лупу ставили какие-нибудь новые явления из области текущей жизни, то они эти новые явления всегда по сути дела учитывали под одним углом зрения,—под углом зрения *врастания рабочих организаций эволюционным путем в общую систему капиталистического механизма.*

Появилась, например, новая форма акционерных компаний,—сейчас же они ее привлекали для «доказательства» того, что капитал демократизируется. Появлялось на континенте улучшение положения рабочего класса,—сейчас же из этого делались выводы, что, быть может, и революция не нужна, а мы мирным путем можем все сделать. Поскольку опирались на Маркса, то сейчас же хватались за целый ряд цитат, за отдельные вырванные из контекста положения и слова. Известно было, что Маркс сказал относительно Англии: «в Англии,

может быть, дело обойдется и без кровопролития». Это живо обобщалось всеми. Известно было, что Энгельс однажды выдавил не особенно хорошие вещи относительно баррикадной борьбы. Из этого сейчас же делались все выводы в кавычках. Таким образом все явления рассматривались под углом зрения врастания рабочих организаций в общую капиталистическую систему, под углом зрения, который можно условно назвать точкой зрения гражданского мира. От революционного марксизма отлетала и отлетела, в конце концов, его революционная сущность; случилось то, что очень часто бывает в истории, когда мы имеем те же слова, ту же номенклатуру, те же фразы, те же ярлычки, ту же символику и, повторяю, имеем совершенно иное социально-политическое содержание. В германской социал-демократии, которая в данном случае являлась образцом, еще сохранилась марксистская фразеология, еще сохранилась марксистская символика, еще сохранилась марксистская словесная шелуха, но не было совершенно марксистского *содержания*, осталась одна словесная оболочка от того учения, которое было выработано в эпоху социальных потрясений середины прошлого столетия. Революционная душа отлетела, и перед нами по сути дела было уже учение, которое *соответствует оппортунистической практике* германской социал-демократии, оппортунистических рабочих партий, об'ективно переродившихся и подкупленных соответствующими национальными буржуазиями. Можно было бы даже нарисовать своеобразную социально-политически-географическую карту степени подлости этих «марксистов». Чем сильнее страна в области мирового рынка, чем могучее были ее позиции, чем более прожорливую и алчную империалистическую политику вела данная страна и данная национальная буржуазия, чем больше и сильнее была рабочая аристократия, и чем крепче, чем более толстой цепочкой был привязан рабочий класс данной страны к своей собственной буржуазии, к ее государственной организации,—тем оппортунистичнее и тем подлее были теоретические формулировки, хотя бы они и прикрывались марксистскими ярлычками. Повторяю, мы можем такую карту нарисовать, которая могла бы чрезвычайно хорошо иллюстрировать связь между социально-политическим развитием, с одной стороны, и сферой идеологического развития, в данном случае идеологии рабочего движения, — с другой.

Такова была *вторая* полоса в развитии марксизма. Физиономия *этого* марксизма представляется иной, чем лицо марксизма Маркса и Энгельса. Как мы видим, здесь имеется совершенно иное социально-политическое образование, мы имеем совершенно другую идеологию, потому что на-лицо в значительной мере другая опора для этой идеологии. Этой опорой является рабочий класс наиболее грабительских империалистических государств, в особенности же рабочая аристократия этих могучих империалистических государственных тел. И когда процесс вырождения в области социально-политической получил наиболее классическое выражение, тогда мы стали иметь наиболее классические формулировки, *отходящие по всей линии от ортодоксального марксизма.*

3. Марксизм Ленина.

Я подхожу теперь к вопросу относительно ленинизма. Мне рассказывали, что на одном из знамен Института Красной Профессуры написано: «Марксизм в науке, ленинизм в тактике,— таково наше знамя». Мне кажется, что деление в высшей степени неудачно и отнюдь не соответствует «передовому авангарду на идеологическом фронте», как себя называют наши красные профессора, потому что так отрывать теорию от практики борьбы абсолютно нельзя. Если ленинизм как практика—это не то, что марксизм, то тогда происходит тот именно отрыв теории от практики, который особенно вредоносен для такого учреждения, как Институт Красной Профессуры. Ясное дело, что ленинский марксизм представляет из себя своеобразное идеологическое образование по той простой причине, что он сам есть дитя несколько иной эпохи.

Он не может быть простым повторением марксизма Маркса потому, что эпоха, в которую мы живем, не есть простое повторение той эпохи, в которую жил Маркс. Между той эпохой и этой есть нечто общее: и та эпоха не была органической эпохой, и наша эпоха в еще меньшей степени является органической эпохой. Марксизм Маркса был продуктом революционного времени. И ленинский марксизм, если можно так выразиться, является продуктом необычайно бурной и необычайно революционной эпохи. Но само собой понятно, что здесь так *много нового* в самом ходе общественного развития, в самом эмпири-

ческом *материале*, который дается как материал для теоретических обобщений, в тех *задачах*, которые ставятся перед революционным пролетариатом и, следовательно, требуют соответствующего ответа и соответствующей реакции, — так много нового, что наш теперешний марксизм не есть простое повторение той суммы идей, которая была выдвинута Марксом.

Необходимо самым решительным образом подчеркнуть, что отнюдь нельзя *противопоставлять* ленинизм марксизму, я отнюдь не хочу противопоставлять одно учение другому. *Одно есть логическое и историческое завершение и развитие другого.* Но я хотел бы раньше остановиться на тех новых фактах социально-экономической политики, которые являются базой для ленинского марксизма. В самом деле, что нового в этой области мы имеем перед собой, нового в том смысле, что эти явления были недоступны Марксу, потому что их просто не было в то время, в какое жил Маркс? Мы имеем, прежде всего, некоторую *новую фазу в развитии капиталистических отношений.* Маркс знал эпоху торгового капитала, который лежал за ним. Маркс знал промышленный капитал. Эпоха промышленного капитала считалась, можно сказать, классическим типом капитализма вообще. Вы отлично знаете, что только при Энгельсе начали складываться такие организации, как синдикаты и тресты. А целую новую стадию капиталистического развития, с большой переорганизацией производственных отношений в капитализме, того, что Ленин обозначал, как монополистический капитализм,—сумму всех явлений, ясное дело, Маркс знать не мог, потому что их не было, и по этой простой причине он не мог их теоретики выразить и обобщить.

Эти новые явления должны быть теоретически схвачены, и теоретически выразить и обобщить.

бя *дальнейшее звено* в старой цепи теоретических рассуждений и положений. Все это—явления из области *финансового капитала*, из области империалистической политики этого финансового капитала. Вопрос о создании и сплочении мировых экономических организаций капитала и его государственной организации и целый ряд аналогичных вопросов, вытекающих из специфической структуры капитализма, как он выражен в последние годы XIX и в первые десятилетия XX столетия,—это все есть вопросы, которые не были известны Марксу и которые должны были подвергнуться теоретическому анализу. *Вторая*

сумма вопросов, — это суть вопросы, связанные *с мировой войной и с распадом* капиталистических отношений. Как бы я сейчас ни оценивал степень и глубину распада капиталистических отношений, какой бы прогноз я ни ставил в этом отношении, как бы я ни оценивал в частности теперешнюю экономическую ситуацию в Западной Европе, как бы я ни говорил о глубоком кризисе или крахе, какую бы радикальную формулировку ни привести в ту или другую сторону,—все-таки совершенно ясно, что перед вами на-лицо такого рода явления, которых не было раньше. Ни государственного капитализма в его специфической формулировке, ни связанных вместе с ним явлений распада и дезорганизации капиталистического механизма с совершенно специфическими явлениями в области социальной, распада по всей линии, начиная от производственного базиса и кончая явлениями из области денежного обращения, — всех этих явлений не было во времена основоположников научного коммунизма. Эти вопросы ставят перед нами ряд интереснейших и новых теоретических проблем, и само собою разумеется, что вместе с этими теоретическими проблемами необходимыми являются и соответствующие практически-политические выводы, которые на них основаны и с ними связаны. Это другой род явлений, очень большой, делающий эпоху в точном смысле слова, явлений, которые не были известны ни Марксу, ни Энгельсу. Наконец, *третий ряд явлений*, которые связаны непосредственно с *рабочими восстаниями* в период краха капиталистических отношений,—в период, который получается в результате громадного столкновения этих чисто капиталистических тел в их войнах, которые суть не что иное, как своеобразная форма их капиталистической конкуренции, специфическая формулировка, неизвестная тому времени и той эпохе, в которую жил и учил сам Маркс и его ближайшие единомышленники и друзья. Сейчас же эти вопросы непосредственно связаны с процессом социалистической революции, они тоже представляют из себя громаднейший социальный феномен, социальное явление совершенно об'ективного порядка, которое точно так же нужно теоретически изучить, которое имеет своеобразную закономерность, которое ставит перед нами целый ряд теоретических и практически-политических вопросов. Само собою понятно, что во времена Маркса можно было давать лишь самые общие формулировки этого, а теперешний эмпирический мате-

риал дает громаднейшее количество всевозможных новых явлений, которые подлежат теоретической обработке. Вот это есть третий род явлений и связанных с ними вопросов и связанных с решением этих вопросов практически-политических выводов. Это есть третий род проблем и теоретических и практических, которые не были известны Марксу, потому что они не были известны вообще той эпохе. Наконец, есть еще *четвертый* ряд, который стоит, как глыба совершенно новых постановок вопроса, это — ряд, связанный с эпохой, или *началом эпохи, господствующего рабочего класса.* Как Маркс ставил вопрос? Я напомню марксовскую формулировку, которую я приводил: «Мое учение и его сущность состоит не в том, что речь идет о классовой борьбе, а в том, что оно неминуемо ведет к диктатуре пролетариата». Вот это была граница. Когда эта диктатура пролетариата является уже фактом, то совершенно естественно, что дальше мы уже выходим за границу. Сущность марксова учения — это есть неизбежная диктатура пролетариата и только. И здесь остановка [1]). Иначе не могло быть в ту историческую эпоху, потому что пролетарская диктатура не была дана, как реальный факт, и сопутствующие ей явления не были даны, как материал чисто опытных явлений и наблюдений, которые могли бы быть теоретически обобщены и которые могли бы служить об'ектом теоретического анализа или практической реакции. Этого не было. Поэтому само собою разумеется, что весь цикл этих громаднейших явлений представляется совершенно новым, ибо мы уже пришли к тому, о чем Маркс сам сказал: для меня это—грань. Теперь мы имеем род явлений, стоящих за этой гранью. Чем более эти явления принципиально новы, тем более они должны являться принципиально новыми и теоретически; тем, следовательно, оригинальнее должна быть та концепция, которая включает в себя общее рассмотрение и этих явлений, принципиально новых для всех предыдущих эпох. Вот это есть 4-й разрез тех явлений социально-экономических, политических и всякого иного порядка, которые должны служить и об'ектом теоретического рассмотрения, и теоретически-систематизированных норм поведения со

---

1) Парижская Коммуна была лишь намеком, послужившим для Маркса основой для ряда гениальных предвидений. Но *разработать* вопроса Маркс, конечно, не мог.

стороны рабочего класса. Я привел здесь 4 ряда. Само собою разумеется, что все они представляют из себя не что иное, как некоторую колоссальную эпоху в развитии не только европейского капитализма, но и вообще всего человеческого общества. Вся эта эпоха, во всей ее сложности и конкретности, представляет из себя такое колоссальнейшее богатство всевозможных проблем и теоретических и практических, такое богатство, такую огромную махину этих проблем, что совершенно естественно, что тот ученый диалектик и практик, который соединяет разработку теоретических вопросов с практикой на этом эмпирическом материале, — он уже выходит за пределы того, чем был марксизм в его старой формулировке.

Здесь я должен остановиться на одном, чтобы не было недоразумения. Что мы можем подразумевать под марксизмом? Под ним можно подразумевать две вещи: или перед нами методология — система методов исследования общественных явлений, или — это определенная сумма идей, — скажем, мы сюда включаем теорию исторического материализма, учение о развитии капиталистических отношений и проч., и, *кроме того,* включаем целый ряд *конкретных* положений, т.-е. берем марксизм не только как метод или теоретически-сформулированную методологию, но берем целый ряд конкретных *приложений* этого метода, всю сумму идей, которые получились в результате этого приложения. С последней точки зрения совершенно ясно, что ленинский марксизм есть поле гораздо более широкое, чем марксизм Маркса. Понятно почему. Потому что к той сумме идей, которая была тогда, прибавилась, как результат анализа совершенно новых явлений, совершенно новой исторической полосы, новая сумма конкретных положений. В этом *условном* смысле ленинизм есть вывод за грань марксизма. Но если мы под марксизмом будем подразумевать не сумму идей, какова она была у Маркса, а тот инструмент, ту методологию, которая заложена в марксизме, то само собою разумеется, что ленинизм не есть нечто видоизменяющее или ревизующее методологию марксова учения. Наоборот, в этом смысле ленинизм — есть полный *возврат* к тому марксизму, котрый был сформулирован самими Марксом и Энгельсом.

Так разрешаются, мне кажется, противоречия, которые в значительной мере базируются на смешении терминов, на том, что целый ряд терминов употребляется в различных зна-

чениях. Если теперь мы спросим себя, как мы можем характеризовать в общем и целом историческое лицо этого *ленинского* марксизма, то, мне кажется, что его можно рассматривать как соединение, *как синтез троякого порядка. Во-первых*, это есть возврат к марксовой эпохе, но не просто возврат, а *возврат, обогащенный всем новым*, т.-е. это—синтез марксизма Маркса со всеми результатами анализа новейших социально-экономических явлений; сюда входит, следовательно, марксистский анализ всего колоссально нового, что дает нам новая эпоха. Это во-первых. *Во-вторых*, это есть соединение и *синтез теории и практики борющегося и побеждающего рабочего класса* и, *в-третьих*, это есть синтез *разрушительной* и *созидательной* работы рабочего класса, при чем последнее обстоятельство мне кажется наиболее важным.

Здесь я позволю себе по поводу этого третьего положения сказать несколько слов в его раз'яснение. Ортодоксальный марксизм, т.-е. революционный марксизм, т.-е. наш марксизм, само собой разумеется, имеет перед собой разные практические задачи в разные исторические эпохи и соответственно этому идет и логический, идеологический, подбор, потому что практические задачи, в конечном счете, определяют и наши теоретические суждения и сцепления отдельных теоретических положений и звеньев в некоей системе, в теоретической цепочке. Когда рабочий класс и когда революционная партия занимают положение борющихся за власть, то во всех решительно идеологических работах, всюду и везде, мы должны неизбежно заострять, делать ударения, специально анализировать все *противоречивые* стороны, мы должны отмечать все основные неслаженности капиталистического общества, мы должны тщательно отмечать, подбирать и перестраивать в теоретическом ряду то, что раз'единяет различные элементы этого общества. По той простой причине, что для нас практически важно, выискав щели, вогнать в эти щели наиболее остро и наиболее резко действующий клин. Перед нами задача *разрушительная*, нам нужно опрокинуть капиталистический режим, и поэтому само собой понятно, что в первую очередь подбор всех теоретических положений и звеньев идет именно по этой линии. *Нам теоретически важно отмечать все противоречия*, которые практически важно углублять; нужно от общих теоретических положений итти через промежуточные звенья, через

наших агитаторов, дальше, *потому что здесь перед нами основная разрушительная,* ниспровергательная задача. И весь характер всех теоретических сочинений Маркса был построен по этой линии. Когда рабочий класс *становится у власти,* перед ним встает задача *склеивания* различных частей общественного целого под определенной *гегемонией рабочего класса.* Практический интерес представляет целый ряд вопросов, которые раньше интереса не представляли, которые теперь должны поэтому быть в гораздо большей степени осмыслены. Мы должны сейчас не разрушать, а *строить. Это совершенно другой аспект,* совершенно другой угол зрения. Я думаю, что каждый из нас, когда он сейчас читает целый ряд вещей, или даже делает целый ряд наблюдений над текущей жизнью, скажет, что у него порой получается совершенно иной аспект на те же самые явления, на которые он раньше смотрел другими глазами, по той простой причине, что раньше практически он должен был разрушать какой-нибудь определенный комплекс, а теперь он должен его построить, так или иначе склеить. Вот почему мне кажется, что эта струя находит себе соответствующее теоретическое отражение и теоретическое выражение в целом ряде вопросов, относящихся к этому порядку проблем. Они не ставились раньше, в эпоху первой формулировки марксова учения,—формулировки, которую давал сам Маркс. В эпоху II Интернационала они ставились под углом зрения *врастания в буржуазное государство,* и, так как они ставились под углом зрения врастания в буржуазное государство, т. е. поскольку социал-демократические оппортунистические партии ставили своей задачей мирное культурное строительство не для опрокидывания капиталистического режима, а для приспособления и молекулярно-эволюционной переделки этого капиталистического режима, ясное дело, что эти зачатки теории «строительства» встречали враждебное отношение у нас, марксистов-революционеров. Ибо все это обобщалось с точки зрения врастания в капиталистическое государство, врастания организаций в механизм капиталистического аппарата, который мы ставили своей целью разрушить. Но диалектика истории такова, что когда мы стали у власти, то, как это совершенно понятно для нас, стал необходим другой аспект как практический, так и теоретический. Ведь нам надо, с одной стороны, разрушить, а с другой—*построить.* Мы должны были

поставить перед собой ряд таких вопросов, которые бы нам дали *синтез этого разрушения старого и построения нового и синтез этих аспектов в некотором едином целом.* Вот с этой точки зрения, поскольку дело идет о теоретических обобщениях, В. И. этот синтез дал. Здесь чрезвычайно для нас трудно сформулировать общие основные положения из этой области, потому что здесь опять-таки мы имеем перед собой целый ряд отдельных замечаний, разбросанных по всем решительно томам сочинений В. И., и особенно в его речах и пр., но совершенно ясно, что *это есть самое новое, самое значительное в том, что дал ленинизм, как теоретическая система, в дальнейшем развитии марксизма.* Конечно, было очень много сделано в области теоретического подбора по разрушительной линии, но в области созидательной было очень мало точек опоры в прежних формулировках Маркса. Здесь также нужно было строить заново, и поэтому мне кажется, что самое большое и самое великое, что внес в теоретическую и практическую сокровищницу марксизма тов. Ленин, можно формулировать таким образом: у Маркса была главным образом *алгебра* капиталистического развития и революционной практики, а у Ленина есть и эта алгебра, и алгебра *новых* явлений (разрушительного и положительного порядка) и их арифметика, т.-е. расшифровка алгебраической формулы под более конкретным и под еще более практическим углом зрения.

4. Теория и практика у Ленина.

После этих общих замечаний я хотел бы остановить ваше внимание на целом ряде некоторых черт и черточек и теоретического и практического порядка, которые будут иллюстрировать вышеизложенные положения. Мне кажется, что то обстоятельство, что Ленину приходилось свои теоретические положения формулировать разбросанно,—это обстоятельство связано, конечно, с ярко выраженным *преобладанием практики* во всей деятельности Владимира Ильича, что, в свою очередь, связано с нашей эпохой, которая, по существу, есть эпоха действия. Действовать можно хорошо тогда, когда теория представляет в ваших руках некоторый инструмент, некоторое орудие, которым вы в совершенстве владеете, и когда теоретическая система, теоретическая доктрина не представляет из

себя того, что тяготеет над вами и что вами владеет. В одной из речей — не помню в какой — я выразил это таким образом, что Владимир Ильич владел марксизмом, а не марксизм владел Владимиром Ильичем. Этим я хотел сказать, что одна из самых характерных черт у Владимира Ильича, одна из самых любопытных черт, заключалась в *осознании практического смысла каждого теоретического построения и любого теоретического положения.* Очень часто мы между собой иногда даже подтрунивали над слишком практическим отношением Владимира Ильича к целому ряду теоретических вопросов; но, товарищи, теперь, когда мы уже много лет варились в революционном котле и когда мы очень многое успели увидеть и испытать, мне кажется, что это наше подтрунивание целиком должно быть обращено против нас самих. Ибо в нем, ведь, сказалось не что иное, как специфически интеллигентская узость, привычка «книжников», ограниченность узких специалистов: журналистов, литераторов или людей более или менее занимающихся теорией, как своей собственной профессией. Точно так же, как Владимир Ильич не любил всяких словесных выкрутасов и ученостей специфических, — что иногда нам тоже не совсем нравилось, а он над нами издевался, — точно так же он терпеть не мог ничего лишнего и чисто практически относился к теоретическим концепциям и доктринам. Имеют ли они какой-нибудь иной смысл, кроме практического? С точки зрения марксизма ясно, что никакого другого смысла они не имеют. Но в силу того, что мы были до известной степени специалистами, это претило нашей душе, и в этом отношении Владимир Ильич уходил в будущее в гораздо большей степени, чем все мы, грешные, потому что для него было органически противно то, что для нас имело, ведь, еще притягательную силу. И вот, мне кажется, что это осознание, совершенно продуманное осознание служебной роли всяческих теоретических построений, как бы высоки они ни были, есть необычайно ценная и положительная черта ленинского марксизма.

С этим связана другая любопытная черта, которую без первой никогда нельзя было бы понять, это—черта, которую можно было бы назвать *дефетишизированием,* срыванием всяческой фетишистской оболочки с какого угодно положения, догмата и т. д. Мы очень часто поражались вначале, с какой необы-

чайной смелостью Владимир Ильич ставил некоторые теоретические или практические проблемы. Вспомните такие этапы, как Брестский мир, когда Владимир Ильич ставил вопрос о том, что можно у любой иностранной державы брать оружие против другой; это возмущало нашу интернациональную совесть до глубины души, при чем наш «интернационализм» покоился на теоретическом непонимании того, насколько изменилась вся конфигурация, когда мы взяли власть. Вспомните лозунг—«учитесь торговать!», который мозолил глаза многим и хорошим революционерам, который тоже имел теоретическую основу и был связан с целым рядом теоретических положений. На такую теоретическую смелость, прочно связанную с практикой, мог быть способен только такой человек, идеолог, теоретик и практик, который сам владел необычайно острым оружием марксизма, но в то же время никогда не понимал марксизма, как застывшую догму, а как метод, как инструмент ориентации в определенной среде;—человек, который отлично понимал, что всякое новое внешнее соотношение обязательно должно иметь за собой иную реакцию поведения со стороны рабочей партии и со стороны рабочего класса. В самом деле, посмотрите, как формулировал Владимир Ильич это положение в общей форме. Я никоим образом не хотел бы утруждать вас цитатами и не принес с собой никаких выписок и не работал даже над ними; но я вспоминаю целый ряд моментов и формулировок, которые давал Владимир Ильич. Одно из его самых общих тактических положений относительно ошибок гласит: «*Очень большое количество ошибок заключается в том, что лозунги, мероприятия, которые были совершенно правильными в определенную историческую полосу и при определенном положении вещей, механически переносятся на иную историческую обстановку, на иное соотношение сил, на другое положение вещей*». Это одна из общих тактических формулировок. Рассмотрим идеологию наших противников.—Возьмем, напр., такой вопрос, как вопрос о демократии. И мы все были в определенный период «демократами», все мы требовали демократической республики и Учредительного Собрания за несколько месяцев до того, как мы его разгоняли. Естественно. Но, тем не менее, только те могли перейти к другой ориентации, кто понимал *относительную* общественную роль этих лозунгов, кто понимал, что при капиталистическом режиме мы не мо-

жем выставить по отношению к *капиталистам* требования: «закройте ваши капиталистические организации и дайте свободу нашим рабочим организациям!»; кто давал себе ясный отчет в том, что свобода для *наших*, рабочих, организаций неизбежно должна была принимать формулировку: «свобода для всех», и что когда мы переходим в иную историческую полосу и ситуацию, то мы должны отказаться от этой формулировки. Кто не осмыслил этого, кто *фетишизировал* старое, тот не поспел за ходом вещей и стал по другую сторону баррикады. Это—один из маленьких примеров, но их число велико до бесконечности. Владимир Ильич в этом отличался совершенно изумительной смелостью.

Возьмем другой вопрос в его общей формулировке. Я говорил здесь относительно необходимого угла зрения эволюционности, *после* того как мы произвели революцию. Возьмите такие лозунги Владимира Ильича, как: «учитесь торговать», или: «один спец лучше стольких-то и стольких-то коммунистов». Теперь нам ясен практический смысл этих лозунгов. Они были совершенно правильны, но для того, чтобы эти вещи говорить, необходимо было строгое теоретическое продумывание вопроса. Вопрос о коммунистическом кадре, о невозможности на первых порах строить иначе, чем чужими руками; вопрос о капиталистических формах и социалистическом содержании и т. д. должны были быть решены в теории предварительно, т. е. до практического выбрасывания лозунгов. Если раньше для всякого революционера слово «торгаш», «торговля», «банк» и пр. звучали, как самые оскорбительные слова, то для того, чтобы перейти к лозунгу «учитесь торговать», нужна была глубочайшая уверенность в правильности целого ряда совершенно новых теоретических положений крупнейшего принципиального значения. То, что *только сейчас* для нас представляется само собой разумеющейся вещью, то ведь у Ленина было теоретически продумано до самых мелочей. Ведь это только вульгарному поверхностному сознанию наших противников кажется, что В. И. был человеком, вырубленным топором, чем-то вроде статуэтки эпохи каменного века. На самом деле это—абсолютная неправда. Если тов. Ленин бросал какие-нибудь упрощенные лозунги вроде «грабь награбленное», что звучало необычайно ужасно и варварски для всех наших «цивилизованных» противников, то, ведь, они были на самом деле результатом

проникновенного теоретического анализа того, какой сейчас нужно лозунг бросить, какова массовая психология сейчас, что масса поймет и чего не поймет. Ленин всегда ставил вопрос, *как* можно получить смычку с максимумом народа, с максимумом людей, которые могут сыграть роль известных энергетических величин, брошенных против классового врага. Это требовало очень сложного теоретического «обмозговывания». Когда Ленин говорил—«нужно учиться торговать!», это звучало очень парадоксально. А теперь это кажется нам само собой разумеющимся. Каждый серьезный шаг В. И. в области теоретической и в области практической был своего рода постановкой колумбова яйца. Когда яйцо было Колумбом поставлено, тогда ясно стало, что оно могло быть поставлено только так. «Простой» лозунг: «учитесь торговать!» опирается на целый ряд предварительных решений сложнейших теоретических вопросов: вопроса о соотношении города и деревни, вопроса о роли процесса обращения, вообще, вопроса о роли торгового аппарата в этом процессе обращения и т. д. Это был не взятый с потолка лозунг, это была просто лозунговая практическая формулировка целой цепи теоретических положений, которые были продуманы звено за звеном. Только тогда, когда вы начнете читать один том за другим и подбирать по определенным направлениям мысли В. И., только тогда перед вами вырисовывается вся картина того идеологического пути, по которому шел В. И., разрабатывая эти вопросы. Все эти большие повороты, которые так удачно Ленин делал, как стратег, он мог делать только потому, что он был крупнейшим теоретиком, который совершенно ясно мог анализировать данное сочетание классовых сил, учитывать их, делать теоретические обобщения, из этих теоретических обобщений делать соответствующие практически-политические выводы. В основе основ здесь лежало мастерское владение марксистским оружием, которое никогда не застывало как нечто неподвижное, а которое было действительно могучим инструментом, поворачивающимся в руках тов. Ленина то в ту, то в другую сторону, как этого требовала *практическая действительность*. Это был такой марксизм, для которого, вульгарно выражаясь, нет ничего святого, ничего, кроме интересов социальной революции. Это есть такой идеологический инструмент, который не знает никаких фетишей и который от-

лично понимает значение любой теоретической доктрины, любого выступления, любого отдельного теоретического положения, который не знает абсолютно ничего застывшего. Как подходил В. И. к идеологическим вопросам? Когда у нас в партии или за пределами партии возникали какие-нибудь теоретические уклоны от марксизма, он сразу подходил к ним с определенной *практической* меркой, потому что отлично увязывал теорию и практику и отлично расшифровывал всякую словесную оболочку. Я сказал выше, что если у Маркса была алгебра капиталистического развития и алгебра революции, то у Ленина была и алгебра нового периода и, повторяю, арифметика его. Приведу один пример, на котором мне придется потом еще остановиться в другом логическом контексте. Анализ марксова «Капитала» ведется таким образом, что из этого анализа в значительной мере удаляется *крестьянство*, потому что это не есть специфический класс капиталистического общества. Это есть самая высокая алгебра. Ясное дело, что для арифметического действия тут нужны другие вещи. И вот то, что отличает Ленина, это есть соединение алгебры на самой высокой ступени обобщений, которая в математике соответствует общей теории чисел или теории многообразия, и, с другой стороны, арифметики, т.-е. арифметического расшифрования алгебраических формул; соединение большого и малого: заботы (в области практической) об электрификации огромной страны и заботы о сбережении какого-нибудь маленького гвоздика; и, с другой стороны, в области теоретической — занятие крупнейшими теоретическими проблемами, начиная от философских проблем, и в то же время выслеживание, выуживание каждой теоретически неправильно сформулированной мелочи, которая может быть опасна при дальнейшем развитии. Вот это *умение видеть эпоху и видеть каждую малейшую деталь*, анализировать, рассматривать такие вопросы, как вопрос о «вещи в себе», и в то же время понимать теоретическое значение отдельной формулировки в какой-нибудь резолюции (вы помните все, что Ленин писал целый ряд страниц о том, «как не надо писать резолюций» в своей брошюре о двух тактиках) — вот эта несравненная способность видеть все в таких разрезах, когда самое большое и великое и самое мелкое, малейшие детали устанавливаются на шахматной доске политической стратегии и теории как раз в тех ме-

стах, где они должны быть установлены с точки зрения интересов рабочего класса и с точки зрения практического политического действия, — вот эта способность нашла свое выражение в замечательном *синтезе, об'единяющем теорию и практику.*

5. Империализм. Национальный вопрос. Колонии.

Теперь остановимся на некоторых проблемах, которые имеют значение с точки зрения, главным образом, *того нового,* что В. И. сюда внес. Один из крупнейших вопросов — это вопрос об *империализме.* Вопрос об империализме сформулирован у В. И. в его известной работе, пересказом которой и изложением краткого содержания которой здесь заниматься совершенно не надо. Но, товарищи, я обращаю ваше внимание вот на что. Вы не можете назвать из области теоретических работ, касающихся империализма, ни одной такой работы, которая была бы так *актуальна,* как работа В. И., потому что там буквально всякое теоретическое положение и цифровые иллюстрации этих теоретических положений связаны с теми практически-политическими выводами, которые из них В. И. делает.

Перед нами простой анализ, теоретический анализ определенной эпохи: этот анализ взят под таким углом зрения, что совершенно ясно, сразу, намечаются те пути, по которым рабочий класс должен итти в связи с развитием господствующего класса, в связи с развитием империализма. К этому общему вопросу непосредственно примыкает вопрос, не получивший своего разрешения в какой-нибудь теоретической книжке. Это *вопрос национальный и вопрос колоний,* колониальный вопрос. Нужно заметить, что здесь, мне кажется, Владимир Ильич произвел теоретически громаднейшую работу. Повторяю, у нас нет такой книжки, где все было бы сведено и систематизировано. Но мы имеем в целом ряде сочинений В. И. совершенно правильную постановку проблемы, и национальной и колониальной, постановку, которая подтверждена целиком нашей практикой. Здесь, действительно, Владимир Ильич создал *целую школу.* Суть дела заключается в том, что степень абстракции у Маркса была в очень многих вопросах настолько велика, что нужно было установление целого ряда

промежуточных логических звеньев, чтобы сделать непосредственные практические выводы. Я уже упоминал: в «Капитале» имеется анализ трех классов. Там не наша действительность, там берется абстрактное капиталистическое общество, проблемы его не связываются с такими вещами, как мировое хозяйство, столкновения различных капиталистических тел, проблемы государства, поскольку оно находится в руках нашего врага, вопрос о роли государства в экономической жизни страны, т.-е. ряд вопросов более конкретного порядка в «Капитале» не анализируется. Для того, чтобы привести эту теоретическую систему к практическому действию, в особенности в нашу эпоху, нужно было образование целого ряда промежуточных логических звеньев, которые *сами собой представляют очень крупные теоретические вопросы.* Кто работал над вопросами колониальной политики в эпоху оппортунизма, почти все, за очень немногими исключениями, принадлежали к наиболее ярым ревизионистам, больше всего занимались апологией капиталистического культуртрегерства в колониях. У Маркса был целый ряд отдельных замечаний и целый ряд общих соображений, но поставить вопрос во всей его широте Маркс не мог, потому что тогда проблема не была еще дана с той остротой, которая была ей придана потом. Эпигоны же не могли по самой сути дела этого сделать, потому что это было святая святых буржуазной политики того времени, и прикоснуться какому-нибудь неосторожному пальцу к этой проблеме было нельзя. На авансцену выступали господа Гильдебрандты, люди такого типа, которые развивали всякие «марксистские» теории по отношению к колониям для того, чтобы *оправдать* политику капиталистического государства. И в этом отношении школа Ленина, которая действительно создалась, произвела полный переворот. Практическое ее значение теперь совершенно ясно. Правда, в начальной стадии своего развития, это ленинское учение в национальном и колониальном вопросе не всегда и не всеми было осознано, но теперь его смысл выступает совершенно отчетливо. Перед нами—эпоха мировых войн, и государства, находящиеся в периоде распада, которые нужно, по ницшеанскому правилу, «подтолкнуть». Для того, чтобы их подтолкнуть, нужно поддержать все элементы распада этих тел, сепаратизм колониального, национального движения, т.-е. все те разрушительные силы, которые об'ективно

ослабляют мощь того железного государственного обруча, того государства, которое представляет из себя наиболее могущественную и рациональную организацию буржуазии. Отсюда, из этой практической постановки вопроса, вытекали как своеобразные теоретические задания, так и практические лозунги (право на отделение и т. д.). Сюда относится тот прогноз, что в ближайшую эпоху мы будем иметь целый ряд промежуточных революций, колониальных восстаний, национальных войн, борьбы за свободу угнетенных наций против великодержавия и проч. Все эти прогнозы, которые соответствуют ряду промежуточных ступеней в общем процессе распада капиталистических отношений,—все они, само собой разумеется, предполагают сложную теоретическую работу мысли, проделанную Владимиром Ильичем. Я советую прочесть интересующимся этой стороною дела полемическую статью Владимира Ильича против Розы Люксембург, написанную во время войны. И можно удивляться, каким образом тончайшие переходные моменты, которые громаднейшее большинство из нас, если не все мы, увидело позже, когда это стало фактом, были теоретически преподнесены Владимиром Ильичем. Почему? Потому, что он был ловким тактиком и стратегом? Откуда это? Потому, что он опирался на огромное теоретическое предвидение, которое, в свою очередь, было результатом необычайно продуманного анализа существующих капиталистических отношений *во всей их сложности и конкретности*. Точно так же для другого периода развития, когда рабочий класс уже имеет в своих руках власть, необходимо было сделать все возможное для понимания всех тех явлений, которые выражают собой продукт распада старых великодержаных империалистических отношений, историческую силу их инерции, явлений, которые должны быть теоретически учитываемыми, для того, чтобы быть уничтоженными практически. Все это суть вопросы, которые были совершенно неразработаны. Решения этих вопросов разбросаны в целом ряде статей Владимира Ильича так, что мы теперь имеем полную возможность до конца понять его идеи и делать из этих идей таран против буржуазно-капиталистического общества,—с одной стороны; а с другой стороны, строить, пользуясь рычагом пролетарской власти, на других принципах, новые политические образования, из которых самым крупным является наш Советский Союз. Итак, мы

имеем здесь соединение теории с практикой на основе новых явлений, которые являются как продуктом распада, с одной стороны, так и продуктом нового строительства, с другой стороны. И все это под'итожено и увязано в одну теоретическую систему. Это — вещь абсолютно не маленькая; она послужит нам в дальнейшем, в течение ряда ближайших десятилетий, одним из важнейших теоретических и практических орудий. Если мы только вспомним, какую роль в общем процессе распада теперешних капиталистических отношений буду играть и колониальные восстания и национальные войны; если мы мысленно продолжим процесс революции на другие континенты, перенеся его из Западной Европы, то мы представим себе, какое могущественное орудие дает теоретическая система Владимира Ильича в этом вопросе, какую огромную силу, какие великолепные методы мобилизации масс представляет собой то учение, которое разработано Владимиром Ильичем в области национального и колониального вопросов.

6. Государство. Пролетарская диктатура. Советская власть.

Я думаю, что следующим теоретическим вопросом, на котором мы должны остановить наше внимание, является вопрос относительно *государства в период социалистической революции.* Здесь, само собой разумеется, принципиально нового в концепции тов. Ленина не было, но его громаднейшая заслуга заключается в том, что он, с одной стороны, восстановил подлинное учение Маркса относительно государства и его роли в период социалистической революции,—я имею в виду теорию разрушения государственной власти и об'ективной исторической необходимости распада государственных связок,— а с другой стороны, дал конкретизацию вопроса, или, можно сказать, арифметическую расшифровку вопроса о пролетарской диктатуре, то-есть *учение о советской власти, как о форме рабочей диктатуры.* Сейчас уже для нас эта сторона дела представляется настолько ясной, что как будто бы об этом не нужно говорить ни одного лишнего слова. Она для нас представляется трижды ясной, потому что мы сами, своими собственными руками, государство построили на новой

классовой основе и по другим принципам строительства; но нам нужно вспомнить прошлое, взять само собой разумеющееся, что сейчас так ясно для нас, в общем историческом контексте, в действительном историческом развитии. Если мы возьмем старую «марксистскую» литературу по этим вопросам, мы здесь увидим совершенно беспросветное искажение марксова учения. Не только ни одной новой мысли, которая могла бы быть названа дальнейшим развитием марксистской теории государственной власти, или марксистской теории права, или вопроса относительно изменений этих категорий в переходный период, но о самом процессе социалистической революции, о положении вещей после социалистической революции, здесь ни одного слова мы не нашли бы. Восстановить точное подлинное учение Маркса, конкретизировать это самое учение, то-есть дать конкретную оболочку учению о рабочей диктатуре, это была *узловая* задача рабочей идеологии, потому что, само собой понятно, вопрос об отношении к государственной власти являлся и является сейчас *центральным вопросом, является вопросом всех вопросов.* Отношение к враждебному нам классу, революционное отношение к его совокупной силе, есть в первую очередь и в первую голову отношение к самой могущественной, наиболее централизованной и наиболее рационально построенной организации этого господствующего класса, каковой является его государственная власть. С другой стороны, всякому совершенно ясно, что основным рычагом для переустройства общества на иных, новых, началах, динамической силой, переустраивающей существующие производственные отношения, является новая государственная власть, выдвинутая и организованная победоносным рабочим классом. Тут имеется целый ряд вопросов подсобного характера, и теоретических и практических. Сумма их в общем и целом дана в известной книжке В. И.: «Государство и Революция». Но это развитое Вл. Ильичем учение не есть просто возврат к той точке зрения, которую развивал сам Маркс. Это есть *синтез старой марксовой, ортодоксальной точки зрения с теоретическим обобщением целого ряда новых фактов и с предвидением того, чего еще не мог предвидеть Маркс,* когда он жил и писал свои работы. Этот вопрос, как я уже говорил, является узловым вопросом революционного рабочего движения, является центральным вопросом современ-

ности, и не дооценивать этой теоретической работы В. И. ни в коем случае нельзя. Одновременно с этим был поставлен и решен вопрос о демократии, который эпигонами марксизма, марксистами социал-демократического пошиба и II Интернационала, был совершенно фетишизирован, превращен в слепую догму, совершенно оторван от своей исторической базы, и поэтому приводил к абсолютно неправильным, исторически реакционным, практически-политическим выводам. Советская власть сейчас есть уже «явление», которое признается de jure нашими наиболее крупными ожесточенными противниками из буржуазного лагеря. Теоретическое и практическое значение этой идеи, этого учения о советской власти, поистине громадно. Если мы возьмем лозунги, бесчисленное количество лозунгов, которые циркулируют сейчас во всех частях света, то, несомненно, одним из самых популярных лозунгов, то-есть таких, которые охватывают, влекут за собой и организуют наибольшее количество народа, рабочего класса, является *лозунг советской власти*. Вы вспомните то время, когда В. И. впервые приехал к нам в Россию после долгих лет эмиграции, вспомните, какая встреча была оказана известным апрельским тезисам В. И., когда часть нашей собственной партии, и притом не малая часть нашей собственной партии, увидела в этом чуть ли не измену обычной марксистской идеологии! Ясное дело, что здесь ничего противоречащего марксизму не было. Наоборот, для нас теперь вполне очевидно, что это было развитие марксистского учения, ортодоксального марксистского учения о диктатуре пролетариата. Жизнь убедительно доказала, что советская власть есть наиболее устойчивая форма существования рабочей диктатуры, которая имеет целый ряд громаднейших практических преимуществ для победоносного рабочего класса. Но в то же время, если мы сравним это всеобщее признание с той встречей, которая была оказана первоначально формулировке В. И. даже в наших собственных партийных рядах, не говоря о рядах наших противников, то мы поймем, какое громаднейшее практическое и теоретическое слово было сказано здесь тов. Лениным. Часто так бывает при бешеном темпе жизни, что очень многое новое становится само собой разумеющимся. Но когда мы производим историческую оценку этого нового, нам нужно позабыть, что мы к этому привыкли; надо вспомнить, что было до сегодняшнего

дня, как была встречена эта теоретическая концепция и как были встречены ее практические выводы, которые из нее проистекали. Повторяю, они не только не были встречены признанием, наоборот, они вызвали ожесточенные нападки. *Теперь* они пользуются всеобщим признанием, и это является показателем того, что и с точки зрения теоретического продумывания вопросов пролетарской диктатуры, теории государственной власти, норм этой государственной власти, и с точки зрения практической, здесь, действительно, было сделано нечто грандиозное. Имейте в виду, что это не есть только практический вопрос, хотя я и говорил, что единственно решающим для нас, в конце концов, является практика. Это есть и огромный теоретический вопрос, потому что учение о формах господства классов и для буржуазии вопрос и теоретический и практический; вопрос о формах ее господства представляет выдающийся интерес, точно так же, как и для рабочего класса; только для рабочего класса во много и много раз больший интерес и бо̀льшие трудности, потому что различные вариации государственной власти буржуазии имеют некоторую историческую преемственность, пролетариат же этой власти никогда еще не имел. Буржуазные государства сложились давным-давно. Различные изменения в их структуре, переорганизация государственных аппаратов—опираются на громаднейшую, длиннейшую традицию, когда устанавливались формы государственного режима, приобретался громаднейший опыт и т. д. Рабочему же классу приходится строить наново, без предварительной проверки. Он не имеет непрерывных форм этого государственного бытия. Ему приходится здесь проделывать принципиально новую работу. То обстоятельство, что была найдена конкретная форма диктатуры пролетариата, которая оказалась жизненной, оказалась великолепной по своей устойчивости и обнаружила способность к сопротивлению всем враждебным влияниям и наскокам, все это говорит за громадность той теоретической и практической заслуги, которую мы должны вменить Ленину, поскольку он является теоретиком рабочего государства, его активным практическим строителем, его руководителем и его неустанным апостолом в среде международного пролетариата.

7. Рабочий класс и крестьянство.

Наконец, дальше стоит вопрос о *рабочем классе и крестьянстве*. Этот вопрос в нашей практической политике играет роль, о которой не нужно распространяться. Но чем быстрее мы идем вперед в развитии революции в других странах, тем больше мы видим, что этот вопрос имеет не только русское значение, что этот вопрос имеет громаднейшее значение для целого ряда других стран; можно сказать, что страны, в которых этот вопрос не имеет большого значения, составляют исключения. можно по пальцам пересчитать те страны, где бы крестьянский вопрос, в его сочетании с вопросом о революции, не играл самой выдающей роли. Конечно, основы для решения этого вопроса были заложены в обще-марксистской теории. Само собой разумеется, что методология для решения этого вопроса имеется в обще-марксистских построениях. Мы знаем формулу Маркса по отношению к Германии, где он говорит о желательном счастливом сочетании сил с точки зрения победоносной рабочей революции, когда пролетарская революция совпала бы с крестьянской войной. Маркс предвидел события, наиболее благоприятные с точки зрения развития победоносной рабочей революции. Но *специальная разработка этой проблемы*, которая с точки зрения стратегии и тактики классовой борьбы является первостепенной проблемой, — эта разработка принадлежит Владимиру Ильичу. Конечно, многое здесь об'ясняется тем, что В. И. родился, рос и действовал в первую очередь, в такой стране, где, уже в силу социально-экономического строения, крестьянский вопрос не мог не обратить на себя громаднейшего внимания. Но имейте в виду, что здесь речь шла не о поверхностном признании его важности, а о действительной, чрезвычайно глубокой разработке этого вопроса, начиная от самых основных глубинных теоретических вопросов, кончая практически-политическими выводами. Владимир Ильич был, мне кажется, самым выдающимся *аграрным теоретиком*, который есть в среде марксистов. Аграрный вопрос в сочинениях В. И. представляет из себя вопрос, которому были посвящены лучшие страницы в писаниях и работах В. И. С самого начала своей сознательной деятельности, как экономист и статистик, В. И. стал заниматься аграрным вопросом, и здесь ряд проблем

самого абстрактного порядка, как вопрос об «убывающем плодородии почвы», об абсолютной ренте и т. д. и т. п. и вопросов практического характера, которые идут все по линии соотношения между рабочим классом и крестьянством, — ряд этих вопросов был самым детальнейшим образом проработан и разработан В. И. Мне кажется, никем не было сделано так много и так существенно много важного, как В. И., в этой области, в области аграрного вопроса. Опять-таки, если бы перед нами была другая эпоха и если бы перед нами речь шла только о самой высокой ступени абстракции, то можно было бы ограничиться и анализом абстрактного капиталистического общества, где какой-нибудь остаток феодальных отношений, как крестьянство, не играет существенной роли и может быть выброшен из анализа. Но как только речь идет о том, чтобы начать расшифровывать алгебраические формулы и превращать их в формулы арифметические или в формулы некоторой категории, которые можно мысленно представить, как занимающие некоторое промежуточное положение между алгеброй и арифметикой,—то сейчас же вы упретесь в этот вопрос: осознание того, что рабочий класс должен в период социалистической революции иметь на своей стороне какого-нибудь союзника, который представляет из себя большую народную массу—осознание этой проблемы привело к анализу аграрного вопроса. И ученье Владимира Ильича о союзе рабочего класса и крестьянства, о соотношении между этими классами — это есть один из краеугольных камней того специфического, что внес. Владимир Ильич в обще-марксистское учение. Притом здесь очень интересно отметить тот факт, что это учение выработалось в борьбе на двух фронтах: с одной стороны, в бешеной борьбе против народничества, с другой стороны, в такой же бешеной борьбе против специфически либерального, если так можно выразиться, «марксизма». На двух фронтах боролся и теоретически и практически Владимир Ильич, и эта борьба на двух фронтах с политической точки зрения, с точки зрения революционной практики, находит себе совершенно достаточное и понятное об'яснение, потому что здесь решался вопрос о союзнике рабочего класса; для рабочего класса, в целях победоносного развития социалистической революции, этот вопрос был связан с другим коренным вопросом, с другой коренной проблемой, которая должна быть

и теоретически и практически осознана, — с вопросом о *гегемонии пролетариата.* Нужно было прощупать теоретически такое положение, которое дало бы возможность высвободить крестьянство из-под влияния либералов и всяческой иной буржуазии и соединить его с рабочим классом; крупнейшим практическим вопросом, который разделял нас с меньшевиками и эс-эрами, был следующий вопрос: рабочий класс с либеральной буржуазией, или рабочий класс с крестьянством, или крестьянство, как величина, стоящая *над* всеми. Народническая радикальная группа ставила в первый ряд крестьянство. Либеральное народничество стояло за смычку с либеральной буржуазией, которая должна была быть гегемоном над крестьянством. Меньшевистская формулировка стояла за поддержку рабочим классом либеральной буржуазии.

Из всех этих комбинаций единственно правильной была комбинация из рабочего класса и крестьянства, но такая, где *рабочий класс ведет за собой крестьянство.* Это был практический фон для целого ряда теоретических проблем. Под этим углом зрения В. И. рассматривал и ставил все проблемы, которые об'единялись под общим названием «аграрный вопрос» в его целокупности, в его большом историческом масштабе, во всех своих деталях и производных, вытекающих отсюда, вопросах. В этом отношении мы тоже должны сказать, что этому вопросу предстоит еще играть колоссальную роль в будущем, потому что если он с одного бока связан с вопросом о гегемонии пролетариата, то с другого бока он связан с национальными и колониальными вопросами. Если мы приподнимемся над теперешней нашей планетой и посмотрим на всю расстановку сил в международном масштабе, на всю Европу в целом, на промышленные части Америки, если сравним всю Западную Европу в целом со всеми колониями, с Китаем, Индией, с остальной колониальной периферией, то станет понятным, что национально-революционное движение и колониальное движение, сочетание этих движений, есть другая формулировка вопроса о соотношении рабочего класса, с одной стороны, и крестьянства с другой. Ибо если Западная Европа в общих рамках мирового хозяйства представляет из себя великий город, собирательный город, то колониальная периферия капиталистических стран представляет из себя великую деревню. И поскольку на историческую арену выступает индустриальный пролетариат промы-

шленных стран, поскольку он об'единяет свои силы для нападения на капиталистический режим, постольку он вводит в бой миллионы крестьян и будет вводить еще резервы из сотен миллионов колониальных рабов, поскольку эти миллионы колониальных рабов есть не что иное, как великий крестьянский арьергард нашей международной революции. Поэтому проблема об отношении рабочего класса к крестьянству подводится здесь к другой проблеме, о которой я уже упомянул, к вопросу о нациях, о национальных войнах и колониальных восстаниях.

Таким образом, товарищи, этому вопросу предстоит сыграть еще колоссальнейшую роль. Первые основные слова здесь были сказаны тоже Ленинской школой. Основы вопроса, краеугольные камни теоретической концепции и практической линии, которые здесь намечаются, несомненно, даны В. И. О гегемонии пролетариата и о руководящей роли рабочего класса, я полагаю, говорить здесь излишне, потому что это есть теоретический пункт, который всем нам известен и который не нуждается ни в каких комментариях.

Таковы, в общем и целом, теоретические вопросы с их практическими выводами, которые были поставлены и разработаны В. И. и из которых были сделаны общие тактические выводы. Общее здание уже построено, нам нужно его доделать, нам нужно его детально разработать, учитывая конечно, те новые факты, то оригинальное, что принесет нам развитие последующих лет.

8. Стоящие перед нами теоретические проблемы.

Ставя вопрос очень общо, мы найдем, примерно, около пяти основных теоретических проблем, которые наметил В. И. и которые нам необходимо разработать. Это, во-первых, учение, или намечающееся учение, о *врастании в социализм после победоносной рабочей революции.* Вообще говоря, этот термин, «врастание в социализм», является для нас термином, в высокой степени ненавистным. Он был ненавистен, потому что это был термин, обозначавший учение ревизионистов, эпигонов марксизма, или, если хотите, изменников марксизма, которые со-

здали целую теоретическую конструкцию о том, что революция не необходима, что она вовсе не вытекает из об'ективного хода исторического развития; и что рабочему классу можно прекрасно обойтись без революции, потому что органическим путем, без катастроф, в силу внутренне присущих самому капиталистическому развитию условий капитализм переходит в такие формы, которые соответствуют социалистическим; пролетариат постепенно развивает свои щупальцы в разных направлениях, и в области экономической жизни, и в области государственного администрирования, и, таким образом, в конечном счете рабочий класс займет свои стратегические позиции и в государственном аппарате, и в области экономического аппарата, без революции, без диктатуры пролетариата.

Это учение всем вам хорошо известно, оно обозначалось ярлычком: «врастание в социализм». Но, товарищи, *после* диктатуры пролетариата, ведь, *начинается* органический период развития. Если вы уже имеете завоеванную рабочую диктатуру, то совершенно ясно, что меняется вся постановка вопроса, радикально меняется, как меняется постановка многих других вопросов. И вот, когда мы хотим ответить себе на вопрос, что же должно происходить после завоевания власти рабочим классом (само собой разумеется, поскольку мы берем изолированно одну страну), то ответ гласит: внутри этой страны дальнейшее развитие к социализму идет эволюционным путем и не может иначе итти. Т.-е., другими словами: *после завоевания власти рабочим классом и начинается действительное врастание в социализм.* В. И. этого точно не формулировал. Но можно привести бесконечное количество мест из сочинений В. И. для того, чтобы иллюстрировать эту мысль. Особенно, в своих последних статьях, например, в статье, где речь идет о кооперации, он прямо говорит, что если в предыдущий период исторического развития осью наших стремлений являлась наша революционная линия, линия катастроф, то теперь, в текущий период нашего строительства, осью нашей политики является мирная организационная работа. Этой формулировкой он говорит то же самое, что я сейчас только что сказал; само собой разумеется, однако, что это положение нужно разработать по ряду направлений, ибо здесь вопросов бесконечное количество. Речь идет об эволюционной борьбе хозяйственных форм, речь идет об определенном процессе сперва восхо-

дящей государственной кривой, а потом нисходящей, опять эволюционным путем. Мы должны сперва укрепить, сделать сильной организацию господствующего пролетариата, должны сплотить пролетарскую диктатуру, а затем таким же эволюционным путем эта государственная организация начнет отмирать. Никакой третьей революции здесь быть не может. И обратно—всякое катастрофическое выступление против такой системы пролетарской диктатуры об'ективно есть не что иное, как контр-революция. Именно потому, что рабочее государство есть государство совершенно особого типа, точно так же, как и наша армия, которая в самой себе таит зародыш своего собственного эволюционного уничтожения, — именно поэтому весь порядок развития выстраивается в оригинальный эволюционный ряд. И действительно, после завоевательного периода, после начала пролетарской диктатуры, это врастание в социализм только и начинается. Само собой понятно, что здесь должна быть *особая закономерность*, и изживание противоречий этого периода должно радикально отличаться от изживаний противоречий капиталистического периода. И это по очень простой причине. Потому что, если капиталистическое развитие есть не что иное, как расширенное воспроизводство капиталистических противоречий, которые исчезают в один период для того, чтобы появиться в другой, и каждый следующий этап, каждый следующий цикл, сопровождается обострением всех противоречий, которые упираются в крах системы, — в то время в новом ряде развития, который начинается от рабочей диктатуры (я не говорю о возможности уничтожения рабочей диктатуры извне, как в Финляндии), мы имеем перед собой натуральный ряд, где развитие противоречий *с известного времени* начинает изживаться, т.-е. мы будем иметь перед собою не расширенное воспроизводство противоречий нашей системы, а все уменьшающееся их воспроизводство, и эволюционным путем это воспроизводство системы превращается в развертывание коммунизма. Весь характер развития принимает совершенно иной смысл, иное принципиальное значение, чем при капитализме. Можно указать несколько мест из сочинений Владимира Ильича, которые подтверждают эту мысль. Это есть какая-то новая полоса в теоретическом построении, с формулировкой новых закономерностей, отличных от тех, которые были в капитали-

стический период развития. Этому теоретически новому соответствуют свои практически-политические выводы.

Если брать совершенно конкретные вопросы о нэпе в нашей теперешней российской обстановке, то совершенно ясно, что из этих теоретических посылок нужно сделать целый ряд выводов. Мы преодолеем нэп не путем разгрома лавок в Москве и в провинции, а путем преодоления его конкуренцией и растущей мощью нашей государственной промышленности и государственных организаций. Я беру очень маленький примерчик, но вы увидите, что тут есть сумма теоретических и практических вопросов совершенно нового порядка, которых мы раньше не ставили, потому что раньше наша социальная позиция была позицией разрушителей. Мы были самыми решительными, смелыми и последовательными разрушителями данной системы, а теперь мы являемся самыми последовательными строителями другой системы. Аспект—другой, сумма практических и теоретических вопросов—другая. Ясно, что тут никакого разрыва со старой марксистской традицией нет, потому что речь идет о продолжении и применении марксистского метода в совершенно новых условиях, которые в своей конкретности не были известны ни Марксу, ни Энгельсу, по той причине, что не было эмпирических данных, которые позволяли бы делать те или иные обобщения.

В связи с этим, мне кажется, приобретает очень крупное значение вопрос, который должен быть поставлен и разработан с теоретической точки зрения, а именно вопрос о *культурной проблеме* в переходный период. Я думаю, что это проблема, замечания о которой рассеяны у Владимира Ильича в целом ряде работ: сюда нужно привлечь и речь его на с'езде молодежи, и работы по вопросу, относительно роли специалистов и использования их, и речь Владимира Ильича относительно коммунистического просвещения, и его высказывания по поводу соотношения между пролетарской культурой и старой культурой, и его суждения об определенной преемственности в этом отношении. Вся сумма этих вопросов тоже подлежит теоретической разработке, это есть точно также одна из крупнейших проблем современности, и я полагаю, что можно уже теперь сказать, что и здесь некоторые основы теоретической концепцией Владимира Ильича уже заложены. Нам нужно продолжать это дело. Вопрос этот опять-таки совершенно

новый, его никто не ставил и не мог ставить в предыдущую фазу исторического развития. И у самих революционных марксистов, и у самого Маркса этого не было. Эта задача — новая задача нашего грядущего.

Затем третий вопрос, который бы я назвал вопросом о *различных типах социализма.* У нас социализм спустился с облаков на землю или, по крайней мере, приблизился к нам и стал задачей практической политики. Как мы ставили вопрос о социализме раньше? как он ставился у Маркса? В одном из писем Маркса сказано таким образом: «Мы знаем отправной пункт и тенденцию развития». Это была совершенно безошибочная и правильная формулировка. Теперь возьмем последнюю статью Владимира Ильича относительно кооперации и разберем выставляемые им положения. Анализируя прежние взгляды на кооперацию, В. И. говорит, что теперь, с переходом власти к рабочему классу, постановка вопроса принципиально изменилась: если бы мы кооперировали крестьян под гегемонией рабочего класса, это было бы осуществлением социализма. Но эта формула не будет годиться в такой степени для советской Англии. И Владимир Ильич неоднократно подчеркивал—и в частных разговорах, и в речах, статьях, другого рода работах, что нам нужно быть осторожными с навязыванием таких формул для других стран. Тут может быть большое своеобразие в типе строящегося, оригинальность, которая вытекает из того, что социализм строится *на том материале, который дан.* Яснее ясного, что капиталистический режим, находящийся на пороге своей гибели, имеет общие законы капиталистического развития; но несомненно также, что, при общих чертах, в капитализме разных стран, капитализм в одной стране имеет специфическую организацию, в другой—другую. Если капитализм даже в период своего упадка, когда он в результате своего развития, продолжавшегося несколько сот лет, под страшной силой действующих нивеллирующих тенденций, сохранил существенные оригинальные черты в разных странах, — то, само собою разумеется, эти оригиальные особенности будут и при строительстве социализма, потому что отправная точка этого нового развития есть не что иное, как капитализм.

И революция в разных странах имеет свои оригинальные черты, и строительство социализма неизбежно должно иметь

свои оригинальные черты. Если у нас роль крестьянства была так громадна, то этого нельзя будет сказать относительно Англии, потому что у нас был другой капитализм, другая была социально-экономическая структура, другое было соотношение между классами, у нас иной был мужик. Поэтому совершенно естественно, что, так как отправные пункты развития социализма различны, то и те промежуточные формы, через которые пройдет развитие социализма вплоть до его превращения в универсальную мировую коммунистическую систему, будут тоже чрезвычайно различны. Вот этот вопрос подлежит теоретической разработке, он является основанием, из которого нужно и необходимо сделать практически-политические выводы. Когда В. И. руководил Коммунистическим Интернационалом, то одним из его предостережений нам, которые работали там, между прочим, было: ни в коем случае не упускать оригинальности развития, не шаблонизировать, уметь выделять, уметь видеть самое общее и в то же самое время и частности, которые иногда играют решающую роль в деле дальнейшего продвижения по пути к коммунизму. Вот, это есть третий ряд тех вопросов, которые намечены В. И., в основе решены, которые нам нужно разработать и систематизировать.

В связи с вопросом о крестьянстве и рабочем классе выступает также весьма оригинальная проблема, которая подлежит теоретическому анализу. В одном из семинариев, где я занимался, эту проблему выдвинул один из товарищей, тов. Розит. Мне кажется, что его постановка вопроса заслуживает теоретического внимания, и для нее В. И. точно так же сделал очень много. Это есть вопрос о *теоретическом анализе двухклассового общества при рабочей диктатуре*. Два класса, это—рабочие и крестьяне. Если при капитализме мы занимались, главным образом, вопросом об анализе трехклассового общества, (буржуазия, землевладельцы, рабочий класс), если там так велся абстрактный анализ, то сейчас для теории чрезвычайно интересна постановка вопроса о двух классах, о рабочем классе и крестьянстве, при уничтожении помещичьего землевладения, при экспроприировании буржуазии. Само собой разумеется, что тут, по мере приближения к конкретному пути, будет напрашиваться целый ряд очень значительных коррективов, которые могут сильно видоизменить картину, и теоретически и практически. Этот вопрос идет по той

же линии, как и вопрос о союзе рабочего класса и крестьянства, потому что эти классы суть не что иное, как классовые носители определенных хозяйственных форм. Это не есть просто некоторые социальные силы и больше ничего. Каждый класс есть носитель свойственных ему хозяйственных форм. Если мы говорим о крестьянстве и берем его, как социально-классовую категорию, то не нужно забывать, что крестьянство это есть носитель определенной формы хозяйства, которая может одолеть нас, развиваться по нежелательному для нас пути и которая, с другой стороны, может пойти по пути, по которому мы *хотим* ее вести. Следовательно, здесь социально-классовая точка зрения имеет свое чисто экономическое значение, и вопрос о соотношении классов есть в то же время вопрос о соотношении хозяйственных форм. Вопрос о гегемонии пролетариата над крестьянством, это есть в то же время и вопрос о соотношении между социалистической промышленностью и крестьянским хозяйством. Само собой понятна вся важность этого вопроса, и мне кажется, что та постановка вопроса, о которой я здесь говорил, заслуживает очень большого внимания.

Наконец, есть еще ряд вопросов, которыми также занимался В. И., которые имеют громаднейшее значение для всех нас, для нашей партии и для рабочего класса. Напр., вопрос о всяческих, вырабатываемых в ходе нашего теперешнего общественного развития после пролетарской диктатуры, *противоречиях и вырабатываемых этими противоречиями тенденциях, враждебных нам.* Из того, что после рабочей диктатуры будет итти дело таким образом, что в общем и целом это будет эволюционный ряд, из этого отнюдь не следует, что мы не будем иметь, особенно в *первую* фазу рабочей диктатуры, чрезвычайно больших противоречий, которые в некоторые периоды развития могут даже *нарастать*. Если я говорю об общей линии возможного отмирания этих противоречий вплоть до коммунизма, то я беру масштаб очень длинного пути, весь этот путь *в общем.* Но из этого нельзя делать вывод, что в определенные конкретные исторические периоды, в особенности в начале этого пути, мы не будем иметь нарастания противоречий. Так вот, в связи с этим стоит вопрос о так называемой возможности *перерождения* для рабочего класса. Это вопрос, политически чрезвычайно важный для нас всех.

В. И. его ставил на с'езде металлистов, В. И. его ставил неоднократно на целом ряде других собраний. Он первый говорил о возможности для некультурного пролетариата быть с'еденным со стороны более культурной буржуазии, которая победит нас «мирно» силами своего культурного тренажа. Он прямо говорил об этой опасности, которая, действительно, имеет для нас громаднейшее значение. Эта опасность заложена в противоречивых тенденциях нашего развития и противоречивом положении самого рабочего класса, который, с одной стороны, стоит внизу социальной пирамиды, а с другой стороны стоит наверху социальной пирамиды. Это противоречивое положение рабочего класса, в свою очередь, вызывает целый ряд других противоречий, которые могут быть разрешены и изжиты в течение очень многих лет, целых исторических полос. Эти вопросы поставил В. И., эти вопросы в основе своей решены В. И., эти вопросы нам нужно продолжать решать, делая соответствующие практические выводы. Вопрос о том, что всякой рабочей революции, в силу того, что рабочий класс был культурно угнетенным рабочим классом, очень опасно внутреннее перерождение, которое должно быть и будет преодолено в силу противоборствующих тенденций: анализ всех этих тенденций, вредных и полезных, в их взаимной борьбе и механике их сцеплений, — этот вопрос не мог быть поставлен в конкретной форме в середине прошлого столетия, он не мог быть поставлен в начале этого столетия. Но он мог и должен был быть поставлен тогда, когда получился известный, накопленный материал, чтобы судить о конкретных формах этих опасностей и тех тенденций, которые мы должны поддержать, усилить чтобы эти опасности преодолеть.

Я не могу останавливаться на ряде второстепенных вопросов и точно так же сейчас не могу останавливаться на вопросе относительно общих формулировок рабочей тактики и стратегии. Скажу лишь, что в этой прикладной области есть свои обобщения, обобщения прикладного марксизма; то-есть в области прикладной теоретики точно так же есть свои закономерности, как, например, в прикладной механике. Владимир Ильич в этом отношении сделал колоссально много, но нет ни одной книги, где бы все это было написано, разбито по §§ и преподнесено вам. Попыткой наброска этого общего учения стратегии и тактики является его книжка относительно «Детской болезни левизны»,

которая сейчас читается нами совершенно другими глазами, чем раньше. Потому что, нужно сказать, мы здесь имеем зародыш или, вернее сказать, краткий набросок общей теории прикладного марксизма в революционную эпоху. В этой замечательнейшей работе даны все вехи для того, чтобы составить стратегию и тактику борьбы рабочего класса, вехи, по которым можно, как по конспекту, итти при изучении стратегии и тактики рабочего класса. И в этой области Владимиру Ильичу принадлежит пальма первенства, потому что такого колоссального опыта, в различных ситуациях, когда наша партия была и маленькой группкой из нескольких человек, когда она выступила в 1905 году на политическую арену, как полулегальная партия, когда она выступала в качестве загнанной в подполье партии, когда она и наступала и отступала и т. д. и т. д. и стала, наконец, господствующей партией, — такого опыта, такой пестрой игры различных сил, положений и ситуаций и вытекающих из них совершенно различных норм поведения нигде не было. И такого понимания оригинальности различных положений, такого выискивания разнородных путей,—вы ни у одного деятеля не встретите, ни в буржуазном лагере, ни у самого Маркса. По этому поводу не может быть никакого спора. Одна из составных частей этой общей суммы вопросов прикладного марксизма, которые можно об'единить,—это *организационные или внутрипартийные вопросы*. В этом отношении точно так же мы в учении у Ленина—об организационном вопросе, о строительстве партии, о соотношении между партией, классом, массой и вождями и проч.—имеем совершенно несравненные образцы, которые теперь проверены опытом нескольких революций и которые теперь вошли в значительной мере в сознание очень широких масс. Ленинизм является здесь прочным приобретением на время нашей классовой борьбы; эти положения станут ненужными только тогда, когда классовая борьба прекратится. В этом отношении и в этой области, в области прикладного марксизма, в области строительства партийной организации, соотношения партийных организаций со всеми другими организациями, с беспартийными массами, с другими классами,—в этом отношении, конечно, ничего лучшего у нас нет и не будет, потому что здесь захвачена новая эпоха с ее основными особенностями и сложным механизмом движения победоносной рабочей революции. Мы сказали, что лучше

ленинского учения в этом отношении мы ничего не придумаем, но, конечно, здесь ленинская традиция продолжает применяться к *конкретным* обстоятельствам.

Ленину ничего не могло быть более противным, чем превращение ленинизма в догму. Он очень нехорошо отзывался о «старых» большевиках в дурном смысле слова, которые умеют по-попугайски повторять то, что было написано несколько лет тому назад. В частных разговорах он их называл—старыми дураками. Он печатно порывался прибегнуть к такой не совсем академической формулировке, и решительно во всех своих построениях он требовал и от самого себя и от других, чтобы на-ряду с определенной методологией, определенным методологическим содержанием все время учитывалась оригинальная кон'юнктура. Тот, кто не учитывает движения событий, не учитывает оригинальной кон'юнктуры, тот не создает ничего, ни теоретически, ни практически правильного. Нельзя ориентироваться в новых событиях без того, чтобы не видеть нарастания этого нового, потому что жизнь, есть вечное движение, и она постоянно производит новые формы, создает новые ситуации и отношения. Чуять это новое, есть непременная обязанность и теоретика и практика, есть обязанность всякого марксиста. И Владимир Ильич это новое чуял больше, чем кто бы то ни было. Если мы посмотрим на его деятельность, и на теоретические формулировки и на практические лозунги, которые он давал,—мы видим то самое бесстрашие, смелость, чуткость к этому новому, которая была поистине несравненна. Огромные повороты руля нашей партийной политики и соответствующие критические формулировки, которые или предшествовали, или сливались с этими поворотами руля,—они представляли собой великолепнейший образчик *марксистской революционной диалектики*, которая не боится никаких изменений и на всякое изменение в сфере об'ективного отвечает соответствующим изменением, приспособлением к этому новому в тактике и стратегии пролетарской партии.

Очень часто обычно приравнивают Маркса к Ленину и ставят вопрос—кто больше: Маркс или Ленин. И отвечают, что Ленин больше в практике, а Маркс в теории. Мне кажется, что нет таких весов, которые могли бы взвесить такие крупные фигуры, по той причине, что нельзя ни складывать, ни измерять величин разнородного типа, выросших в разных условиях, иг-

равших разную роль. Нельзя этого делать. Постановка вопроса в корне ошибочна. Но одно мы можем сказать совершенно безошибочно: эти два имени будут определять пути рабочего класса до тех пор, пока рабочий класс будет существовать как таковой. Вот это—вполне бесспорно, и мы можем утешать себя мыслью после смерти Владимира Ильича, что мы жили, боролись, сражались и победили под постоянным руководством нашего великого учителя.

ПРОЕКТ ПРОГРАММЫ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА.

1. Капиталистическое рабство.

§ 1. Капитализм, как эксплоататорская система: товарное хозяйство и частная собственность; монополия на средства производства, на оружие, на образование, эксплоатация наемного труда.

Почти весь земной шар находится в настоящее время под владычеством капитала. Основой этого владычества является частная собственность и производство на рынок, т.-е. производство товаров. Монополия на средства производства этих товаров, а также на средства их распределения, находится в руках незначительной группы лиц, — класса капиталистов. Эта монополия обеспечивает ему безраздельное экономическое господство над миллионами пролетариев, лишенных средств производства и вынужденных продавать свою рабочую силу. Экономическое господство буржуазии закрепляется в политическом ее господстве, в ее государственной организации, которая обеспечивает монопольное распоряжение оружием и всеми средствами физического насилия. С другой стороны, господство буржуазии закрепляется и культурно, при чем средством для этого является монополия образования, находящегося в руках капиталистов. Рабочий класс, составляющий все растущее большинство населения, служит таким образом живым источником прибыли для буржуазии, эксплоатирующей его труд. Угнетенный экономически, придавленный политически и культурно, рабочий класс является врагом капитала.

§ 2. Противоречия капитализма: анархия производства, конкуренция, кризисы, классовая борьба, войны; централизация капитала и воспроизводство противоречий капитала; организация капитала и пролетариата; предпосылки нового общества.

В своей погоне за прибылью, буржуазия была вынуждена постоянно и во все возрастающем масштабе развивать производительные силы и распространять могущество капиталистических производственных отношений. Но в то же самое время все с большей силой обнаруживались основные пороки капиталистической системы, которые с абсолютной неизбежностью ведут к ее полному крушению.

Господство частной собственности порождает непланомерный характер общественного производства, его слепой, никакой сознательной силой не регулируемый ход. Это выражается, с одной стороны, в ожесточенной борьбе различных предприятий и предпринимательских групп между собою, в их конкуренции, вызывающей громадную растрату сил; с другой стороны, слепой ход производства влечет за собой периодически повторяющиеся кризисы, которые сопровождаются разрушением производительных сил и массовой безработицей пролетариата.

Анархия производства дополняется противоречием между классами. Капиталистическое общество, построенное на эксплоатации огромного большинства населения его незначительным меньшинством, раздирается на-двое, и борьба классов наполняет всю его историю.

Борьба капиталистической системы за господство над всем миром ведет к особой форме конкуренции между капиталистическими государствами и, в конце концов, находит свое выражение в войнах, которые составляют такую же необходимую принадлежность капитализма, как кризисы и безработица.

Опирающийся на развитие производительных сил поступательный ход капиталистического производства сопровождается гибелью в конкурентной борьбе докапиталистических хозяйственных форм, разорением части крестьянства, вымиранием ремесла, экономическим поражением мелкого и среднего капитала, прямым грабежом и беспощадной эксплоатацией колониальных стран. Этот процесс ведет, с одной стороны, к накоплению капитала и сосредоточению (централи-

зации) его в руках немногих мультимиллионеров, с другой,— сопровождается громадным ростом пролетариата, проходящего суровую капиталистическую школу и всем своим бытием превращающегося в смертельного врага буржуазии и ее порядка.

Процесс централизации капитала и распространение капиталистического строя постоянно воспроизводит основные пороки капитализма во все более грандиозном масштабе. Конкуренция между мелкими капиталистами прекращается только для того, чтобы смениться конкуренцией между крупными; там, где утихает конкуренция между крупными, она разгорается между гигантскими союзами миллионеров и их государствами; кризисы из местных и национальных превращаются в кризисы, охватывающие ряд стран, а затем — в кризисы мировые; войны местного характера сменяются войнами коалиций и войнами мировыми; классовая борьба от изолированных выступлений отдельных рабочих групп переходит в национальную, а затем в интернациональную борьбу мирового пролетариата против мировой буржуазии.

Неизбежное обострение классовых отношений сопровождается одновременным сплочением противоречивых классовых сил. С одной стороны, капиталистическая буржуазия организуется в союзы, укрепляет свою государственную власть, собирает свои организации в один вооруженный кулак; с другой стороны — рабочий класс, сплачиваемый и об'единяемый самим механизмом капиталистического производства, выдвигает свои могущественные организации, которые рано или поздно превращаются в орудия классовой борьбы пролетариата против буржуазии и ее главной крепости — государственной власти.

Таким образом ход капиталистического развития неизбежно углубляет все противоречия капиталистической системы, делая, в конце концов, невозможным самое ее существование. Живой силой, ниспровергающей ее, является пролетариат, восстающий против своего рабства, уничтожающий режим капитала и организующий плановое хозяйство социализма, предпосылки которого созданы самим капитализмом. Этими условиями новой общественной формы, которая приходит на смену капитализма, являются концентрированные средства производства, могучая капиталистическая техника; обобществленный труд, воплощенный, прежде всего, в самом

пролетариате; наука, созданная развитием капитализма; рабочие организации, которые смогут выделить первый отряд организаторов нового общества.

§ 3. Последний этап капитализма: мировой монополистический характер новейшего капитализма; новые формы конкурентной борьбы; империализм; центры капиталистического угнетения; зависимые государства, коалиции; противокапиталистические силы и задерживающие их развитие тенденции; война 1914 г.

Последние десятилетия господства капитала характеризуются особыми чертами развития, которое крайне обострили внутренние противоречия и привели к неслыханному военному кризису 1914 и последующих годов.

Капитализм стал мировым капитализмом, хозяйственной формой, подчинившей себе все остальные формы на всем пространстве земного шара.

На место бесчисленного количества борющихся между собой частных предпринимателей, поглощающих друг друга в конкурентной борьбе, становятся могучие об'единения промышленных королей (синдикаты и тресты), связанные в один узел банковыми учреждениями. Эта новая форма капитала, где банковый капитал сливается с промышленным, где в общую организацию через банк входит и крупное землевладение, где фактическими господами положения являются клики чудовищно богатых, почти наследственных, финансовых олигархов, — носит ярко выраженный монополистический характер. Свободная конкуренция, ставшая на месте феодальной монополии, сама превращается в монополию финансового капитала.

Эта организация капитала, монополистическая по существу, часто об'единяющая группы буржуазии по разнородным производственным отраслям, вызывает и глубокую перемену в типе конкурентной борьбы. На место методов борьбы путем дешевых цен становится в возрастающей степени метод использования прямой силы: бойкот и другие виды силового давления внутри страны; высокие таможенные тарифы, таможенные войны и вооруженное насилие с помощью государственной власти — в международных отношениях. Этому обострению конкуренции в высокой степени способствуют в области международных экономических отношений два факта: с одной стороны, — всеобщий раздел колоний между крупней-

шими капиталистическими государствами; с другой,—чрезвычайно усилившийся экспорт капитала, который сопровождается повышенным стремлением к прямой оккупации территории, куда направляется поток вывозимого капитала.

При таком положении вещей особое значение для буржуазии приобретает государственная власть и ее вооруженная сила. Политика финансового капитала направляется на крайне интенсивную захватническую деятельность (империализм), что предполагает чудовищное усиление армии, флота, воздушного флота и всех средств истребления вообще. Гигантский рост милитаризма, в свою очередь, становится одной из причин, обостряющих международную конкуренцию и ведущих к истребительным войнам.

Процесс централизации капитала в его мировом масштабе привел таким образом к тому, что в рамках мирового хозяйства создались могучие государственно - капиталистические тресты, крупные финансово-капиталистические державы, настоящие центры всесветного капиталистического угнетения, грабежа, эксплоатации, порабощения многочисленных масс пролетариев, полупролетариев и крестьян. В прямой или косвенной зависимости от них находятся второстепенные государства буржуазии, живущие милостью первых. И, наконец, прямым об'ектом порабощения и грабежа являются колонии, насчитывающие сотни миллионов трудящегося и эксплоатируемого населения.

Против могуче-сорганизовавшихся сил финансового капитала организуются две главные силы: с одной стороны, рабочие капиталистических государств, с другой, — задавленные гнетом иностранного капитала колониальные народы. Однако эта основная революционная тенденция временно парализуется подкупом значительных частей европейского и американского пролетариата со стороны империалистской буржуазии. Буржуазия сильнейших империалистических держав, получая дополнительную сверхприбыль от грабежа колоний и полуколоний, за счет этого грабежа повышала заработную плату континентальных рабочих, заинтересовывая их таким образом в деле этого грабежа и в преданности к империалистическому «отечеству». Этот систематический подкуп в особенности отражался на рабочей аристократии и бюрократических руководящих слоях рабочего класса: соц. - демократии и профсою-

зах, которые оказались прямыми инструментами в руках буржуазии.

Обострение борьбы за колонии между крупнейшими капиталистическими державами привело к мировой войне 1914 года: эта война настолько потрясла основы капиталистического хозяйства, настолько ухудшила положение рабочего класса, разрушила столько империалистских иллюзий в среде пролетариата, что в общем положила начало новому историческому периоду,—периоду распада производственных капиталистических отношений.

§ 4. **Начало капиталистического распада:** издержки и последствия войны; крайняя неустойчивость капиталистической системы.

Война 1914—1918 г.г. повлекла за собой небывалое в истории разрушение производительных сил: непосредственную гибель громадного количества средств производства и лучшей живой рабочей силы человечества и неслыханные огромные непроизводительные траты, связанные с перераспределением производительных сил в сторону непроизводительного потребления. Попытки национальных государственно-капиталистических трестов противопоставить этой растрате совершенство организационных форм (подчинение частно-предпринимательских об'единений государству, так называемый государственный капитализм) только обостряли междугосударственную борьбу. Явившееся в результате всего этого полное расстройство мирового обращения, хаос в прежней системе международного распределения труда, крушение налаженных взаимных расчетов, валютные пертурбации, небывалые государственные долги усугубляют общее расстройство мировой капиталистической экономики.

Империалистские хозяйственные системы терпят существенные видоизменения, поскольку колониальные и полуколониальные страны, используя ослабление империалистских мускулов, получают большую хозяйственную самостоятельность. Это обстоятельство подтачивает базис процветания метрополий и также усиливает общий кризис.

Все перечисленные основные факты военного и послевоенного периода находят свое выражение в падении совокупного общественного дохода. В свою очередь, падение совокупного общественного дохода вызывает обострение борьбы за его перерас-

пределение, как по линии конкуренции различных финансово-олигархических групп, так и по линии борьбы колоний с метрополиями, и, в первую очередь, по линии классовой борьбы пролетариата с буржуазией, при чем к пролетариату имеют тенденцию примкнуть промежуточные группы в тех случаях, когда они особенно пострадали за время войны.

В общем и целом послевоенное положение капитализма может быть характеризовано, как положение крайней неустойчивости во всех сферах его жизни: экономической, политической, социальной и даже идейно-культурной,—ибо на фоне всеобщего кризиса появляются явные признаки глубокого идейного разложения буржуазии; возврат к религии, мистике, оккультизму и проч. ясно указывает на грядущую гибель буржуазной цивилизации.

§ 5. **Эпоха социалистической революции:** российская Октябрьская революция; революции в других странах; значение Советской России; силы контр-революции; Коминтерн.

Обострение классовой борьбы, развертывавшейся уже во время самой войны, привело к прорыву общеимпериалистского фронта на его наиболее уязвимом участке,—в России. Таким образом Октябрьская революция русского пролетариата, свергнувшего буржуазный режим благодаря особо благоприятным условиям борьбы, открыла собой эру международной революции и стала ее первым звеном.

Последовавшие за русской революцией пролетарские восстания, которые, после временной победы кончились разгромом пролетариата (Финляндия, Венгрия, Бавария) или же остановились на полпути, благодаря предательству социал-демократии, выступающей активно против революционного коммунизма (Австрия, Германия), явились этапами в общем развитии международной революции,—этапами, в которых изживаются буржуазные иллюзии и сплачиваются силы коммунистического переворота.

Именно поэтому особое значение приобретает самый факт существования Советской России, как уже имеющегося налицо организующего центра мирового пролетарского движения. Советская Россия одним своим существованием вгоняет клин в обще-капиталистическую систему, охватывая одну шестую часть земного шара своим строем, принципиально враждебным

капиталистическому режиму. С другой стороны, она является наиболее крепким отрядом пролетарского движения, ибо в ней рабочий класс имеет в своем распоряжении все средства и рессурсы государственной власти.

В развертывании международной революции особое значение крупнейшей контр-революционной силы приобрела социал-демократия и руководимые ею профессиональные союзы. Она не только предала рабочие интересы во время войны, выступая на поддержку «своих» империалистских правительств; она поддерживала грабительские договоры (Брест, Версаль); она выступала активной силой на стороне генералов во время кровавых подавлений пролетарских восстаний (Носке); она вела вооруженную борьбу с первой пролетарской республикой (Россия); она изменнически предавала ставший у власти пролетариат (Венгрия). Она вошла в грабительскую Лигу Наций (Тома). Она прямо становилась на сторону хозяев против колониальных рабов (английская «Рабочая партия»). Международная социал-демократия является, таким образом, последним резервом буржуазного общества, его наиболее верным оплотом.

Изживание империалистических иллюзий в среде рабочего класса высвобождает пролетариат из-под влияния социал-демократии и составляет почву для развития коммунистических партий, которые в ходе борьбы об'единяются в великое международное товарищество революционных рабочих — Коммунистический Интернационал. Из хаоса и нищеты, из небывалой разрухи распадающегося капитализма, из новых безумных и чудовищных войн, в которых буржуазия готова расстрелять пушками остатки своей собственной культуры, Коммунистический Интернационал должен вывести человечество на новый путь, вне которого — смерть и разложение.

2. Освобождение труда и коммунистическое общество.

§ 1. Уничтожение противоречий капитализма: уничтожение частной собственности, классов и классовой борьбы, эксплоатации, государства, господства и принуждения.

Конечной целью, к которой стремится Коммунистический Интернационал, является замена капиталистического общества

обществом коммунистическим. Коммунистическое общество, подготовляемое всем ходом развития, является единственным выходом для человечества, ибо только оно уничтожает основные пороки капиталистической системы, ведущие к неизбежной и неотвратимой гибели.

Уничтожая частную собственность на средства производства, превращая их в общественную собственность, коммунистическое общество заменяет стихийную силу конкуренции, слепой ход общественного производства — его разумной человеческой организацией и планом. Вместе с уничтожением производственной анархии и конкуренции уничтожаются точно так же и войны. Колоссальной растрате производительных сил и судорожному развитию общества противопоставляется здесь планомерное распоряжение всеми рессурсами и, главное, безболезненное экономическое развитие.

Коммунистическое общество уничтожает также деление общества на классы, т.-е., на-ряду с производственной, уничтожает и социальную анархию. На место борющихся классов становятся члены одного и того же великого трудового товарищества. Громадные непроизводительные траты, которые в классовых обществах вызывались борьбой людей друг с другом, исчезают, и освободившаяся энергия идет на борьбу с природой, под'ем и развитие человеческой мощи и могущества.

Отмена частной собственности и классов уничтожают эксплоатацию одних людей другими. Труд перестает быть трудом для других; исчезает всякая разница между бедностью и богатством. Вместе с тем исчезают и органы классового господства, в первую очередь, государственная власть. Она, будучи воплощением классового господства, отмирает по мере того, как отмирают классы. С нею отмирают постепенно и нормы принуждения вообще.

§ 2. **Развитие человечества в коммунистическом обществе:** всеобщность образования, рост производительных сил, организация хозяйства и науки, характер коммунистической культуры.

Отмена классов сопровождается уничтожением всякой монополии образования. Всякое образование, вплоть до самого высшего, становится всеобщим явлением. При таком положении вещей становится, с одной стороны, невозможным какое бы

то ни было групповое господство над людьми, с другой — открывается громаднейшее поле для подбора и выделения талантов и гениев во всех областях культуры.

Росту производительных сил не ставится здесь никаких границ общественного характера. Ни частная собственность, ни патентное право, ни корыстные расчеты прибыли, ни искусственно поддерживаемое невежество масс, ни огромные непроизводительные издержки не существуют в коммунистическом обществе.

Соединение техники и науки, научная организация производства, статистический расчет, общественная бухгалтерия, использование всех возможностей экономии (правильное районирование, концентрация, наилучшее использование сил природы) — обеспечивают максимум производительности труда и высвобождают, в свою очередь, человеческую энергию для могучего роста науки.

Развитие производительных сил дает возможность под'ема благосостояния всей человеческой массы нового общества, а следовательно, и для невиданного в истории культурного расцвета. Эта новая культура об'единенного впервые человечества, уничтожившего все и всяческие государственные границы, будет опираться на ясные и прозрачные взаимоотношения между людьми. Поэтому она навсегда похоронит всякую мистику, религию, предрассудки и суеверия и даст мощный толчек для развития всепобеждающего человеческого разума.

3. Низвержение буржуазии и борьба за коммунизм.

§ 1. **Переходный период — диктатура пролетариата:** разрушение буржуазного государства; Советы; буржуазная демократия и диктатура; организация вооруженных сил.

Между коммунистическим строем и строем капиталистическим лежит длинный период борьбы пролетариата, его побед и поражений; период продолжающегося распада капиталистических отношений, национальных войн, колониальных восстаний, вооруженной и «мирной» борьбы капиталистических государств против возникающих социалистических пролетарских

государств; период, включающий временные соглашения между противоречивыми общественно-экономическими системами и борьбу их не на живот, а на смерть. Наконец, за полной победой пролетариата и упрочением его мировой власти, завоеванной в борьбе, страданиях и лишениях, последует эпоха усиленного строительства. Разнообразие условий революционного процесса, разнообразие типов строящихся новых отношений будет непременной чертой развития в эту продолжительную переходную эпоху. Только в результате выполнения ею ее исторических задач общество начинает превращаться в общество коммунистическое.

Таким образом необходимым условием перехода капиталистического общества в общество коммунистическое, исходным пунктом, помимо которого невозможно вообще дальнейшее развитие человечества, является революционное ниспровержение буржуазного государства и захват власти рабочим классом, ставящим себе раньше и прежде всего задачу подавления врагов и укрепления нового режима. Диктатура пролетариата — такова самая элементарная предпосылка общественного развития.

Завоевание власти пролетариатом есть не что иное, как разрушение буржуазного государственного аппарата боевыми массовыми органами пролетарской борьбы и организация ими новой классовой власти пролетариата.

Наиболее целесообразной, по общему правилу, формой пролетарской государственной власти является, — как показал опыт русской и венгерской революций, неизмеримо расширивший опыт Парижской Коммуны 1871 года,—тип *Советского* государства. Именно этот тип, вырастающий непосредственно из самого широкого массового движения, обеспечивает нам бо́льшую активность масс и, следовательно, наибольшие шансы на окончательную победу.

Государство советского типа резко противостоит буржуазной демократии, всегда являющейся замаскированной формой буржуазной диктатуры. Рабочие массовые организации при буржуазной демократии в лучшем случае лишь терпимы, при демократии пролетарской повсюду являются главной опорой органов пролетарского государства.

Советское государство, в противоположность буржуазной демократии, открыто признает свой классовый характер и от-

крыто ставит своей задачей—подавление эксплоататоров в интересах громаднейшего большинства населения.

В то время, как буржуазная демократия, оставляя нетронутой монополию класса капиталистов на средства производства и на все решающие материальные ценности вообще, превращает тем самым формальные права рабочих в простую фикцию, Советское государство прежде и раньше всего реализирует условия этих прав, материально обеспечивая свободу рабочей печати, возможность функционирования рабочих организаций и т. д.

Пролетарская демократия впервые осуществляет равенство граждан независимо от пола, расы, религии и национальности, каковое равенство не проведено ни в одной капиталистической стране.

Пролетарская демократия и ее органы, осуществляя широкую демократию внутри трудящихся, неизмеримо ближе стоят к массам и вовлекают эти массы в процесс управления. Право переизбрания делегатов, право их отзыва, соединение исполнительной и законодательной власти, выборы не по территориальному, а по производственному принципу (от фабрик, мастерских и т. д.) — все это проводит резкую разницу между буржуазно-парламентарной республикой и Советской диктатурой пролетариата.

Рабочий класс, как руководитель и авангард всей остальной трудящейся массы, в первую очередь, крестьянской, закрепляет свое руководство в неизбежных на первых ступенях развития правовых привилегиях. Эти привилегии постепенно должны отмирать, поскольку остальная масса трудящихся, а за ними и прочие граждане перевоспитываются на основе новых отношений.

Существеннейшей частью завоевания власти рабочим классом является разрушение буржуазной монополии на оружие и концентрация этого оружия в руках пролетариата. Разоружение буржуазии и вооружение пролетариата должно быть поставлено в ходе борьбы во главу угла.

Точно так же дальнейшая организация вооруженных сил, опирающаяся на строгую революционную дисциплину, должна проводиться на основе классового принципа, соответствующего всему строю пролетарской диктатуры и обеспечивающего руководящую роль индустриального пролетариата.

§ 2. **Экспроприация экспроприаторов и уничтожение буржуазной монополии на средства производства:** завоевание командных высот (земля, крупная промышленность, банки, оптовая торговля, внешняя торговля, типографии и газеты) пролетариатом; установление правильной пропорции между производительными сферами пролетарского государства и частной инициативой; установление благоприятных взаимоотношений между городом и деревней.

Победоносный пролетариат пользуется завоеванной властью, с одной стороны, для того, чтобы подавить сопротивление врагов и обеспечить дальнейшее господство рабочего класса от посягательств буржуазии; с другой, — он пользуется этим концентрированным насилием для экспроприации экспроприаторов, т.-е. для революционной перестройки экономических, а за ними и всех других общественных отношений. По правилу, эта экспроприация производится в виде *конфискации*, т.-е. безвозмездного отчуждения средств производства и передачи в руки пролетарского государства.

В этой области Коммунистический Интернационал выдвигает следующие основные мероприятия:

1. Экспроприация крупно-промышленных предприятий, транспорта, службы связи (телеграф, телефон), электрических станций и т. д.

2. Пролетарская национализация крупных поземельных владений; передача их в управление органов пролетарской диктатуры; передача части земель, в особенности тех, которые обрабатывались крестьянством на арендных началах, в руки крестьянства. Доля передаваемых крестьянству земель определяется как хозяйственной целесообразностью, так и необходимостью нейтрализации крестьянства, следовательно, его удельным социально-политическим весом.

3. Пролетарская национализация банков. Передача в руки пролетарского государства всего золотого запаса, ценных бумаг и т. д. Обеспечение интересов мелких вкладчиков. Централизация банкового дела, соподчинение всех крупных банков Центральному Государственному Банку Республики.

4. Национализация и муниципализация крупной оптовой торговли.

5. Аннулирование (отмена) государственных долгов.

6. Монополия внешней торговли.

7. Монополизация рабочим классом важнейших типографий и газет.

При проведении этих мероприятий необходимо иметь в виду следующие положения.

Национализация не должна по правилу распространяться на мелкую и среднюю собственность. Во-первых, потому, что у взявшего в свои руки власть пролетариата не может хватить, в особенности в первые фазы диктатуры, достаточного количества организационных сил, чтобы не только разрушить, но и организовать связь мелких и средних производственных единиц; во-вторых, потому, что пролетариат не должен восстанавливать против себя промежуточные группы. Победоносный пролетариат должен взять правильную пропорцию между теми производительными сферами, которые поддаются централизованному и планомерному руководству, и теми сферами, которые могли бы оказаться лишь балластом в его руках. Последние должны быть предоставлены частной инициативе.

Переход от капитализма к социализму не может совершаться сразу. Поэтому на первых порах не только допустимы, но и иногда прямо обязательны капиталистические по внешности формы и методы управления и организации: индивидуалистические стимулы к работе, сдельная оплата, система премий, денежный расчет, капиталистические формы калькуляции и бухгалтерии вообще и т. д.

Особенное внимание и крайнюю осторожность должен пролетариат проявить в области, касающейся отношений между городом и деревней, отнюдь не подрезывая индивидуалистического мотива деятельности у крестьян.

§ 3. **Пролетарская диктатура и классы:** крупная буржуазия, помещики и высшее офицерство; техническая интеллигенция; крестьянство; городское мещанство.

Борьба за экспроприацию экспроприаторов требует внимательнейшего учета всех элементов этой борьбы.

Крупная буржуазия и помещики, преданные им части офицерского корпуса и генералитет являются самыми последовательными врагами рабочего класса, с которыми необходима беспощадная борьба. Использование их организаторских сил возможно, по правилу, лишь после укрепления диктатуры и решающего подавления эксплоататорских заговоров и восстаний.

Громадную важность для пролетарской революции представляет вопрос о технической интеллигенции. Подавляя самым решительным образом всякое контр-революционное выступление из этих рядов, пролетариат в то же время, учитывая абсолютную необходимость использовать эту квалифицированную общественную силу, должен тщательно избегать всяких действий, ведущих к экономическому ущербу в особенности для тех слоев интеллигенции, которые уже пострадали за время войны.

По отношению к крестьянству задача коммунистических партий состоит в том, чтобы привлечь значительную массу крестьян на свою сторону. Строго различая разнообразные группировки в среде крестьянства и учитывая их удельный вес, победоносный пролетариат должен всячески поддерживать неимущие, полупролетарские слои крестьянства, отдавая им часть помещичьих земель, облегчая им борьбу с ростовщическим капиталом и т. д.; пролетариат должен нейтрализовать средние слои, оставляя в неприкосновенности их земельную собственность и инвентарь, и активно отбивать всякое нападение со стороны деревенских богачей, блокирующихся с помещиками.

В этой борьбе пролетариат должен опираться на организации деревенской бедноты, руководимые сельско-хозяйственным пролетариатом в тех странах, где развита система батрачества.

Мелкая городская буржуазия, которая постоянно колеблется от крайнего черносотенства до симпатий к пролетариату, точно так же должна быть, по возможности, нейтрализована. Это обеспечивается неприкосновенностью ее мелкой собственности, свободой хозяйственного оборота для нее, помощью в борьбе с ростовщическим кредитом и т. д.

§ 4. **Пролетарские организации и пролетарское государство:** уничтожение буржуазной монополии на образование; подготовка пролетарских квалифицированных кадров; поднятие культурного уровня пролетариата; борьба с религией.

При выполнении всех этих задач разнообразнейшие организации пролетариата (кооперативы, профессиональные союзы и др. об'единения, наконец, партия) должны быть фактическими органами пролетарской власти. Только при беззаветной поддержке всеми ими своей власти, только при полном единстве классовой воли, только при руководстве со стороны партии смо-

жет пролетариат выполнить свою роль организатора всего общества в самый критический период человеческой истории.

Уничтожая монополию класса капиталистов на средства производства, рабочий класс необходимо должен точно так же уничтожать и буржуазную монополию на образование, т.-е. овладеть всей школой вплоть до высшей.

В особенности важной задачей является для пролетариата подготовка из рабочего класса специалистов как в области производства (инженеров, техников, организаторов, бухгалтеров и т. д.), так и в области науки, военного дела и проч. Только таким путем, постоянно выделяя из себя все новые и новые руководящие кадры, пролетариат действительно становится руководящей строительством нового общества силой.

На-ряду с этой задачей стоит задача общего культурного под'ема пролетарских масс, их политического просвещения, повышения уровня знаний и технической квалификации, навыков общественной работы и товарищества, борьбы с остатками буржуазных и мещанских предрассудков и т. д.

В числе задач по борьбе с буржуазными предрассудками и суевериями особое место занимает борьба с религией,—борьба, которая должна вестись со всем необходимым тактом и осторожностью, в особенности в тех слоях трудящихся, где религия имела крепкие бытовые корни.

§ 5. **Уничтожение империалистического гнета и организация добровольных государственных об'единений пролетариата:** право наций на самоопределение; освобождение колоний; Союз Советских Республик; компромиссы в области внешней политики; красный милитаризм; вопрос о защите отечества.

Главной опорой гигантских империалистических государств являлись и являются искусно построенные отношения между колониями, полуколониями, национальными государствами и империалистическими метрополиями. Поэтому как с точки зрения распада капиталистических отношений, так и с точки зрения социалистического строительства, колониальный и национальный вопросы играют совершенно исключительную роль.

В этой области Коммунистический Интернационал, в полном противоречии с политикой буржуазии и социал-демократии, выставляет следующие программные предложения:

1. Право наций на самоопределение, при чем под этим разумеется и право на полное государственное отделение. Это положение обязательно и как требование по отношению к буржуазному государству, где оно служит средством борьбы против империалистов, и как признанное положение при режиме пролетарской диктатуры, где оно является средством преодолеть национальное недоверие, в течение веков воспитанное буржуазным режимом.

2. Освобождение колоний и поддержка всех колониальных движений против империализма. Поскольку уже имеется пролетарское государство, включающее бывшие колонии,—признание за ними права на отделение.

3. Союзы Советских республик, первоначально в виде их федераций.

Ввиду того, что захват власти пролетариатом не осуществляется во всех, или хотя бы даже главнейших, странах одновременно, и пролетарские государства существуют наряду с государствами капиталистическими, возможны, допустимы, а иногда и обязательны компромиссы в области внешней политики пролетарских государств (внешние торговые сношения, займы, концессионная политика, участие в общих конференциях и др. виды соглашений, вплоть до военных).

Эта политика, раз диктуемая соображениями целесообразности, не имеет, однако, ничего общего с принципиальным пацифизмом. Наоборот, Коминтерн вполне признает право пролетарских республик на интервенцию в пользу угнетенных и эксплоатируемых.

Вопрос о защите отечества не может стоять уже в той общей форме, как он стоял в начале войны, до организации пролетарского государства. Во-первых, пролетариат всех стран должен поддерживать защиту этого пролетарского отечества и даже его расширение, как расширение базы международной революции. Во-вторых, благодаря полной принципиальной допустимости блоков между пролетарскими государствами и некоторыми буржуазными государствами против других буржуазных государств, вопрос об отношениях к войне усложняется в зависимости от того, о какой именно войне идет речь, и должен быть решен на основании конкретной целесообразности, при чем стратегия общей борьбы вырабатывается Коммунистическим Интернационалом.

4. Путь к диктатуре пролетариата.

§ 1. **Партия и ее роль:** завоевание профсоюзов, рабочей молодежи и женщины-работницы; борьба с милитаризмом; борьба с экономическими последствиями войны; поддержка Советской России, международная коммунистическая дисциплина.

Успешная борьба за диктатуру пролетариата предполагает наличие сплоченной, закаленной в боях, дисциплинированной и централизованной коммунистической партии. Первой задачей на пути к диктатуре пролетариата является всемирное укрепление коммунистических партий. Эти партии должны быть руководителями во всех областях массовой пролетарской борьбы, используя все и всяческие возможности для захвата под свое влияние широких рабочих масс и распространяя это влияние на трудящиеся массы крестьянства и городской мелкой буржуазии.

Важнейшей задачей в области завоевания масс является завоевание профессиональных союзов и освобождение этих последних от идеологического и организационного влияния социал-демократии. Без завоевания большинства в профессиональных союзах немыслимо осуществление пролетарской диктатуры. Точно так же особое внимание необходимо обращать на рабочую молодежь и женщин-работниц, от поведения которых как во время самой борьбы за диктатуру, так и в первой фазе ее в значительной мере зависит положение вещей.

Процесс сплочения масс под коммунистическим флагом должен развертываться на всех острых вопросах текущей действительности. Сюда, прежде всего, относится борьба с империализмом и милитаризмом, борьба с угрозой новых империалистических войн и т. д.

С другой стороны, такими вопросами являются вопросы, связанные с борьбой против экономических последствий военного и послевоенного кризиса (борьба с дороговизной, борьба с безработицей, борьба против удлинения рабочего дня, борьба против роста налогового обложения и т. д.).

Поддержка Советской России, — укрепляя последнюю и сплачивая массы вокруг этого организационного анти-капита-

листического центра,—является крупнейшим орудием организации в руках международного рабочего класса.

Для координации действий и наиболее целесообразного руководства ими международному пролетариату необходима международная классовая дисциплина, которая раньше всего должна быть соблюдаема в рядах коммунистических партий. Эта международная коммунистическая дисциплина должна выражаться в подчинении частных и местных интересов движения их общим и длительным интересам, и в безусловном выполнении всех решений руководящих органов Коммунистического Интернационала.

[illegible] В. И. Поп[illegible]

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО Москва

ОСНОВНАЯ МАРКСИСТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Вышли в свет:

Бухарин, Н. Теория исторического материализма. Популярный учебник марксистской социологии. Стр. 385. Ц. 1 р. 20 к.

Каутский, К. К критике теории и практики марксизма („Антибернштейн"). Стр. 297. Ц. 90 к.

Его же. Предшественники новейшего социализма. Ч. I. Коммунистическое движение в средние века. Перев. и пред. И. Степанова. Изд. 2-е, вновь просмотр. Стр. 24. Ц. 75 к.

Его же. Предшественники новейшего социализма. Ч. II. Коммунизм в германской реформации. Пер. В. Базарова. Стр. 212. Ц. 60 к.

Ленин, Н. (Ульянов, В). Собрание сочинений.
- Т. I. Первые шаги с.-д. движения (1893—1900). Стр. 678. Ц. 2 р. 80 к.
- Т. II. Экономические этюды и статьи 1894—1899 г.г. Стр. 552. Ц. в. п. 2 р.
- Т. III. Развитие капитализма в России. Стр. 548. Ц. 1 р. 80 к.
- Т. IV. Статьи из „Искры" (1900—1903 г.г.). Стр. 364. Ц. в пап. 1 р. 25 к.
- Т. V. Борьба за партию (1901—1904 г.г.). Стр. 594. Ц. 3 р., в пап. 3 р. 50 к.
- Т. VI. Революция 1905 г. Стр. 630. Ц. 4 р., в пап. 4 р. 50 к.
- Т. VII. Ч. I. Революция 1905—1906 г.г. Стр. 354. Ц. в пап. 1 р. 40 к.
- Т. VII. Ч. II. От роспуска I Государственной Думы до нач. избират. кампании во II Думу. Стр. 303.
- Т. VIII. 1907 год. Стр. 663. Ц. в пап. 2 р. 50 к.
- Т. IX. Аграрный вопрос и марксизм. Стр. 764. Ц. 3 р. 50 к., в папке 4 р.
- Т. X. Материализм и эмпириокритицизм. Стр. 328. Ц. 1 р. 30 к.
- Т. XI. Ч. I. Годы контр-революции. 1908—1909 г.г. Стр. 375. Ц. 1р. 20 к., в пап. 1 р. 70 к.
- Т. XI. Ч. II. Годы контр-революции. 1910—1911 г.г. Ц. в пап. 2 р. 50 к.
- Т. XII. Ч. I. Новый подъем. 1912 г.
- Т. XIV. Ч. I. Буржуазная революция 1917 г. От февральской революции до июльских дней. Стр. 324. Ц. в пап. 1 р. 30 к.
- Т. XIV. Ч. II. Буржуазная революция 1917 г. От июльских дней до Октября. Стр. 536. Ц. в пап. 2 р.
- Т. XV. Пролетариат у власти. 1918 г. Стр. 694. Ц. в пап. 2 р. 50 к.
- Т. XVI. Пролетариат у власти. 1919 г. Стр. 544. Ц. в пап. 2 р.
- Т. XVII. Пролетариат у власти. 1920 г. Стр. 474. Ц. в пап. 2 р. 20 к.
- Т. XVIII. Ч. I. Пролетариат у власти. Переход к новой экономической политике. 1921 г. Стр. 455. Ц. в пап. 2 р.
- Т. XVIII. Ч. II. Пролетариат у власти. Переход к новой экономической политике. 1922 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Т. XIX. Национальный вопрос. Стр. 300. Ц. в пап. 1 р. 20 к.

Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии.
- Т. I. Кн. I. Процесс производства капитала. Перев. под ред. В. Базарова и И. Степанова. Стр. 767. Ц. 4 р. в папке.
- Т. II. Кн. II. Процесс обращения капитала. Перев. под ред. В. Базарова и И. Степанова. Стр. 499. Ц. 1 р. 75 к.

Энгельс, Ф. Анти-Дюринг. Стр. 297. Ц. 75 к.

Аксельрод, Л. (Ортодокс.) Философские очерки. Изд. 3-е с новым послесловием автора. Стр. 273. Ц. 1 р. 60 к.

Ее же. Против идеализма. Сб. статей. Изд. 2-е. Стр. 278. Ц. 2 р.

Деборин, А. Введение в философию диалектического материализма. С пред. Г. В. Плеханова. Изд. 3-е. Стр. 379. Ц. 2 р.

Руднянский, С. Беседы по философии материализма. Пособие для самообразования. Пер. с польск. под ред. и с прил. Л. Аксельрод и с пред. О. Ю. Семковского. Стр. 114. Ц. 50 к.

